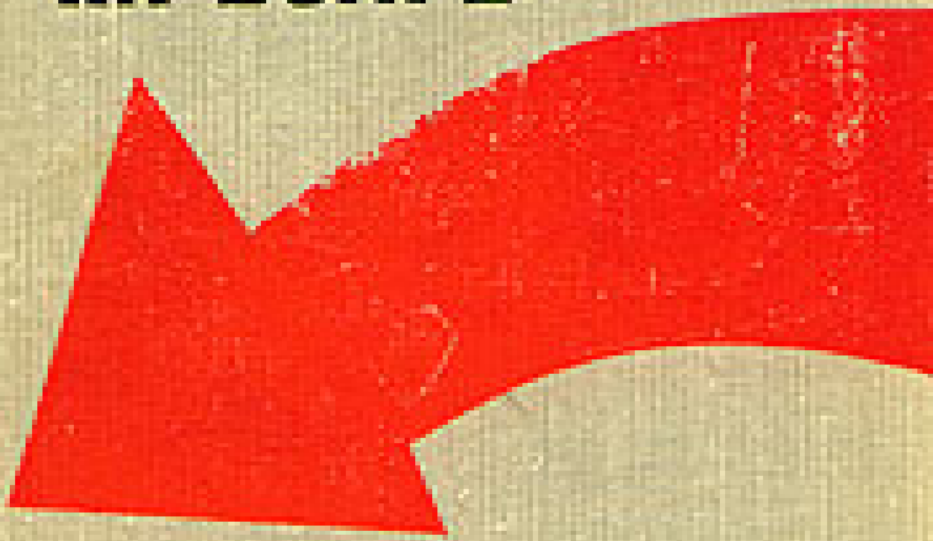
ЙОАХИМ ВИДЕР

КАТАСТРОФА НА ВОЛГЕ



воспоминания офицера— разведчика 6-ой армии паулюса

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Маршал А.И. Еременко: Иоахим Видер участвовал в битве на Волге в составе 6-й армии в качестве офицера для особых поручений и офицера разведотдела VIII армейского корпуса этой армии. Он принимал участие в сражениях под Харьковом, а затем с 6-й армией дошел до Сталинграда, где разделил участь окруженных войск. В течение нескольких лет Видер находился в советском плену, а затем возвратился в Западную Германию, где проживает и поныне. Видер – сын католического священника, весьма религиозный человек, которого не заподозришь в симпатиях к коммунизму.

- Йоахим Видер
- Книга Иоахима Видера и ее значение.
- Воспоминания уцелевшего
- Час роковых решений
- «Бунт» генерала Зейдлица
- «Держитесь! Фюрер выручит вас!»
- Тревожные будни аэродрома Питомник
- Черные дни декабря
- Манштейн идет!
- Рождество и Новый год в «котле»
- Мы отклоняем русское предложение капитулировать
- Русские разбивают «котел» вдребезги
- Трагедия близится к своему апогею
- Переживания и встречи во время бегства
- Разгром нашего корпуса и прощание у командующего
- Гибнущая армия устремляется в Сталинградские развалины
- Агония затягивается
- Мы слушаем панихиду по самим себе
- Бесславный конец
- Взгляд в бездну
- Мы попадаем в плен
- Сталинградская трагедия не кончилась
- Спустя двадцать лет. Критические раздумья
- «Я выполняю приказ»{119}
- Заключение
- Примечания

Йоахим Видер
Катастрофа на Волге

Проект «Военная литература»: http://militera.lib.ru

{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста.

{1*} Так помечены ссылки на примечания сделанные и добавленные русским редактором.

Все тексты, находящиеся на сайте, предназначены для бесплатного прочтения всеми, кто того пожелает. Используйте в учебе и в работе, цитируйте, заучивайте… в общем, наслаждайтесь. Захотите, размещайте эти тексты на своих страницах, только выполните в этом случае одну просьбу: сопроводите текст служебной информацией – откуда взят, кто обрабатывал. Не преумножайте хаоса в многострадальном интернете. Информацию по архивам см. в разделе Militera: архивы и другия полезныя диски (militera. lib. ru/cd).

Книга Иоахима Видера и ее значение.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА принадлежит к числу таких событий, которые никогда не изгладятся из памяти людей. Стремление мировой общественности осмыслить причины, ход и последствия этого мощного социального катаклизма с годами становится все более настойчивым. Увеличивающийся поток книг и статей, посвященных второй мировой войне, как в странах социализма, так и в капиталистическом мире, недвусмысленно свидетельствует об этом. Но в странах так называемого западного мира, особенно в ФРГ – правопреемнике государства, несущего главную ответственность за развязывание двух мировых войн, к сожалению, как это уже неоднократно отмечалось в советской печати, историография второй мировой войны нередко вступает в заведомое противоречие с фактами.

В странах НАТО, и особенно в ФРГ, нарастает мутный поток фальсификаторских публикаций, мемуаров, статей, исследований, описаний сражений, военно-стратегических обозрений по отдельным театрам боевых действий, монографий о родах войск, о войсковых формированиях, политических трактатов о предыстории и ходе второй мировой войны.

Весь этот поток литературы в той или иной мере служит делу апологии агрессии против СССР, других социалистических стран, реваншу, подталкиванию к тотальной термоядерной войне. Именно поэтому советским историкам, работникам идеологического фронта, участникам минувшей войны не раз приходилось браться за перо, чтобы опровергнуть измышления многих западногерманских авторов. Речь при этом шла о разоблачении идеологов реваншизма, преследовавших злонамеренные цели, такие, например, как реабилитация германского генштаба, фашистского генералитета и вермахта в целом, стремившихся доказать, что поражение Германии носило случайный характер. В ряде книг беззастенчиво восхвалялись «опыт и проницательность» германского генштаба, «искусство полководцев», «доблесть» гитлеровских вояк, «совершенство» германской техники и т. д. При этом фальсификаторы истории стремились оклеветать советский народ и его армию, показать, что поражения, нанесенные гитлеровцам Вооруженными Силами СССР, явились всего лишь следствием тяжелых географических и климатических условий и численного превосходства. Наряду с этим обелялась политика нацизма по отношению к населению,

проживавшему на оккупированной территории. Попутно многие из авторов книг, в зависимости от своего участия во второй мировой войне, стремились выгородить себя, восстановить свой престиж. Едва ли не квинтэссенцией этих и многих других фальсификаторских измышлений является версия, будто немецкая нация в итоге войны незаслуженно обижена и поэтому вынуждена готовиться к реваншу.

Характерно, что сия «идея» перекочевала со страниц исторических сочинений во внешнеполитическую программу западногерманского правительства. Так, нынешний канцлер ФРГ Людвиг Эрхард в своей первой программной речи заявил: «В этом договоре [имеется в виду „мирное урегулирование“ с Германией в соответствии с интересами западногерманских монополистов. – А. Е.], и только в нем, могут и должны быть установлены окончательные границы Германии, которая, согласно действующему юридическому положению, продолжает существовать в своих границах от 31 декабря 1937 года»{1}. Глава западногерманского правительства, таким образом, намерен возвести реваншистские фантазии монополистов и милитаристов в принцип международного права.

Лишь отдельные западногерманские авторы попытались осмыслить поражение Германии во второй мировой войне. К ним, несомненно, принадлежит автор данной книги – Иоахим Видер.

Книга И. Видера весьма существенно отличается от подавляющего большинства работ западногерманских авторов о минувшей войне в целом и о битве на Волге в частности.

Ее характеризует прежде всего стремление честно, отбросив предвзятость, проанализировать причины и последствия гигантской катастрофы, разыгравшейся для немецких армий в междуречье Дона и Волги.

Если подавляющее большинство тех, кто писал в Западной Германии о минувшей войне, следует отнести к разряду ничему или почти ничему не научившихся в итоге войны, то Видер – это историк и человек, извлекший уроки из трагических событий прошлого. Достаточно в этом плане привести такую выдержку из его книги:

«… Я находился в состоянии нервной взвинченности, которая, обострив мои чувства, помогла мне заглянуть в пропасть нескончаемых бедствий, во всю ужасающую глубину нашего грехопадения. Близость смерти сорвала с моих глаз последнюю повязку, и внезапно я с поражающей ясностью осмыслил разрозненные многолетние наблюдения, впечатления, мучительные размышления и восприятия. Теперь, на грани между жизнью и смертью, война, принявшая для нас самый ужасный

оборот, предстала передо мной в роли неумолимого разоблачителя всего, что происходило вокруг. Противонравственная сторона войны и бессмысленность ее, как, впрочем, и всего нашего рокового заблуждения вообще, которое логически привело нас в этот ад, со всей отчетливостью стала ясна мне. И я чувствовал себя участником разыгрывавшегося вокруг шабаша ведьм, в котором был повинен и я. Сознание этой вины свинцовым грузом висело на мне, отягощая мое сердце и совесть».

Таким образом, Видер мужественно признает ответственность за бесчеловечную войну и ее последствия не только за Гитлером и окружавшими его политиканами и генералами, но и за каждым военнослужащим вермахта, за каждым немцем, следовавшим за призывами бесноватого фюрера.

Пропасть разделяет постановку вопроса, свойственную Видеру, от утверждений западногерманских фальсификаторов истории, будто в войне против Советской России Германия выполняла «цивилизаторскую» миссию. А ведь именно так ставили вопрос некоторые, чтобы не сказать многие, западногерманские авторы трудов о войне.

В книге «Роковые решения» генерал Блюментрит заявляет, что Гитлер «вынужден» был начать войну против СССР из «благородных» побуждений – защитить Европу от «красной опасности», так как «Советы в 20-30-х годах создали миллионную армию и увеличивали ее». Далее он пишет: «Так как вермахт являлся тогда единственным эффективным барьером между Красной Армией и Европой, Гитлер считал, что миссия Германии – ликвидировать угрозу на востоке и отбросить назад нависшие над Европой силы большевизма. Он пристально наблюдал за ходом событий в этом районе и готов был действовать, как только в этом возникнет необходимость»{2}.

Читая книгу Видера, убеждаешься, однако, что он не ограничивается утверждением виновности гитлеровских вояк, а идет дальше и ставит следующую, едва ли не самую важную для немецкого народа проблему о необходимости сделать выводы как из трагедии у стен волжской твердыни, так и из поражения во второй мировой войне в целом. С тревожной озабоченностью свидетельствует он, что многие бывшие гитлеровские генералы и высшие офицеры снова вернулись к старому – к проповеди милитаризма и реванша, что жиреющий по мере экономического восстановления ФРГ обыватель стал забывать уроки минувшей войны, а в исторической литературе вновь возрождается культ солдатчины, ореолом славы окружается вермахт. Видер заявляет: «Завещание павших может быть выполнено лишь в том случае,

если воспоминание об этой [Сталинградской А. Е.] военной, моральной и политической катастрофе станет для нас неиссякающим кладезем исторических уроков».

В своей книге Видер, фактически солидаризуясь с материалами, разоблачающими западногерманских фальсификаторов истории, подготовленными советской и мировой прогрессивной историографией, с помощью неопровержимых фактов подтверждает злонамеренность писаний таких проповедников реваншизма, как Манштейн, Герлиц и другие.

Иоахим Видер участвовал в битве на Волге в составе 6-й армии в качестве офицера для особых поручений и офицера разведотдела VIII армейского корпуса этой армии. Он принимал участие в сражениях под Харьковом, а затем с 6-й армией дошел до Сталинграда, где разделил участь окруженных войск. В течение нескольких лет Видер находился в советском плену, а затем возвратился в Западную Германию, где проживает и поныне. Видер – сын католического священника, весьма религиозный человек, которого не заподозришь в симпатиях к коммунизму. Его книга, поэтому убедительный пример того, как люди с различным мировоззрением становятся союзниками в борьбе за решение главной проблемы современности – защиты мира, предотвращения новой мировой войны.

Впервые воспоминания Видера о битве на Волге под заголовком «Сталинградская трагедия» были изданы в 1955 году весьма ограниченным тиражом. В дальнейшем Видер переработал книгу, значительно расширил ее, дополнив анализом ряда работ, посвященных этой же теме. Первая часть книги «Воспоминания пережившего трагедию» повторяет ранее изданные мемуары Видера. Наибольшую идейную нагрузку несет вторая часть – «Спустя 20 лет. Критические раздумья», посвященная анализу книг: «Потерянные победы» Э. Манштейна, «Я выполняю приказ» (литературное наследство Паулюса в обработке Герлица), и рассмотрению деятельности командира LI армейского корпуса 6-й армии генерала артиллерии Зейдлица, вошедшего затем в Национальный комитет «Свободная Германия».

Книга, первая часть которой представляет собой сгусток непосредственных личных впечатлений пережившего трагедию, а вторая – попытку осмыслить происшедшее спустя двадцать лет, ни по замыслу автора, ни по материалу, имевшемуся у него, не дает полного представления о битве на Волге. Она трактует лишь о втором оборонительном для немцев и наступательном для советской стороны периоде битвы. Таким образом, героическая оборона наших войск в Волго-Донском междуречье и в самом

Сталинграде, то есть первый период битвы, длившийся четыре месяца – с 17 июля по 19 ноября 1942 года, – остался вне поля зрения автора книги, хотя именно они бои и подготовили условия для той не виданной в истории войн катастрофы гитлеровских войск, которую столь впечатляюще описывает Видер.

Стоит поэтому хотя бы кратко сказать об этих событиях. С 17 июля по 7 августа 1942 года развернулись ожесточенные бои в большой излучине Дона, основным содержанием которых было сдерживание продвижения противника, нанесение ему возможно больших поражений в живой силе и технике с целью выиграть время для осуществления необходимых оборонительных мероприятий (подтягивание резервов, подготовка рубежей обороны). В итоге вместо запланированного захвата города с ходу в июле основные силы 6-й армии Паулюса втянулись в кровопролитные бои еще на дальних подступах к Сталинграду.

С 8 по 18 августа бои шли на внешнем обводе Сталинградской обороны. К этому времени гитлеровское командование уже убедилось, что сил одной 6-й германской армии будет недостаточно для овладения городом на Волге, и повернуло сюда 4-ю танковую армию, которой по первоначальному плану предстояло наступать на Кавказ. Танковая армия Гота пробила нашу оборону на внешнем обводе и приблизилась на 30 километров к городу. Однако, несмотря на все это, с помощью жесткой обороны, контрударов и контратак советским войскам удалось и на этот раз сорвать замысел врага.

С 19 августа по 3 сентября гитлеровское командование с необычайной настойчивостью стремилось осуществить свое новое намерение – овладеть городом посредством концентрических ударов обеих армий из района Трехостровская на восток (6-я армия) и из района Абганерово на север (4-я танковая армия). 6-я германская армия, передав участок от Павловска до устья реки Хопер 8-й итальянской армии, собирая мощный кулак, нацеливала теперь удар на форсирование Дона в районе Вертячего и рассчитывала ворваться в Сталинград с северо-запада. Одновременно 4-я танковая армия, подтянув свои силы на правый фланг и обеспечив свой левый фланг двумя румынскими дивизиями, должна была нанести главный удар на Сталинград с юга и также ворваться в город.

В начале этого этапа противнику удалось форсировать Дон в районе Вертячего и прорвать внешний обвод обороны города. 23 августа немецкие войска вышли к Волге на участках Ерзовка, Рынок. Город в то время подвергался ожесточенной бомбардировке с воздуха. Враг бросил на Сталинград всю авиацию своего 4-го воздушного флота. С выходом к Волге

немецкое командование предприняло удар с юга, стремясь отрезать от города 62-ю армию и часть сил 64-й армии, находившихся еще на внешнем обводе в районе города Калач. Чтобы спасти 62-ю армию от разгрома, а Сталинград от захвата, Советское командование приняло решение об отводе 62-й армии на средний обвод. Этот маневр, успешно осуществленный в ночь на 31 августа, не только сохранил силы 62-й армии, но и сорвал замысел врага захватить город с юга. Следует иметь в виду, что в самом Сталинграде в это время войск почти не было.

С 4 по 13 сентября бои разыгрались на внутреннем обводе Сталинградской обороны. Боевые действия советских войск вновь характеризовались осуществлением многочисленных контрударов и контратак с юга и, особенно с севера по вышедшим к Волге войскам гитлеровцев. Эти активные действия отвлекли силы противника с направления главного удара, позволили продолжить укрепление обороны самого города.

А затем на протяжении более 2 месяцев – с 14 сентября по 18 ноября – развернулись ожесточеннейшие бои в черте города; здесь с особенным упорством оборонялся каждый рубеж, каждый квартал, каждый дом. Одновременно на флангах наступавшей немецкой группировки – севернее и южнее города – велась подготовка к нашему контрнаступлению.

Именно в итоге всех этих боев и произошло то событие, с описания которого Видер начинает свою книгу, говоря о черном для гитлеровцев дне 19 ноября 1942 года: «В то пасмурное утро глубокой осени, – пишет он, – промозглый туман вскоре сменился метелью – наступила суровая русская зима. Но еще раньше, в предрассветных сумерках, здесь, на самом опасном участке Восточного фронта, где мы, немцы, глубже всего проникли на территорию противника, разразилась катастрофа, которую предчувствовали и ждали с нараставшей тревогой многие из нас. Русские перешли в наступление и сразу же нанесли сокрушительный удар сначала по румынским соединениям, находившимся на левом фланге нашей группировки… Развивая наступление, превосходящие танковые и кавалерийские соединения русских в тот же день молниеносно обошли нас с севера, а на следующий день и с востока. Вся наша армия была взята в стальные клещи. Уже три дня спустя в Калаче на берегу Дона кольцо окружения сомкнулось».

Таким образом, в книге Видера с той или иной степенью полноты раскрываются события, связанные: а) с контрнаступлением советских войск с 19, 20 по 23 ноября 1942 года, приведшим к окружению немецкой группировки; б) со сжатием кольца окружения с 24 ноября по 11 декабря 1942 года;

в) с попыткой деблокады окруженных силами вновь созданной 4-й танковой армии, вошедшей в группу армий «Дон», с 12 по 30 декабря 1942 года{3}; г) с уничтожением окруженной группировки с 1 января по 2 февраля 1943 года; д) с ликвидацией советскими войсками так называемого воздушного моста, который пытался создать Геринг с целью снабжения окруженных.

Основное значение в описании этих событий Видером состоит в том, что советский читатель едва ли не впервые получает в целом достоверную картину того, как развивались и воспринимались эти события во вражеском стане.

Мне неоднократно еще в ходе самого сражения, которое я пережил в роли командующего Сталинградским фронтом, приходилось мысленно воссоздавать картину событий по другую сторону линии фронта, но лишь сейчас, прочтя книгу Видера и легко отметая объяснимые и в общем сравнительно не частые неточности и искажения, я наконец ясно и отчетливо увидел грандиозную панораму трагедии двух германских армий, погибших на Волге по вине своих недальновидных полководцев.

Как ни потрясающа картина катастрофы, воссозданная Видером – очевидцем событий – в первой части книги, вторая ее часть, где Видер выступает как исследователь и публицист, впечатляет не меньше. В этой части скрупулезно рассматривается проблема виновности и ответственности гитлеровских военачальников за Сталинградскую трагедию вермахта.

На первый взгляд может показаться, что вопрос этот спустя два десятилетия после события не заслуживает особого внимания. В действительности же он отнюдь не потерял актуальности и сегодня.

Бывшие гитлеровские военачальники, ныне служащие в бундесвере, активно готовятся к новой войне, а мощная пропагандистская машина Бонна, да и не только Бонна, непрерывно работает над тем, чтобы выгородить военных преступников, снять с них ответственность за содеянные преступления{4}. Мы уже говорили об этом в начале предисловия. Ведь действительно делается все, чтобы окружить имена гитлеровских военачальников, повинных в гибели сотен тысяч людей, ореолом славы, показать «совершенство их профессионального мастерства»{5}, «благородство духа», верность неким высшим солдатским принципам, самоотверженность в борьбе с преступным дилетантским руководством Гитлера. Для реабилитации преступных действий военачальников выдвигаются избитые аргументы о том, что военное командование было подчинено политическим инстанциям, что полководцам некогда было заниматься

вопросами права и морали, ибо все их внимание поглощала борьба на фронтах.

В связи с этим стоит привести следующую тираду генерал-полковника Фрисснера из его книги «Преданные битвы»: «Поскольку начало и окончание войны является прерогативой политики, нечего у военных спрашивать, почему они продолжали борьбу, хотя видели, что война проиграна. Утверждения, подобные следующим: „вермахт капитулировал“ или „генералы проиграли войну“, нелогичны и несправедливы. Войну проигрывает или выигрывает политическое руководство… Это несправедливо, когда после проигранной войны солдаты, которые, исполняя свой долг, жертвовали собственной жизнью, делаются козлом отпущения…»{6} Фрисснеру вторит и Герлиц. Получается, что ответственность должны нести лишь Гитлер и самые ближайшие его подручные. Милитаристы изображаются спасителями немецкого народа от самого страшного в его истории врага.

Видер же в своей книге резко и доказательно полемизирует с подобного рода попытками обелить и реабилитировать милитаристов, подобных Манштейну, верой и правдой служивших нацизму. Знаменательно то, что автор книги с фактами в руках обвиняет гитлеровский генералитет наряду с преступлениями против народов оккупированных стран, прежде всего в преступлениях против собственных солдат. Со скрупулезностью прокурора Видер исследует степень виновности и ответственности за Сталинградскую трагедию двух военачальников – Манштейна и Паулюса. И устанавливает, что основное бремя ответственности несет Ман-штейн. Это важный и совершенно правильный вывод. Но характерно, что именно фельдмаршал Эрих фон Манштейн был поднят на щит всей пропагандой по ту сторону Эльбы. Он был признан самым блестящим стратегическим умом в вермахте, ему приписывается замысел западной кампании 1940 года, в итоге которой Франция в молниеносной срок была поставлена на колени. Он же, Манштейн, якобы спас Германию от разгрома весной 1943 года, восстановив после катастрофы на Волге немецкую оборону на южном крыле Восточного фронта, что дало в руки Гитлера, несмотря на опасно сложившуюся военную обстановку, необходимые предпосылки для политических акций, с помощью которых якобы можно было свести войну, по меньшей мере, вничью. (Речь идет о планах заключения Германией сепаратного мира с Великобританией и США.) Наряду со стратегической и полководческой одаренностью фельдмаршалу приписывали и всевозможные другие достоинства: рыцарскую честность,

преданность долгу, отечеству и своим солдатам, заботясь о которых он якобы не щадил своей карьеры и вступал с Гитлером в опасные для себя конфликты.

Манштейн, как и Гудериан, стал знаменем определенных кругов ФРГ, стремящихся переиграть войну. Неким идеалом человека и полководца Манштейн сделался, однако, неспроста и не без собственного участия, ибо своими выступлениями и, прежде всего своей книгой «Потерянные победы» Манштейн показал, что готов верой и правдой служить идее реванша.

В своей книге он, в частности, решился доказать, что если бы Гитлер следовал советам военных специалистов, и особенно его, Манштейна, советам, то исход войны был бы благоприятным для Германии. Использование имени и авторитета Манштейна с целью консолидации сил реваншизма вызвало стремление изъять из биографии фельдмаршала все неблаговидные моменты и, прежде всего тот неприятный факт, что Манштейн в полной мере вместе с Гитлером и Герингом несет ответственность за одно из самых мрачных преступлений нацизма перед германским народом – за авантюру на Волге. Это решено было сделать с помощью весьма несложной операции, а именно свалив вину на командующего 6-й армией Паулюса, тем более что тот и впрямь был весьма и весьма причастен к этой катастрофе. Вместе с тем всячески запятнать Паулюса реваншистам было выгодно потому, что бывший командующий 6-й армией, находясь в советском плену, сумел извлечь уроки из прошлого и понять глубину своих ошибок.

Видер справедливо указывает: «Однако в одном существенном отношении Паулюс все же отличается от большинства своих коллег генералов, в том числе от фельдмаршала фон Мэнштейна… Паулюс безоговорочно признал лежавшую на нем ответственность. Он счел также уместным высказать мысли и выводы, к которым он впоследствии пришел, сказать о своем ложном пути».

«Генералы, – писал Паулюс, – были продуктом окружающей среды и своего воспитания… Субъективно они верили, что служат своему народу. Объективно они стали столпами отвергаемого ими самими и пагубного для немецкого народа режима. Результатом этого стала повсеместно распространившаяся безответственность, которая проявлялась и в сфере управления войсками, вызывая ужасающие последствия. Я сам шел по ложному пути и теперь не боюсь признать это». Таким образом, исследование Видером проблемы виновности за катастрофу на Волге носит отнюдь не академический, отвлеченный характер, а имеет для Западной Германии, где пытаются обелить не только

Манштейна, но и самого Гитлера, весьма актуальный характер. Видер сопоставляет ответственность обоих военачальников (Паулюса и Манштейна) на протяжении всего периода борьбы гитлеровских войск в окружении и, что особенно важно, их отношение к происшедшему после битвы и после войны, руководствуясь верным принципом, гласящим, что обществу отнюдь не безразлично, осознал ли преступник вину и не будет ли он впредь сам совершать или подстрекать других к подобного рода преступлениям.

Видер с неопровержимыми аргументами в руках доказывает, что Манштейн виновен в большей степени, чем Паулюс и кто-либо другой, за катастрофу на Волге. Манштейн командовал группой армий «Дон» – оперативно-стратегическим объединением, в которое входила 6-я армия Паулюса. Командование группы армий подчинялось непосредственно Гитлеру, так как он взял на себя руководство войсками Восточного фронта. Манштейн глубже, чем кто-либо другой, мог осмыслить обстановку на всем южном крыле советско-германского фронта. Фельдмаршал пользовался в это время почти неограниченным авторитетом у Гитлера и был действительно талантливым военачальником. Короче, он мог спасти окруженные на Волге войска от уничтожения либо с помощью их своевременного отвода, либо, разрешив им капитулировать. Но он не делает этого, исходя якобы из стратегических соображений, и заведомо обрекает на гибель, по меньшей мере, 200 тысяч своих соотечественников-солдат, оказавшихся в окружении.

Кстати сказать, вопрос о стратегическом значении обороны «котла» был подвергнут после войны исследованию и объективный анализ показал, что уже к 15 января окруженные войска полностью исчерпали свои боевые возможности и выполнили свою последнюю оперативную задачу по сковыванию советских сил. Если бы Манштейн разрешил тогда окруженным войскам почетную капитуляцию, сохранена была бы жизнь еще, по меньшей мере, 150 тысячам немецких солдат. Проследим очень кратко, как развивались события на южном крыле советско-германского фронта в конце 1942– начале 1943 годов. Группа армий «А», действовавшая на Кавказе, после нашего контрнаступления на Волге в конце декабря 1942 года получила приказ Гитлера на отход. 31 декабря начался этот отход. Особенно поспешно отступала 1-я танковая армия. Уже к 10 января она достигла рубежа Дивное, Пятигорск, а к 22 января была на рубеже Белая Глина, Сальск. Ей оставалось пройти 160-180 километров, чтобы отойти за Ростов. В первых числах

февраля большая часть ее войск была уже за Ростовом и в районе Таганрога.

Манштейном надумана угроза войскам группы армий «А» в случае капитуляции окруженных на Волге. Общеизвестно, что основная масса окруженных погибла после 15 января. Если бы 15-18 января окруженные капитулировали, то наши войска, действовавшие в районе Сталинграда, затратили бы не менее пяти дней на приведение себя в порядок, упорядочение дел с пленными, подтягивание тылов из-за Волги. Это значит, что начать активные действия против кавказской группировки гитлеровцев они могли не ранее чем 23– 25 января. В это время войска группы армий «А» были на расстоянии однодневного перехода от Ростова. Наши же войска Донского фронта отделяло от этого города расстояние не менее чем 400 километров, поэтому они ни при каких условиях не могли принять участие в разгроме южной группировки войск противника. Следует иметь в виду, что против группы армий «А» действовали войска наших Южного и Закавказского фронтов. В итоге их ударов к 24 января были освобождены обширные районы Кавказа, враг был отброшен на рубеж Северный Донец. Красный Маныч, Белая Глина, Армавир, Лабинская. В дальнейшем же группа армий «А» была расчленена – меньшая ее часть прорвалась к Ростову, а остальные силы были зажаты на Таманском полуострове.

Таким образом, у Советского командования в это время вообще не было необходимости использовать войска, принимавшие участие в разгроме окруженных, на южном направлении немецких частей. И, как показало дальнейшее развитие событий, их использовали не на южном, а на центральном участке советско-германского фронта.

Видер, однако, не ограничивался рассмотрением стратегической целесообразности сопротивления окруженных до их полного уничтожения. Он закономерно ставит следующий вопрос: «Может ли вообще оправдать так называемая стратегическая необходимость массовую гибель солдат?» И обоснованно отвечает: «Нет, не может!»

Он пишет: «… фельдмаршал, занимавший тогда столь высокий пост, считает возможным ограничить свой анализ Сталинградской катастрофы одним лишь стратегическим аспектом и не ставит в заключение вопрос о политической и моральной ответственности руководства». А, по мнению Видера, сознательно доведя дело до катастрофы, немецкие руководители «не только потерпели военное поражение, но и гнусно надругались надо всем, что свято для человека, над его жизнью, честью и достоинством». Он восклицает: «В последние дни битвы

я не мог избавиться от впечатления, что вместе с тысячами трупов в немецких могилах под Сталинградом погребена человечность».

Правда, позицию Видера относительно моральной стороны ответственности за гибель солдат в Сталинградском «котле» нельзя признать последовательной и исчерпывающей. Он, в частности, приводит по этому поводу выдержку из письма Герделера, где говорится, что «военные, как и политики, имеют право лишь на такие жертвы, которые являются залогом успеха в будущем». Это фактически повторение старого афоризма о том, что победителей не судят. Советскому читателю ясно, что жертвы на войне, в конечном счете, оправдываются лишь справедливостью целей этой войны. Нельзя забывать, что Видер далек от верного понимания исторического процесса, является идеалистом, приверженцем религиозной философии.

Тем не менее, вызывает одобрение то, что Видер не ограничивается в своих обвинениях Манштейна ссылками на принципы религиозной морали, а прямо ставит вопрос о том, пересмотрел ли фельдмаршал после войны свои ошибочные и опасные для немецкого народа взгляды.

Видер констатирует: «Трудно избавиться от впечатления, что точка зрения Манштейна и поныне определяется его тогдашними раздумьями и выводами и что для него, и по сей день, сохраняют полную силу те в высшей степени сомнительные соображения (как стратегические, так и политические, и моральные в самом широком смысле этого слова), в жертву которым были принесены на берегах Волги сотни тысяч людей».

Это значит, что Манштейн и иже с ним и по сей день, считают правомерной внешнюю политику Гитлера, и это в то время, когда всеми честными людьми, в том числе большинством немецкого народа, признано, что война со стороны гитлеризма велась с преступными целями и преступными методами. Известный западногерманский историк Голо Манн подчеркивает, что в минувшей войне Германия поставила перед собой «несправедливейшие цели, самые несправедливые, которые когда-либо ставила перед собой христианская нация»{7}. Поэтому послевоенные стратегические выкладки Манштейна о некой целесообразности гибели немецких солдат на Волге являются глумлением над их памятью и над памятью тех, чьей праведной кровью была достигнута победа над фашизмом. Об этом и говорит Видер.

Целый ряд других разоблачений, брошенных Манштейну, окончательно срывает с него маску непогрешимости. Так, Видер доказывает, что фельдмаршал не гнушается использовать

аргументы гитлеровской пропаганды, чтобы выгородить себя. Опровергает автор книги и утверждение Манштейна, что в его войсках якобы игнорировалась преступная директива Гитлера о расстреле советских политработников. Видер, кроме того, показывает, что Манштейн без зазрения совести оговаривает своего товарища по оружию Паулюса, стараясь свалить на него всю полноту ответственности за катастрофу, и так далее.

Из главы о Манштейне читатель без труда сделает вывод, что фельдмаршал усугубил трагедию немецкого народа. А это означает, что высшие военачальники вермахта являются военными преступниками.

В книге Видера сделана в целом верная оценка степени виновности Паулюса и его личности. Автор пишет: «Паулюса следует рассматривать как типичного представителя офицерской касты, к которой он принадлежал, как сына своего времени и своего поколения. Как в положительном, так и в отрицательном смысле он был продуктом своего воспитания и окружающей среды… Паулюс, будучи лояльным исполнителем воли и одновременно жертвой Гитлера, символизирует собой многих, слишком многих людей. Как и Паулюс, они могли и должны были действовать иначе».

Анализируя позицию Паулюса, Видер делает несколько обоснованных упреков и в адрес других высших фашистских генералов, таких, например, как командующий группой армий «Б»{8} фон Вейхс и начальник штаба сухопутных войск Цейцлер, которых реакционная историография также старалась обелить, хотя, как показывают факты, в том числе и приведенные Видером, эти военачальники несут немалую долю ответственности за гибель немецких солдат на Волге.

В главе о Паулюсе привлекает внимание также справедливая критика Видером ненаучного, по существу фальсификаторского метода, к которому прибег Герлиц при подготовке к печати мемуаров бывшего командующего 6-й армией. Видер нелицеприятно говорит о «грубом», «безответственном» обращении с документами Паулюса, о том, что Герлиц по собственному произволу, без каких-либо оговорок включил в текст паулюсовских манускриптов свои собственные соображения и заимствования из других источников. Эта совершенно справедливая критика жестоко бьет не только по Герлицу, но и по его многочисленным собратьям по перу, фальсификаторам истории, которые подобными же нечестными методами стряпают свои многотомные «исследования». Видер, таким образом, подтверждает полную правомерность и справедливость критики фальсификаторов истории, которая ведется в странах

социализма.

Показывая в следующем разделе своей книги нравственное превосходство Зейдлица в сравнении с другими немецкими генералами, Видер, как видно, одергивает тех, кто обливал этого человека грязью в связи с его активной работой в Национальном комитете «Свободная Германия». В эволюции сознания Зейдлица можно обнаружить моменты, сближающие его с Петерсхагеном, автором известной книги «Мятежная совесть».

К числу других достоинств книги следует отнести в целом верную оценку значения битвы на Волге. Видер указывает:

«Никакие стратегические расчеты, сколь бы дальновидны они ни были, не могли свести на нет многообразные последствия политического и морального характера, порожденные страшной катастрофой, которая обрушилась на Германию под Сталинградом. Последствия эти не исчерпывались потерей одной из самых лучших и боеспособных немецких армий, вместе с которой была уничтожена и значительная часть артиллерийских и саперных соединений резерва главного командования сухопутных сил. Дело не ограничилось гибелью 300 тысяч человек, что, впрочем, само по себе было трагедией хотя бы для доброго миллиона семей в Германии и Австрии. Катастрофа, постигшая Германию на Волге по вине Гитлера, позволила русским нанести целую серию сокрушительных ударов, в результате которых были уничтожены две румынские, одна итальянская и одна венгерская армии. Таким образом, за короткий период основная масса вооруженных сил союзников Германии на Восточном фронте была сметена с полей сражений в России. Если учесть, подводя жуткий баланс Сталинградской битвы и связанных с ней событий, и тяжелые жертвы, понесенные нами в ходе деблокирующей операции, закончившейся полным провалом, и в тяжелых оборонительных боях в тех районах, где советские армии пробили в стене немецкого фронта кровавые бреши, то наши потери будут исчисляться многими сотнями тысяч. Гигантский участок Восточного фронта протяженностью в тысячу километров – от Терека до Воронежа – рухнул, и разверзшаяся бездна поглотила более 60 немецких дивизий и целый воздушный флот.

Но катастрофические последствия Сталинграда – это не только огромные потери в живой силе и технике. Падение боевого духа на фронте, моральный ущерб, нанесенный тылу, возросшая боеспособность русских, напрочно захвативших инициативу, окрепнувшая вера СССР в собственные силы, осложнение внутриполитической обстановки в Германии и, наконец, резкое ослабление ее внешнеполитических позиций – все эти

последствия Сталинградской катастрофы не заставили себя долго ждать.

Учитывая, что Германия вела тотальную войну, в которой моральный фактор играет решающую роль, следует признать, что Сталинград был из ряда вон выходящим, беспрецедентным и немыслимым дотоле поражением, поворотным пунктом всей минувшей войны».

Заслуживают внимания и несколько беглых замечаний Видера о советском плене, из которых с непреложностью вытекает, что советские власти отнеслись к немецким солдатам во много раз гуманнее, чем их собственное командование.

Видер свидетельствует: «И все же впоследствии, несмотря на трудности с транспортом (которые Манштейн недооценивает), несмотря на бедственное положение своего гражданского населения, одним словом, несмотря на многочисленные объективные причины, русское командование старалось по мере сил оказать помощь пленным и улучшить их положение. И в этой связи хотелось бы особо подчеркнуть, что многие советские медсестры и женщины-врачи (в том числе и еврейки), движимые чувством истинного милосердия и принципами гуманизма, пожертвовали собой во имя спасения немцев, взятых в плен под Сталинградом: работая в лагерных госпиталях, они заражались сыпняком и умирали». Убедительны приводимые им данные о том, до какой степени физического истощения и морального упадка были доведены окруженные в Сталинградском «котле».

Положительным является и использование Видером советских источников; речь идет не только о приводимом в конце немецкого издания историографическом обзоре, но также и о самом содержании книги, в которой нашли отражение исторические труды, вышедшие в Советском Союзе и других социалистических странах, в том числе и в ГДР.

Книга Видера радует наглядной демонстрацией того факта, что, несмотря на громадные усилия пропагандистской машины, цель боннского государства, сросшегося в единое целое с монополиями и милитаризмом, не достигнута. Ему не удается извратить сущность целей минувшей войны и еще раз превратить немцев в безликую массу, готовую к новому «дрангу нах остен».

В этом смысле убедительно звучат следующие слова Видера:

«В самом деле, уж не считает ли фельдмаршал, что под Сталинградом и вообще в минувшей войне мы сражались за святое и правое дело… Трагедия, непосредственными участниками которой мы были, слава богу, раскрыла нам глаза на все происходившее в Германии и за ее пределами, рассеяла наши заблуждения и заставила трезво взглянуть на вещи. Смутные

подозрения, которые многие из нас до тех пор, так или иначе, старались заглушить, переросли в твердую уверенность в том, что Сталинградское побоище было расплатой за политические злодеяния, логическим результатом захватнической и несправедливой войны, развязанной Гитлером».

Эти справедливые слова особенно актуально звучат сегодня, когда в ФРГ делается все для того, чтобы дорваться до ядерного арсенала НАТО, создать некий пояс ядерных мин по границам с социалистическими странами, попытаться прекратить преследования военных преступников под липовым предлогом давности времени.

Характерно, что Иоахим Видер не одинок в своем стремлении рассказать правду о минувшей войне. Мы приводили уже выдержку из статьи западногерманского историка Голо Манна. В целом в положительном плане выдержана и большая статья известного в ФРГ историка Ганса Адольфа Якобсена «О Сталинградской битве. Спустя 20 лет»{9}, в которой разделяется точка зрения Видера на многие аспекты битвы на Волге.

В заключение нельзя не отметить, что, сказав много горьких истин в адрес гитлеровских полководцев, Видер отнюдь не идет до конца, пытаясь объяснить, почему произошла катастрофа на Волге, автор книги нередко сбивается на повторение субъективистских концепций, широко распространенных в буржуазной историографии. Он подчас как бы забывает, что немецкие полчища были разбиты на Волге Красной Армией, поддержанной всем советским народом. Идеализм в трактовке исторических событий приводит Видера к поверхностным, а иногда и глубоко ошибочным выводам. Видер умалчивает, например, о том, кто привел к власти Гитлера и его камарилью, кто вложил в руки вермахта оружие, ради чьих интересов был зажжен пожар мировой войны. Советский читатель без труда заметит слабости в аргументации и методологии Видера. Там же, где необходимы фактические исправления ошибок и передержек, ему помогут примечания русской редакции.

В целом же советский читатель получает возможность ознакомиться с интересной книгой о битве на Волге, которая показывает, что в различных слоях населения Западной Германии есть люди, сделавшие правильные выводы после немецкой катастрофы на Волге и отвергающие авантюристическую политику агрессии и реванша.

Маршал Советского Союза А. ЕРЕМЕНКО

Воспоминания уцелевшего

Хаос огня, свинца и исковерканной брони… чудовища стальные, выйдя из под власти своих творцов, их обрекли на смерть…

Тот, на чьих глазах разорванные в клочья погибали друзья и братья, тот, кто искал спасенья, извиваясь как червь, на обесчещенной, истерзанной земле, – лишь горько усмехнется, заслышав речи лживые, «героям» воздающие хвалу… нет больше Марса, дряхлый бог сражений сам сгинул в пламени войны…

Стефан Георге

Немецкая группировка окружена

19 НОЯБРЯ 1942 года навсегда сохранится в моей памяти как самый черный день из всех, что мне довелось пережить.

В то пасмурное утро глубокой осени промозглый туман вскоре сменился метелью – наступила суровая русская зима. Но еще раньше, в предрассветных сумерках, здесь, на самом опасном участке Восточного фронта, где мы, немцы, глубже всего проникли на территорию противника, разразилась катастрофа, которую предчувствовали и ждали с нараставшей тревогой многие из нас. Русские перешли в наступление и сразу же нанесли сокрушительный удар сначала по румынским соединениям, находившимся на левом фланге нашей группировки. Это произошло в большой излучине Дона, южнее станицы Кременской{10*}.

Наступлению предшествовала тщательная подготовка, проведенная Советским командованием в грандиозных масштабах; наши вышестоящие штабы, в общем, были осведомлены о длительном процессе сосредоточения сил противника, хотя развертывание проходило в лесистой местности и под прикрытием осенних туманов. Развивая наступление, превосходящие танковые и кавалерийские соединения русских в тот же день молниеносно обошли нас с севера, а на следующий день и с востока. Вся наша армия была взята в стальные клещи. Уже три дня спустя в Калаче на берегу Дона кольцо окружения сомкнулось. Соединения русских непрерывно усиливались.

Ошеломленные, растерянные, мы не сводили глаз с наших штабных карт – нанесенные на них жирные красные линии и стрелы обозначали направления многочисленных ударов противника, его обходные маневры, участки прорывов. При всех наших предчувствиях мы и в мыслях не допускали возможности такой чудовищной катастрофы! Штабные схемы очень скоро обрели плоть и кровь в рассказах и донесениях непосредственных

участников событий; с севера и с запада в Песковатку – еще недавно тихую степную балку, где размещался наш штаб, вливался захлестнувший нас поток беспорядочно отступавших с севера и запада частей. Беглецы принесли нам недобрые вести: внезапное появление советских танков 21 ноября в сонном Калаче – нашем армейском тылу – вызвало там такую неудержимую панику, что даже важный в стратегическом отношении мост через Дон перешел в руки противника в целости и сохранности{11*}. Вскоре из расположения XI армейского корпуса, нашего соседа слева, чьи дивизии оказались под угрозой удара с тыла, к нам в Песковатку хлынули новые толпы оборванных, грязных, вконец измотанных бессонными ночами людей.

Прелюдией ураганного русского наступления на участке Клетская – Серафимовичи была многочасовая артиллерийская подготовка – уничтожающий огонь из сотен орудий перепахал окопы румын. Перейдя затем в атаку, русские опрокинули и разгромили румынские части, позиции которых примыкали к нашему левому флангу. Вся румынская армия попала в кровавую мясорубку и фактически перестала существовать. Русское командование весьма искусно избрало направление своих ударов, которые оно нанесло не только со своего донского плацдарма, но и из района южнее Сталинграда, от излучины Волги. Эти удары обрушились на самые уязвимые участки нашей обороны – северо-западный и юго-восточный, на стыки наших частей с румынскими соединениями; боеспособность последних была ограниченна, поскольку они не располагали достаточным боевым опытом. Им не хватало тяжелой артиллерии и бронебойного оружия. Сколько-нибудь значительных резервов у нас по существу не было ни на одном участке; к тому же плохие метеорологические условия обрекли на бездействие нашу авиацию. Поэтому мощные танковые клинья русских продвигались вперед неудержимо, а многочисленные кавалерийские подразделения, подвижные и неуловимые, роем кружились над кровоточащей раной прорыва и, проникая в наши тылы, усиливали неразбериху и панику{12*}.

Впрочем, обстановка вскоре окончательно прояснилась: наша 6-я армия и части 4-й танковой армии – более 20 первоклассных немецких дивизий, составлявших четыре армейских и один танковый корпус, – были полностью окружены. Вместе с ними в гигантский «котел» попали дивизия ПВО и несколько крупных авиационных соединений; приданные артиллерийские подразделения резерва главного командования: два дивизиона самоходок и два минометных полка, с десяток отдельных саперных батальонов, а также многочисленные строительные батальоны, санитарные подразделения, автоколонны, отряды

организации Тодта (Имперская трудовая повинность»), части полевой жандармерии и тайной военной полиции. Здесь же оказались и остатки разгромленной румынской кавалерийской дивизии, хорватский пехотный полк, приданный одной из наших егерских дивизий, и, наконец, несколько тысяч русских военнопленных и «вспомогательные части». Всего, таким образом, в окружение попало около 300 тысяч человек{13*}, которых судьба связала друг с другом в буквальном смысле слова не на жизнь, а на смерть.

Лишь много позднее мы поняли, что окружение 6-й армии было только частью гигантской операции по охвату наших войск, спланированной и проведенной русскими по известным немецким образцам{14*}. С севера нас охватывали лучшие ударные части русских, в том числе и переброшенные сюда отборные дивизии их Юго-Западного фронта, которому до начала наступления противостояли соединения, примыкавшие к нашей 6-й армии слева. И этот внезапный и сокрушительный удар был нанесен противником, который, как упорно твердила наша официальная пропаганда, давно уже исчерпал все свои резервы и возможности. Но особую тревогу у нас вызывал тот факт, что советская стратегия и тактика, которые обрели теперь такую гибкость, напрочно захватили инициативу.

Вообще говоря, сила русского натиска и участие в наступлении большого количества свежих соединений и ударных частей не явились для нас полной неожиданностью. Уже в течение нескольких недель мы с возрастающим беспокойством наблюдали, как в лесистой местности на противоположном берегу Волги и особенно в северной излучине Дона скапливались части противника – верный признак близкой грозы. Будучи в то время офицером для поручений в разведотделе штаба VIII армейского корпуса, я по долгу службы постоянно анализировал многочисленную информацию о противнике, обрабатывал сведения о численности его частей и соединений, об их структуре и боевых порядках, вооружении и моральном состоянии, а также вел оперативные карты. В ходе работы я убедился, что начиная с весны 1942 года обстановка на фронте изменялась под влиянием совершенно новых факторов, которые вначале вызвали у меня живой интерес, а затем гнетущую тревогу.

В мае 1942 года русские начали использовать крупные танковые соединения для достижения оперативных целей. Однако эта попытка провести по немецкому образцу крупную операцию на окружение окончилась для них неудачей. Красному командованию пришлось еще раз дорого заплатить нам за науку: наступавшая 6-я русская армия, которой уже почти удалось

прорвать наш фронт юго-восточнее Харькова, была взята в клещи, окружена и полностью уничтожена. В плен попало, по меньшей мере, 200 тысяч солдат и офицеров противника, мы захватили более 3000 танков и орудий. Командующий ударной армией русских в безысходном отчаянии покончил с собой. Через штаб нашего корпуса прошли по этапу несколько советских генералов, взятых в плен в этом сражении{15*}. Я помню, какое сильное впечатление произвели на нас тогда некоторые сведения, полученные от них на допросах, и в первую очередь данные о непрерывно растущем производстве танков на эвакуированных далеко за Урал русских заводах, за которыми наша собственная военная промышленность, судя по всему, не могла угнаться.

Летом того же года последовало наше мощное наступление на Южном фронте, в ходе которого мы вышли через Оскол в большую излучину Дона и достигли Волги. Эти успехи приободрили нас до поры, до времени. Быстрое продвижение наших войск явно привело противника в замешательство. О неразберихе у русских свидетельствовали и показания множества пленных всех чинов и званий, в том числе и одного генерала – командира дивизии, захваченного в перелеске вместе со всем своим штабом. В сапоге у него мы обнаружили орден Ленина.

62-я сибирская армия лишилась значительной части своего личного состава, остатки русской 1-й танковой армии, потерявшей еще в июле в «котле» северо-западней Калача почти всю боевую технику, поспешно отошли за Дон. И все же для наступательной операции таких масштабов мы захватили до удивления мало пленных, оружия и снаряжения. Создавалось впечатление, что русские, действуя по намеченному плану, упорно уклоняются от решающих сражений и отходят в глубь своей территории. Это подтверждали и трофейные документы, среди которых попалась и одна чрезвычайно любопытная карта, на которую цветными карандашами был нанесен разработанный до мельчайших деталей план-график отхода крупного соединения. Это был великолепный образчик штабной культуры в работе{16*}.

Я и поныне глубоко убежден, что отход советских соединений летом 1942 года был блистательным достижением традиционной военной тактики русских, которая в данном случае хотя и поставила страну на грань гибели, но, в конечном счете, все же оправдала себя. Я считаю также, что одно роковое событие, происшедшее незадолго до начала нашего летнего наступления, которое привело нас к волжскому берегу, существенно облегчило разработку и осуществление этого плана стратегического отступления. Лишь узкий круг людей знал в то время об этом

злосчастном инциденте, который заставил штаб армии в Харькове и наш корпусный штаб в городишке Волчанск в течение нескольких дней развернуть лихорадочную активность и поставил главное командование сухопутных сил перед ответственными решениями. А случилось вот что: в середине июня, когда наши части занимали исходные рубежи для большого наступления на Донецком предмостном укреплении, только что захваченном после кровопролитных боев, начальник штаба одной из наших дивизий, молодой майор, вылетел на разведывательном самолете «Физелер-Шторх» в штаб соседнего соединения, чтобы обсудить там вопрос о предстоящих операциях. Портфель майора был битком набит секретными приказами и штабными документами. Самолет не прибыл к месту назначения. По-видимому, сбившись с курса в тумане, он перелетел линию фронта. Вскоре мы, к ужасу своему, обнаружили обломки сбитого «Физелер-Шторха» на «ничейной земле» между окопами. Русские уже успели буквально растащить машину по винтикам, а наш майор исчез, не оставив никаких следов. Немедленно возник вопрос: попал ли в руки противника его портфель, в котором находились важнейшие секретные документы – приказы вышестоящих штабов?

Несколько дней подряд все линии связи между главным командованием сухопутных сил, штабом армии и штабом нашего корпуса были постоянно заняты: срочные вызовы к аппарату следовали один за другим. Поскольку беда стряслась в расположении нашего корпуса, мы получили задание до конца выяснить все обстоятельства дела и избавить командование от мучительной неопределенности. Мы провели несколько разведывательных поисков с сильной огневой поддержкой на участке фронта, где сбит был самолет, и захватили пленных. Вначале полученные от них сведения были крайне противоречивы, но постепенно картина стала проясняться. Оказалось, что самолет подвергся обстрелу и совершил вынужденную посадку на «ничейной земле». Находившийся в нем «офицер с красными лампасами на брюках»{17*} был убит не то еще в воздухе, не то при попытке к бегству, а его портфель взял с собой «кто-то из комиссаров». Наконец, пленный, захваченный в результате нашего последнего по счету поиска, точно указал нам место, где, по его словам, был зарыт этот погибший немецкий офицер. Мы начали копать на этом месте и вскоре обнаружили труп злополучного майора. Итак, наши наихудшие предположения подтвердились: русским было теперь известно все о крупном наступлении из района Харьков – Курск на восток и юго-восток, которое должны были начать наши 6-я и 2-я армии в конце июня. Противник знал и дату его начала, и его

направление, и численность наших ударных частей и соединений. Точно так же мы против воли осведомили русских и о наших исходных позициях, детально ознакомили их с нашими боевыми порядками.

Вскоре рассеялись и последние сомнения на этот счет: начались яростные воздушные налеты на районы развертывания наших частей, а также на штаб нашего корпуса, причинившие нам немалый ущерб. К тому же мы вскоре установили, что противник проводит перегруппировку сил на противостоящих нам участках. Но было поздно – главное командование сухопутных сил уже не могло пересмотреть принятые решения и отменить столь тщательно подготовленную операцию. Таким образом, наше наступление на Сталинград с самого начала проходило под несчастливой звездой{18*}. Последующие события, развернувшиеся в конце лета и осенью того же года на Дону и на Волге, и коренные изменения, происходившие у противника, давали достаточно оснований для серьезной тревоги и оправданных опасений. Начиная с августа боевой дух советских армий непрерывно поднимался – они сражались с возрастающим упорством. О том, что русские не намерены больше отступать, свидетельствовал и захваченный нами приказ Советского командования, в котором говорилось о смертельной опасности, нависшей над страной, и о том, что у Красной Армии отныне остается только один выбор: победа или смерть. В сентябре, когда наши дивизии в Сталинграде истекали кровью в ожесточенных боях с вновь сформированной 62-й армией{19*}, упорно оборонявшей каждую улицу, каждый дом, каждый метр земли, противник начал одновременно яростные отвлекающие атаки против наших отсечных позиций между Волгой и Доном к северу от Сталинграда и неоднократно пытался прорвать здесь линию фронта. В ходе этих боев действовавшая в составе нашего корпуса доблестная Потсдамская дивизия (ее тактическим знаком был старый прусский гренадерский шлем) отражала натиск свежих советских ударных частей. Большое количество уничтоженных русских танков, появление на передовой многочисленных отлично оснащенных свежих соединений противника, тактические новшества в его боевых порядках, частые перемещения войск по фронту – все это убедительно свидетельствовало о том, что советские армии не сломлены, что их боеснабжение увеличивается в устрашающих масштабах, а резервуар живой силы просто неисчерпаем.

Наконец, эти события в излучине Дона – на северном участке фронта нашей группировки – совершенно ясно показали, какую страшную угрозу представляет для нас мощный стратегический

резерв, сконцентрированный здесь противником. Против нашей 6-й армии на фронте от Сталинграда до излучины Дона было сосредоточено, по меньшей мере, семь русских армий, не считая крупных танковых и кавалерийских соединений. Сомнений не было – противник готовил гигантское наступление. Радиоперехват приносил нам особенно обширную тревожную информацию о развертывании вражеских ударных соединений, подробности их эшелонирования, оснащения и боеснабжения. Хотя армии у русских по численности примерно соответствовали лишь нашим армейским корпусам, их превосходство в живой силе стало здесь подавляющим. По нашей оценке, русские обладали уже к тому времени по меньшей мере, трехкратным численным перевесом. Целыми неделями я обрабатывал и направлял по инстанции все более тревожную информацию о противнике – сообщения, поступившие из частей, результаты воздушной разведки, радиоперехвата и пеленгации, а также наиболее интересные протоколы допросов пленных, которые я получал не только со своего участка, но и из соседнего корпуса. Штаб армии, полностью разделявший наше беспокойство, не раз предостерегал, предупреждал и даже заклинал командование группы армий. Но сам по себе он был бессилен что-либо изменить{20*}.

Помочь нашим дивизиям в Сталинградской «мясорубке» и растянутым по фронту незначительным силам на отсечных позициях севернее Сталинграда в большой излучине Дона могли либо мощные подкрепления, либо своевременный отход, то есть сокращение линии фронта на его самом опасном для нас, далеко выдвинутом вперед участке, сама конфигурация которого словно подсказывала противнику, где ему готовить решающий удар. Мы ничего не знали о том, принимают ли штаб группы армий и верховное командование какие-либо меры для предотвращения грозившей нам катастрофы, о неминуемом приближении которой мы с большой тревогой доносили вот уже много недель. Нам стало известно лишь, что задача обеспечения наших угрожаемых флангов была возложена на свежие румынские соединения. Но эти войска наших союзников были плохо оснащены и мало боеспособны. Оперативных резервов у нас не было вовсе, и нам оставалось лишь с тревогой констатировать, что на всем огромном участке нашей армии не предпринимается ничего ни для ее усиления, ни для выравнивания линии фронта.

И случилось то, чего следовало ожидать, – беда обрушилась на крайне уязвимые, не обеспеченные с флангов позиции нашей армии в глубине вражеской территории. Быть может, русские, планомерно уклонявшиеся от решающих сражений в течение

всего лета, заманили нас в ловушку, чтобы с наступлением лютых зимних морозов раздавить и уничтожить? {21*} Я не раз мысленно задавал себе этот вопрос, и тревожные предчувствия не покидали меня. В последний раз я думал об этом незадолго до катастрофы, когда серым октябрьским днем ехал в штаб армии в станицу Голубинскую. Путь лежал через выжженную, унылую донскую степь, простиравшуюся до самого горизонта. Бескрайняя и безлюдная, она показалась мне в этот раз грозной, недоброй. И вдруг я с мучительной ясностью представил себе, как сквозь пургу ползут по заснеженной степи бесчисленные русские танки, а на большой оперативной карте штаба корпуса, которую я знал почти наизусть, появляются зловещие стрелы, охватывая наши части, попавшие в гигантскую «мышеловку». Мой страх перед русской зимой, которую все мы считали опаснейшим союзником противника, породил тогда это кошмарное видение. Теперь оно стало явью – мы действительно оказались в ловушке. Удастся ли нам выбраться отсюда? Сколь ни серьезна была с самого начала обстановка в «котле», в первое время в наших штабных блиндажах в Песковатке мы не падали духом и даже сохраняли чувство некоторого превосходства над противником. Все наши мысли были прикованы к предстоящему выходу из окружения. В тот момент никто не сомневался, что подобная операция будет успешно проведена. Прорыв кольца должен был показать противнику, что мы не позволим ему окончательно вырвать у нас из рук инициативу и навязать нам свою волю.

Впрочем, уже тогда я не мог избавиться от мучительного беспокойства, вспоминая о фанатизме, которым были проникнуты недавние публичные заявления Гитлера. «Немецкие солдаты стоят на Волге, и никакая сила в мире не заставит их уйти оттуда», – провозглашал верховный главнокомандующий, который, судя по всему, не собирался отказываться от своего предсказания, что Сталинград будет взят «сходу». Накануне русского наступления он снова говорил об экономическом и политическом значении этой «гигантской перевалочной базы на Волге», захват которой «перережет жизненно важную артерию русских, лишив их 30 миллионов тонн пшеницы, марганцевой руды и нефти». Больше того, фюрер самонадеянно клялся «перед богом и историей», что никогда не отдаст «уже захваченный» город. Можно ли было при такой установке верховного главнокомандующего думать об уходе с берегов Волги и вообще об отступлении?! Быть может, нашей армии на берегах Волги предстояло не просто сражаться не на живот, а на смерть во имя собственного спасения, а отстаивать военный и политический престиж, кровью расплачиваясь за обещания «фюрера», данные

перед лицом всего мира? Ведь Гитлер поставил на карту свою репутацию полководца здесь – в этом городе на берегу Волги{22*}. Увы, уж очень скоро мы стали убеждаться в том, что нам не уйти с берегов Волги и что в Сталинграде настигла нас неотвратимая судьба.

Час роковых решений

Это тягостное чувство не покидало меня с первых дней окружения. Я был тогда временно откомандирован в распоряжение оперативного отдела штаба корпуса, где кипела лихорадочная работа. В ходе вынужденной перегруппировки окруженных соединений нам были оперативно подчинены XIV танковый и XI армейский корпуса, а на командира нашего корпуса были возложены, таким образом, функции командующего всем северным участком нашей армии. Благодаря этому я имел довольно полное представление не только о положении на всем нашем участке, но и о тех решениях, которые, в конце концов, были приняты на расстоянии 2 тысяч километров от «котла» в Восточной Пруссии – в Растенбурге, где находилось главное командование сухопутных сил и ставка Гитлера. Именно там решалась наша судьба – участь армии, насчитывавшей более 250 тысяч человек{23*}. Гитлер из Растенбурга не раз обращался непосредственно с приказами и воззваниями к немецкой армии на Волге, которая была теперь подчинена вновь созданной группе армий «Дон».

Оперативный отдел штаба нашего корпуса походил на растревоженный пчелиный улей. События развивались с нарастающей быстротой и держали нас в постоянном напряжении. Под непрерывный писк зуммера полевых телефонов мы принимали новые распоряжения, составляли приказы и донесения. Один за другим приходили и уходили офицеры связи, порученцы и ординарцы; то и дело прибывали командиры частей – офицеры всех рангов и всех родов оружия докладывали обстановку, требовали новых указаний. Линия фронта непрерывно изменялась: противник с севера неудержимо продвигался в междуречье Дона и Волги. Мы не сомневались, что очень скоро в наших землянках разместятся новые «постояльцы» – русские штабы. Штабу армии уже пришлось сломя голову эвакуироваться из казачьей станицы Голубинской буквально на виду у русских танков, внезапно появившихся на ближних придонских холмах.

Воскресным вечером 22 ноября (это был, как сейчас помню, день поминовения погибших, стужа стояла лютая, и настроение было не только тревожное, но даже паническое) к нам ввалились несколько офицеров из оперативного отдела штаба армии, «драпавших» из Голубинской. Они рассказали о печальном положении в нашем армейском тылу, превратившемся теперь в передовую. По их словам, командующий вместе с начальником

штаба вылетел в станицу Нижне-Чирская, расположенную к западу от нашего «котла», где еще раньше были подготовлены зимние квартиры штаба армии. Некоторое время они находились там, но потом тем же воздушным путем возвратились в расположение своих окруженных войск, в район Сталинграда. Теперь штаб армии размещался в Гумраке.

Генштабистам в нашем оперативном отделе приходилось в те дни ломать голову над сложнейшими тактическими задачами. Всего с месяц назад в корпус прислали нового начальника штаба, до тех пор он работал в Восточном отделе разведуправления генерального штаба сухопутных сил и оттуда попал на фронт. Помню, меня самого посылали на вездеходе за новым начальником в штаб армии. В тот же день я и привез его, плечистого полковника, с красными лампасами генштабиста на брюках в наше «поместье» Песковатку, затерянную среди унылой степи, где кругом на много километров ни кустика, ни деревца.

Новому начальнику штаба пришлось входить в курс дела, что называется, с места в карьер. Начальник оперативного отдела также пришел в наш корпус недавно – его перевели к нам в первые дни русского наступления из штаба 8-й итальянской армии, где он возглавлял специальную группу связи с нашим командованием. Теперь же ему приходилось не только разрабатывать обычные приказы по корпусу, но и обеспечивать отход целой армейской группировки в высшей степени сложной и угрожающей обстановке.

Прежде всего, необходимо было вывести из донской излучины на восток некоторые наши соединения, которые, беспорядочно отступая под напором наседавшего противника и временно оказавшись в окружении, вынуждены были поспешно уничтожить большую часть тяжелой боевой техники и снаряжения. Предстояло переправить их по двум мостам на восточный берег Дона, отвести в междуречье Дона и Волги и здесь вновь сконцентрировать и перегруппировать. Одновременно нужно было как можно скорее создать новую линию обороны в совершенно оголенном тылу нашей армии, преградив путь противнику, наступавшему с юга и запада. Выполнение этой ответственной задачи в значительной степени облегчалось образцовыми действиями наших тыловых служб и подразделений и их командиров, которые в общей сумятице и панике не потеряли голову и с боями пробивались на восток – на соединение с основными частями армии, помешав, таким образом, противнику сокрушить нас ударом с тыла.

Итак, оказавшись в окружении, вся наша армия вынуждена была отходить не на запад – на соединение с немецкими

войсками, стремившимися стабилизировать прорванный русскими фронт, а на восток – с конечной целью перегруппировать 6-ю армию в районе западней и северней Сталинграда и занять исходные позиции для прорыва кольца окружения. Только этот прорыв через Дон на юго-запад мог теперь спасти нас.

В ожидании предстоящих событий напряжение в нашем штабе нарастало изо дня в день. Ни о чем другом не говорили. Мы, молодые офицеры, с особым нетерпением ждали детальных инструкций по подготовке этой операции, от которой зависело наше спасение. Все мы ясно понимали, что промедление смерти подобно, ибо наши запасы и продовольствия и горючего таяли с каждым днем. Кроме того, необходимо было решительными действиями помешать противнику укрепить вновь созданную линию фронта. Разумеется, мы осознавали при этом всю серьезность нашего положения и учитывали, что в ходе предстоящего прорыва в ожесточенных боях армия неизбежно понесет значительные потери в живой силе и технике. Но мы не сомневались, что при таком количестве окруженных дивизий главные силы нашей армии сумеют в упорных боях проложить себе путь из окружения. К тому же у нас оставалось еще как-никак 130 исправных танков с необходимым запасом горючего и почти столько же бронемашин и бронетранспортеров. Таким образом, наша армия еще располагала в тот момент боеспособными моторизованными соединениями. Боевой дух войск был еще высок даже в частях, понесших наиболее тяжелые потери в последних боях. На солдат вполне можно было положиться. В этом я имел случай убедиться, выполняя некоторые задания штаба у переправ через Дон и Песковатку. Речь шла о том, чтобы через мост, забитый частями, отступавшими на восток, перебросить в обратном направлении – на западный берег Дона боевую технику XIV танкового корпуса Танковые колонны, двигавшиеся на запад навстречу русским, благотворно подействовали на отступавших солдат, возродили их веру в свои силы и в своих офицеров. Все ждали, как избавления, сигнала к атаке и, затаив дыхание, следили за подготовкой к прорыву, развернувшейся главным образом на западном участке армии.

В ходе этой подготовки был отдан приказ уничтожить – сжечь или привести в негодность – весь «балласт»: излишки снаряжения и прочего военного имущества. Во всех частях и подразделениях уничтожали поврежденные орудия, танки и грузовики, ненужные теперь технические средства связи и саперный инструмент, запасы обмундирования, документацию и даже часть продовольствия. Гигантский костер из ценного снаряжения

запылал и неподалеку от нашего штаба. Солдаты проходивших мимо частей тянули из огня все, что могло еще пригодиться.

По решению командования отход 6-й армии из Сталинграда был назначен на 26 ноября{24*}. Мощный танковый клин, усиленный моторизованными частями, должен был проложить войскам дорогу на юго-запад, прорвав кольцо русского окружения и обеспечив фланги. Пехотные дивизии намечалось ввести в прорыв без дополнительной огневой подготовки.

Этот план, как говорили в нашем штабе, был представлен на утверждение в штаб группы армий «Дон» и в вышестоящие инстанции. Мы не сомневались, что верховное командование убедится в необходимости его осуществления, и всей душой верили в успех и в скорое спасение. В штабе только и разговору было, что о предстоящем сражении. Иного выхода мы не видели, и все наши мысли, все надежды были неразрывно связаны с планом прорыва.

Никогда не забуду, как все мы были потрясены сообщением из штаба армии о том, что Гитлер отменил готовившийся прорыв и приказал немецкой группировке на Волге «занять круговую оборону». Особенно старших офицеров это известие привело в величайшее возбуждение, которое, впрочем, сменилось вскоре леденящим ужасом. Незадолго до этого я стал свидетелем драматического телефонного разговора командующего 6-й армией, генерала танковых войск Паулюса, с моим корпусным командиром, генералом артиллерии Хейтцем. Я слушал, как генералы говорили о безвозвратно упускаемых возможностях, об угасающих последних надеждах, о том, какими опасностями чреват для нас переход на боевое снабжение воздушным путем – и лютая тоска сжимала мне сердце. Помню, как Паулюс с нескрываемым скептицизмом и озабоченностью заметил, что для организации воздушного моста, который мог бы обеспечить сохранение боеспособности наших окруженных дивизий, главное командование должно в предельно короткий срок выделить не менее двух тысяч самолетов.

И вот, 24 ноября, словно гром среди ясного неба поразила нас радиограмма из ставки Гитлера – роковой приказ, запрещавший командованию 6-й армии осуществить намеченный отход с северного участка своего фронта и вывод наших соединений из Сталинграда. Все надежды на прорыв рухнули. В штабе армии, судя по всему, не меньше нас были ошеломлены этим неожиданным решением ставки. Мы не могли взять в толк, почему же были оставлены без внимания все донесения, предостережения и просьбы наших руководящих штабов, которые лучше, чем кто бы то ни было, могли оценить создавшуюся

угрожающую обстановку. Еще тогда, когда ударные соединения советской армии только начали обходить нас с флангов, наш командующий, ясно представляя себе всю серьезность положения, сразу же предложил в вышестоящем штабе группы армий немедленно выпрямить линию фронта, отведя армию на новые позиции в междуречье Дона и Чира. И после получения от главного командования сухопутных сил приказа любой ценой удерживать Сталинград и фронт на Волге генерал Паулюс неоднократно просил предоставить ему оперативную свободу действий. В последний раз он обратился с этой просьбой непосредственно к Гитлеру, которому 23 ноября направил по радио личное донесение с исчерпывающей и неприкрашенной оценкой обстановки. В этой радиограмме, свидетельствовавшей о высоком чувстве ответственности военачальника, командующий, ссылаясь также на единодушное мнение подчиненных ему корпусных командиров, подчеркивал, что ввиду невозможности организовать своевременное и достаточное боеснабжение, окруженная 6-я армия обречена на уничтожение, если только ему не удастся, сосредоточив все имеющиеся в его распоряжении силы, нанести сокрушительный удар по наступающему с юга и запада противнику. Для этого Паулюс считал необходимым немедленный отвод всех наших дивизий из Сталинграда и последующий прорыв кольца с выходом из окружения на юго-запад. Все было тщетно! Фюрер, он же верховный главнокомандующий вермахта, через голову штаба группы армий «Дон» принял единоличное решение и отказал Паулюсу в предоставлении оперативной самостоятельности, которой тот столь упорно добивался. Обращение Гитлера по радио заканчивалось призывом к чувству долга доблестной 6-й армии и ее командующего. Правда, Гитлер обещал нам организовать боеснабжение в нужных масштабах и своевременно провести операции по прорыву вражеского кольца извне. Это обещание и служило отныне единственной основой для всех действий и мероприятий нашего командования. Но для нас оно явилось слабым утешением. В нашем штабе все были глубоко разочарованы и подавлены.

В самом деле, положение теперь стало критическим. Такого в вермахте еще не бывало. Целая армия, отрезанная от остальных частей, после тяжелых оборонительных боев в окружении и отхода на восток теперь по собственной инициативе отказывалась от каких-либо попыток прорвать кольцо и, «заняв круговую оборону», ожидала неведомо чего, между тем как положение ее с каждым днем ухудшалось.

Наш командир корпуса ходил туча-тучей, сумрачно насупив

свои густые, клочковатые брови.

Он сразу же объявил нам, что не намерен сидеть, сложа руки и дожидаться, пока его окончательно разгромят. «Лучше уж пробиться хотя бы с парой дивизий, чем потерять всю армию! – повторял он, задыхаясь от возмущения. – Черт знает что! За сорок лет службы ничего подобного не видел!»

И все же, в конце концов, он махнул рукой и подчинился, хотя и по-прежнему был убежден, что лишь немедленный прорыв дал бы нам шанс на спасение.

Приказ есть приказ, что бы там ни случилось. Теперь нам не осталось ничего иного, как надеяться на освобождение извне.

Однако на обещанную помощь вообще можно было рассчитывать лишь по истечении нескольких недель. Мы ясно представляли себе, что это значит – драгоценное время уйдет, противник будет непрерывно подбрасывать подкрепления, боеспособность и дух нашей армии, отчаянно сражавшейся в тяжелых условиях окружения, будут падать, а наши последние резервы – таять с каждым днем. Судьба 300-тысячной армии отныне почти полностью зависела от снабжения по воздуху. А располагает ли наше главное командование необходимым количеством самолетов? Окажемся ли мы в состоянии обеспечить ежедневную посадку сотен машин в нашем «котле», учитывая превосходство русских в воздухе и тяжелые зимние метеорологические условия в донских степях!

Итак, роковое решение, предписывавшее в армии «занять круговую оборону», было принято через голову ее командующего и минуя вышестоящий штаб группы армий. Мало того, общее начертание наших оборонительных линий, которые надлежало удерживать любой ценой, также было установлено приказом свыше. В результате наша главная оборонительная линия во многих местах тянулась на десятки километров по голой степи, лишенной каких-либо естественных рубежей. Наши войска, державшие оборону на таких участках, окапывались в мерзлой земле, а то и в снегу. Впоследствии мы лишь в исключительных случаях, и то с большим трудом, добивались от ставки Гитлера разрешения изменить на отдельных участках линию фронта. Не считая самого Сталинграда – его руины составляли лишь сравнительно небольшую часть переднего края – да нескольких выгодных для обороны участков по берегам рек, наша армия нигде не имела укрепленных позиций. И понятие «Сталинградская крепость», пущенное в ход в первых приказах главного командования сухопутных сил, окруженные воспринимали как горькую иронию, а подчас и как издевательство.

«Бунт» генерала Зейдлица

Среди генералов окруженной 6-й армии нашелся один, который не пожелал мириться с роковыми приказами, обрекавшими все 22 окруженные дивизии (в большей своей части лучшие в германской армии) на изматывающие оборонительные бои и пассивное выжидание. Он хотел действовать – не теряя времени идти на прорыв, чтобы спасти то, что еще можно было спасти.

Этим человеком был командир LI армейского корпуса генерал артиллерии Зейдлиц. Его считали способным, энергичным военачальником с большим практическим опытом. Подтверждением тому были и «Дубовые листья к рыцарскому кресту» – высшая военная награда, которую Зейдлиц получил еще задолго до описываемых событий. К тому же он слыл специалистом по окружениям. Весной сорок второго года он сыграл решающую роль в выводе немецких войск из Демянского «котла», который, впрочем, значительно уступал нынешнему. И действительно, Зейдлиц полностью отдавал себе отчет в том, что над 6-й армией нависла угроза полного уничтожения. На карту была поставлена судьба без малого 300 тысяч немецких солдат. Генерал Зейдлиц готов был пойти на любой риск, чтобы предотвратить нашу погибель.

Командир LI корпуса вместе с офицерами своего штаба был непоколебимо убежден, что для окруженных соединений, которым грозит смертельная опасность, остается лишь один путь к спасению: немедленно идти на прорыв кольца, на юго-запад с выходом в район Котельниково. Поначалу командование армии придерживалось того же мнения. На этот прорыв в корпусе Зейдлица возлагались все надежды. Приказы штаба армии, отданные в ходе его подготовки, исполнялись здесь особенно тщательно и неуклонно.

Как только было решено избавиться от всего лишнего груза, оставив лишь самое необходимое, командир корпуса первым подал пример: в огонь полетели его чемоданы, архив и даже его личные вещи. Зейдлиц не оставил себе ничего, кроме обмундирования, которое было на нем. После этою в его корпусе, как, впрочем, и в других соединениях нашей армии, начали с каким-то остервенением уничтожать все, без чего можно было обойтись.

Собрав старших штабных офицеров своих восьми дивизий, Зейдлиц прямо сказал, что армия поставлена перед выбором: Канны или Бржезины, имея в виду известный прорыв русского

фронта под Лодзью в 1914 году, в котором он, тогда еще молодой офицер, принимал самое непосредственное участие{25*}.

Дивизии LI корпуса, сильно потрепанные в предыдущих боях, обороняли участок фронта протяженностью 70 километров. Чтобы облегчить им выполнение ответственных задач в ходе будущего прорыва, Зейдлиц решил в северной части своего участка выпрямить линию фронта, отведя свои войска на новые позиции. Это было тем более необходимо, что после отхода XIV танкового корпуса в линии фронта здесь образовалась 25-километровая «дыра», которую подошедшие обескровленные дивизии LI корпуса Зейдлица не могли ни заполнить, ни по-настоящему оборонять. Это решение Зейдлиц, готовясь к предстоящему прорыву, принял на свою ответственность в первые дни наступления русских, когда штаб армии еще находился за Доном. Генерал имел все основания предполагать, что проведенное им сокращение линии фронта окажется в полном соответствии с решениями, созревающими в штабе армии, и лишь облегчит подготовку прорыва. О том, что прорыв не состоится, он тогда, естественно, и думать не мог. Поэтому впоследствии его действия, вся смелость и дальновидность которых, очевидно, обнаружилась бы в том случае, если бы первоначальный план был осуществлен, привели к столь же тяжелым последствиям, как и уничтожение ценного снаряжения, проведенное по приказу штаба армии все с той же целью – подготовить части к прорыву. Хотя сокращение фронта и было подсказано сложившейся в тот момент обстановкой, в конечном итоге части LI корпуса лишились заранее подготовленных зимних позиций, что еще более усложнило их положение и грозило им новыми опасностями и невзгодами. К тому же пехотные подразделения одной из отходивших дивизий корпуса – впрочем, уже до этого измотанной и потерявшей большую часть личного состава – были настигнуты русскими и полностью разгромлены. В довершение всего по иронии судьбы именно на генерала Зейдлица, того самого Зейдлица, который с самого начала советовал командующему армией немедленно идти на прорыв, не согласовывая свои действия с высшими инстанциями, специальным приказом Гитлера была возложена ответственность за организацию обороны на северном и восточном участках «котла». Паулюс передал ему этот приказ, поступивший вместе с ошеломляющим известием о том, что ставка запрещает идти на прорыв и тем самым лишает командование 6-й армии какой-либо свободы действий. Генерал Зейдлиц сначала не мог прийти в себя. Он без возражений принял приказ, хотя, разумеется, в душе никак не мог с ним согласиться, отлично сознавая, что теперь-то

он и вовсе ничего не сможет сделать по своей инициативе, ибо принимать решения мог отныне один только Паулюс как «командующий Сталинградской крепостью». Лишь на следующий день, 25 ноября 1942 года, последовала темпераментная реакция генерала Зейдлица на эти приказы, которая свидетельствовала о его высоком чувстве ответственности как военачальника. Он передал командующему армией докладную записку, подготовленную по его поручению начальником штаба LI корпуса. В этом документе, содержавшем тщательный анализ обстановки, были вновь сведены воедино все аргументы против организации круговой обороны и все доводы в пользу немедленного прорыва кольца. На основании своего опыта, полученного при выходе из окружения 16-й армии в районе Демянска, Зейдлиц с присущим ему реализмом и ясностью мысли предостерегал от механического сравнения сложившейся тогда обстановки с нынешней и от тех ложных выводов, к которым это могло привести. В своих собственных выводах, четких и недвусмысленных, генерал Зейдлиц исходил из трезвой оценки нашего положения, предполагаемых действий противника и минимальных шансов на успех возможной операции по прорыву кольца извне. Командир LI корпуса призывал командующего 6-й армией ввиду сложившегося чрезвычайного положения, которое еще более усугублялось действиями главного командования сухопутных сил, без промедления нарушить полученные приказы, то есть действовать вопреки воле Гитлера. Зейдлиц подчеркивал, что долг командующего перед вверенной ему армией и всем немецким народом властно требует от него подчиниться велению разума и сердца и взять на себя всю полноту ответственности для предотвращения грозящей катастрофы.

Можно сказать, что в этом ответственном документе Зейдлиц выступал от имени всей окруженной армии. Он подчинился в тот момент голосу своей совести, не думая о том, что это может стоить ему головы. Паулюс передал его докладную записку в ставку, но она была оставлена без последствий.

Трагедия командира LI корпуса и его начальника штаба заключалась именно в том, что, являясь, подобно всем попавшим в окружение, пассивными участниками событий, они в отличие от всех нас, надеявшихся и отчаявшихся, осведомленных об истинном положении дел и пребывавших в неведении, ясно предвидели неминуемую катастрофу, но не в силах были ее предотвратить. Поэтому им было особенно тяжело, когда, в конце концов, у них не осталось ничего другого, как повиноваться бессмысленным приказам и исполнить свой воинский долг вплоть до горького конца.

Но Зейдлиц и после этого не успокоился, не смирился. Многим из нас, особенно молодым офицерам, для которых выжидательная тактика постепенно становилась невыносимой, один вид этого сухощавого, подтянутого генерала с седеющей шевелюрой внушал надежду. До самого конца сражения мысль о прорыве не умирала. Подобные планы возникали вновь и вновь не только у отдельных командиров, но и в частях и целых соединениях даже тогда, когда время было уже безнадежно упущено и любая попытка соединиться с нашими основными силами, отброшенными на сотни километров в суровых условиях наступавшей зимы, явилась бы безнадежной авантюрой и окончилась бы неминуемой гибелью измотанных в боях людей, Прорыв так и остался для нас табу. В штабе армии уповали на помощь извне, полагая, очевидно, что, находясь в «котле», невозможно объективно оценить общую обстановку на фронтах и шансы на успех операции по спасению окруженной группировки, операции, которую верховное командование обещало провести в ответ на наши просьбы о помощи.

Приказы ставки определяли все наши действия почти до конца, кроме последних бесславных дней нашей армии.

Командующий беспрекословно исполнял их, постоянно опираясь при этом на энергичную поддержку своего начальника штаба, генерал-майора Шмидта, который особенно упорно настаивал на неуклонном проведении в жизнь всех директив главного командования сухопутных сил. Весьма характерным было и отношение Паулюса к Зейдлицу, корпусному командиру, который, находясь в его непосредственном подчинении, столь смело и настойчиво выступал против выполнения роковых приказов свыше. Командующий не предпринял никаких мер против «бунтовщика», вероятно, потому, что полученные им директивы вызывали сомнения у него самого. Да иначе и быть не могло – ведь то, что ему приказывали делать, полностью противоречило всему тому, что он еще совсем недавно считал абсолютно необходимым, исходя из собственной оценки обстановки, сложившейся на участке его армии. Можно себе представить, какие мучительные раздумья терзали в те дни обоих попавших в безвыходное положение военачальников, на плечи которых легло бремя чудовищной, необозримой по своим последствиям ответственности.

Разумеется, в те полные напряжения дни мы в Сталинградском «котле» ничего не знали о том, что происходило в это время в ставке Гитлера, который, не посчитавшись с мнением своих наиболее опытных военных советников, принял столь роковое для нас решение, опираясь при этом лишь на

безответственное обещание Геринга обеспечить снабжение окруженной армии воздушным путем. Впрочем, тяжелые предчувствия не покидали нас. Так или иначе, все были тогда встревожены, подавлены, а в глубине души и возмущены. То, что вменили нам в обязанность, не только противоречило нашему профессиональному опыту, но и подрывало наш боевой дух и веру в себя, лишая нас последней надежды на успешный прорыв собственными силами.

«Держитесь! Фюрер выручит вас!»

В последнюю неделю ноября, когда наши части и соединения, сильно потрепанные в отступательных боях, лихорадочно закреплялись на новых рубежах, постоянно преодолевая все новые трудности, командующий отдал весьма серьезный по своим последствиям приказ по армии. Я и по сей день помню его слово в слово. Начинался он так: «6-я армия окружена. Вашей вины, солдаты, в этом нет. Вы сражались доблестно и упорно до тех пор, пока противник не вышел нам в тыл». Дальше в приказе говорилось о предстоящих тяжелых боях, о страданиях и лишениях, которые неминуемо ждут немецкие войска, о том, что, несмотря на голод и морозы, нам нужно, во что бы то ни стало продержаться еще некоторое время, твердо веря в обещанную подмогу. Наконец, упоминалось и о том, что Гитлер лично обещал провести операцию по спасению окруженной армии. Воззвание было составлено весьма искусно и убедительно и заканчивалось фразой, рассчитанной на нужный психологический эффект: «Держитесь! Фюрер выручит вас!» Эти слова, сулившие скорое избавление, должны были ободрить и вдохновить солдат.

Этот заключительный призыв, который живо обсуждался в нашем штабе, придавал документу чисто эмоциональную окраску, столь необычную для трезвого и делового тона приказов. Меня самого он окончательно убедил в том, что после всего происшедшего наших людей обрекают на новые, еще более тяжелые жертвы. Наши части в высшей степени нуждались в отдыхе и отводе на переформирование еще на исходе лета, когда 6-я армия в результате наступления вышла к Волге у Сталинграда и, втянувшись здесь в кровопролитные бои, наступательные на одних участках, оборонительные – на других, была вынуждена в буквальном смысле слова сражаться на два фронта. Солдаты, в большинстве своем старые фронтовики, вот уже два года провели в беспрерывных тяжелых боях без отпусков, ни разу не побывав за это время на родине. В ходе летнего наступления, начавшегося в районе Харькова непосредственно после ожесточенных оборонительных боев, части долгие месяцы без отдыха были на марше – постоянное напряжение и походные лишения уже тогда измотали солдат. Мне запомнились колонны обессиленных людей, бредущих по бесконечной степи, днем под палящим солнцем в клубах пыли, ночью – в пламени многочисленных степных пожаров, которые часто тянулись на много километров. Не хватало воды, жажда терзала людей; я вспоминаю пересохшие степные колодцы, однообразную и скудную походную пищу

(снабжение не поспевало за наступавшими войсками) и, наконец, мириады мух, не дававших нам покоя. Тогда в частях начались желудочные и другие инфекционные заболевания, вспыхивали эпидемии малярии, а под конец и желтухи. Многие в глубине души ждали тогда болезни как избавления, рассчитывая попасть в тыловые госпитали еще до начала страшной русской зимы.

После боев на Волге и Дону люди обессилели окончательно. Главные силы нашей армии с середины августа по октябрь вели бои в развалинах Сталинграда, окутанных клубами пыли и дымом пожарищ. Багровое зарево днем и ночью стояло над мертвым городом и было видно уже издалека. Но за два месяца беспрерывных кровопролитных боев нам так и не удалось выбить из города русских, стоявших насмерть на своих последних оборонительных рубежах по эту сторону Волги. В то же время части нашего корпуса понесли огромные потери, отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши отсечные позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были обескровлены; в ротах оставалось, как правило, по 30-40 солдат. Пополнение, прибывавшее на фронт, было совершенно недостаточным. В результате боевой состав многих частей сократился в среднем до одной трети, если не до четверти первоначального. Затаенные надежды людей на то, что после столь тяжелых боев и лишений их отведут, наконец, в тыл, рассеялись после получения приказа зимовать на занятых позициях. В довершение всего русское наступление положило конец и последним надеждам людей, мечтавших хотя бы об очередном или рождественском отпуске на родину. Теперь же роковой приказ, в котором уже открыто говорилось об окружении и о необходимости «продержаться», не оставлял и тени сомнения во всей серьезности нашего положения.

Но, естественно, солдаты-фронтовики тогда еще не представляли себе в полной мере, какие страдания и лишения им уготованы. Они не разбирались в сложных проблемах общеармейского снабжения и понятия не имели о тех бесчисленных трудностях, которые уже тогда вставали перед штабами соединений. Вначале они не знали и о том, что окружение вынудило нас сразу же поставить крест на всех еще только начатых мероприятиях по подготовке зимних позиций. Армейские тыловые базы в станицах Морозовской, Тацинской и еще дальше к западу остались за пределами «котла». Там хранились десятки тысяч комплектов зимнего обмундирования – шинелей на меху, валенок, шерстяных носок, подшлемников и наушников, – которые теперь уже нельзя было доставить в наше расположение.

В результате войска в подавляющем большинстве своем встретили убийственные русские морозы, почти не имея зимней одежды

Поскольку намеченный ранее прорыв 6-й армии на юго-запад не состоялся и окруженные соединения вынуждены были готовиться к долговременной обороне, возникла необходимость перегруппировать некоторые подразделения, а также часть тяжелого вооружения. Постепенно, преодолевая большие трудности, удалось укрепить наши рубежи и стабилизировать линию обороны. Особенно туго пришлось при этом дивизиям, расположенным на южном и западном участках, в открытой степи, где не было ни жилых помещений, ни строительного леса, ни дров. Конфигурация кольца обрела свои окончательные очертания, которые и сохранились вплоть до второй недели января. Длина «котла» с востока на запад составляла примерно пятьдесят километров, ширина – около сорока{26*}.

После того как фронт, пришедший в хаотическое движение в результате русского прорыва, наконец стабилизировался, разведотделу штаба нашего корпуса постепенно удалось получить более или менее полное представление об обстановке у противника. Теперь, когда вся 6-я армия оказалась сосредоточенной на сравнительно небольшом участке внутри кольца, мы старались выявить и нанести на карты все действовавшие против 6-й армии ударные соединения противника. Только крупных русских соединений здесь вначале насчитывалось около 60 – это были главным образом стрелковые дивизии и танковые бригады, сведенные в семь армий. К этому следовало добавить и некоторые находившиеся в резерве соединения, присутствие которых было нелегко обнаружить. Главные силы противника, и, прежде всего его артиллерия, были сосредоточены на западном участке кольца, который обороняли части нашего корпуса. Мы подсчитали, что соединения противника, окружившие нас стальным кольцом, обладают, по меньшей мере, трехкратным численным превосходством и располагают устрашающим количеством тяжелого вооружения{27*}.

Наша же армия, численность которой до окружения составляла примерно 330 тысяч человек, теперь после потерь, понесенных в результате русского прорыва, насчитывала, по нашим данным, около 280 тысяч человек, включая румын, а также некоторые части, не входившие ранее в состав армии, но попавшие вместе с нами в «котел». Среди окруженных были представители решительно всех немецких земель (один из корпусов армии формировался в Вене). Все они были отныне

связаны единой недоброй судьбой. К ним были обращены слова приказа, сулившие спасение: «Держитесь! Фюрер выручит вас!»

И солдаты слепо верили в грядущее избавление. Их боевой дух еще не был сломлен, и настроение в частях еще долго оставалось куда более оптимистическим, чем в штабах. Люди на передовой считали создавшееся тяжелое положение бедой поправимой, обычным делом, без которого на фронте не обходится, и были даже уверены, что после благополучного исхода участники сражения получат, как это обычно бывает, особый знак отличия – какую-нибудь Сталинградскую нашивку или памятную медаль за выход из «котла». Разумеется, все были уверены, что внешний фронт окружения будет прорван в ближайшем будущем. Солдаты непоколебимо верили в обещанную помощь, и в этой вере они черпали силы, сражаясь в тяжелейших условиях, страдая от голода и лютой стужи; с этой верой они и погибали в боях{28*}.

В течение долгих недель наши части в обороне отражали натиск русских, несмотря на их подавляющее превосходство в танках и других видах тяжелого оружия. Лишь на отдельных участках русским в кровопролитных боях местного значения удавалось потеснить нас и вклиниться в линию обороны, которая к тому времени окончательно стабилизировалась. Особенно упорными были атаки советских войск в первый половине декабря на западном участке «котла», где держали оборону части нашего корпуса, а также подразделения XIV танкового корпуса, позиции которого были расположены к западу и юго-западу от нас. Однако прорвать наш фронт на этом участке противнику так и не удалось. Не один подвиг совершили в те дни наши солдаты – самоотверженность и верность воинскому долгу были повседневным, будничным делом для этих безыменных немецких солдат. Однако в сводках вермахта ход битвы на Волге освещался в тот период лишь в самой общей форме, ограничивался туманными намеками. Главное командование стремилось затушевать истинное положение дел и ни словом не упоминало о том, что целая армия в окружении сражается не на жизнь, а на смерть и находится под угрозой полного уничтожения. И мы, штабные офицеры, возлагали все свои надежды на готовившуюся операцию по спасению нашей окруженной группировки. В тот момент никто и в мыслях не допускал, что Гитлер оставит в беде или, попросту говоря, скинет со счета 6-ю армию. Фюрер уж найдет за нас выход из этой проклятой ловушки! Среди нас находились даже такие фантазеры (правда, это были по большей части неопытные юнцы), которые утверждали, что Гитлер не только выручит нас, но и сумеет превратить наше кажущееся

поражение в блистательную победу, охватив гигантским кольцом все соединения русских, окружавшие нашу армию. Эти прожектеры с их слепой верой в чудеса не вывелись среди нас до самых последних дней. Никто из них, впрочем, ясно не представлял себе всей сложности обстановки, в которой немецкие войска одновременно находились и на берегах Бискайского залива и у мыса Нордкап, под Ленинградом и Вязьмой, в Кавказских горах, на острове Крит и в Северной Африке{29*}. Они не думали о том, что угрожающее положение складывается уже на многих участках гигантской, невероятно растянутой линии фронта, что повсюду не хватает людей, о том, наконец, что союзники уже начали наступление в Северной Африке и что там, в Средиземноморском бассейне, транспортная авиация нужна не меньше, чем здесь, под Сталинградом. Справедливости ради надо сказать, что тревожные настроения и сомнения в благополучном исходе дела постепенно росли, но нам уже не оставалось ничего другого, как с нетерпением ждать желанного избавления – прорыва внешнего фронта окружения, который должна была осуществить подходившая группировка фельдмаршала Манштейна, специально сформированная для этой цели.

Тревожные будни аэродрома Питомник

Но время не ждало – боеспособность 6-й армии во второй половине декабря катастрофически упала. Причиной тому было, прежде всего, недостаточное снабжение по воздуху. Изо дня в день картина здесь все более омрачалась – на этот счет у меня не было никаких иллюзий, ибо я, к своему великому прискорбию, не раз сталкивался по долгу службы с весьма печальным положением дел в этой области. Весь декабрь оперативная группа штаба нашего армейского корпуса размещались в районе аэродрома Питомник. Я получил специальное задание ежедневно докладывать командиру корпуса о том, какие грузы были доставлены за этот день транспортной авиацией. Для этого я установил постоянный контакт со специальным штабом по воздушному снабжению; штаб этот, возглавляемый весьма энергичным и дельным полковником-зенитчиком, размещался неподалеку в блиндажах.

В первые недели окружения тактическая обстановка в «котле» беспокоила нас куда меньше, чем вопросы общеармейского снабжения, ибо ситуация здесь с течением времени становилась все более угрожающей. Для сохранения боеспособности и вообще жизнеспособности наша армия должна была получать ежедневно минимум 750 тонн (впоследствии 500 тонн) самых различных грузов. Воздушный мост в нашем «котле» обслуживали главным образом два типа самолетов – транспортная машина «юнкерс-52» грузоподъемностью 2 тонны и бомбардировщик «хейнкель-111», поднимавший в своих бомбовых люках не более 1,5 тонны полезного груза. Таким образом, для обеспечения 6-й армии всем необходимым по воздуху нужен был постоянно действующий воздушный флот в 2 тысячи машин. Эта цифра, которую в первые дни окружения называл и сам командующий армией, была определена с учетом того, что, кроме самолетов, непосредственно несущих ежедневную службу снабжения, требовался и резерв, состоящий из значительно большего числа машин, для замены сбитых, поврежденных и находящихся в ремонте самолетов, а также для организации сменной работы экипажей.

Уже очень скоро у нас заговорили о том, что о такой армаде нам нечего и мечтать. Командование «люфтваффе» передало в наш штаб по снабжению данные, которые заставили нас в буквальном смысле слова «спуститься с небес». По его расчетам получалось, что в оптимальном варианте в Сталинградский

«котел» можно будет доставлять 300 тонн грузов ежедневно. Но вскоре, к сожалению, обнаружилось, что и эта цифра, представлявшая для нас минимум жизненно необходимого, была завышена.

Большую часть обещанного 300-тонного суточного рациона составляли поочередно, смотря по обстановке, то продукты питания, то горючее, то боеприпасы. Для доставки этого количества груза требовалось ежедневно 150 рейсов. Если мне не изменяет память, норма почти никогда не выполнялась. Для нас были небольшим праздником уже и те редкие дни, когда на аэродроме Питомник приземлялось более 100 машин{30*}.

Периоды Тонны Периоды Тонны
25-29 ноября 53,8 12-16 января 60
1-11 декабря 97,3 17-21 января 79
13-21 декабря 137,7 22-23 января 45
23 декабря – 24 января –
11 января 105,45 2 февраля 77,9

Всего за 70 дней 6-я армия получала по воздуху в среднем 0416 тонны грузов в день (Г. Дерр, Поход на Сталинград, Воениздат, М., 1957, стр. 117.)

В среднем же число прилетавших машин было явно недостаточным. Как правило, мы получали ежедневно лишь 80-120 тонн затребованного груза, то есть не более одной пятой необходимого минимума. Это означало, что нам ежедневно недодавали десятки тысяч килограммов хлеба, что изо дня в день армии недоставало необходимого количества боеприпасов и горючего, от которых зависела наша судьба. С течением времени это привело к тому, что наши танки и артиллерия (количество которых и без того быстро уменьшалось) либо обрекались на бездействие, либо использовались недостаточно эффективно. Но еще страшней была угроза голода. Уже в декабре дневной рацион хлеба составлял всего лишь 200 граммов на передовой и 100 граммов – в тыловых службах и штабах. Общую зависть вызывали части, имевшие лошадей, – там люди могли по крайней мере рассчитывать на дополнительный мясной паек.

Но особенно огорчены и возмущены мы бывали каждый раз, когда нам приходилось констатировать, что бесценный для нас воздушный тоннаж используется нецелесообразно, чтобы не сказать вредительски. Мы не в состоянии были найти разумное объяснение тому, что самолеты подчас доставляли нам грузы, без которых мы вполне могли обойтись, а то и совершенно бесполезные вещи. Так, иногда на нашем аэродроме вместо жизненно необходимых хлеба и муки из самолетов выгружали десятки тысяч комплектов старых газет, солдатские памятки,

изданные управлением военной пропаганды, кровельный толь, карамель, пряности, подворотнички, мотки колючей проволоки и множество других предметов, которые были нам совершенно ни к чему. Позднее штаб армии откомандировал из «котла» одного из своих офицеров с поручением предотвратить эти организационные неполадки и проследить за правильным использованием выделенной для нашего снабжения транспортной авиации. Но к тому времени воздушное снабжение ухудшилось настолько, что никакие благие намерения и организационные меры уже не могли помочь делу.

Роковую роль сыграло и то обстоятельство, что положение в интендантских службах окруженной армии вначале вынуждало нас ввозить печеный хлеб вместо более компактной муки и концентратов. К сожалению, мы не смогли иным путем организовать продовольственное снабжение вплоть до того момента, пока нам не удалось, наконец, пустить в ход полевые хлебопекарни.

Итак, снабжение по воздуху не оправдало возлагавшихся на него надежд: мы получали значительно меньше необходимого минимума. Это объяснялось различными причинами. К летчикам у нас не могло быть никаких претензий. Под постоянной угрозой гибели, в неравной борьбе с непогодой и превосходящими силами советской авиации многие экипажи делали в день по несколько вылетов в «котел» и обратно. Но, несмотря на это, нам просто-напросто недоставало машин, как недоставало их и в далеких от нас Средиземноморье и Северной Африке, где к тому времени развернулись решающие бои{31*}. Авиачасти для воздушного моста в наш «котел» стягивались с Севера из Франции, с берегов Средиземного моря. Но лишь немало времени спустя после того, как мост начал функционировать, я обнаружил, что среди привычных «старушек» «Юнкерс-52» и «Хейнкель-111» стали попадаться и транспортные машины нового типа – самолеты, поднимавшие до 80 человек, а изредка и огромные четырехмоторные машины большой грузоподъемности, а также гигантские транспортные планеры.

Неустойчивая погода, неблагоприятные метеорологические условия начала зимы в степях Дона и Поволжья мешали бесперебойной работе воздушного моста. Снабжение по воздуху неоднократно прерывалось, и эти роковые простои вселяли тревогу и отчаяние в наши сердца. Временами, например, во вторую неделю декабря, густые устойчивые туманы и снежные метели, грозившие самолетам оледенением, обрекали нашу авиацию на полное бездействие. Превосходящие силы русской авиации в свою очередь доставляли немало хлопот пилотам

наших транспортных самолетов Положение особенно осложнилось после того, как в рождественские дни противник занял станицы Морозовская и Тацинская в 200 километрах к востоку от окруженной армии, где находились наши авиабазы. Воздушные подступы к «-котлу» теперь проходили полностью над территорией, занятой противником. На этом пути, который в последний период сражения достигал 300-400 километров, немецких летчиков подстерегали многочисленные опасности, тем более что при таких расстояниях наше командование, в конце концов, перестало выделять истребители для прикрытия транспортных самолетов. Сотни самолетов в течение этих недель были сбиты русскими или терпели аварии по иным причинам{32*}. Но самым трудным и опасным делом считались посадка на аэродроме Питомник и обратный вылет. Поэтому транспортные машины предельно сокращали время стоянки у нас и взлетали сразу же после того, как выгружался драгоценный для нас груз, а вместо него на борт принимались тяжелобольные и раненые, получившие специальные письменные разрешения на вылет из «котла» Бомбежки на аэродроме, туманы и оледенение машин постоянно угрожали летчикам. Сплошь и рядом случалось, что самолеты, битком набитые тяжело пострадавшими в этой грандиозной битве окруженцами, которые полагали, что вырвались из этого ада, и летят навстречу жизни и свободе, врезались в землю, сбитые противником над аэродромом или потерпев аварию при старте. Обломками их была усеяна снежная пустыня вокруг Питомника. Русские, разумеется, отлично знали, что в Питомнике, единственном аэродроме, заслуживавшем этого названия в нашем «котле» (запасной, вспомогательный аэродром был построен в Гумраке), бьется сердце окруженной армии. Здесь выгружалось и распределялось все необходимое для нас: продовольствие для людей, горючее и боеприпасы для машин и оружия. Здесь были размещены важные штабы и узлы связи, группа управления полетами, штаб по снабжению, интендантство с его обширными подземными складами, в которых хранились доставленные нам по воздуху сокровища: хлеб, пакеты с сухими хлебцами, мясо, бобы, спиртные напитки и консервы. Здесь же, в самом центре «котла», находился и наш главный эвакогоспиталь, куда со всех сторон свозили тысячами, а потом и десятками тысяч раненых и больных для последующей эвакуации по воздуху. Неподалеку размещался и центральный пересыльный пункт – место сбора солдат, отставших от частей, куда тоже тянулись из всех разгромленных подразделений сломленные, отчаявшиеся, обезумевшие от ужаса и лишений люди. Одним словом, в Питомнике кипела лихорадочная работа, люди сновали, словно

муравьи в растревоженном муравейнике, под неумолчный рев моторов, перемежавшийся с взрывами бомб и пулеметными очередями.

Таковы были те тревожные будни, полные бесконечных забот, порождавших то слабую надежду, то безысходное отчаяние.

Не удивительно, что аэродром в Питомнике пользовался особым вниманием русских в качестве постоянного объекта воздушных налетов. Советские бомбардировщики и истребители то и дело наведывались к нам и сбрасывали свой смертоносный груз, стремясь уничтожить как можно больше неповоротливых транспортных самолетов на посадочной площадке и в воздухе над аэродромом. Противник старался сорвать наше воздушное снабжение и хитростью, с помощью различных уловок: так нередко в тумане или в темноте русские сбивали с толку наших пилотов-транспортников, применяя немецкие посадочные световые сигналы. Потеряв ориентировку, машины шли на посадку навстречу гибели. Одних сбивали, другие садились на «ничейной земле» или во вражеском расположении, где русские буквально разносили их по винтикам, забрав предварительно груз на глазах у оцепеневших от горя и ужаса немецких солдат в окопах, которые ничем не могли помочь своим летчикам, ибо русские немедленно открывали на этом участке заградительный артиллерийский и минометный огонь.

Но зато ничто не согревало так душу, как зрелище посадки в Питомнике в ясную погоду сразу нескольких десятков тяжелых транспортных машин, которые вскоре после этого вновь взмывали в воздух и, медленно кружа над нашими головами, строились в боевые порядки, сопровождаемые (увы, лишь на первых порах) истребителями прикрытия – юркими «мессершмиттами». Равномерный низкий гул моторов, не умолкавший ни днем, ни ночью, – в ясные морозные дни приобретал неожиданно высокий звенящий оттенок. Этот звон был для наших ушей чудесной музыкой, успокаивавшей и порождавшей светлые надежды. И все же я слишком хорошо знал, что воздушное снабжение не в состоянии обеспечить нам «прожиточный минимум». Хотя в дни после роковых перебоев в «котел» и прилетало особенно много машин, но того, что они доставляли, было далеко не достаточно. Сухие цифры, которые я ежедневно представлял своему генералу, скрывали жуткий баланс голода, страданий и смерти.

Черные дни декабря

Вспоминая сегодня о недобрых декабрьских днях 1942 года, проведенных мною на аэродроме Питомник (или, лучше сказать, в бункерах под аэродромом), просматривая полученные тогда письма, я не могу избавиться от впечатления, что вновь погружаюсь в ледяной океан безысходного отчаяния и затаенного страха.

Разведотдел нашего штаба устроился в грязной землянке Нам, шести офицерам отдела, было здесь тесновато, но, по крайней мере, тепло. Картина надвигавшейся катастрофы вначале складывалась для нас из мозаики самых различных данных, которые мы анализировали, чтобы получить представление об обстановке у русских. Сообщения, поступавшие сверху, из штаба армии, а также из штабов соседнего корпуса и наших собственных дивизий, показания столь редких теперь военнопленных и сбитых русских летчиков, сведения, полученные от немецких солдат, взятых в плен противником и отпущенных назад с пропагандистскими целями, листовки, иностранные радиопередачи, рассказы отпускников и офицеров, вернувшихся в «котел» на самолетах воздушного моста, наконец, результаты радиоперехвата – все это еще позволяло нам более или менее точно наносить на карты обстановку у противника. Количество жирных красных линий, цифровых и буквенных обозначений, стрел и дуг на этих картах росло с угрожающей быстротой. Все это было охвачено зловещим кроваво-красным кругом, который, постепенно сжимаясь, грозил задушить нас всех. И именно на участке нашего корпуса особенно часто возникали в те дни роковые стрелы и клинья, подползавшие к сердцу 6-й армии – к аэродрому в Питомнике.

Об этом весьма ощутимо напоминали нам и частые воздушные налеты – с леденящим душу свистом бомбы неслись к земле, с ревом и адским грохотом рвались вокруг нашей землянки. Впрочем, пережитое во время Восточного похода и особенно испытания, выпавшие на нашу долю уже в первые недели окружения, приучили нас ко всему, и мы не обращали внимания даже на близкие разрывы, когда землянка ходила ходуном, нары дрожали и глина сыпалась с потолка. Не терял присутствия духа и наш седьмой жилец, постоянно урчавший приблудный кот, гроза донимавших нас мышей. Мы опасались лишь за судьбу многострадального стекла в нашем оконце; заклеенное вдоль и поперек, оно каким-то чудом еще держалось, пропуская днем свет в нашу землянку и спасая нас от стужи. В

редкие свободные минуты после очередной бомбежки мы иногда собирались в землянке в дружеском кругу и писали письма родным и близким, о которых в те дни перед рождеством особенно часто думали с тревогой и нежностью. Полевая почта у нас еще работала, но весточки из дома приходили все реже. Иногда мы болтали о том, о сем, чтобы хоть немного отвлечься. Но самообман был слишком очевиден и непринужденная – беседа как-то не клеилась. Впрочем, «юмор висельников» не покидал нас – так, иногда вспомнив не без удовольствия последний гуляш из конины, мы хором затягивали фронтовую песню о немецком солдате на Востоке, начинавшуюся так: «Кто, попавши в „котел“ свою лошадь не жрал, тот солдатского горя не знал…». Но, так или иначе, мысли наши были постоянно прикованы к нашим трагическим будням, к Сталинграду и Волге, которая стала теперь нашей судьбой.

Беспокойная жизнь в Питомнике посреди унылой степи была не лишена своеобразной мрачной романтики. Хотя бомбежки и воздушные бои над аэродромом давно уже стали обычным делом, это зрелище все же каждый раз притягивало нас. Иногда, забыв об опасности, мы выбирались из своей землянки, чтобы посмотреть на захватывающую картину воздушного боя. Сидя среди снежных сугробов, мы с каким-то странным чувством, в котором смешивались спортивный азарт, любопытство, бездумное желание развлечься и скрытый ужас, наблюдали, затаив дыхание, за поединками небесных фехтовальщиков, которые сражались не на жизнь, а на смерть с подлинной грацией и изяществом. Адская музыка сопровождала этот спектакль – глухие раскаты зениток, еле слышный внизу треск пулеметных очередей, рев и гул моторов. Среди ватных хлопьев зенитных разрывов кружились истребители, преследуя и обгоняя друг друга, проделывая сложные акробатические этюды. Ожесточенная дуэль обычно кончалась тем, что один из ее участников устремлялся к земле, влача за собой быстро увеличивающийся шлейф черного дыма.

Время от времени раздавался оглушительный грохот и языки пламени, взметнувшегося вверх, освещали призрачным светом аэродром – это взрывался от прямого попадания наш транспортный самолет с грузом горючего, только что совершивший посадку. Иногда сраженный насмерть истребитель, охваченный ярким пламенем, метеором падал из голубой бездны зимнего неба, врезался в землю и огромный столб дыма на месте падения завершал одну из бесчисленных маленьких трагедий войны – гибель летчика и машины.

К концу декабря территория Питомника была усеяна обломками сбитых самолетов чуть ли не всех типов. Они мирно

лежали теперь рядом – верткие советские истребители и большие немецкие машины с переломленными крыльями или превращенные в груду металла. Много самолетов погибло при неудачном взлете. Не понятно, как затесался сюда и совершенно обледеневший штабной «Физелер-Шторх». Но посреди этого обширного кладбища авиатехники все еще кипела лихорадочная работа, даже под землей. Снежные увалы, крыши землянок с дымившимися трубами, на скорую руку замаскированные машины, стационарные радиостанции с частоколом мачт и антенн, радиостанции на грузовиках, здесь и там белевшие палатки – все это производило впечатление какого-то призрачного поселения, в котором люди, словно муравьи, копошились на земле и под землей. И все же этот человеческий муравейник был затерян и одинок в бескрайней снежной пустыне

Степь вокруг аэродрома была, пожалуй, самым безрадостным и гнетущим местом из всех тех, что мне довелось видеть в России. Кругом, куда ни посмотришь – ни деревца, ни куста, редко встречаются деревни. В небольшом поселке Питомник, расположенном километрах в пяти от нашего аэродрома (в нем чудом уцелело еще несколько домов), стояло одно единственное сухое дерево без сучьев, служившее нам дорожным указателем. Неподалеку от поселка степь прорезали многочисленные балки – глубокие крутые овраги, надежно укрывавшие нас во время налетов. Иногда с востока, от Волги, наползал серый туман и пронизывающий ледяной ветер гулял по снежной пустыне. Мы так и не смогли привыкнуть к бескрайним восточным просторам, поглотившим нас. Гнетущее чувство усиливали ранние сумерки. К тому же мы жили и работали по среднеевропейскому времени, которое уж никак не подходило для нашего участка фронта: вскоре после обеда заходило солнце, а между 14 и 15 часами пополудни наступала ночь.

Это лишь обостряло нашу тоску по родине, ежедневно напоминая нам, как далеко мы от нее здесь, в заснеженных степях.

Возвращаясь из поездок на различные участки кольца, куда меня направляли как офицера связи или для того, чтобы на месте изучить обстановку, я частенько не мог отделаться от мысли, что все мы – живые и мертвые – уже погребены здесь, в огромной братской могиле. Дивизии нашего корпуса в те дни вели ожесточенные оборонительные бои на недоброй памяти высотах в долине реки Россошки, обильно политых немецкой кровью. Солдаты в окопах и засыпанных снегом одиночных ячейках гибли от голода и холода: мизерного хлебного пайка и постоянно уменьшавшихся продовольственных рационов уже не хватало,

чтобы поддерживать силы измученных стужей и болезнями людей. Досыта кормилось лишь воронье – эти гнусные прожорливые птицы, которые на Восточном фронте всегда казались мне вестниками грядущей близкой беды. Да, этим каркающим спутникам смерти в те дни жилось вольготно. Лишь нехотя взлетали они при виде людей с лошадиных трупов, превратившихся в своеобразные дорожные знаки. Запекшиеся кровью раны на трупах животных свидетельствовали о том, что изголодавшиеся солдаты уже поработали здесь ножами и штыками, добывая долгожданное жаркое.

Снабжение по воздуху абсолютно не оправдало возлагавшихся на него надежд, и солдаты вынуждены были не только сражаться с нечеловеческим напряжением сил, но и терпеть при этом неимоверные лишения. И они воистину делали все, что могли. Сводки потерь постепенно становились страшней. Смерть во всех возможных обличьях собирала обильную жатву. Казалось, что вместо обещанной помощи в наш «котел» ворвались всадники Апокалипсиса. Мысли о страданиях наших товарищей, об их муках и лишениях, о смертельной опасности, которой они постоянно подвергались и которая со дня на день могла стать и нашим уделом, – эти гнетущие мысли не покидали нас ни на минуту. Надо было сделать что-то для того, чтобы все жертвы не оказались напрасными. Почему нам не разрешили идти на прорыв в тот момент, когда мы еще обладали достаточными для этого силами и были полны энергии? Теперь эти силы и энергия медленно, но неуклонно таяли. В те дни я не раз вспоминал о разговорах, в которых сам принимал участие в первые дни окружения, когда армия получила роковой приказ организовать круговую оборону на данном месте. Ведь уже тогда возникали серьезнейшие сомнения о целесообразности такого решения, уже тогда оно вызывало тревогу и опасения. Снабжение по воздуху, которое считали вначале спасением от всех бед, потерпело полную неудачу, и казалось, что теперь уже ничто не может изменить черную судьбу окруженной армии. И все же одна надежда еще оставалась: надежда на помощь извне. Быстрая и решительная операция по прорыву внешнего фронта окружения могла еще принести желанное изменение ситуации нашей армии, которой грозила смертельная опасность.

Манштейн идет!

Во вторую неделю декабря нам стало известно (на первых порах лишь в штабах), что группа армий «Дон» под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна начала долгожданную операцию по освобождению 6-й армии из окружения. Вскоре эта радостная весть дошла и до передовой. С быстротой молнии распространился, словно единый пароль, клич: «Манштейн идет!» Эти слова придавали солдатам новые силы на всех участках кольца, и прежде всего на нашем западном участке «котла», где приходилось особенно туго. Угасающие надежды вспыхнули вновь, воскрес оптимизм, проснулась инициатива, люди вновь обрели уверенность в своих силах. Стало быть, все испытанные страдания и принесенные жертвы не были напрасными! Спасение казалось близким. Да иначе и быть не могло – фюрер не мог не выполнить обещанного. И он, конечно уж, не остановится ни перед чем, чтобы сдержать данное им слово. Уповая на это слово, солдаты неукоснительно выполняли полученный приказ держаться любой ценой. И вот теперь помощь извне приближалась. Фюрер выручит нас! Все были убеждены в том, что речь может идти лишь об операции большого масштаба по выводу всей армии из окружения и что успех этой операции обеспечен. С особым удовлетворением было воспринято известие о том, что именно фельдмаршалу Манштейну было поручено проложить нашей 6-й армии путь из вражеского кольца. Незаурядный полководческий талант этого крупного военачальника, о котором в нашем штабе всегда говорили с большим уважением, представлялся нам залогом успеха предстоявшей операции и укреплял нашу уверенность в благополучном исходе дела.

В эти дни мой полевой телефон звонил не переставая. Наши дивизии требовали подробной информации – на передовой хотели знать решительно все, все подробности, которых мы вначале не знали и сами. Командиры частей настоятельно требовали ободряющих сведений о приближении наших спасителей – танковых соединений Манштейна. Они подчеркивали, что подобные сообщения сейчас важнее, чем скудные ежедневные выдачи хлеба и нормы расхода боеприпасов, что ничто другое не может сейчас так поддержать солдат на передовой и поднять их боевой дух. Я с энтузиазмом сообщал им то немногое, что знал сам, – первые радостные известия о начавшейся операции по прорыву кольца извне, которые были получены в нашем штабе.

Я всей душой разделял воскресшие надежды, несмотря на тяжелые предчувствия, не покидавшие меня, хотя я доподлинно знал о крайне тяжелом положении нашей окруженной армии. Мой вновь обретенный оптимизм отражался в те дни и в моих письмах на родину – с особой радостью я дал понять своим близким, что наше положение должно вскоре измениться к лучшему. Ведь лучшего подарка к рождеству, чем эта успокоительная весть, они не могли и желать. Если все пойдет на лад, то нас должны вызволить как раз к рождеству. Тогда рассеялся бы гибельный мрак, в который мы медленно погружались, и для обреченных солдат 6-й армии воистину взошло бы новое солнце. Все мы надеялись на приближение великого часа избавления, и каждый, естественно, связывал с этим и свои личные заветные желания и мечтал о собственных маленьких радостях. Для меня это, прежде всего, были надежды на получение рождественской почты и посылок из дома, чудесных посылок, битком набитых всякой всячиной. Родные уже сообщали, что выслали их мне, и, конечно же, они давно ждали меня где-то за пределами «котла».

12 декабря четвертая танковая армия генерала Гота начала наступление с юга в направлении нашего «котла». Судя по первым обнадеживающим сообщениям, соединения Гота быстро продвигались вперед. Имя этого генерала внушало мне лично особое доверие – это был первый генерал, которого мне довелось в свое время увидеть. В одном из гарнизонных городов в Силезии он провел с нами, новобранцами-юнкерами первое тактическое занятие на ящике с песком. Позднее, во время моей учебы в Бреслау, я вновь встретился с ним. Гот был не только боевым генералом, но и видным специалистом по военной истории; тогда в Бреслау он прочел лекцию на нашем военно-историческом семинаре. В моей памяти запечатлелся образ этого худощавого генерала, подвижного как ртуть, с седой головой и горящим взглядом. Он представлялся мне олицетворением энергии.

Моторизованные и ударные танковые соединения Гота (часть их была срочно переброшена на Восточный фронт из Франции), шедшие нам на помощь, пошли в наступление из района Котельниково, примерно в 200 километрах юго-западнее Сталинграда{33*}. Вначале оно развивалось успешно – Гот стремительно продвигался вперед на соединение с нашей армией, преодолевая сопротивление советских войск, которое, однако, непрерывно нарастало. К 19 декабря части Гота продвинулись уже намного более 100 километров и образовали сильный плацдарм севернее Мышковой. Еще задолго до этого штаб Гота установил постоянную радиосвязь со штабом нашей армии в

Гумраке. На западном участке «котла» мы уже слышали отдаленную артиллерийскую канонаду. Всего лишь 50 километров отделяло нас от танковых авангардов Гота{34*}. «Держитесь! Идем на выручку!»– таков был многообещающий текст одной из его радиограмм, которая с быстротой молнии разнеслась по всем частям, оборонявшим западный участок «котла».

Приближался решающий час. Теперь уж нельзя было скрыть, что мы полным ходом готовимся к прорыву кольца и выходу на соединение с приближающимися освободителями. В наших штабах распространились слухи о том, что вслед за наступающими танками Гота идут бесконечные автоколонны, везущие тысячи тонн продовольствия и другого имущества для нашей армии. В лихорадочной спешке мы начали в соответствии со специальным приказом выявлять во всех наших частях и сосредоточивать свободные грузовики и транспортеры.

Напряжение и возбуждение в «котле», особенно на его западном участке и в штабах, достигли апогея. Сомнений больше не было ни у кого – наши части, затаив дыхание, ждали лишь сигнала, чтобы пойти на прорыв и, проломив вражеское кольцо, двинуться на запад. Все были полны решимости и готовы идти на любые жертвы, чтобы не упустить эту представившуюся нам последнюю возможность спасения.

Официального приказа о подготовке к прорыву штаб нашего корпуса, сколько я помню, не получил, но вместо этого нам были даны некоторые ориентирующие указания. План прорыва, разработанный в штабе армии, мало чем отличался от такого же плана, принятого в первые дни после окружения. Правда, за прошедший период положение наше катастрофически ухудшилось, и ввиду понизившейся боеспособности частей и соединений мы шли теперь на гораздо больший риск. Три дивизии, сохранившие еще максимальную в наших условиях боеспособность, должны были прорвать кольцо юго-западнее Карповки и выйти в степи на соединение с наступавшей танковой армией Гота. Но операция должна была начаться лишь после того, как его авангарды будут не далее чем в 30 километрах от внешнего обвода кольца. Преодолеть большее расстояние наши части не смогли бы из-за нехватки горючего. Командование 6-й армии стремилось действовать наверняка и сократить до минимума неизбежный риск. Остальные наши соединения должны были бы, поэтому покинуть свои позиции в «котле», лишь, после того как создался бы целый ряд предпосылок, уменьшавших риск этого маневра. Одно за другим они должны были сниматься с фронта вдоль Волги и продвигаться на юго-

запад, втягиваясь в брешь, пробитую нашим ударным клином. Обеспечение флангов возлагалось на сохранившиеся исправные танки, которых у нас к тому времени еще насчитывалось около сотни.

Между собой мы много говорили в те дни об опасности, которой в принципе грозила нашей окруженной армии «Зимняя гроза» – так была закодирована операция по прорыву кольца извне. С конца ноября эта опасность резко возросла. Русские значительно усилили окружавшие нас соединения, в то время как состояние немецких частей ухудшилось в угрожающей степени, а подвижность их была предельно ограничена не только вследствие ликвидации конского поголовья, давно уже отправленного на полевые кухни, но и прежде всего из-за катастрофической нехватки горючего. Последнее обстоятельство осложняло перегруппировку уцелевших танков и тяжелого вооружения или делало ее вообще неосуществимой. К тому же ударили лютые морозы, которые усиливались с каждым днем. Удастся ли нам вообще в таких условиях пробить себе путь сквозь кольцо и соединиться с наступающей танковой армией, отбив при этом в открытой степи ожесточенные контратаки противника, которые, конечно, не заставят себя ждать? Но каковы бы ни были наши опасения, мы ясно понимали, что настал момент, когда все приходится ставить на карту. Сознавая, что нам предоставляется последний шанс, мы с нетерпением ждали решающего часа и твердо верили в успешный исход дела. Все были убеждены, что вот-вот будет отдан, наконец, долгожданный приказ.

Но, увы, уже очень скоро все наши надежды рассеялись как дым. К нам начали поступать тревожные сообщения: русские танковые соединения перешли в стремительное контрнаступление, навязали шедшей нам на помощь армии тяжелые оборонительные бои. В сочетании с новым русским наступлением к западу от реки Дон этот контрудар, в конечном счете, поставил в тяжелое положение всю группу армий фельдмаршала Манштейна.

За истекшие недели мы тщетно пытались ввести в заблуждение русских и приковать возможно больше их сил к нашему «котлу». С этой целью мы провели несколько ложных демонстраций и передали множество дезинформирующих радиограмм, стараясь создать у противника впечатление, что мы пойдем на прорыв, не дожидаясь подхода соединений Манштейна. Но все оказалось напрасным. Русские то и дело снимали с нашего участка танковые соединения и тяжелое вооружение и перебрасывали их на запад и на юг. Сообщения, поступавшие с внешнего фронта окружения, и, прежде всего, с его

южного участка, вызывали у нас серьезное беспокойство: несколько ночей подряд нам удавалось по свету фар и шуму моторов засечь передвижение целого ряда частей – русские при этом снимали свои соединения не только с участка нашего корпуса, но и с других участков. Создавалось впечатление, что русские уже не уделяют свое основное внимание окруженной армии. Судя по всему, они не склонны были переоценивать наши силы и возможности и вообще уже не принимали нас всерьез. Не оставалось сомнений в том, что противник снимает с обвода кольца значительную часть своих соединений и бросает их в бой против идущей нам на выручку группировки{35*}.

И действительно, в районах западней и южней нашего «котла» русские предприняли все возможное, чтобы закрепить свой триумф и расширить пробитую ими в нашем Восточном фронте кровавую брешь. Один из ударов противника обрушился при этом на танковые соединения генерал-полковника Гота, спешившие нам на помощь. В тревожном напряжении и с возрастающим беспокойством мы следили за сообщениями, которые основывались на результатах дальней воздушной разведки и радиоперехвата. Вскоре мы получили катастрофические вести.

В начале последней перед рождеством недели гроза над нашим фронтом разразилась и в большой излучине Дона. Русские и здесь нанесли нам удар, точнее, развернули широкое наступление и вновь пробили зияющую дыру в немецкой обороне{36*}. Этот удар обрушился, прежде всего, на действовавшие в районе Миллерово соединения 8-й итальянской армии (в том числе и на ее горно-стрелковый корпус), которые были разгромлены и уничтожены. Главное командование сухопутных сил по непонятным соображениям сочло нужным снять эти части, хорошо обученные и снаряженные для войны в горах, с Кавказского фронта, для которого они были в свое время предназначены, и перебросить их в Донские степи, где они оказались совершенно не подготовленными для боевых действий в тамошних специфических условиях. Положение стало катастрофическим.

Русские ударные клинья продвигались также на запад от реки Чир, проламывая глубокие бреши в нашем фронте и угрожая северному флангу группы армий «Дон». Перехваченные радиограммы позволяли нам определить местонахождение русских танков и их продвижение. Кровь застывала в жилах при взгляде на карту. Наши ближайшие фронтовые аэродромы, откуда беспрестанно вылетали в наш «котел» транспортные самолеты, основные армейские базы в Тацинской и Морозовской,

где размещались интендантские склады, походные лавки и громоздились целые горы мешков не отправленной полевой почты, превратились теперь в поле боя. На Тацинском аэродроме, как рассказывал нам один офицер, вскоре после удара русских прилетевший оттуда, царила страшная неразбериха, вызванная неожиданным появлением русских танков. Сгорели главные провиантские склады 6-й армии. Множество транспортных самолетов было приведено в негодность, были взорваны склады с боеприпасами – над станцией заполыхал чудовищный фейерверк. Паника охватила тыловые службы, там уничтожали без разбора все, что попадалось под руку. По слухам, были даже случаи столкновения в воздухе стартовавших в спешке самолетов.

Наступление Манштейна захлебнулось. Соединения Гота сами оказались под угрозой окружения и, в конце концов, вынуждены были начать отход. Фронт откатился на сотни километров, и окруженная 6-я армия была окончательно предоставлена своей судьбе{37*}.

В канун рождества все наши ожидания и надежды рухнули, словно карточный домик. Радостные сообщения первых дней, действовавшие словно бальзам, становились все реже и вскоре совсем прекратились. Градом посыпались отчаянные запросы из дивизий. Я не отходил от телефона. На передовой хотели знать, как развивается операция по выводу нашей армии из окружения, когда можно рассчитывать на ее успешное завершение и, наконец, почему до сих пор не поступают приказы о последних приготовлениях к прорыву кольца изнутри

В частях жаждали ободряющих известий. Передовая держалась из последних сил, уповая на то, что сейчас, под рождество, Гитлер выполнит свое обещание и выручит. Фраза «Манштейн идет!» была еще у всех на устах. Но именно в эти дни, когда все еще ждали, верили и надеялись, наступавшие соединения, перед которыми была поставлена задача освободить из окружения 6-ю армию, были остановлены, а затем отброшены русскими войсками, так и не достигнув своей цели.

Лишь много времени спустя мне довелось узнать во всех подробностях о трагических событиях, окончательно решивших судьбу 6-й армии. В тот момент я и не подозревал, что Гитлер все еще не желал уходить с берегов Волги. Не знал я и о том, что именно в эти дни после исполненного драматизма совещания в ставке он, не посчитавшись с мнением начальника генштаба и вопреки настойчивым требованиям командования группы армий «Дон», вновь категорически запретил 6-й армии предпринять попытку прорыва кольца. Гитлер согласился лишь на создание узкого коридора для снабжения окруженной армии, облегчения

ее положения и постепенного вывода из окружения. Такой план должен был, по его мнению, обеспечить в будущем восстановление прежней линии фронта Фельдмаршал фон Манштейн, исходя из оценки сложившейся обстановки, приказал 6-й армии идти на прорыв, пока еще оставался хоть какой-то шанс на успех этой операции, и даже считал возможным в перспективе уход из Сталинграда. Но, несмотря па это, командующий 6-й армией и его начальник штаба, не желавший, как он выражался, действовать по «рецептам на худой конец», не решились взять на себя ответственность пойти на связанный с прорывом риск. Исходя из обстановки, они считали, что при острой нехватке горючего немецким обороняющимся частям не удастся оторваться от противника и соединиться с группой Манштейна, которая была еще слишком далеко. Наконец, они были убеждены, что без немедленного ухода из Сталинграда любая попытка прорыва кольца изнутри совершенно бесперспективна. Так в дни перед рождеством была безвозвратно упущена последняя возможность спасти окруженную армию.

В нашем штабе все были подавлены и обмануты в своих воскресших было надеждах. Мы почти ничего не знали о событиях, происходивших вне пределов «котла». Но интуиция подсказывала нам, что была упущена последняя мыслимая возможность спасения. Как знать, быть может, прорыв и удался бы, если бы мы вновь не упустили момент, когда можно и нужно было все поставить на карту. Но теперь уже было поздно – момент этот миновал безвозвратно{38*}.

Рождество и Новый год в «котле»

Мало-помалу на всех участках «котла» разговоры о подходившем Манштейне прекратились. У нас в штабах больше уже не было новых известий о том, как развивается операция по освобождению окруженной армии, которые мы могли сообщить в части. Да это и не поощрялось, а потом и вовсе было запрещено. Об общей обстановке на фронте мы и сами теперь знали мало. Наши тягостные будни со всеми их страданиями, лишениями, хлопотами и опасностями напоминали о себе каждую минуту и требовали предельного напряжения сил. Разумеется, некоторые горячие головы на передовой долго еще судачили о самых невероятных планах выхода нашей армии из кольца. Но разговоры эти, понятное дело, были порождены своеобразным «оптимизмом отчаяния», цеплявшимся за любую соломинку и принимавшим желаемое за действительное. Впрочем, иногда это было лишь плодом болезненного воображения. Так, возникали иногда дикие слухи: находились люди, уверявшие, что они явственно слышали из-за русских позиций с той стороны Дона нарастающий гром нашей артиллерии и далекий лязг и скрежет гусениц спешивших нам на выручку танков.

Что касается нас, то в своем узком кругу мы уже не питали никаких иллюзий и считали наше положение совершенно безнадежным. Фронт отодвинулся далеко на запад, и ни о какой операции по выводу нас из кольца сейчас не приходилось и думать. Окруженная на берегах Волги и в пустынных придонских степях, армия была теперь предоставлена самой себе. В самом деле, фронт, в котором русские пробили тем временем новые бреши, отстоял от нас теперь на сотни километров; снабжение по воздуху, и без того совершенно недостаточное, в результате последних событий значительно ухудшилось, суровая русская зима была в самом разгаре. Мы задавались вопросом: удастся ли нам продержаться хотя бы еще несколько недель? И отвечали сами себе: навряд ли! Голод, холод и болезни подтачивали последние силы армии – смерть собирала обильную жатву не только на передовой у огнедышащего стального кольца. Для операции по прорыву кольца окружения изнутри теперь уже не было сколько-нибудь благоприятных предпосылок. При попытке прорыва наша армия из-за нехватки горючего (не говоря уже о других причинах) могла бы продвинуться лишь на несколько километров и потом безнадежно застряла бы в снегах. А как поступить в случае эвакуации Сталинграда с сонмом раненых, больных и истощенных, число которых росло с каждым днем? Да

и вообще входил ли в планы главного командования сухопутных сил уход с берегов Волги? Поступавшие до этих пор приказы свидетельствовали об обратном. Я вновь и вновь вспоминал фанатичные заявления Гитлера о немецких солдатах, о Волге и Сталинграде, и мороз пробегал у меня по коже. Быть может, он только того и хотел теперь, чтобы мы сражались до конца, до последнего патрона, не отходя ни на шаг назад. Призрак неотвратимой катастрофы поднимался на сумрачном горизонте.

В такой-то атмосфере отчаяния и окончательного крушения всех надежд и пришло рождество. Для многих десятков тысяч несчастных людей, испытывавших в «котле» неимоверные страдания и долгие годы не видевших своих родных и близких, оно, бесспорно, было самым печальным рождеством в их жизни. Наступил сочельник. Все физические и душевные раны, на которые обрекла нас злая судьба в эту ночь, болели и жгли сильнее, чем обычно. Настроение было подавленное. Почти ничто не напоминало о привычном блеске и очаровании милого сердцу старого праздника. Не пришла и почта, которую мы в этот день ждали с удвоенным нетерпением, – и это было особенно тяжело. Никто не мог сказать, когда мы получим теперь весточку от родных и близких и получим ли вообще.

Письма не поступали уже неделями, а их отсутствие на рождество я переживал особенно мучительно, памятуя о том, что наши перспективы становились все мрачней и мрачней. За все это время лишь один раз транспортный самолет доставил относительно большую почту. Тогда мы получили письма, написанные в начале ноября. Позже, в дни предрождественского поста кто-то из вернувшихся в «котел» отпускников нежданно-негаданно, к моей величайшей радости, занес в мою землянку маленькую празднично разукрашенную (как видно, заранее) коробку – посылку от матери. В ней было домашнее печенье, пахнувшее мятой и ванилью. По всей вероятности, это была единственная посылка с рождественским печеньем, дошедшая в «котел» – в далекие донские степи. Теперь же почты, судя по всему, ждать больше не приходилось. Казалось, оборвались последние нити, связывавшие нас с родиной и семьями. Солдатская дружба, сколь бы крепка она ни была, не могла больше заглушить растущего чувства полного и беспросветного одиночества.

Рождество мы отпраздновали в кругу офицеров оперативного и разведывательного отделов штаба корпуса, которые к тому времени переселились в одну из степных балок, неподалеку от Питомника. По приказанию командира корпуса в балке был возведен целый поселок из блиндажей и землянок. Вдали от

постоянной суеты аэродрома, надежно укрытые от воздушных налетов, мы могли здесь спокойно работать. И все же первое посещение этого городка, на поспешное сооружение которого была брошена целая саперная часть, вызвало у меня тягостные мысли. В нашем положении, когда никто не был уверен в завтрашнем дне, а солдаты на передовых были лишены не только материалов для оборонительных сооружений и укрытий, но и всего насущно необходимого, новая штаб-квартира казалась мне ненужной и непозволительной роскошью. Да и вообще, спрашивал я себя, суждено ли нам обосноваться здесь надолго?

Командир корпуса обратился к нам с кратким приветственным словом. Только что пожалованная ему высокая награда – «Дубовые листья к рыцарскому кресту», – казалось, не больно-то радовала его. Во всяком случае, об этом старались не говорить. Праздник получился невеселый. Хорошее настроение не приходило. Не помогло и рождественское убранство генеральского блиндажа – пожелтевшие сосновые ветви, привезенные со Сталинградской окраины, мягкое пламя свечей и серебряные гирлянды, старательно склеенные из бумажной фольги (ее было достаточно в коробках из-под сигарет). Даже долгожданные дополнительные рационы табака, хлеба и конины не радовали нас. Былые рождественские праздники казались бесконечно далекими от нас в ту ночь. Призрачные воспоминания о них возникали как видения какого-то давно исчезнувшего мира, которые не могли заслонить от нас грозную действительность. Мы тихо спели с детства знакомые рождественские песни, и стало еще грустнее. Никто из нас ни на минуту не в силах был забыть хлопоты и опасности сегодняшнего дня, и веселье наше было деланным и вымученным. Все мы знали об истинном положении дел, и в этот рождественский вечер лишения и физические страдания, на которые мы были обречены, отступили перед терзаниями душевными – смутной тревогой, чувством неопределенности и страха.

На далекой родине в эти часы служили рождественскую мессу. Я вышел из блиндажа в холодную мглу; мне захотелось побыть одному, собраться с мыслями. Лютая метель гуляла по степи, которая в ту ночь казалась особенно унылой и жуткой. Я сделал несколько шагов, и мрак поглотил меня. Но чувство беспросветного одиночества слабело во мне, по мере того как мне удавалось по-новому осмыслить значение рождественского праздника для наших нынешних безрадостных будней и ощутить всем сердцем неразрывную духовную связь со своими близкими. В этот миг я почти физически почувствовал, как летят ко мне издалека сквозь вьюжную зимнюю ночь бесчисленные добрые

пожелания моих родных, с тоской и надеждой ожидающих моего возвращения. В этот миг в такой далекой от меня родной силезской деревушке мой отец-священник, наверное, уже стоял у алтаря, освещенный дрожащим пламенем свечей на рождественских елках, и обращался к прихожанам с нестареющими вечными словами проповеди мира и любви к ближнему. Я мысленно увидел и себя самого, стоящего в сельской церкви, и мне казалось, что я слышу слова рождественской проповеди и праздничную литургию. Из бескрайней мглы доносился до меня торжественный звон колоколов, проникавший мне в душу. Я явственно слышал голос отца, читавшего вслух молитвенник, как он всегда делал это в рождественский вечер. Но сегодня он еще более проникновенно и задушевно, чем раньше, говорил о непреходящем смысле рождественской благодати. И я вдруг с облегчением подумал о том, что и мне уготовано место под вечной рождественской елкой на небесах. Мрачные тучи скрывали ее сейчас от нас, но я твердо знал, что ее немеркнущий свет будет согревать нас, как и наших близких, во веки веков.

Вопреки всем несчастьям и страданиям в этом царстве ненависти и смерти это рождество в Сталинградском «котле», которое для десятков тысяч моих товарищей было последним, осталось для меня праздником мира, света и любви.

Как это ни странно, именно постоянная близость смерти и мучительная неопределенность, разъедавшие душу, были причиной того, что этот праздник – рождество в «котле» – засиял каким-то необычным светом, горевшим не на елках, а в глубине сердец. Традиционно праздничного настроения не было ни у кого, но подлинный глубокий смысл рождества согрел нас и рассеял окружавший нас мрак. Для отчаявшихся одиноких людей в окопах и стрелковых ячейках, в блиндажах, на перевязочных пунктах и госпитальных койках это чувство было лучшим праздничным подарком.

Волнующим свидетельством этого восприятия мира была и остается так называемая «Рождественская Мадонна Сталинграда», украшающая ныне, согласно последней воле умершего в плену художника, одну из гессенских католических церквей. Многих из нас она той же рождественской ночью озарила светом истинной веры.

Наступил Новый год. Стояли трескучие морозы. Нигде нельзя было укрыться от ледяного дыхания зимы. Пронизывающий ветер проникал в нашу землянку через щели в окнах и в дверях, ноги буквально примерзали к полу. Сводки потерь, поступавшие из дивизий нашего корпуса, ежедневно подытоживали страшную работу смерти. Число умерших от голода, холода и болезней

постоянно росло.

Тем временем русские возобновили яростные атаки на некоторых участках кольца. Как могли мы теперь активно обороняться? Что могли противопоставить ударным частям русских с их многочисленными танками, реактивными установками, орудиями и минометами, их досыта накормленным солдатам в теплом зимнем обмундировании? Небольшое количество тяжелого вооружения при строго ограниченном расходе столь дефицитных боеприпасов и истощенных, измученных людей, которых косил голод и начавшиеся эпидемии, не говоря уже о невосполнимых потерях после каждого боя. Какой прок был в том, что наша разведка все еще своевременно узнавала о готовящихся атаках или танковых ударах противника на отдельных участках фронта и тотчас же информировала об этом наши части? Да, нам нередко удавалось сообщать на передовую точные данные о месте и времени предстоящей атаки противника и о том, какими силами он будет наступать на данном участке. Наблюдения за противником и составления разведсводок в штабе корпуса, которые доводились до сведения фронтовых частей вплоть до полков и батальонов, по-прежнему велись, что называется, без сучка, без задоринки. Перехватчики не раз передавали нам радиограммы противника, которые мы расшифровывали почти полностью. Так, например, если в них говорилось о шести или восьми «коробках» – так по русскому коду именовались танки, которым надлежит в такое-то время сосредоточиться у такой-то высоты, в таком-то квадрате, то, нанеся обстановку на карту, мы без труда догадывались, что предстоит на этом участке, и тотчас же передавали соответствующее уведомление в нижестоящий штаб. Можно себе представить, как горько нам было слышать в ответ в подобных случаях, что ни резервов, ни каких-либо других возможностей усилить оборону на данном участке нет и что, таким образом, остается лишь предупредить обороняющую его часть.

Как долго еще смогут стенки «котла» выдерживать нарастающее внешнее давление? От нас не укрылось, что русские, судя по всему, сосредоточивают на участке нашего корпуса силы для решающего удара. Общее наступление противника, которое неминуемо должно будет раздавить нас, – эта перспектива все ясней проступала на нашем беспросветном горизонте.

Целый ряд событий, происшедших в конце декабря и в первые дни Нового года, подтверждали неотвратимость близкой гибели, которую я давно уже предчувствовал. В штабе нашего корпуса в балке под Питомником состоялось важное совещание начальников оперативных отделов дивизий, в котором принял

участие и сам командующий армией Паулюс, прибывший вместе со своим начальником штаба. Сосредоточенное, замкнутое лицо командующего с крутым лбом ученого, вся его высокая фигура, казалось, несли на себе печать тревоги и тяжелой ответственности, выпавшей на его долю. В тот день я последний раз видел командующего в «котле». Если мне не изменяет память, в наш корпус он больше не приезжал. Вскоре я узнал о результатах этого совещания, а многозначительные разговоры, которые вели между собой начальники оперотделов наших дивизий, подтверждали исключительное значение изданных тем временем приказов. Речь шла о мобилизации последних оборонительных ресурсов 6-й армии. Окруженным соединениям надлежало держаться любой ценой и сражаться до последней возможности. С этой целью намечалось в предельно сжатые сроки сформировать так называемые «крепостные батальоны». Командирам частей предписывалось выявить в своих тылах всех людей, способных носить оружие, без которых можно было обойтись, свести их в пехотные подразделения и незамедлительно бросить в бой.

Во всех дивизиях и отдельных подразделениях стали, уже в который раз, беспощадно прочесывать частым гребнем авиачасти, батальоны аэродромного обслуживания и зенитные батареи, вычесывать артиллеристов, оставшихся без орудий, мотострелков, лишившихся своих бронетранспортеров, «лишних» саперов, обозников, штабных писарей, интендантов и т. д. Приказ по существу был равнозначен почти полной ликвидации всех тыловых служб. Это достаточно ясно свидетельствовало о том, что лишенной подвижности окруженной армии предстояло удерживать занимаемые позиции до последнего патрона и последнего солдата.

В новогодний вечер, часа за два до полуночи, затихший фронт словно ожил: кругом все гремело, грохотало, трещало. Я выбежал из землянки и застыл в изумлении: жуткое и одновременно захватывающее зрелище предстало перед моим взором. Русские решили на свой лад отпраздновать Новый год и сделать нас свидетелями своего торжества. Противник открыл огонь из всех стволов, по всему фронту «котла», сопровождая этот адский концерт фантастическим фейерверком. Трассирующие пули и снаряды охватили все небо над нами гигантским кругом, воспроизводившим очертания нашего «котла». Таким образом, русские наглядно продемонстрировали свое подавляющее превосходство и. предчувствуя свой грядущий триумф, зримо показали нам стены тюрьмы, из которой мы уже не могли вырваться. Мы как бы воочию увидели протянувшиеся в небо

огненные прутья огромной круглой клетки, в которую нас заперли, и в которой должна была погибнуть вся наша армия.

В день Нового года командир корпуса зачитал в узком кругу своих штабных офицеров личную радиограмму Гитлера командующему 6-й армией. Содержание радиограммы не передавалось вниз по инстанциям и не подлежало обсуждению. Я не запомнил ее дословно, но хорошо помню, что сражение, которое мы вели, было названо там одним из самых славных подвигов в истории германского оружия. Эта фраза тогда глубоко потрясла и ошеломила нас. Создавалось впечатление, что там наверху нас уже списали в расход и единственной нашей задачей оставалось до конца выполнить «историческую миссию», иными словами – погибнуть. Обещания скорого освобождения мы восприняли как несбыточные посулы, чтобы не сказать как сознательный обман. Однако части на передовой были проинформированы об обнадеживающей новогодней радиограмме, поступившей в «котел» за подписью верховного главнокомандующего, в которой он еще раз подтвердил свое клятвенное обещание 6-й армии «сделать все для ее освобождения из кольца».

Мы отклоняем русское предложение капитулировать

Новый год начался трескучими морозами, которые еще более усугубили многообразные страдания и лишения окруженных. Дневной паек хлеба был снижен до 50 граммов на человека. Лютая стужа, муки голода, эпидемии и смертоносный огонь противника, казалось, заключили боевой союз друг с другом. Дизентерия и тиф напрочно поселились в «котле», вши заедали нас, смерть гуляла вдоль и поперек. Ее штаб-квартирой сделались многочисленные перевязочные пункты и полевые госпитали – эти последние пристанища обреченных, где стоял стон и зубовный скрежет. Число раненых и больных угрожающе росло. Но и на передовой смерть чувствовала себя вольготно. За истекшие 50 дней сражения в «котле» она собрала обильную жатву – окруженная армия таяла. Мы потеряли за эти дни примерно треть личного состава. Перед прорывом русских, в канун окружения, армия насчитывала более 300 тысяч человек, теперь у нас оставалось около 200 тысяч. Само по себе это было и немало. Но на поверку за этой цифрой оказывалось лишь немного здоровых, полноценных солдат. Многие, очень многие среди этих измученных людей, сражавшихся из последних сил и не терявших последней надежды, были уже отмечены печатью смерти.

Генерал Хубе, командир соседнего танкового корпуса, тем временем вылетал в ставку и лично докладывал Гитлеру об отчаянном положении окруженной армии, и, прежде всего, о катастрофе со снабжением по воздуху. Старый танкист слыл у нас человеком неробкого десятка, открытым и прямым. «Такой уж не постесняется сказать и высшему начальству правду в глаза! Он при случае и кулаком по столу стукнет! Как знать, быть может, ему удалось добиться в ставке принятия срочных мер по спасению нашей армии. Должно же, в конце концов, что-то произойти», – так говорили у нас в те дни. С нетерпением и пробудившейся слабой надеждой мы ожидали возвращения Хубе в «котел». Но вот он прилетел назад и вскоре о плачевных результатах его поездки заговорили во всех наших штабах. Ничего, решительно ничего он не привез. Луч надежды погас. Правда, ему обещали увеличить снабжение по воздуху. Но это было слабым утешением, тем более что, начиная с рождества, оно катастрофически сократилось: ежедневно в «котле» приземлялось теперь всего 30 – 40 самолетов. Зато известие о том, что до весны ни на какие операции по нашему освобождению из кольца нечего

рассчитывать, буквально ошеломило нас. Стало быть, не оставалось ничего другого, как держаться и ждать ужасного конца. Неужели же больше не было никакого выхода? Недвусмысленным ответом на этот вопрос были слова и поступки самого Хубе, только что вернувшегося из ставки фюрера. Танковый генерал стал поговаривать о том, что нужно воздвигнуть «последний бастион». Генерал приказал вырыть ему личный окоп на передовой в расположении одной из частей его корпуса и заявил, что в этом окопе он будет сражаться бок о бок со своими солдатами до тех пор, пока всех их не убьют в рукопашном бою. Впрочем, что касается его самого, то до этого дело не дошло. Вскоре Хубе по приказу ставки вновь вывезли из «котла», на сей раз окончательно. В тылу он получил ряд новых ответственных заданий, в *частности ему было поручено реорганизовать снабжение окруженной 6-й армии по воздуху.

Пошла вторая неделя января. В те дни произошло новое неожиданное событие, выбившее всех нас из колеи. В один прекрасный день среди «разведывательных данных», громоздившихся на моем столе, – всех этих карт, донесений, трофейных документов, пропагандистских воззваний противника – я обнаружил печатную листовку, составленную на отличном немецком языке. Она-то и вывела нас из равновесия. На передовой такие листовки в тот день собирали сотнями. Ветер гнал их по заснеженной степи, и они кружились над сугробами, цепляясь тут и там за обледенелые стебли прошлогодней травы. По-видимому, советские легкие самолеты – «швейные машинки», как мы их называли, – обычно нудно стрекотавшие над нашими головами и швырявшие лишь небольшие «беспокоящие» фугаски, прошедшей ночью сбросили тысячи листовок на наши позиции. Это было предложение капитулировать, которое Советское Верховное командование направило нашей окруженной армии. Авторы документов обращались к командующему армией Паулюсу, произведенному тем временем в генерал-полковники, и ко всем немецким офицерам и солдатам, сражающимся в районе Сталинграда. Обращение было подписано генерал-полковником артиллерии Вороновым, представителем Верховного командования Красной Армии на берегах Волги, и командующим Донским фронтом генерал-лейтенантом Рокоссовским, которому, судя по всему, были подчинены теперь все окружавшие нас соединения противника. Предложение капитуляции открывалось сжатым, конкретным и, надо сказать, совершенно правильным анализом нашего положения. При этом особо подчеркивалось, что снабжение наших страдающих от голода, холода и болезней частей потерпело полную катастрофу, что у нас нет зимнего

обмундирования, и что мы находимся в совершенно антисанитарных условиях. Далее говорилось о том, что реальных возможностей прорвать кольцо окружения у нас нет и что дальнейшее сопротивление в подобном безнадежном положении бессмысленно. Исходя из этого, Верховное Командование Красной Армии предлагало нам во избежание дальнейшего бессмысленного кровопролития капитулировать на определенных условиях. Условия эти сводились главным образом к требованию прекратить сопротивление и отдать себя во власть Советского командования, передав ему все вооружение, снаряжение и прочее военное имущество. В случае капитуляции всем солдатам и офицерам было обещано сохранить жизнь, гарантировать личную безопасность, немедленно обеспечить их нормальным питанием, а раненым и больным – тотчас же предоставить медицинскую помощь. Для принятия этих условий был назначен предельный срок – 9 января 1943 года, 10 часов по московскому времени. Был точно указан пункт на отсечных позициях на северном участке кольца, где наш парламентарий с белым флагом должен был вручить представителям Советского командования ответ на его предложения в письменной форме. В заключение авторы документа доводили до сведения командующего окруженной немецкой армией, что в случае отклонения этого предложения сухопутные и воздушные силы Красной Армии вынуждены будут начать операции по уничтожению «котла» и что ответственность за это ляжет на него, генерал-полковника Паулюса.

Нечего и говорить, что русские предложения породили у нас полное смятение. Вопрос, разумеется, был слишком скользкий, и на эту тему у нас говорили лишь с предельной осторожностью. Но в узком кругу, между собой некоторые высказывались достаточно откровенно и все более открыто критиковали приказы и мероприятия ставки Гитлера.

Что будет с нами, если мы сложим оружие? Мы вообще не верили русским и отнеслись к их обещаниям с крайним предубеждением. Да и окажутся ли они вообще в состоянии обеспечить продовольствием и медицинским обслуживанием такое огромное количество пленных? Не уместнее ли было предположить, что после нашей капитуляции русские дадут волю ненависти и жажде мести – чувствам, которые сознательно разжигались в Красной Армии, как свидетельствовало об этом множество трофейных документов, и прежде всего листовки, составленные Ильей Эренбургом? В моих бумагах была уже целая коллекция его самых свежих листовок, в которых неизменно шла речь о том, что «фашистских зверей и извергов надо уничтожать, как бешеных собак». Сдержат ли русские свое слово и не

расправятся ли они с пленными, перебив в первую очередь всех офицеров? В лучшем же случае всем нам, очевидно, предстояли каторжные работы в Сибири. Беспощадная и бесчеловечная война велась на востоке, и поэтому в случае капитуляции мы могли ожидать самого худшего, тем более что невиданные ожесточенные Сталинградские бои неминуемо должны были еще более озлобить противника{39*}.

Некоторые пункты русских предложений вызывали у нас невольную улыбку. Так, всем сдавшимся солдатам торжественно гарантировались не только жизнь и безопасность, но и право вернуться после войны в Германию «или любую другую страну по собственному выбору». Капитулирующие сохраняли свою военную форму со всеми знаками отличия и орденами, ценные вещи, а офицеры – и холодное оружие – «шпаги», как буквально говорилось в немецком тексте обращения.

Вплоть до окончательной капитуляции нашей армии мы задавали себе все эти вопросы, порожденные страхом, сомнением и недоверием. Однако наряду с этим мы вновь и вновь спрашивали себя: не слишком ли мы поддаемся воздействию нашей собственной пропаганды, полагая, что в случае капитуляции нас ожидало лишь самое худшее? Быть может, русские все же сохранят пленным жизнь и даже обойдутся с ними более или менее сносно. Ведь кое-что говорило в пользу такого предположения – незадолго до этого мы уже узнали немало любопытных вещей от наших побывавших в русском плену солдат, которых противник в пропагандистских целях отпустил назад в «котел», снабдив хлебом и салом на дорогу. К тому же многие сведения о противнике, поступавшие к нам сверху, явно уснащались жуткими подробностями, чтобы в зародыше подавить у солдат самую мысль о капитуляции или переходе на сторону русских.

Быть может, предложение русских прекратить сопротивление открывало единственный выход из нашего безнадежного положения? В конце концов, что тут позорного, если после долгой и доблестной борьбы погибающая армия, лишенная продовольствия и боеприпасов, складывает оружие? Даже старый Блюхер капитулировал однажды в подобных условиях, не видя в этом ничего для себя зазорного! {40*}.

С другой стороны, мне было достоверно известно, что наше сопротивление еще приковывало к «котлу» несколько полноценных русских армий, в том числе ударные и крупные артиллерийские соединения. В случае нашей капитуляции Советское командование получало возможность немедленно бросить эти соединения в бой на других участках фронта,

занимаемых группой армий «Дон», положение которой было и без того достаточно серьезным. Позволительно ли было в таких условиях вообще думать о капитуляции? Совместимо ли с нашей воинской честью? Без сомнения, долго мы не продержимся. Но, быть может, сопротивляясь еще какое-то время, наша армия выполняет важную стратегическую задачу, которой мы не можем понять, ибо слабо представляем себе общую обстановку на фронте? Ведь доходили же до нас слухи об отступлении наших армий с Кавказа. Быть может, стратегическая и оперативная необходимость и иные соображения высшего порядка властно требовали, чтобы мы продолжали безнадежную для нас борьбу? Капитуляция избавляла нас от почти неминуемой гибели в последнем безнадежном бою, но оправдывало ли это саму капитуляцию? Не противоречил ли подобный шаг нашим воинским традициям с их раз и навсегда установленными понятиями чести и долга? В те дни мысли обо всех этих дьявольских проблемах войны преследовали меня неотступно. Можно себе представить, как терзали они людей, на чьих плечах лежало бремя ответственности за нашу судьбу.

В своих мучительных раздумьях я не находил выхода из противоречий, но постепенно одно мне становилось ясно: все мои представления о гуманности и морали восставали против того, чтобы люди, испытывающие неимоверные страдания, были бы принесены в жертву чисто военным и стратегическим соображениям. Справедливость такой точки зрения подтверждалась, в частности, и моими недавними наблюдениями и событиями последних дней, участником которых мне довелось быть. Об этом же свидетельствовали донесения, поступавшие из нашего корпуса. На других участках кольца дела обстояли не лучше; я был уверен, что достаточно было размножить эти донесения в соответствующем количестве экземпляров, чтобы получить полную картину отчаянного положения всей 6-й армии. Огромные человеческие жертвы, непоправимый ущерб, наносимый человеческому достоинству окруженных, не могли быть более оправданы никакими военно-стратегическими соображениями; в подобной обстановке они были безнравственны, аморальны. В глубине души я надеялся, что наше командование постарается выиграть время, вступив с русскими в переговоры, в ходе которых попытается получить более надежные гарантии помощи нашим больным и раненым или, по крайней мере, попытается выговорить лучшие условия капитуляции.

Однако командование армии разрешило все сомнения, доведя до нашего сведения свою точку зрения по этому поводу.

Вскоре из штаба армии был спущен целый ряд приказов, предписании и разъяснений. Как выяснилось, о капитуляции не могло быть и речи. Командующий армией проинформировал о русском ультиматуме ставку, попросив при этом предоставить ему свободу действий. Ответ не заставил себя ждать: Гитлер лично запретил нашей армии капитулировать. 9 января Паулюс в письменной форме отклонил предложение Советского командования. Нам было запрещено в дальнейшем передавать в части какую бы то ни было информацию по этому вопросу, за исключением приказа открывать без предупреждения огонь по русским парламентерам, если они приблизятся к нашим позициям. Именно это последнее распоряжение штаба армии, переданное нам по радио, не оставляло никаких сомнений относительно намерений нашего командования. У нас в штабе оно вызвало общее недовольство, ибо противоречило в наших глазах общепринятым нормам международного права. Никто не решился, однако, открыто выразить свое возмущение и критиковать его вслух.

Итак, русское предложение капитулировать, хотя и было официально принято к сведению, но высокомерно отвергнуто (к тому же в самой вызывающей форме) как нечто несовместимое с воинской честью и абсолютно для нас неприемлемое. Командование и не помышляло вступать в переговоры с русскими. В специальном приказе по армии, отданном вскоре после этого, солдат призывали не поддаваться уловкам вражеской пропаганды, направленной на подрыв нашего боевого духа, и сражаться, непоколебимо веря в обещанное освобождение из окружения.

В этой связи мне вновь пришли на память высокопарные слова Гитлера о непобедимости немецких солдат, для которых нет ничего невозможного. Еще бы, даже мысль о капитуляции была не совместима с престижем «фюрера» как верховного главнокомандующего. Ведь незадолго до того, как мы попали в окружение, он торжественно клялся (теперь эта клятва звучала кощунством): «Смею заверить вас – и я вновь повторяю это в сознании своей ответственности перед богом и историй, – что мы не уйдем, никогда не уйдем из Сталинграда!» Теперь судьба наша и впрямь была неразрывно связана с донскими степями. Здесь она и должна была решиться. Нам еще предстояли дни и недели, полные ужаса, и тревожное предчувствие неминуемого страшного конца в эти морозные январские дни свинцовым грузом ложилось на сердце.

Русские разбивают «котел» вдребезги

Утром 10 января 1943 года, спустя ровно сутки после истечения срока ультиматума, русские приступили к ликвидации «котла», открыв для начала ураганный артиллерийский огонь. Долгие часы не смолкал гром канонады и тяжелый грохот разрывов. Земля дрожала, и наша землянка буквально ходила ходуном. Прежде чем связь была полностью нарушена, к нам поступило несколько сообщений из соседних соединений, которые дали нам первое самое общее представление о складывающейся обстановке. Противник вел мощную артиллерийскую подготовку на всем западном участке «котла» – от восточного края долины реки Россошки, где, напрягая последние силы, держали оборону измотанные дивизии нашего корпуса, до позиций соседнего танкового корпуса, примыкавших к так называемому «Мариновскому выступу», где наш фронт выдавался уступом на запад. Гроза разразилась и на участке южней нашего корпуса. На фронте протяженностью 80 километров советская артиллерия утюжила наши позиции чудовищным огненным катком, прокладывая себе путь к Сталинграду. Наш корпус можно было уподобить отряду ремонтников, который тщетно пытается укрепить окончательно обветшавшую плотину, готовую рухнуть под напором разбушевавшейся стихии. Решающее наступление русских было ответом на отклонение их ультиматума.

Первое возбуждение в нашем штабе сменилось тоскливой покорностью судьбе, тем более что управлять войсками мы все равно не могли до тех пор, пока не были восстановлены прерванные линии связи. В эти дни меня неоднократно посылали в расположение отдельных наших частей, чтобы передать приказы и собрать на месте сведения об обстановке. Я отдыхал по дороге, едучи по бескрайней белой степи, в ледяном панцире которой тут и там чернели воронки разорвавшихся случайных снарядов и мин. Зато на передовой, в штабах фронтовых частей, я снова с головой погружался в напряженную атмосферу тревоги, суеты, неразберихи и безнадежности. Кое-где обстановка вообще была неясной, и разобраться в ней не удавалось. В ряде мест русские уже прорвали фронт, и мы ломали голову над тем, как залатать эти дыры, где взять людей, технику, боеприпасы и снаряжение, которых повсюду недоставало. Судя по всему, катастрофа была, на сей раз, неотвратима.

И в это море безнадежности и отчаяния, словно камни, падали приказы штаба армии – «Держаться! Оборонять занимаемые позиции! Выправить положение! Ни шагу назад! Драться до последнего патрона!» От главного командования сухопутных сил и непосредственно из ставки Гитлера, «руководивших» нами по карте – на расстоянии в 2 тысячи километров, поступил приказ ни в коем случае самовольно не оставлять занимаемых позиций, и командование нашей армии, которое вынуждено было отчитываться за каждое изменение конфигурации передовой линии, вызванное складывающейся обстановкой, повиновалось. Подчинялись этому приказу и в наших фронтовых частях и соединениях: в корпусах, дивизиях и полках. Подчинялись, подчас резко критикуя его, открыто сомневаясь в его целесообразности или подавив сомнения, негодуя или махнув рукой – но подчинялись. А вслед за своими офицерами повиновались и солдаты, замерзая и умирая в окопах посреди заснеженной степи, повиновались, до конца исполняя свой долг или безразлично ожидая смерти как единственного избавления, – но повиновались.

Больше трех дней мы вели на прежних отсечных позициях кровопролитные оборонительные бои, которые обошлись нам в несколько десятков тысяч человеческих жизней. После этого западная стенка «котла» рухнула и разбилась вдребезги – восстановить ее было уже невозможно. Но перед отступлением, которое быстро переросло в беспорядочное бегство, солдаты сражались с мужеством отчаяния, помноженным на инстинкт самосохранения. Командование не скупилось в эти дни на награды: ордена и внеочередные повышения в званиях сыпались как из рога изобилия на сражающихся, измученных, обреченных на смерть людей. Но во имя чего?

Армия разваливалась с нарастающей быстротой – она не представляла собой больше военной силы, а была лишь массой измученных людей, которым каждый новый день приносил еще более страшные муки. И я вновь и вновь задавал себе вопрос: ради чего приносятся эти кровавые жертвы, за что мы платим столь дорогой ценой, обрекая на верную смерть наших людей? Не делается ли это, в конечном счете, только ради престижа верховного командования и гитлеровского политического руководства, которое, находясь в тысячах километров от поля битвы, с легким сердцем готово расплачиваться за него сотнями тысяч жизней? Этот вопрос не давал мне покоя вплоть до ужасного конца.

К западу от наших позиций беда тем временем обрушилась и на соседей. «Мариновский выступ», который обороняла

моторизованная дивизия, занимавшая там сравнительно надежные позиции, уже невозможно было удержать. Первоначально здесь должны были накапливаться части для подготовки прорыва кольца изнутри и выхода на соединение с подходившими к нам в декабре войсками Манштейна. Тогда «Мариновскому выступу» предназначалась роль плацдарма для прорыва. Однако после крушения этих планов командование не выровняло здесь фронт, что явилось бы наиболее целесообразным решением. Теперь же продвигающиеся ударные клинья русских грозили со дня на день попросту отрезать «Мариновский выступ». Но тут-то штаб армии отдал один из немногих своих приказов об оставлении занимаемых позиций (число подобных приказов можно было буквально пересчитать по пальцам). Русские, двигаясь по пятам наших поспешно отступавших частей, которые бросили большую часть своей боевой техники и снаряжения, ворвались в «котел». После этого наш фронт стал откатываться назад на всем западном участке кольца. Один за другим в руки советских войск перешли наши важные опорные пункты – Кравцово, Цыбенко, Дмитриевка и Карповка. Плотина рухнула окончательно. Русские хлынули в «котел», и никакая сила не могла уже удержать их в течение более или менее продолжительного времени.

Отход на этом участке превратился, в конце концов, в беспорядочное бегство. Поток отступавших захлестнул и целый ряд подразделений и боевых групп соседних дивизий. В нем начисто растворились и перестали существовать целые соединения. Такая судьба постигла на участке нашего соседа слева – целую дивизию, которая долгое время до этого была оперативно подчинена нашему корпусу, а теперь догорела, как угли в камине. В «котле» на долю этой дивизии с самого начала выпали тяжелые испытания. Уже 19 ноября, когда русские прорвали наши отсечные позиции у Дона в районе Клетской, она была обращена в паническое бегство. Впоследствии, когда советские войска упорно долбили северо-западную стенку «котла», дивизия вела тяжелые оборонительные бои. В районе Казачьего Кургана ее части понесли большие потери. Не удивительно, что пропаганда противника избрала эту полуразгромленную дивизию своей постоянной мишенью. На ее позиции дождем сыпались листовки, в которых русские всячески поносили злополучную дивизию: на наших картах ее участок был намечен буквами V. D. – по начальным буквам фамилии ее командира. Этим воспользовались русские пропагандисты, придумывая все новые немецкие эпитеты для дивизии – в листовках ее именовали и «versoffene» (спившаяся), и

«verbrecherische» (преступная), и «verlorene» (обреченная). И вот теперь дивизия эта перестала существовать. Вскоре я случайно наткнулся в одном из пустых блиндажей на ее командира, генерала без армии, то есть без дивизии. Растерянный и подавленный, он ходил из угла в угол, как видно, ожидая хотя бы какого-нибудь нового назначения.

С участка соседнего танкового корпуса беда вскоре перекинулась и на наш. В районе Казачьего Кургана русские захватили еще несколько высот и открыли себе дорогу в долину Россошки. Мы вынуждены были начать отход по всему фронту корпуса, пытаясь перегруппировать наши части. Однако отход превратился в бегство – в первую очередь на левом фланге, где натиск противника был особенно силен. Кое-где вспыхнула паника.

Стояли лютые морозы, столбик термометра опустился ниже 30 градусов{41*}. Бушевали метели. Наши части – жалкие остатки полков, давно уже сведенные в боевые группы, – беспорядочно отступали по пустынной заснеженной степи. За ними тянулись длинные колонны отставших, легкораненых и обмороженных. Не выдержав нечеловеческого напряжения, голода и морозов, в эти дни погибли многие из тех, кого еще пощадили русские снаряды. Путь наш был устлан трупами, которые метель, словно из сострадания, вскоре заносила снегом.

Мы уже отступали без приказа. Фронт теперь откатывался вопреки приказам держаться до конца, обороняя линию, установленную главным командованием сухопутных сил. Сбитые с позиций части 6-й армии беспорядочно отходили, бросив большую часть уцелевшего тяжелого вооружения и военного имущества. Наши силы были исчерпаны окончательно.

И все же, несмотря на это, нам еще раз удалось создать какое-то подобие оборонительных рубежей и в течение непродолжительного времени удерживать аэродром в Питомнике, который вначале был временно оставлен из-за паники, охватившей интендантские службы и обозы. Базу снабжения в Питомнике, расположенном в самом центре первоначального «котла», действительно необходимо было удерживать любой ценой. Однако после того как все опорные пункты бывших западного и северо-западного участков кольца от Большой Россошки до Бабуркина и Новоалексеевской перешли в руки русских, оборонять аэродром в течение сколько-нибудь длительного времени стало уже невозможно. Наскоро возведенные новые оборонительные рубежи – вдавленная внутрь стенка «котла» в месте прорыва – существовали скорее на штабных картах, чем в нашей беспросветной действительности.

Глубина их была незначительной, да и сплошной оборонительной линии они по сути дела не представляли.

Занимавшие их подразделения не только были обескровлены в предыдущих боях, но и таяли буквально на глазах, ибо смерть косила обессилевших, изголодавшихся людей, лишенных всего самого необходимого. Повсюду не хватало исправного тяжелого вооружения и боеприпасов; к тому же в тех нечеловеческих условиях, в которых находились наши солдаты, сколько-нибудь эффективное и оправданное с военной точки зрения сопротивление вообще было немыслимо. Части утратили как физическую, так и моральную боеспособность.

Так в середине января был потерян аэродром Питомник, где еще недавно «билось сердце» 6-й армии, и территория «котла» сократилась примерно наполовину. Судьба наша была тем самым предрешена бесповоротно. Командование армии, в распоряжении которого были лишь практически небоеспособные части, пыталось еще раз организовать сопротивление на рубежах вдоль кольцевой автострады, проходившей через Воропоново. Но остатки разгромленной армии, охваченной прогрессирующим разложением, уже не могли удержаться на этой линии. Захлестнув все оставшееся у нас пространство, которое уменьшалось не по дням, а по часам, они неудержимо откатывались к необозримым развалинам Сталинграда, тянувшимся на много километров вдоль берега Волги{42*}.

Трагедия близится к своему апогею

В придонских и поволжских степях под Сталинградом, в этой бескрайней, заснеженной пустыне, во второй половине января 1943 года разыгралась трагедия гигантских масштабов. В ней решилась судьба 200 тысяч человек, которые давно уже смотрели в глаза неминуемой смерти во всем ее многообразном обличий.

Черная тень траура пала и на бесчисленные немецкие семьи, которые до тех пор жили в смутной тревоге и безысходной тоске, зная или догадываясь о страшной участи своих обреченных отцов и сыновей. Такие семьи были во всех без исключения землях и провинциях Германии.

В «котле» мы слушали иногда немецкие радиопередачи. Сводки командования вермахта, вначале еще полные пафоса, приукрашивавшие истинное положение дел или ограничивавшиеся полунамеками, становились с каждым разом все откровеннее и беспощаднее. Время от времени треск помех заглушал передачу, и в нее врывался, словно с того света, голос московского диктора, говорившего о «гигантской могиле» под Сталинградом и о «гибели 6-й армии».

В нашей близкой гибели сомневаться и впрямь не приходилось. С самого начала нам запретили любую попытку вырваться из «котла» своими силами. Операция по прорыву кольца извне, которая, как мы надеялись, должна была принести нам спасение, потерпела полную неудачу. Командование армии отклонило русское предложение о капитуляции, так и не получив свободы действий, которой тщетно добивалось. По своей же собственной инициативе оно не предприняло ничего, чтобы спасти вверенную ему армию, своевременно взяв на себя всю полноту ответственности. Теперь, после того как противник перешел в решающее наступление, а наши войска уже были охвачены разложением, о последней отчаянной попытке прорыва нечего было и думать. На помощь извне рассчитывать также не приходилось.

Голод, холод, перенапряжение и всевозможные болезни, поражавшие месяцами недоедавших солдат, постоянно уносили у нас еще больше людей, чем огонь противника. Когда же наша армия начала день за днем отступать в тяжелейших условиях, положение стало совершенно катастрофическим. Нам не хватало оружия и продовольствия, людям негде было отогреться и отдохнуть, а последний луч надежды, согревавший душу, давно погас. Одним словом, нам не хватало всего того, без чего не обойтись солдату на войне. После отклонения русского

ультиматума наши части, упорно обороняясь, отступая и беспорядочно откатываясь, еще целую, бесконечную для нас, черную неделю приковывали к себе превосходящие силы противника. Теперь, 16 января 1943 года, лишившись своей единственной жизненно важной тыловой базы – аэродрома Питомник, армия не могла больше существовать. Надо было без промедления складывать оружие. Снабжение по воздуху в этот момент временно прекратилось – мы вообще не получали в те дни ни боеприпасов, ни продовольствия и лишены были возможности эвакуировать больных и раненых. Маломощный вспомогательный аэродром в Гумраке с его узкой и короткой взлетной полосой вот-вот должен был оказаться в сфере досягаемости советской артиллерии. Каждый новый день сопротивления стоил нам теперь многих тысяч человеческих жизней. Нельзя было терять ни минуты, и все мы понимали, что так продолжаться больше не может. Что-то должно было произойти. Подобно многочисленным своим сослуживцам и товарищам по несчастью, я в глубине души надеялся на это. Но ничего не случилось, и судьба обрушила на нас свой последний смертельный удар.

«Держаться» в таких условиях означало лишь затягивать нашу и без того мучительную агонию. Неужели перед нашей разгромленной армией еще ставилась стратегическая задача, которая могла бы явиться моральным оправданием этих непомерных жертв? С каждым днем бессмысленность дальнейшего сопротивления становилась все более очевидной. Правда, у главного командования сухопутных сил и у ставки Гитлера оставался еще один аргумент, на который они ссылались теперь, разъясняя нам свою точку зрения. Аргумент этот, судя по всему, повлиял и на последние решения командования нашей армии. Заключался он в том, что наше сопротивление до последнего патрона, точнее говоря, наше самоубийство, позволяло создать и стабилизировать новую линию фронта{43*}. Мы в «котле» не имели ясного представления об обстановке, которая складывалась в тот момент на южном участке Восточного фронта. В наших вышестоящих штабах было, конечно, известно о тяжелом положении группы армий «Дон» и об опасности, нависшей на юге над немецкими армиями, отступавшими с Кавказа. Однако было ясно, что наше дальнейшее сопротивление (и, следовательно, неминуемая гибель) едва ли смогут повлиять на развитие событий, особенно после того, как территория нашего «котла» начала с каждым днем уменьшаться, С этого момента русские под Сталинградом получили возможность высвобождать все новые и новые силы и перебрасывать их на

другие участки фронта. Начиная с середины января, они, без сомнения, так и поступали. Надо полагать, что противник мог бы без большого труда сравнительно быстро покончить с «котлом» одним решительным ударом, если бы он не снял с этого участка фронта некоторые из своих ударных соединений, действовавших против нас в первые дни наступления, и часть тяжелого вооружения. Но русским не было необходимости избирать такой план, связанный с большими жертвами. Время и без того работало на них. Советские войска, преодолев отчаянное сопротивление, опрокинули наши части и проложили себе дорогу в «котел». Теперь русские явно не торопились: обложенный со всех сторон, затравленный, издыхающий зверь был им уже не страшен. Русские давно уже навязали нам свою волю. Они могли добить нас в любой удобный для них момент.

То, что происходило на Волге, уже нельзя было отнести к категории неизбежных на войне тяжелых, но оправданных жертв. Голгофа двухсоттысячной армии была гораздо страшней всех неудач и поражений немецкой военной истории, в том числе и Верденской катастрофы, прежде всего потому, что это была медленная смерть огромной массы обреченных, уже не способных к сопротивлению людей. Здесь обрекли на гибель часть немецкого народа, и уничтожение ее поставило под угрозу само наше национальное существование. Это поражение нанесло также громадный моральный ущерб всей нации. Неужели восстановление стратегического равновесия, к тому же, быть может, недолговременного, непрочного и обманчивого, могло оправдать все эти безмерные страдания и жертвы, эту затянувшуюся массовую агонию и полное презрение к человеческой жизни и достоинству.

Теперь после потери Питомника наше дальнейшее сопротивление не только начисто утратило смысл, но и воистину было бесчестным и бесчеловечным

Об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что, начиная с середины января, число раненых и больных стало расти с чудовищной быстротой, а условия, в которых они находились, были совершенно невыносимыми. Трагедия гибнущей армии породила тысячи личных трагедий, разыгрывавшихся на жутком дне «котла»– в бесчисленных санбатах, эвакопунктах и полевых госпиталях, которые быстро превратились в ад кромешный после того, как русские начали вдребезги разбивать «котел».

Созданные сборные пункты вскоре оказались уже не в состоянии принимать нарастающий поток больных, раненых, умирающих. Повсеместно ощущалась нехватка медикаментов, перевязочного материала, палаток, зимнего обмундирования,

технического имущества, дров, горючего, грузовиков и полевых кухонь. Поскольку приказ штаба армии запрещал оставлять раненых противнику, пришлось сразу же после крушения западного и северного участков «котла» спешно эвакуировать располагавшиеся там перевязочные пункты, на которых скопились многие сотни тяжелораненых. Все, кто мог еще передвигаться, ковыляя, с трудом волоча ноги, двинулись в путь, гонимые страхом перед русскими, подгоняемые надеждой найти где-нибудь укрытие и спасение или хотя бы убежище от лютой стужи. От Карповки, Дмитриевки, Новоалексеевской, Бабуркина и Большой Россошки – от населенных пунктов, названия которых до сих пор звучат в ушах уцелевших солдат 6-й армии как нечто зловещее, – нескончаемыми вереницами тянулись автомашины, большей частью открытые, доверху забитые горестным грузом – замерзающими и стонущими ранеными, больными и умирающими. То и дело машины застревали в пути, наткнувшись во время бурана на снежные заносы или из-за нехватки горючего. Эти процессии отчаяния и бедствия тянулись к одной и той же цели – армейскому полевому лазарету в Гумраке, часть которого располагалась в развалинах вокзала, другая же была кое-как распихана в товарных вагонах. Такие полевые лазареты были разбросаны повсюду вокруг Сталинграда. Крупнейшие же лазареты находились в самом городе.

Все они превратились в пристанища ужаса: раненых и полуобмороженных, больных дизентерией и тифом, изнуренных и обессиленных беспрепятственно косила смерть. Многочисленные выгребные ямы при операционных пунктах были доверху заполнены ампутированными обмороженными конечностями. Несмотря на высокую смертность, для несчастных не хватало помещений, продовольствия и одежды. Врачи, окончательно выбившись из сил и исчерпавши все свои возможности, как правило, занимались лишь теми, кого еще была надежда спасти, – остальных же приходилось оставлять на произвол судьбы в ожидании неминуемой смерти. При эвакуации тяжелораненых у отлетавших самолетов разыгрывались душераздирающие сцены отчаяния и паники. Число раненых и больных, которых уже было невозможно обеспечить медицинским уходом, изо дня в день продолжало резко возрастать. К концу января их было более 50 тысяч{44*}.

Не давала ли сложившаяся ситуация достаточно оснований для того, чтобы из соображений гуманности гибнущая 6-я армия прекратила бессмысленную борьбу? Этот вопрос стал особенно мучить меня, когда на третьей неделе января к нам возвратился один из офицеров нашего штаба, который незадолго до этого был

отправлен в полевой лазарет Гумрак с тяжелым желудочным заболеванием. Это был старший помощник начальника отдела, кадровый капитан, которому, безусловно, было не привыкать к тяготам войны. Но там, в Гумраке, в этом аду, он не мог больше выдержать. В состоянии полнейшего отчаяния и безнадежности этот полутруп попросту сбежал оттуда и вернулся к нам, чтобы умереть в кругу товарищей. Его рассказам про Гумрак и царство смерти, из которого он только что вырвался, я, вряд ли поверил, если бы не видел искаженного ужасом мертвенно-бледного лица и блуждающих глаз несчастного.

Сплошные мучения второй половины января неотступно преследовали солдат вплоть до горького конца. После восьми недель невыразимых страданий и лишений окруженная армия испытывала адские муки полнейшей безнадежности и обреченности. Наперегонки со смертью, которая без труда догоняла нас, пачками вырывая из рядов свои жертвы, армия стягивалась на все более узком пятачке преисподней. Основными этапами этой дороги смерти были Питомник, Гумрак, поселок Сталинградский и сам Сталинград. Вдоль дороги, ведущей к гигантской груде развалин на Волге, по которой отступала армия, то и дело разыгрывались страшные сцены невообразимой трагедии. Вновь и вновь сыпались приказы: сражаться, сопротивляться, держаться до последнего, а затем отрываться от противника, отходить, бежать и снова обороняться, закапываясь в снег и промерзлую, как камень, землю. Потери росли, как снежный ком, то и дело начиналась паника, а затем бегство, шла нескончаемая тщетная борьба с голодом и холодом. У нас не было укрепленных позиций, убежищ, колючей проволоки или других оборонительных заграждений, не было дров, чтобы обогреться. Временное укрытие можно было найти лишь кое-где в узких степных балках, которые, как правило, были до отказа забиты штабами, обозами и тыловыми службами. Голая, заснеженная степь была безучастной свидетельницей этой страшной трагедии.

В штабах царили нервозность, растерянность, отчаяние и лихорадочная суматоха. Управление войсками формально продолжалось. Из высших штабов как из рога изобилия сыпались приказы, распоряжения, запросы, предостережения, угрозы. В частях все громче слышались критические возгласы, росло возмущение, сомнения овладевали людьми. Однако машина управления продолжала функционировать. Штабы давали указания о создании новых импровизированных линий сопротивления, о перегруппировках, отправке на передовую боеспособных тыловиков, легкораненых и обмороженных, о сборе

сотен отставших солдат, одичало блуждавших по степи. Их приманивали дымящиеся кухни, где с помощью жидкого супа, куска тощей конины и каких-нибудь 200 граммов хлеба они снова становились «пригодными» для участия в боях.

Еще кое-где тлела надежда на так твердо обещанное Гитлером избавление. Но основная масса окруженной армии с тупой покорностью ждала гибели. Посреди всеобщего страдания и смертей мы беспощадно смотрели, как на нас надвигалась катастрофа, неумолимая и неизбежная. Об этой ужасной человеческой трагедии, которая приближалась к своему апогею, сводка главного командования вермахта, наконец, поведала немецкому народу в высокопарных и напыщенных словах: «В Сталинграде 6-я армия в героической и самоотверженной борьбе против превосходящих сил русских венчает себя бессмертной славой».

Переживания и встречи во время бегства

В конце третьей недели января наш штаб продолжал отступать. Мы остановились в хорошо оборудованных деревянных блиндажах запасного аэродрома Гумрак, которые когда-то были выстроены под землей русскими и до недавнего времени давали приют штабу армии. Над беспорядочным скоплением отходящего транспорта и воинских частей непрерывно кружили советские самолеты. Для них находилось сколько угодно достойных внимания целей. Чувство безопасности в подземных убежищах, защищенных от воздушных налетов, оказывало благотворное воздействие. Я решил написать прощальное письмо домой.

Последнюю весточку от жены я получил в конце декабря. На новую почту с родины давно уже нечего было рассчитывать. Многие мои товарищи мысленно распростились с жизнью, многие откровенно говорили о самоубийстве. Уже остался позади тот печальный час, когда были написаны и доверены ненадежной почте слова прощального привета. Кое-кто передавал через раненых, отправленных самолетами, свои ценности и обручальные кольца с просьбой вручить их родным. Сам я до сих пор намеревался с помощью скупых намеков осторожно подготовить моих близких к катастрофе. Однако теперь я все-таки почувствовал потребность послать им слова последней благодарности и прощанья. В моих ушах, казалось, снова звучали слова «до свидания», которые молящим и заклинающим голосом произнесла моя жена весенней ночью прошлого года через многие сотни километров по телефонному проводу в Киев, перед тем как меня проглотили бескрайние просторы русской равнины восточнее Днепра. Теперь же скоро все должно кончиться, и в предстоящую вторую годовщину нашей свадьбы мучительная неизвестность и тоска по-прежнему будут обитать в сердце, которое сегодня еще бьется в робкой надежде.

В то время как за стенами землянки смерть косила людей и грохотали бомбы, меня, не знаю почему, вдруг наполнила чудодейственная, утешительная надежда. Она облегчила мне мою задачу, и сквозь печаль моих слов прорвалось что-то похожее на светлую уверенность, что после долгой, тоскливой и преисполненной испытаниями разлуки когда-нибудь снова пробьет час свидания и счастья.

Но тотчас же чувство безысходной тоски вновь сжало мое сердце от сознания, что я далеко от родных, как раз в то время,

когда они, быть может, больше, чем когда бы то ни было, нуждаются во мне. Дойдут ли до них мои прощальные слова, думал я.

Когда я запечатывал письмо, щемящее чувство безнадежности овладело мной. У меня было такое ощущение, словно я заглядываю в бездонную пропасть страданий и отчаяния, к которой бредет весь немецкий народ. Катастрофа на Волге показала, что на всю Германию надвигается страшный мрак. Во время бегства нам было суждено пережить еще одну короткую передышку. Это было в длинной узкой лощине в районе Городище. Там нас приютил в поселке из деревянных блиндажей штаб одной дивизии, которая была сформирована на Рейне и раньше не раз сражалась в составе нашего корпуса.

На северо-восточных участках «котла» русские до сих пор вели себя довольно спокойно. Это позволило оттянуть значительную часть подразделений дивизии, которые держали оборону на старых позициях, бросив их на подмогу в район боев на северо-западном и западном участках. Тем частям, которые остались на северо-восточном участке, было сравнительно хорошо. Они уже в течение нескольких месяцев отсиживались в своих старых, хорошо укрытых землянках, теплых и удобных. У них была даже мебель и другие предметы домашнего обихода, которые они осенью натаскали из города. В то время как другим частям приходилось проедать последние запасы, здесь еще до окружения сумели заблаговременно обеспечить себя продовольствием. Так получилось, что некоторые части в «котле» оказались почти не затронутыми внезапно обрушившимся бедствием. Теперь оно с неотвратимостью лавины расползалось вокруг.

Рейнская дивизия, в штабе которой нас приютили, тоже оставалась в стороне от катастрофических событий, которые обрушились на 6-ю армию. Но и здесь голод свирепствовал, как и в других частях. Я ужаснулся, встретив знакомого начальника разведотдела, офицера-запасника, прокурора из Вестфалии, который сразу же затянул меня в свой уютно оборудованный блиндаж. Этот высокий, крепкий мужчина до неузнаваемости осунулся, и его пессимистические высказывания ясно свидетельствовали о том, что он не питает больше никаких иллюзий перед лицом грозно надвигавшейся неотвратимой катастрофы. Правда, это поначалу касалось еще не всех, и меньше всего тех частей, которые держали оборону вдоль Волги. Там еще оптимистически представляли себе нашу ситуацию и предавались надеждам. Даже в том штабе, куда попали мы, наши рассказы вначале встретили кое у кого известное недоверие. Считали, что

мы преувеличиваем. Однако мы принесли с собой атмосферу ужаса и паники, от которой невозможно было отгородиться.

Когда мы своей колонной непрошеными гостями ворвались в лощину, где располагался штаб, там начался переполох. Массу автомашин трудно было замаскировать. Внезапно начавшееся на этом участке оживленное передвижение неминуемо должно было навлечь авиацию противника. Действительно, вскоре нас начали бомбить. Вместе с нами в штаб Рейнской дивизии пришло несчастье, и там скоро поняли, что теперь и они будут втянуты в пучину всеобщего разброда и панического бегства. Впрочем, и здесь давно уже царили неуверенность и страх. Наше появление еще больше взбудоражило людей и произвело удручающее впечатление.

Генерал, командир этой дивизии, находился в шоковом состоянии и не мог больше выполнять свои обязанности. Он надеялся, что его вывезут из «котла» на самолете вместе с больными и тяжелоранеными. Но план его лопнул как мыльный пузырь. Теперь генералу предстояло испить горькую чашу вместе со своими солдатами. Поскольку во главе дивизии был поставлен более молодой генерал, старый командир оказался совсем не у дел, и вынужденное безделье, на которое он был обречен, видимо, особенно способствовало тому, что он стал жертвой душевных терзаний. Мне он представлялся олицетворением растерянности и страха в генеральском мундире. Генерал бродил по лощине из одного блиндажа в другой, чтобы поговорить о создавшемся положении и узнать новости. Замученный и напуганный, он искал утешения и у меня, хотя по званию я был ниже, чем он. Очевидно, генерал надеялся, что я как представитель вышестоящего штаба смогу сообщить ему какие-либо достоверные и, быть может, даже успокоительные известия. «Когда русские придут сюда? Как они будут обращаться с пленными? Что они сделают с офицерами?»– спрашивал генерал. Еще совсем недавно, командуя дивизией, он нес на себе бремя ответственности за судьбу многих тысяч людей, теперь же этот генерал, как самый обыкновенный человек, трясся за свою жизнь. Не был ли в его вопросах тот же затаенный страх, который в большей или меньшей степени внутренне руководил всеми нами?

В блиндаже разведотдела мы провели два памятных вечера. Нашу компанию дополняли при этом евангелический священник, представитель католического ордена и один склонный к философствованию офицер оперативного отдела штаба дивизии. Мы всесторонне обсудили наше положение, горько сетуя и открыто критикуя создавшуюся ситуацию, а затем начали говорить об общем положении. Катастрофа, которая грозила

поглотить нас, предстала перед нами во многих отношениях как естественный финиш длинного пути заблуждений, по которому мы шествовали вопреки одолевавшим нас сомнениям. Перед нашим взором вырисовывались духовные истоки наших бедствий и кризис подлинного солдатского духа, который здесь, в Сталинграде, несмотря на личное мужество и самоотверженность отдельных солдат и офицеров, выродился в бездушное солдафонство, помноженное на ложное представление о долге и механическое понятие о чести. Ибо, каким высоким соображениям служили наши добродетели и для достижения, каких нравственных целей они были использованы? Мы говорили о незыблемых, подлинных ценностях в этом мире и об уважении человеческого достоинства, которое, судя по всему, давно уже перестало играть у нас всякую роль.

Мы пришли к выводу, что надвигающаяся военная катастрофа явится также и катастрофой политической, она есть следствие самонадеянных представлений и действий, давно уже расшатывавших здоровую основу духовной и культурной жизни немецкой нации. Считалась ли та власть, которой мы служили как граждане и солдаты, с правом и законами нравственности? Не сделала ли она насилие своим божеством, поправ все устои, дабы люди перестали отличать справедливость от несправедливости? Мы вспоминали пламенный призыв писателя Вихерта, который предостерегал наш народ от падения, напомнив нам о гладиаторской славе и. образе мыслей боксера на ринге. Враждебный человеческому духу культ силы, начав разрушительную борьбу против созидательных основ античного мира, гуманизма и христианства, все больше отрывал наш немецкий народ от мира возвышенных общеевропейских идеалов, заглушая в нем понимание истины, добра и справедливости. Но как раз эти всеобщие достояния цивилизации и созидательные начала служили тем фактором, который с давних времен обуздывал и нейтрализовывал все таящиеся в германско-немецком характере опасные побуждения и динамические силы. По вине нацизма эти роковые силы с присущей им необузданностью одержали верх. Не примкнули ли все мы к этому ложному маршу насилия, несмотря на свои, быть может, самые лучшие побуждения и намерения? Не сказался ли вермахт инструментом нацистской политики насилия, и не был ли он причастен к попранию международных договоров, чужих границ и захвату чужих территорий? Все мы, носившие солдатский мундир, оказались втянутыми в круговорот событий, к которым мы не стремились и которых не желали. Мы не могли быть убеждены в том, что наше пребывание здесь, в Сталинграде,

служит интересам благородной, справедливой борьбы за наши жизненные интересы. С болью душевной мы видели, как позорно злоупотребляют солдатскими добродетелями – отвагой, самоотверженностью, преданностью и сознанием долга. Это еще больше усугубляло трагизм жестокой действительности, и нам предстояла расплата за многие преступления, которых мы не желали.

Наши собеседники – священники – читали нам отрывки из священного писания. Они говорили о божественной справедливости, которая, в конечном счете, придает смысл той судьбе, которая постигла нас. Найдем ли мы в себе достаточно силы, чтобы признать определенный смысл в том, что происходит с нами, и со смирением испить горькую чашу до дна. Перед лицом смерти все предстало перед нами в своем подлинном свете. В этой ситуации библия обращалась к нам с такой проникновенностью и ясностью, которых мы еще никогда не ощущали и не осознавали. Мы сидели, прижавшись друг к другу, не только как люди, объединенные общностью судьбы, над которыми навис один и тот же рок. Мы образовывали маленькую религиозную общину, сведенную вместе поисками подлинного утешения и духовной опоры.

До самого последнего времени моими неизменными спутниками на войне были многочисленные книги. Они содержали в себе немало мудрых вещей. Безмолвно общаясь с благороднейшими выразителями человеческих идеалов, я нередко черпал силу, утешение и ощущение свободы духа посреди давящей и отупляющей действительности суровых будней. Среди моих любимых книг, взятых с собой на Восточный фронт, которые были для меня дороги, как насущный хлеб, была книга самосозерцаний Марка Аврелия. Изящный томик в кожаном переплете был издан еще в 1675 году, – стало быть, в эпоху Людовика XIV. То был французский перевод произведения мудрого стоика, восседавшего на римском императорском троне. На обложке книги была высокопарная дарственная надпись в адрес шведской королевы Христины, а также отметка о том, что этот томик принадлежал одному французскому генералу времен Великой революции и Наполеона. Сколько же человеческих судеб знавал он на протяжении почти девяти поколений' И скольким давно канувшим в безвестность людям эта книга дарила спокойствие и душевное равновесие во время жизненных невзгод и потрясений! Я часто черпал в этой книге отраду и утешение. Она помогала мне на войне, являясь своего рода панцирем против ядовитых стрел, которыми слишком часто ранила меня жестокая действительность. Однако теперь и эта книга, как и другие

произведения, потеряла свое воздействие. Вся мудрость мира и земные утешения, заложенные в книге, оказались несостоятельными. Эта мудрость не доходила до самых тайников души и не могла больше служить поддержкой, когда я находился в состоянии ужасного потрясения и беспомощности.

В штабах и фронтовых частях, впав в отчаяние перед лицом крушения целого мира прежних представлений и неудержимо надвигающейся катастрофы, офицеры и солдаты кончали жизнь самоубийством. Люди понимали, что они погибают. Иные же прятали свой страх и опустошенность, пытаясь судорожно подчеркнуть верность солдатскому долгу или даже удаль. Если уж суждено погибнуть, то нужно, по крайней мере, биться до конца и постараться продать свою шкуру подороже, отправив на тот свет по возможности больше русских'

Мы пришли к единому мнению, что по религиозным и нравственным соображениям самоубийство недопустимо. Раз уж мы на том крошечном участке, за который мы отвечаем, не в состоянии активно противодействовать своей гибели, на которую нас обрекло командование, то будем, по крайней мере, стремиться даже в солдатских мундирах до конца оставаться людьми. Мы будем противоборствовать отчаянию, и стараться с достоинством идти навстречу даже самым тяжким мукам. Мы будем воздействовать и на других людей, связанных с нами общей судьбой, удерживая их от самоубийства. Несчастные, слабые, погрязшие в заблуждениях и грехах, мы ждали минуты, когда нам придется до дна испить горькую чашу страданий.

Разгром нашего корпуса и прощание у командующего

Положение нашего армейского корпуса стало совершенно катастрофическим. Мы не имели достоверных сведений о том, где проходит линия фронта, не знали, какова численность наших частей. Связь была повсеместно разрушена, а обстановка ежечасно менялась. Штабные офицеры все еще тщетно пытались наносить обстановку на карты, чтобы быть в состоянии и дальше руководить войсками. Но имело ли это вообще какой-либо смысл? Узнать, что происходило в подчиненных нам дивизиях, было практически невозможно. Получить для них подкрепления также не представлялось возможным. Приказы и распоряжения, как правило, не поспевали за событиями. Штабные карты больше не отражали действительной обстановки, ибо то, что было на них нанесено, практически не соответствовало действительности. Но об одном эти данные свидетельствовали со всей очевидностью: о прогрессирующем развале и приближающемся окончательном разгроме нашего корпуса.

Наш разведывательный отдел бездействовал. В соответствии с приказом мы занялись подготовкой круговой обороны, намереваясь защищать свой штаб и погибнуть с оружием в руках. Русские уже начали громить нас артиллерийским огнем. Скоро, думали мы, они ворвутся сюда и наступит конец. Мы надеялись лишь, что нам, офицерам, связанным долголетней совместной службой, удастся погибнуть вместе. Наш командир корпуса также был согласен с этим. Он решил еще раз собрать старейших офицеров корпусного штаба и устроить для узкого круга час прощания. Я и несколько других офицеров получили приказ вечером явиться в блиндаж генерала.

Тем временем случилось одно ужасное происшествие: внезапно исчез наш квартирмейстер, довольно молодой офицер генерального штаба. Шофер, доставивший его на аэродром в Гумрак, напрасно ждал его в машине. Подполковник бесследно пропал. На собственный страх и риск, никому ничего не сказав, он решил попытаться выбраться из «котла», этой зоны ужаса и смерти. На дезертирство его толкнули, вероятно, малодушие, трусость, безумная надежда на то, что при царящей неразберихе ему, возможно, удастся улететь отсюда и спастись. Генерал по закрытой связи объявил розыск этого офицера. Но дезертир сам явился в штаб группы армий, заявив, что он вылетел из окружения якобы с официальным заданием командира корпуса и

имеет поручение в части, занимающейся организацией снабжения по воздуху. Генерал был в ярости. Он заявил, что добьется того, чтобы беглеца возвратили в «котел», и он будет расстрелян у нас на глазах. Мы были глубоко подавлены и охвачены ужасом в ожидании этой отвратительной сцены, от которой мы, однако, к нашему облегчению, все же были избавлены. Наш квартирмейстер был расстрелян за пределами «котла», в том месте, где он, поддавшись роковой слабости, надеялся найти ворота к жизни и свободе.

Прощальный вечер у командира корпуса был похож на поминки. Над всеми нами грозно нависла тень близившейся катастрофы. В своем кратком слове генерал указал на отчаянность нашего положения, упомянул о неудержимом развале корпуса и перед лицом неминуемой гибели поблагодарил нас за службу. Незадолго до этого наш командир корпуса был у командующего армии. То, что ему там сообщили, не оставляло сомнений в том, что армия обречена. Мы узнали, что последние попытки командования армии получить эффективную помощь извне окончательно потерпели неудачу. Оказались напрасными все просьбы перебросить к нам на самолетах несколько свежих батальонов, и наши энергичные требования направить к нам больше самолетов. Возмущение штаба армии в связи с тем, что командование «люфтваффе» не выполнило своих обещаний, достигло апогея. Мы чувствовали, что нас предали и бросили на произвол судьбы.

Генерал-полковник Паулюс незадолго до Нового года послал в тыл с чрезвычайными полномочиями офицера – первого квартирмейстера штаба армии, который хорошо знал, чем живет и дышит окруженная группировка. Ему было дано указание со всей настойчивостью добиваться в штабе группы армий улучшения снабжения по воздуху. С аналогичной же целью туда вылетел командир окруженной вместе с нами зенитной дивизии. В качестве последнего посланца из «котла» в середине января непосредственно в главную ставку Гитлера вылетел старший помощник начальника оперативного отдела штаба 6-й армии. В частности, ему было поручено добиться вразумительного ответа, можем ли мы рассчитывать на эффективную помощь, и изложить – как говорили – ультимативные требования по спасению армии. Об этой миссии мы слышали еще раньше. То, что она была доверена хорошо знакомому нам молодому, энергичному капитану, награжденному «рыцарским крестом», импонировало нам. Правда, особых надежд у нас это не вызвало, но мы могли быть, по крайней мере, уверены в том, что он смело и откровенно расскажет о наших настроениях верховному

главнокомандующему. Для нас было также важно, чтобы в Германии узнали правду о Сталинграде. Посланцы нашей армии не вернулись в «котел». Снабжение по воздуху продолжало и дальше катастрофически ухудшаться, и не удивительно! Немецкий Восточный фронт откатился от нас примерно на 300 километров. Аэродромы в Сальске, Новочеркасске, Ростове и Таганроге, которые можно было использовать для снабжения 6-й армии, находились от нас на расстоянии 320– 420 километров. Без прикрытия истребителями были возможны главным образом ночные полеты, и таким образом мы теперь в лучшем случае получали в сутки не более 50-70 тонн груза. Последний вспомогательный аэродром со дня на день могли захватить русские.

Новая просьба командования нашей армии о предоставлении ему свободы действия и разрешении капитулировать была еще раз отвергнута Гитлером. Совещание у генерал-полковника Паулюса, где был сделан анализ обстановки и шла речь о состоянии и последних возможностях 6-й армии, произвело удручающее воздействие. Командир нашего корпуса прямо заявил, что нам грозит катастрофа. С ожесточением и затаенной злобой он подчеркнул, что мы не по своей вине попали в дьявольски отчаянное положение, из которого теперь уже не могло быть выхода. Однако он ясно дал понять, что нас связывает наш солдатский долг. Выполняя полученный приказ, мы плечом к плечу с винтовками в руках будем драться до последнего патрона. Из его слов явствовало, что он твердо намерен поступить, подобно капитану тонущего корабля, и не собирается пережить гибель своей части. Недвусмысленно он дал понять, что заповедь солдатской чести теперь беспрекословно требует от нас принесения последней жертвы.

Такая позиция, которая противоречила моим тайным личным убеждениям, казалась мне понятной и логичной, когда дело касалось нашего генерала, имевшего за своими плечами почти полвека военной службы. Я смотрел на его волевое, изборожденное морщинами лицо, на его ордена и знаки отличия, и мне казалось, что он мысленно оглядывается на свою долгую и беспокойную солдатскую карьеру, которая теперь должна была так резко и печально оборваться. В свои 65 лет он был, пожалуй, самым старым из фронтовых корпусных командиров, причем ему явно был отрезан путь к продвижению по службе, хотя он одно время и командовал армией во Франции. В прошлом он был председателем имперского военного суда, и, очевидно, его чересчур откровенные речи и крепкие выражения, порожденные присущим ему здоровым человеческим рассудком, сделали его

непопулярным в глазах начальства. В блиндаже командующего корпусом были выставлены памятные знаки и подарки, которые мы преподнесли ему осенью к его пятилетнему юбилею на посту командующего.

Капитаном он встретил крушение кайзеровской монархии и катастрофу в первой мировой войне. Из его рассказов и анекдотов, которыми он любил сыпать, мы знали некоторые подробности его дальнейшей карьеры и невзгоды, которые он пережил. Но то, что происходило теперь, было ни с чем не сравнимым ужасом. Генерал не стал распространяться о более глубоких причинах нашей катастрофы, хотя был, видимо, убежден, что в самых верхах роковым образом дискредитировали то дело, которому он верно служил на протяжении не одного десятка лет. Теперь, когда наше дело было безнадежно проиграно, как он дал понять, нам не оставалось ничего другого, как повиноваться приказу, к чему мы были приучены, чего от нас тысячи раз требовали, и что мы всегда беспрекословно выполняли. Конечно, и ему самому было нелегко примириться с происходящим. Слишком многое из того, что делало верховное командование за последнее время, противоречило его инстинкту старого солдата. Его одолевала едва сдерживаемая ярость, когда он рассказывал нам о судьбе генерала Гейма, которого он лично очень высоко ценил. В начале битвы под Сталинградом этот генерал, имея под своим командованием недостаточно оснащенный, еще не готовый к боевым операциям и не обстрелянный танковый корпус, получил приказ ликвидировать создавшееся в излучине Дона катастрофическое положение. Выполнить этот приказ не было тогда никакой возможности. И тут начались его злоключения. Генерал Гейм, став козлом отпущения, был разжалован Гитлером в рядовые солдаты, с позором изгнан из вооруженных сил и брошен в тюрьму. В назидание другим по этому поводу был издан специальный приказ, с которым были ознакомлены все высшие офицеры. Наш командир говорил об этом с нескрываемой горечью. Однако в остальном же он не проронил ни единого слова открытой критики или укора.

И все же генерал заметно изменился. Правда, его глаза еще сверкали под густыми кустистыми бровями от возмущения и гнева, когда речь зашла о дезертировавшем квартирмейстере, ибо то обстоятельство, что это совершил офицер его штаба, чуть не выбило генерала из колеи. Однако присущие ему грубоватая суровость и резкая, порой язвительная манера выражаться словно покинули его в этот вечер. Казалось, что в нем что-то надломилось и проявились обычно подавляемые им человеческие

чувства. Он предстал перед нами общительным и мягким человеком, и наша беседа вылилась в тоскливое воспоминание о прошлом. У меня было такое впечатление, словно в тайнике души генерала шевелится глубокое сострадание к армии, принявшей на себя муки самопожертвования.

В тот траурный вечер прощания – кажется, это было 24 января – я виделся с генералом в последний раз перед окончательной катастрофой. Уже два дня спустя русские танки рассекли окруженную группировку, разгромив при этом и наш корпусной штаб. Своего бывшего командира я затем еще раз мельком видел в плену, потому что он не пошел на дно вместе с тонущим кораблем и, неумолимо осуществляя полученный свыше роковой приказ, успев также получить чин генерал-полковника, пережил своих солдат, которых до самого последнего часа гнал на верную смерть.

Ему было суждено, поддавшись слабости, изведать мрачную бездну страданий, пока неизлечимый недуг не унес его в могилу.

Гибнущая армия устремляется в Сталинградские развалины

В то время, как наш штаб в лощине под Городищем пытался наладить руководство окончательно разваливающимся корпусом и готовился к рукопашной схватке, остатки разгромленных соединений нескончаемой вереницей тянулись по дороге отступления через аэродром Гумрак к северной и западной окраинам Сталинграда.

Влиться в этот безрадостный поток меня заставило одно трудное задание, которое я воспринял так, словно меня посылают на верную смерть. Мне было поручено разведать совершенно неясную обстановку у северного края аэродрома, где усиленно наседал противник, а также положение подчиненной нам Венской дивизии, которая еще сражалась где-то в этом районе. Связь с ней оборвалась, причем в последних полученных оттуда донесениях говорилось о настойчивых атаках русских танков, вызвавших страшное замешательство и неразбериху.

Это задание было передано мне начальником штаба и начальником оперативного отдела, которые, озабоченно качая головами, рассматривали изображенные на карте стрелы вражеских атак, прерывающуюся линию фронта и пестрящие повсюду вопросительные знаки. Как я с удивлением обнаружил, оба офицера получили повышение. Об этом производстве, которое обычно бывало важным событием в жизни штаба, никому не было объявлено. Мои поздравления вызвали у них лишь горькую усмешку.

В жестокий мороз и пургу вместе с одним фельдфебелем полевой жандармерии я ехал на мотоцикле через страшное поле битвы. Вскоре мы выехали на дорогу, ведущую в ад. Серой полосой выделялась она в заснеженной степи и была поистине Голгофой. Повсюду валялись занесенные снегом лошадиные трупы, исковерканные остовы автомашин, снаряжение, противогазы, ящики, исковерканное оружие. В зоне ужаса, где находился изуродованный боями поселок Гумрак, призрачно возвышались мертвые трубы, обвалившиеся стены и остовы домов. На железнодорожных путях длинными, широкими рядами стояли вагоны, которые, как и все подвалы, ямы и землянки вокруг, были забиты ранеными, больными и умирающими. Это было средоточие горя, муки и отчаяния. А над всем этим злосчастным пространством ревел ураганный артиллерийский и минометный огонь, окрашивая безбрежную снежную равнину в

грязно-черный цвет.

У края аэродрома и далее на север, где нарастал гром сражения, отступающие войска сбились в хаотическую кучу. Всепоглощающая волна разброда и истребления неудержимо, хотя и медленно, несла назад одиночек, группы и целые колонны. Отбившиеся от своих частей, голодные, мерзнущие, больные, как и боеспособные, солдаты видели теперь перед собой лишь одну цель – Сталинград. И как погибающий хватается за соломинку, они ползли туда. Им казалось, что в стенах и подвалах развалин, быть может, удастся еще найти тепло, еду, покой, сон. И вот они тянулись туда, эти остатки разгромленных подразделений, обозы и тыловые службы. Впрягшись в повозки, раненые, больные, измученные морозом солдаты, медленно тянули их. По дороге тащились жалкие, истощенные фигуры, закутанные в шинели, плащ-палатки и тряпье. Опираясь на палки, они едва ковыляли на обмороженных ногах, обернутых соломой и лоскутами одеял.

Так выглядели тянувшиеся через снежный буран остатки той некогда могучей армии, которая летом, уверенная в победе, рвалась к Волге. Люди из всех уголков немецкой земли, обреченные погибнуть на чужих просторах и безмолвно несшие выпавшее на их долю бремя мучений, брели понурыми толпами сквозь лютую восточную зиму. Да, это были те самые солдаты, которые так недавно самоуверенными победителями шагали по многим странам Европы. Теперь же их по пятам преследовал противник и отовсюду подстерегала смерть. Здесь их настиг тот же рок, какой 130 лет назад погубил другую исполинскую армию, от которой также требовали невозможного. Снежная мгла скрывала от меня некоторые детали всей этой жуткой картины, неустанно продолжая ткать огромный белый саван, который медленно накрывал гигантскую могилу в сталинградской степи.

Вопреки ожиданию мне быстро удалось выполнить свое поручение. Части бегущей Венской дивизии выходили прямо на меня. Вскоре я нашел и штаб дивизии. С гумракского аэродрома, где в этот момент приспосабливали зенитные орудия для стрельбы по наземным целям, мне удалось передать по телефону в свой корпус данные об обстановке, которые позволили до известной степени заполнить пробелы на карте начальника штаба и получить хоть и ясную, но еще более угрожающую картину надвигающейся катастрофы.

Удерживать аэродром Гумрак больше было нельзя. Казалось, что всеобщее паническое бегство к Сталинграду создало динамическую трубу, которая всасывала в себя все живое, и этому потоку не могла противостоять ни одна воинская часть.

Хотя мы предприняли все меры по организации круговой

обороны, внезапно к нам поступил приказ двинуться к Сталинграду. С собой разрешили взять только самое необходимое. Перед отходом предстояло уничтожить все материалы нашего разведотдела, бумаги и секретные документы. С тяжелым сердцем мы совершили печальный обряд сожжения наших рабочих материалов и подшивок с документами, что делается лишь в тех случаях, когда положение становится безнадежным и практически означает для штаба не что иное, как официальное прекращение его существования. Я предал огню и всевозможные личные архивы, среди которых находился объемистый военно-исторический труд, написанный мною во Франции после окончания кампании на западе, перед тем как я связал свою судьбу с нашим первоначально силезским армейским корпусом, давно уже истекшим кровью в боях на всех участках немецкого Восточного фронта. В огонь полетели и личные записки, которые я хотел сохранить как воспоминание о, безусловно, печальных, но богатых всякого рода впечатлениями и переживаниями временах военной катастрофы. Теперь все это, как и многое другое из того, что было доверено огню, казалось ненужным хламом. И все же мне было нелегко расставаться с некоторыми вещами, потому что рассованные повсюду в моем багаже любимые книги и маленькие сувениры до последнего момента помогали мне на далеком Восточном фронте сохранять вокруг себя остаток домашней атмосферы, чувствовать рядом с собой как бы кусочек родины. Теперь, кроме оружия, мне нужны были лишь рюкзак, мешочек для белья и планшетка с картами.

Ночь мы провели в пути не сомкнув глаз. Дрожа в машине от холода, но, все же чувствуя над головой хоть какую-то крышу, я еще раз задумался о происходящем. Меня неотступно преследовали жуткие картины распада и гибели. Под впечатлением недавней поездки через страшное поле битвы в моей голове невольно ожили леденящие душу воспоминания участников похода Наполеона в 1812 году. То, что я когда-то, внутренне содрогаясь, читал у Сегюра и Коленкура, нам теперь приходилось испытывать самим. Мрачные предчувствия, которые сжимали мое сердце в памятную светлую ночь 1941 года при начале рокового похода в Россию и затем не раз терзали меня, когда я наблюдал зловещие бескрайние русские пространства, теперь самым ужасным образом сбывались.

Еще в первые месяцы войны на Востоке мысли о гибели «Великой армии» в 1812 году кошмаром преследовали меня. Тогда мы рвались вперед почти точно по тому же пути, по которому двигался на Москву Наполеон. Реку Березину наша дивизия форсировала в том же самом месте, где когда-то

наполеоновская армия отчаянно отбивалась от преследовавшего ее противника. Там, у деревушки Студенка, недалеко от города Борисова, наши саперы нашли в болоте остатки французских мостовых сооружений, а также наполеоновский штандарт с изображением орла. Будучи офицером связи между дивизией и армейским корпусом, я тогда часто колесил по «ничейной земле» и не раз, сбившись с пути и оставшись наедине со своим шофером, попадал в места, куда не ступала еще нога немецкого солдата. В таких ситуациях я всегда особенно остро ощущал зловещую, растворяющую нас необъятную глубину восточных пространств, где нас отовсюду подстерегала опасность. Обуреваемый историческими воспоминаниями, которые получали все новое подтверждение во время нашего продвижения через Березину и Смоленск к Бородину, и, ощущая в душе глубокое беспокойство, я тогда не устоял против желания написать пространное исследование о катастрофе Наполеона. Свое исследование я основывал на некоторых исторических материалах 1812 года, которые были у меня под руками. Описывая гибель «Великой армии», я старался выдвинуть на первый план, прежде всего, чисто человеческие моменты, которые тогда вообще, особенно же вследствие роковой недооценки фактора пространства и погодных условий, так мало принимались во внимание. В районе Смоленска в июле 1941 года застопорилось наше победоносное продвижение вперед после предпринятого нами внезапного массированного нападения, наши дивизии натолкнулись на ожесточенное сопротивление большевиков и вскоре захлебнулись в крови в тяжелейших оборонительных боях{45*}. Именно там я передал мой трактат офицерам нашего штаба. Было видно, что он произвел на них впечатление. Меня вызвал к себе сам генерал. Он поблагодарил меня за проделанную работу, однако запретил размножать эту рукопись и знакомить с ее содержанием подчиненные нам части. Только один штабной майор, один из тех оптимистически настроенных и уверенных в победе офицеров, которые душой и телом были преданы господствующему режиму, выразил недовольство по поводу того, что я не сделал в своем исследовании выводов и не провел параллель с нынешней ситуацией, потому что это, по его мнению, придало бы моему пессимистическому труду успокоительное и лестное для нас завершение. Он был твердо убежден, что ошибки 1812 года не могут повториться, ибо современный уровень моторизации и далеко шагнувшая вперед техника, надежно функционирующая система материального снабжения и гениальность верховного руководства дают гарантию против этого.

Такого рода воспоминания снова ожили во мне в эту ночь во время отступления, когда мы двигались вместе с откатывающимися к Сталинграду остатками 6-й армии в предвидении ужасного конца. События 1812 года, казалось, действительно повторяются. Зловещее русское пространство еще раз поглотило сотни тысяч людей. Несмотря на трагический опыт Наполеона, снова были в ужасающем масштабе игнорированы элементарные факторы – географический и метеорологический. Современное суеверие, будто с помощью машин и моторов можно совершить невозможное и преодолеть опасности, которые таят в себе безграничные пространства, также способствовало нашей катастрофе. А с этой переоценкой механических средств ведения войны сочеталась и неправильная оценка человеческих сил и возможностей.

Это убеждение еще больше окрепло во мне, когда я наблюдал ужасные сцены на пути отступления. Повсюду на поле боя валялись разбитые машины и моторы– эти части гигантского армейского механизма. Колонны еще исправных автомашин постепенно закупоривали дорогу непробиваемой пробкой. Вскоре им предстояло стать добычей приближающихся русских танков. Солдаты, в своем большинстве изнуренные, апатичные и выбившиеся из сил, были неразрывными цепями прикованы к этому механизму. Подобно заменяемым частям бездушной машины, эти существа из крови и плоти до конца поглощались мясорубкой войны и безжалостно перемалывались.

Вместе с медленно плывущим потоком отступавших мы двигались вдоль обширной зоны, усеянной бесчисленными рядами серых деревянных крестов. Это зрелище немецких солдатских кладбищ времен прошедшего лета и осени с чудовищно огромным количеством могил у Сталинградских предместий действовало как молчаливая мрачная проповедь, проникавшая глубоко в наши сердца.

Вскоре бесконечно растянувшаяся колонна автомашин застряла. Нескольким юрким машинам-вездеходам и транспортерам удалось выскочить и с частью нашего штаба, в составе которой находился командир нашего корпуса со своей ближайшей свитой, вырваться вперед. По колонне быстро распространилось паническое известие, что на нас идут русские танки. Даже в нашем толстостенном штабном автобусе, в который мы в панике погрузили остатки походного имущества и стрелковое оружие, уже был слышен непрерывный и все более грозный грохот и металлический лязг приближающихся танков. Вдоль нашей оцепеневшей от ужаса колонны к дороге подходила цепочка серовато-белых танков типа Т-34, которых у нас

панически боялись. Однако орудия и пулеметы советских танков не стреляли. По всей видимости, танкисты не ожидали сопротивления и, как казалось, прибыли сюда за тем, чтобы забрать богатую добычу. Крышки люков были открыты, на переднем танке восседал в белом полушубке советский солдат, возможно комиссар. Он махал нам руками и на ломаном немецком языке кричал: «Дойчер зольдат, комм, комм! Гитлер капут!»

Внезапно этот русский, смертельно сраженный пулей, опрокинулся навзничь и свалился на землю под танк. Откуда-то в передний танк была брошена бутылка, наполненная высокочувствительной горючей смесью, которая на солдатском жаргоне называлась «молотовским коктейлем». Танк загорелся. Это предрешило роковой для нас исход. Люки захлопнулись, и танки, гремя цепями, откатились немного назад, чтобы затем открыть по нашей колонне ураганный огонь. Короткие хлопки пушек, треск пулеметов и свист автоматных очередей адской музыкой звучали в наших ушах в то время, как мы пытались спрятаться в ямах и выбоинах посреди придорожного кустарника и с дрожью ожидали, когда нас раздавят стальные чудовища.

Однако спустилась ночь, которая принесла нам еще раз спасение. В темноте слышались крики о помощи и стоны раненых, там и здесь к небу поднимались призрачные языки пламени, освещавшие покинутую всеми гигантскую змею нашей автоколонны. Под покровом темноты мы поредевшими рядами продолжали свой путь пешком. Смерть снова шествовала рядом с нами. Но, несмотря на подстерегавшую со всех сторон опасность, она и на этот раз пощадила нас.

Многоверстный марш продолжался по заснеженной степи. По ночам, как часто это бывает в сильный мороз, блестели мириады ледяных кристаллов, в степи свирепствовал пронизывающий ветер с Волги. По безоблачному бледно-голубому зимнему небу, на котором маячило холодное и бессильное солнце, проносились русские самолеты. На их сверкающих крыльях были отчетливо видны пятиконечные звезды. Внезапно одна группа самолетов снизилась и атаковала нашу маленькую беспомощную колонну. Как зайцы под перекрестным огнем облавы, мы бежали через ровное снежное поле, а затем с колотящимися сердцами глубоко зарывались в снег. Еще одна атака, и снова вокруг нас свистели пули.

Таща за собой раненых, группа двинулась дальше. Изнуренные и разбитые, мы, наконец, добрели до развалин северной окраины Сталинграда. Какие еще тяжелые испытания приберегла для нас судьба? Смерть, с которой я так близко, как

никогда раньше, сталкивался лицом к лицу в последние дни, по-прежнему щадила меня. Но шагавший уже несколько недель рядом с ней ее верный помощник – голод – терзал меня, постепенно подталкивая к гибели. И третий сообщник в этой компании убийц – мороз – тем временем тоже стал донимать меня, о чем свидетельствовала постоянная покалывающая боль в конечностях. Наша офицерская группа, частица разгромленного штаба, в конце концов, нашла убежище в темноте, под сводами грязного подвала, а солдаты обосновались в одной из развалин по соседству. Этому месту суждено было стать конечной целью наших странствий и нашим последним приютом.

Агония затягивается

В начале последней недели января русские не только усилили давление на западную и северо-западную стенку узко сжатого «котла», но и перешли в новое наступление с юго-западного направления в районе Песчанка и Воропоново. Стальные колонны их танков давили орудия и людей, которые своевременно не прекратили огонь и не сдались. Но и теперь еще изможденные немецкие части кое-где оказывали ожесточенное сопротивление, а под Воропоновым им даже временно удалось еще раз отбросить противника. Однако ничто уже больше не могло задержать быстрое приближение рокового конца. С Татарского вала по направлению к Волге устремился ударный танковый клин, который, пробивая насквозь остатки разбитых соединений и отходящие колонны автомашин, рассек наш «котел» на северную и южную части. Это случилось 26 января. Я сам был очевидцем прорыва и вызванного им сплошного хаоса. Теперь русские совершенно спокойно начали в направлении с юга на север по кусочкам уничтожать набитый продолжающими оказывать сопротивление людьми, болезнями и смертью «мешок», который тянулся вдоль Волги почти на 20 километров. Уже спустя два дня после прорыва танков с западного направления к Волге советские войска еще раз расчленили на две части южную группировку «котла», тем самым, перерезав многие важные коммуникации 6-й армии.

Никаким официальным приказом даже не пытались положить конец надвигавшемуся распаду, хаосу и массовой гибели. До того как немецкие войска панически хлынули в Сталинград, в штабах по инициативе командования армии еще раз всерьез обсуждался отчаянный план прорыва из окружения. Очевидно, после допущенных тяжелых ошибок кто-то все еще намеревался действовать на свой страх и риск. Предполагалось разорвать кольцо окружения путем прорыва еще боеспособных частей во всех направлениях. Целью прорыва должно было стать соединение с южным и западным участками немецкого фронта. Если бы этого не удалось достигнуть, то, как, видимо, полагали, все же имело бы смысл вызвать замешательство в тылу неприятельского фронта. Но это был безумный план саморазвала и самоуничтожения, который не учитывал многих печальных обстоятельств окружающей действительности и перед лицом катастрофического положения войск выглядел как насмешка. Он также совершенно сбрасывал со счета огромные толпы оставшихся бы в этом случае на произвол судьбы больных и

раненых. Поэтому план с возмущением был отвергнут всеми армейскими корпусами.

Правда, командование армии в связи с катастрофическим положением еще раз обращалось к главному командованию сухопутных сил и просило безотлагательно разрешить капитуляцию, которая, возможно, могла бы предотвратить полнейшее разложение и его самые худшие последствия. Ответом было непреклонное «нет» Гитлера. Командующий армией и на этот раз повиновался приказам и указаниям главной ставки, хотя он давно уже мог убедиться в том, что якобы предпринимаемые со стороны командования сухопутных сил какие-то меры и обещанная Гитлером быстрая эффективная помощь были самым бессовестным обманом. Возможно, что Паулюс на основании поступавшей по радио информации был убежден в том, что его армия по оперативным соображениям должна быть принесена в жертву, чтобы обеспечить отход соединений Кавказского фронта или же вообще разгрузить шатающийся повсюду фронт других групп армий. «Запрещаю капитуляцию! – радировал Гитлер 25 января командованию окруженной группировки. – Армия должна удерживать свои позиции до последнего человека и до последнего патрона!» Эти приказы, в которых говорилось о «незабываемом вкладе в создание оборонительного фронта», а позднее с заклинающим пафосом о «спасении Запада», остались законом для командования 6-й армии. По-видимому, принцип беспрекословного повиновения приказу и рабского подчинения фюреру играл более важную роль, чем любые оперативные соображения, опасения и сомнения. Стало быть, не могло быть и речи о том, чтобы прекратить борьбу из соображений гуманности. Генерал-полковник Паулюс и начальник его штаба, фанатизм и упорство которого были хорошо известны в штабах, настаивали на своем роковом решении. Со своей стороны многие генералы и штабы оставались исполнителями пагубных приказов. Люди в самых невообразимых условиях продолжали сражаться, страдать и умирать. Агония армии, мучительная и ужасная, после рассечения «котла» затянулась еще на целую неделю.

Полную бесперспективность нашего положения особенно продемонстрировали два события – рассечение нашего «котла» и прекращение регулярного снабжения по воздуху. Разорванной оказалась не только наша старая штабная группа, дававшая нам моральную поддержку благодаря царившему в ней товарищескому духу. Прорыв русских танков через Сталинград безнадежно искромсал и перетасовал части и штабы, рассек все связи и ускорил процесс всеобщего разложения. Командование армии перестало функционировать, взаимодействие не ладилось

и значительные части армейского механизма оказались парализованными.

24 января последний транспортный самолет, битком набитый ранеными, поднялся в воздух со вспомогательного аэродрома в поселке Сталинградский, который после потери в середине месяца аэродрома в Питомнике был поспешно оборудован в результате самоотверженных усилий едва державшихся на ногах солдат тыловых служб. В общей сложности наши летчики с начала битвы в «котле» вывезли по воздуху около 40 тысяч раненых и специалистов. И здесь, в Сталинградском, – как ранее у последних самолетов, вылетавших из Питомника, – на взлетной дорожке разыгрывались душераздирающие панические сцены, когда русские были уже на подходе и отчаявшиеся люди штурмом брали готовые к взлету машины, цепляясь за шасси и фюзеляжи самолетов, питая безумную надежду вырваться из когтей смерти.

Снабжение по воздуху давно уже было парализовано. Прекратилось всякое централизованное распределение доставляемых на самолетах продуктов и других грузов. Поскольку о приеме новых самолетов нечего было и думать, в последнее время над площадками, освещенными прожекторами, по ночам лишь сбрасывались контейнеры с продовольствием. Однако рейсы транспортных самолетов были связаны с величайшими трудностями, поскольку летчикам после 300-километрового рискованнейшего полета над вражеской территорией приходилось мужественно преодолевать густую завесу огня русских зениток и, кроме того, выбор целей зависел от условий погоды и поведения противника. Самоотверженная помощь неутомимых и отважных летчиков транспортной авиации, в общем, почти что была бесполезной. К тому же сбрасываемые с самолетов контейнеры тут же захватывали отдельные подразделения. В условиях усиливающегося разложения и приближающейся катастрофы своя рубашка была ближе к телу.

Русские со всех сторон подступали к окраинам Сталинграда. Железное кольцо уничтожения все туже стягивалось вокруг того места, где завершалась ужасная трагедия обреченной на смерть армии. Сцена действия этой ужасной трагедии таила в себе что-то жуткое и призрачное. То была гигантская груда развалин и обломков – Сталинград, более чем на 20 километров растянувшийся вдоль высокого правого берега Волги, мрачный, мертвый город, кровоточащий тысячью ран. На протяжении полугода разрушение и смерть справляли здесь свои оргии, не оставив после себя ничего, кроме разорванных каркасов домов, голых стен, вздымающихся к небу заводских труб над обширными полями обломков, сгоревших заводов, бесформенных кусков

цемента, вывороченного асфальта, погнутых трамвайных рельсов, взгромоздившихся на разбитые вагоны, вздыбленного металла, искромсанных остатков деревьев в бывших скверах, на которых сохранились обломки советских скульптур, следов пожаров и тления. А под этой жуткой каменной пустыней из скелетов домов простиралось призрачное подземное царство глубоких подвалов, погребов, нор и траншей. Туда зарылась жизнь, над которой нависла мрачная тень вездесущей смерти. Это было место ужасных страданий и гибели многих десятков тысяч несчастных, покинутых, беспомощных людей. Каждая яма, каждый погреб, каждый подвал, каждое убежище были до отказа забиты.

И над всем сталинградским полем руин висел почти непрекращающийся артиллерийский и минометный огонь, который, равно как и повторяющиеся все время воздушные налеты, вызывал все новые жертвы среди сгрудившихся в центре города солдат умирающей армии, которая в последнюю неделю января переживала здесь ад на земле.

Полчище раненых и больных быстро возрастало прямо-таки до чудовищных размеров. Когда русские ворвались в район Гумрака и всеобщее паническое бегство к Сталинграду достигло своего апогея, командование 6-й армии было вынуждено все-таки отменить свой прежний приказ, разрешив, наконец, при отступлении оставлять раненых – правда, без врачей и санитаров, что было страшной жестокостью по отношению к ним. Но пункты сбора раненых, санчасти и лазареты в городе были и без того битком забиты. Теперь они оказывались не в состоянии вместить всех нуждающихся в помощи. Пожалуй, добрую половину оставшихся еще в живых, то есть свыше 50 тысяч человек, составляли больные и раненые, и тысячи людей оставались без ухода и помощи, так как не хватало перевязочного материала, медикаментов, морфия, помещений. Напрасно бесчисленные умирающие молили дать им какое-нибудь средство, которое утолило бы боль или вообще положило бы конец их страданиям Врачи, санитары и похоронные команды не справлялись с порученным им делом.

Раненые и умирающие тысячами лежали повсюду, стонущие, хнычащие, замерзающие, бредящие, молящиеся. Но большинство их покорно примирились с выпавшими на их долю страданиями и впали в апатию. Они лежали вплотную друг к другу в подвалах разрушенных зданий, у вокзала, вокруг площади Павших Борцов, в элеваторе, в подвалах театра, бывшей городской комендатуры и в бесчисленных других подземных убежищах и норах среди гигантской груды руин, которая называлась Сталинградом. Изнуренные, они не могли больше сопротивляться даже легким

заболеваниям, не говоря уже о сыпном тифе, дизентерии, желтухе и других болезнях, которые косили армию. Промерзлая, как камень, земля не принимала бесчисленные трупы. Мертвецов попросту засыпали снегом или складывали штабелями где-либо по углам. Никто их больше не регистрировал, и никто более не интересовался их личными номерными жетонами{46*}. Ужасный конец постигал брошенных на произвол судьбы больных и неподвижных раненых, находившихся в развалинах, которые обрушивались или загорались под градом бомб и снарядов. Во время артиллерийского обстрела загорелось многоэтажное здание комендатуры центрального района Сталинграда, превращенное в лазарет, битком набитый больными и ранеными. После неописуемой паники и отчаяния, охвативших находившихся там людей, сплошное море огня вскоре поглотило это пристанище ужаса{46*}.

Ничего удивительного, что после почти 70 дней тяжелых боев, преисполненных невероятных мук и лишений, физический и моральный упадок окруженных войск начал повсюду выражаться в таких прискорбных явлениях, которые до этого были нам не знакомы. В подземных убежищах тут и там среди больных и раненых прятались здоровые и боеспособные солдаты. Участились случаи нетоварищеского поведения, кражи продуктов, неповиновения командирам вплоть до открытого мятежа. По лабиринтам подземных развалин слонялись солдаты из различных дивизий, отбившиеся от своих частей или самовольно покинувшие их, мародеры и «заготовители», на собственный страх и риск отправившиеся на добычу чего-либо съестного и стремящиеся увильнуть от направления на передовую. Они прекрасно знали, что сбрасываемые с самолетов контейнеры с продовольствием падают не только на специально предназначенные для этого площадки. В развалинах домов и в темных дворах, на протоптанных через обломки и щебень тропинках и в траншеях иногда можно было найти и припрятать кое-что из съестного, потому что иной раз сверху вместо мин со свистом падали связки колбасы, буханки хлеба в целлофановой упаковке и пачки шоколада, которые попросту разбрасывали с самолетов. Элементарный инстинкт самосохранения не оставлял места для размышлений о справедливости и несправедливости. Так же как стиралась разница между фронтом и тылом, начинало стираться и различие в чинах и должностях.

В последнее время в Сталинграде было введено чрезвычайное военно-полевое законодательство, предусматривавшее самую тяжкую кару за любой проступок. Мародеров предписывалось расстреливать в 24 часа. Были введены офицерские патрули, и

рыскавшие полевые жандармы с металлическими бляхами на груди имели приказ принимать самые беспощадные меры. В результате этого не одна сотня немецких солдат, не устоявших перед обрушившимися на них бедствиями, погибла под немецкими же пулями.

И все же о деморализации войск в подлинном смысле этого слова нельзя было говорить. Слишком велики были царившие повсюду страдания и связанная с этим полнейшая апатия. По этой же причине нельзя было говорить и о самоотверженности в бою и героическом сопротивлении. Конечно, кое-где совершались отдельные подвиги и встречались проявления личной боевой инициативы и самопожертвования. Но, в общем и целом, до самого горького конца повсюду царила тупая покорность неотвратимой судьбе. То был скорее безмолвным героизм примирения со своей участью, героизм страдания и терпения. При этом едва ли были случаи, когда кто-либо погибал подлинно солдатской смертью, сознательно жертвуя собой ради других. Правильнее было бы, пожалуй, говорить о последней самозащите отчаяния, продиктованной инстинктом самосохранения, или же о медленном угасании давно уже обессиленных, измотанных, замученных людей.

И с этой массой подкошенных голодом, измученных морозом людей, на которых уже лежала печать смерти, продолжали бессмысленное сопротивление. Руководящие штабы по-прежнему ставили боевые задачи, приказывали предпринимать контратаки, строго запрещая частичную капитуляцию или другие самовольные действия, к которым намеревались прибегнуть отдельные подразделения. Не забывали и о пополнении для фронтовых частей. Эта печальная забота была возложена на так называемые «команды по сбору героев», которые повсюду прочесывали подвалы, погреба и выдолбленные в земле норы, с тем, чтобы вытащить оттуда всех еще боеспособных солдат. И люди, которых извлекали из наполненных вонью и дымом подземных убежищ и нор, ничем не отличались от тех изможденных, жалких фигур, которые маячили на сборных пунктах для отбившихся от своих частей или среди сновавших повсюду солдат с неумытыми, заросшими, впалыми щеками, не имевших сколько-нибудь пригодного зимнего обмундирования, выбившихся из сил и зачастую ковылявших на полуобмороженных ногах. Таково было это с горем пополам собранное пополнение, которое, подкрепившись у полевых кухонь жидким супом и тощей кониной, направлялось на передовую, чтобы продлить сопротивление до последнего патрона! Это были уже не солдаты, а жалкие человеческие развалины, которых снова гнали навстречу

противнику для того, чтобы удержать «крепость Сталинград» и, без колебаний пожертвовав ими, еще немного оттянуть окончательную катастрофу. Если отдельные фронтовые офицеры из сострадания к измученным, потерявшим боеспособность людям и воздерживались от выполнения некоторых приказов, то, в общем-то, не было видно конца этой массовой бойни, ибо приказ командование армии сопротивляться до последнего человека оставался в силе. Бесчеловечное и безжалостное жертвоприношение продолжалось.

Мы слушаем панихиду по самим себе

В гигантской могиле Сталинграда все убежища, норы, погреба и сводчатые подвалы были до предела забиты людьми. Вход в наш подвал закрывался опускающейся дверью, которая защищала от холода. Вокруг вначале стояли еще кое-как сохранившиеся дома. Это было северное предместье города – Спартаковка. Неподалеку, в развалинах Тракторного завода, обосновался командир отрезанной от остальной группировки северной части «мешка», генерал Штрекер. Вместе со своими гренадерами он было решил сопротивляться до конца. Наша маленькая оторвавшаяся от корпусного штаба группа оказалась без дела и потому подчинялась непосредственно штабу Штрекера. Нам поручили обеспечить работу центрального пункта по сбору отбившихся солдат в северной части «мешка». Заправлял этими делами очень энергично наш корпусный адъютант, пожилой полковник, из традиционного прусского офицерского рода. Его лихорадочная деятельность на этом поприще была порождена не только чувством долга, но и потребностью чем-то отвлечь себя от окружающей действительности.

Выполняя отдельные поручения, я побывал в различных пунктах боев. Я бродил среди страшных развалин, вид которых приводил меня в ужас Картины, которые я наблюдал, долго преследовали меня, не давая покоя под мрачными сводами подвала, где железная печурка дарила нам благодатное тепло. Там проходила наша скудная трапеза, и мы торжественно и медленно съедали по кусочку добытой конины и 50 граммов хлеба. Дух товарищества скрашивал нашу жизнь, помогая перенести трудности, которые в одиночку едва ли можно было выдержать. Мы, офицеры разгромленного штаба, в еще большей степени понимали страшную ситуацию, и это усиливало в нас чувство безнадежности и одиночества.

В мои обязанности входил сбор всей возможной информации об обстановке. Поэтому я поддерживал тесные контакты со штабом Швабской дивизии, которая ранее входила в состав нашего корпуса, а теперь расположилась неподалеку от нас в лабиринте подвалов. Там я бывал у своих старых знакомых из разведотдела. Им удалось во время бегства спасти военный передатчик-приемник, и теперь он нам пригодился.

Утром 30 января, как обычно, в блиндаже разведотдела царило похоронное настроение. Начальник отдела, уже давно

впавший в пессимизм капитан, был мрачнее обычного. Его рослый помощник, сильно ослабевший от голода и заметно постаревший, как всегда, жевал хлебные зерна, которые он бережно хранил в специальном пакетике. В подвале собрались офицеры штаба. Все мы пришли послушать речь Геринга, на которую, правда, не возлагали никаких надежд, ибо надеяться было уже не на что. Узнает ли сегодня Германия всю страшную правду о немецкой катастрофе на Волге? Быть может, эта речь – хотя бы маленькое утешение, и мы расскажем о ней нашим товарищам!

Эфир донес до нас бравурную музыку марша, которая была прелюдией в берлинском министерстве авиации к торжественному заседанию по случаю десятилетней годовщины «третьего рейха». Среди сталинградских развалин эта праздничная музыка резко диссонировала нашему погребальному настроению. Вскоре послышался голос Геринга. В своей длинной речи, которая то и дело заглушалась грохотом падающих вокруг нас бомб и снарядов, от которых дрожали стены убежища, рейхсмаршал превозносил «фюрера и его титаническую деятельность, силу нового, твердого, как гранит, мировоззрения, которое, в частности, в упорных сражениях на Востоке позволило достичь того, что казалось невозможным». Затем он говорил о противнике и о гигантских масштабах сражений у волжской твердыни, где русские, невзирая на то что их силы давно уже на исходе, предпринимают последние отчаянные усилия. Правда, противнику еще удалось собрать последние резервы из подростков и обессиленных стариков, влив их в состав передовых батальонов. Этих изголодавшихся, дрожащих от холода людей держат в повиновении лишь с помощью кнута и пистолета, и гонят их в бой комиссары при помощи пулеметов. «Этот фанатический натиск диких большевистских орд», продолжал Геринг, сдерживается на Волге в величайшей за всю немецкую историю героической борьбе, в которой как один участвуют все – от солдата до генерала. Геринг сравнил беспримерный героизм и доблесть солдат 6-й армии с немеркнущим подвигом Нибелунгов, которые в своем охваченном огнем чертоге утоляли мучившую их жажду собственной кровью и стояли насмерть. Даже через тысячу лет каждый немец будет со священным трепетом и благоговением говорить об этой битве, памятуя о том, что именно так вопреки всему ковалась немецкая победа. До предела взвинченным, дрожащим голосом оратор напомнил о героическом примере последних готтов и, наконец, о знаменитом подвиге спартанцев в Фермопильском ущелье, которые не дрогнули и не отступили, пока не полегли все до одного. Точно так же обстоит дело и в

Сталинграде. Подобно царю Леониду и его соратникам, защищавшим греческий перевал, немецкие герои на Волге полягут костьми ради Германии, как-то повелевают законы чести и ведения войны.

На протяжении этой напыщенной и насквозь лживой захлебывающейся в истерическом экстазе речи реакция глубоко разочарованных и возмущенных офицеров становилась все более враждебной. В их взглядах, жестах и словах явно прорывался закипавший гнев. Те, кто, возможно, до самого последнего момента уповал на обещанное спасение, теперь с растущим ужасом осознали, что на родине, где родные все еще надеются увидеть их, 6-ю армию окончательно списали со счета. Все мы поняли, что сейчас прослушали панихиду по самим себе.

Стало быть, от нас хотели, чтобы мы преподнесли в подарок к десятой годовщине «третьего рейха» новый героический эпос. Несомненно, кое-кто попросту намеревался нажить политический капитал на нашем катастрофическом военном поражении, виновником которого было верховное командование, и в частности сам Геринг со своими невыполнимыми легкомысленными и хвастливыми обещаниями обеспечить наше снабжение по воздуху. Омерзительная попытка окурить фимиамом мучительную гибель 6-й армии и создать ореол героизма вокруг того, что было издевательством над всеми законами человечности, наполняла меня гневом и отвращением. Во время этой речи мне представилась во всей своей наготе картина всеобщего распада, хаоса и агонии многих десятков тысяч людей, испытывающих неописуемые страдания. Если бы меня не окружала страшная действительность, все это казалось бы мне кошмарным сном. Не были ли слова Геринга ударом ножа в сердца наших родных и близких, которые теперь лишатся всякой надежды на наше спасение? Итак, на родине нас уже официально похоронили!

Создание героической легенды вокруг нашей 6-й армии и ее мифическое прославление имели своей целью скрыть страшную правду. То, что первоначально представлялось героическим подвигом немецкого солдата на Волге, давно уже превратили в безответственную массовую бойню, которая по приказу верховного руководства продолжалась до горького конца. Патетическое славословие явно имело целью отвлечь внимание от катастрофических последствий преступно-дилетантского ведения войны и воспрепятствовать тому, чтобы возник вопрос о виновниках этого преступления.

Списаны и похоронены! Таково было удручающее впечатление от кощунственной речи Геринга на нас, корчившихся

в муках сталинградского ада. Эта речь выглядела, как последний циничный окрик и приказ до конца следовать примеру спартанских героев.

Когда я под разрывами мин возвращался к себе в подвал, мне снова припомнились речи Гитлера, произнесенные им прошлой осенью, и мне стало ясно, по каким причинам 6-й армии неизменно запрещали любую попытку прорыва и отступления, не позволяли и думать о свободе действий и капитуляции. Сохранение политического и военного престижа требовало нашей гибели! Отсюда вытекали бессмысленные приказы сопротивляться до конца. Именно на этом настаивала главная ставка Гитлера, после того как любая эффективная помощь для нас стала невозможной и исчезли предпосылки для достойного продолжения борьбы 6-й армии, лишившейся всякого снабжения. Пронзительный голос рейхсмаршала еще долго звучал в моих ушах. С отвращением я мысленно возвращался к его призывам последовать примеру спартанских героев в Фермопильском ущелье и к другим чудовищным сравнениям, которыми изобиловала его речь. Я инстинктивно чувствовал, что героической рамкой пытаются окантовать преступление, замаскировав его словами о национальной чести. Приходилось ли когда-либо людям, обманутым в своей вере и преданности, в столь ужасной степени чувствовать на собственной шкуре чудовищное несоответствие между потоком напыщенных фраз и страшной действительностью, как это довелось почувствовать нам? В те дни я испытывал страстное желание, чтобы на родину вернулось как можно больше уцелевших участников битвы, которые могли бы рассказать всю правду о Сталинграде и воспрепятствовать возникновению неуместных солдатских или национальных легенд.

Особенно мучительным для меня было сознание того факта, что все командные инстанции и штабы окруженной группировки, в сущности, имели лишь одну задачу – обеспечить героическую позу во время массовой бойни и эффектное завершение трагедии.

Бесславный конец

Первого февраля нам стало известно, что главнокомандующий 6-й армией Паулюс вместе со своим штабом и двумя южными группировками немецких войск в «котле» капитулировал и сдался в плен. В последний момент он получил звание генерал-фельдмаршала. Это повышение в час окончательной катастрофы содержало в себе нечто гротескное и явилось одновременно благодарностью свыше и прощанием. Однако того примера героизма, которого ожидали от него в гитлеровской ставке, злополучный фельдмаршал так и не дал.

Сообщения немецких газет и радио в унисон с речью Геринга позднее пытались создать впечатление, будто фельдмаршал в тот момент, когда в его убежище ворвались русские, собственноручно сжигал секретные документы, а генералы якобы до последнего момента лежали у пулеметов и продолжали отстреливаться, но были скручены навалившимися на них врагами. Соответствующие картинки старались показать немецкому народу и иллюстрированные журналы, публиковавшие с этой целью фальсифицированные фотографии. Однако в действительности дело обстояло иначе. Мы подсчитали, что из южного и центрального участков «котла» в плен вместе со своими штабами сдалось более 15 генералов. Вскоре московское радио сообщило более точные цифры и назвало имена. О том, что многие из этих генералов и старших офицеров направились в плен даже с тщательно упакованными большими чемоданами, я узнал лишь позднее.

Переводчик фельдмаршала, прибалтийский зондер-фюрер в чине капитана, рассказывал мне подробности о том, как протекала капитуляция армейского штаба. Капитуляция состоялась после предварительного установления контакта с передовыми советскими частями в подвале универмага на Красной Площади{47*}. Впавший в прострацию главнокомандующий полностью уступил инициативу начальнику своего штаба. И генерал Шмидт, который до последнего момента считался душой сопротивления, теперь предпринял все, чтобы избежать продолжения боевых действий на собственном командном пункте и без осложнений осуществить строго запрещавшуюся до этого капитуляцию. Разговор был недолгим, и никто ничего не подписывал. Там просто прекратили сопротивление и сдались победителю, не беспокоясь о дальнейшей судьбе еще остававшихся боевых групп. Фельдмаршал под конец выразил пожелание, чтобы русские

рассматривали его как частное лицо{48*}. Тем самым он отрекся от официальной роли, которую он до этого играл в военно-политических интересах верховного военного руководства, и, будучи внутренне сломлен, отказался от своего полководческого жезла. Он был увезен в закрытой автомашине, и ему не пришлось больше видеть вопиющую к небу принесенную в жертву армию.

Уже за несколько дней до этого командование 6-й армии практически прекратило руководить войсками. Один из последних дошедших до нас приказов гласил, что необходимо бороться за каждую пядь земли и оборонять командные пункты. Теперь, стало быть, там, на южном участке «котла», вопреки воле Гитлера и всем, ранее изданным, приказам борьба была прекращена, тогда как на нашем участке продолжалось бессмысленное кровопролитие.

Известие об этой капитуляции пробудило во мне прежние тайные опасения, сомнения и страхи, которые за последние недели неотступно мучили меня. В глубине души я все больше восставал против некоторых царивших в армии представлений о долге повиновения, о чести и дисциплине, которые до самого последнего времени находили свое проявление в действиях командования нашей армии. Чувство возмущения и болезненное сознание того, что я своими личными действиями не могу ничем изменить положение, стали для меня теперь почти невыносимыми. Был ли это всего-навсего восставший инстинкт самосохранения моей эгоистической личности? Или то была попросту измена солдатскому долгу с моей стороны, малодушие и трусость в тот момент, когда дело приняло дьявольски серьезный оборот? И вот теперь во мне снова ожили терзающие чувства и мысли, под влиянием которых я в начале войны спрашивал себя: для чего и для кого ты должен принести эту жертву? Аналогичный вопрос, в сущности, никогда не покидавший меня, вновь возник передо мной во весь свой исполинский рост, во имя чего сражалась вся армия. Дрались ли мы здесь, в Сталинграде, как и всюду, решая благородную, возвышенную, священную задачу, добиваясь нравственно оправданной цели, ради достижения которой нужно было проявить самоотверженность и пожертвовать собственной жизнью? Могли ли солдатская честь и долг повиновения требовать от нас как нечто само собой разумеющееся такого сверхчеловеческого упорства при отстаивании проигранного дела, обрекая армию на невыразимые страдания и жестокую смерть? Действительно ли эта безмерная жертва могла иметь решающее для исхода войны значение, и могла ли она принести пользу Германии и нашему народу? Не представляла ли она

собой заведомо чересчур высокую цену за осуществление тех оперативных замыслов, которые преследовало верховное руководство? Давно назревавшие во мне опасения превратились в ужасающую уверенность; то, что происходило здесь, в Сталинграде, было трагически бессмысленным жертвоприношением и трудно вообразимым предательством по отношению к храбрым, самоотверженным солдатам. Те, кто нес ответственность за эту катастрофу, самым постыдным образом злоупотребили нашим доверием. Мы были обмануты, введены в заблуждение и обречены на бесславную гибель. Солдаты умирали во всем разуверившиеся, чувствуя, что их предали. В моем сердце росло мучительное сознание бесцельности и бессмысленности всего того, что происходило вокруг. Передо мной раскрылась роковая бессмысленность вообще любой войны. Отчетливее, чем когда бы то ни было, я представил себе бездну горя и слез, выпавших также и на долю других народов и других стран Европы, которым немецкий солдат и немецкое оружие принесли бесконечные несчастья. Не мы ли, недавние победители, слишком легко закрывали глаза и сердца, забывая, что везде и всегда речь идет о живых людях, об их достоянии и об их человеческом счастье? Пожалуй, лишь немногие из нас думали о том, что страдания и смерть, порожденные нашим печальным военным ремеслом, однажды настигнут и нас самих. Мы несли свою тотальную войну во все уголки Европы, пагубным образом вторгаясь в судьбу других народов. При этом мы слишком мало интересовались причинами, необходимостью и правомерностью того, что происходило, и мало думали о неизмеримости взятой нами на себя тем самым политической ответственности. Мы сеяли горе и смерть, и сейчас они безжалостно повернулись против нас самих. Степь у Дона и Волги впитала в себя потоки драгоценной человеческой крови. Здесь нашли свою могилу сотни тысяч людей: немцы, румыны, итальянцы, русские и представители других советских народов Русские тоже, безусловно, принесли чудовищно высокие кровавые жертвы в этой жестокой сталинградской битве. Но они, защищая свою родину от чужеземных захватчиков, знали, за что они отдавали свои жизни. Особенного сострадания заслуживали несколько тысяч пленных красноармейцев, которые, находясь за колючей проволокой в лагере Воропоново и испытывая голод и лишения, вынуждены были погибать вместе с нами. Тяжелые мысли, которые неотступно преследовали и терзали меня, привели меня к пониманию, насколько же притупились наши чувства, если мы могли примириться с повсеместным безграничным пренебрежением к человеческому достоинству и человеческой

жизни и насилием над ними. Но одновременно во мне росли ужас и отвращение перед этим чудовищным Молохом, перед войной, которая с самого начала находилась в непреодолимом противоречии со всеми нашими нравственными и религиозными устоями.

К неописуемым физическим страданиям в дни, предшествовавшие гибели нашей 6-й армии, прибавилась, таким образом, еще и глубокая душевная боль, которая терзала сердца беспомощных, обреченных на гибель людей, а также острые душевные конфликты, порожденные голосом совести, и не только в том, что касалось долга повиновения. Повсюду, где я бывал и куда ни бросал взор, я видел одну и ту же картину. И то, что я узнал об этом потом, еще больше укрепило создавшееся у меня впечатление. Те, кто отчетливо не представлял себе истоков и причин катастрофы, догадывались о них в своем мрачном отчаянии. Теперь уже многие офицеры и командиры возмущались исходившими из ставки «фюрера» и спускавшимися командованием армией дальше безумными приказами. Тем самым они отрекались от давно выхолощенных понятий о воинской чести и дисциплине, за которые руководство армии цеплялось до самого конца. В беспрекословном повиновении, которое роковым образом поддерживалось здесь, в Сталинграде, они стали усматривать не проявление солдатского духа, а лишь безответственность. Столь необычные бедственные условия, в которых мы находились, в конце концов, не могли быть поняты в удаленной от нас на две тысячи километров ставке Гитлера, хотя она, во всяком случае до 20 января, получала регулярную информацию от одного специально прикомандированного к окруженной группировке офицера генерального штаба. В такой обстановке принцип чисто солдатского повиновения неминуемо таил в себе опасность того, что при принятии ответственных решений не будут иметь никакого веса личные взгляды и представления о нравственности, а возможно и совесть. Во всяком случае, при этом совершенно оттеснялось чувство человеческого долга.

Приказ сопротивляться до последнего человека и до последнего патрона так никогда и не был отменен. Официально до конца возбранялось предоставлять свободу действий отдельным военнослужащим или целым группам, и попытки прорыва в одиночку расценивались как дезертирство. С политико-моральной стороны, однако, было примечательно, что вопреки приказам свыше мысль о возможности действий на собственный страх и риск получала все большее распространение. Нам было известно, что повсюду, вплоть до штаба армии, со всей

серьезностью вынашивались и подготавливались планы прорыва. В последнее время то здесь, то там начали предприниматься даже попытки осуществить эти планы, что было уже открытым неповиновением. В противовес имевшимся приказам укреплялась точка зрения, что при полной безнадежности положения вполне допустимо предпринять попытку прорыва через вражеский фронт. По мере приближения конца свобода решения и действий стала рассматриваться во многих штабах и частях как нечто само собой разумеющееся. Некоторые группы поспешно упаковывали свои походные ранцы или рюкзаки и кидались в безумные авантюры, которые могли кончиться лишь их неизбежной гибелью.

Поскольку не было централизованных приказов, многие сохранившие чувство ответственности командиры подразделений в последнее время действовали по собственному усмотрению с тем, чтобы положить конец бессмысленному кровопролитию. На окраинах Сталинграда – сперва на южной – мелкие и более крупные группы самостоятельно попросту прекращали сопротивление и капитулировали. Нашлась даже одна целая дивизия – конечно, к тому времени растаявшая до жалкой маленькой кучки, – которая с генералом во главе в полном боевом порядке сдалась в плен. На других участках в царившем хаосе одни капитулировали, а другие продолжали стрелять.

Многие отчаявшиеся солдаты и офицеры 6-й армии в последнее время искали выхода в самоубийстве или в добровольной смерти под пулями. Мы слышали о двух генералах, чьи действия потрясли нас. Один из них, командир дивизии из Дрездена, застрелился после того, как распрощался с сыном, молодым лейтенантом. Другой, командир дивизии из Нижней Саксонии, которая имела в качестве эмблемы четырехлепестковый клеверный лист и поэтому считалась «везучей», вышел с винтовкой в руках на переднюю линию и погиб, потому что не хотел пережить гибель своей части.

В подразделениях бытовали и распространялись самые противоречивые воззрения по поводу того, что допустимо и что нет. Одни говорили, что самоубийство – это такое же нарушение солдатского долга, как и капитуляция или сдача в плен. Другие же утверждали, что после такой храброй борьбы и в том безнадежном положении, в котором мы оказались не по своей вине, поступать так отнюдь не возбраняется.

Одни продолжали сражаться, судорожно стараясь выполнить свой солдатский долг, беспощадно поддерживая повиновение и дисциплину, другие же в отчаянии кончали самоубийством, бунтовали, капитулировали, и немцы стреляли в немцев, которые хотели сдаться в плен. Но большинство же действовало в

состоянии тупого фатализма или же вообще бездействовало, покорно страдая и умирая. Подлинный солдатский дух с его добродетелями давно уже был искажен до неузнаваемости. Мужество и героизм стали, вообще говоря, лишь жестом отчаяния. До самого последнего момента сказывалось отсутствие избавительного решения, которое по приказу сверху достойным образом положило бы конец этому невыносимому положению.

Капитулировав ранним утром 31 января, наш главнокомандующий еще задолго до этого выпустил из своих рук руководство событиями. Борьба была прекращена только для него, его штаба и ближайшей свиты. Не издав последнего приказа по армии, не сказав ни единого слова прощания или благодарности своим войскам, которые с нечеловеческим упорством прошли сквозь все бои и лишения, новоиспеченный фельдмаршал сошел со сцены и отправился в плен. Бесславный конец!

К счастью, нам тогда не довелось узнать о радиограмме, которую наш главнокомандующий от имени 6-й армии незадолго до конца послал лично в адрес Гитлера в связи с 10-й годовщиной прихода к власти национал-социалистского режима. Эта поздравительная телеграмма, в которой говорилось «о развевающемся над Сталинградом знамени со свастикой» и о том, что отказ капитулировать явится примером для соотечественников на родине и для грядущих поколений, видимо, была предназначена для того, чтобы дать в руки политического и военного руководства материал для пропаганды и для создания мифов. Если бы мы услышали о телеграмме, то мы в кругу наших товарищей не поняли бы этого судорожного жеста, вероятно, порожденного полным отчаянием. Больше того, мы с негодованием отвергли бы такой шаг. И сколько других солдат 6-й армии были бы солидарны с нами в этих чувствах!

Когда и при каких обстоятельствах мы закончим путь? Таков был робкий вопрос, который беспокоил нас, находившихся на северном участке «котла». И мы мучительно искали ответ. Почему фельдмаршал не капитулировал вместе со своей армией и почему он не захотел путем организованной сдачи в плен положить конец бессмысленному сопротивлению? Ведь, очевидно, была все-таки возможность своевременно подготовить соответствующие меры. И почему он под конец не отменил, по крайней мере, приказы сражаться до последнего патрона и не предоставил свободу действия другим, когда он сам со своим штабом вышел из войны? Теперь русские бросят против нас свои освободившиеся силы и, очевидно, постараются выместить на нас свою ярость, вызванную нашим сопротивлением. Мы чувствовали себя

одинокими и отчаявшимися, покинутыми родиной и собственной армией, на пороге между жизнью и смертью. Так мы в тупом ожидании с трепетом старались заглянуть в будущее.

Взгляд в бездну

В мучительном бездействии и отчаянии, сбившись в тесную кучу под сводами подвала, мы ожидали конца. В любой момент еще до прихода победителей нас мог прикончить какой-нибудь снаряд или авиационная бомба. Русские сразу же после ликвидации южной части «котла» перегруппировали свою артиллерию и со свирепой решимостью открыли убийственный огонь по северной окраине Сталинграда, где мы находились. Последние гнезда сопротивления, оборонявшиеся остатками примерно шести разгромленных дивизий и присоединившихся к ним разрозненных групп из других частей, которые были брошены на произвол судьбы капитулировавшим командованием армии, должны были теперь принять на себя всю силу ударов вражеской авиации, артиллерии и минометов. Вокруг непрерывно гремели взрывы, от которых сотрясались своды нашего убежища, и густые тучи песка и пыли то и дело сыпались на людей, пребывавших в смертельном страхе. Время тянулось невыносимо медленно. Казалось, оно остановилось или, еще вернее, медленно погружается в бездонное море страданий.

Не только страх перед близящимся концом, не только терзавшие меня голод и боль в обмороженных конечностях были причиной того, что последние бесконечно долгие часы в «котле» превратились для меня в адскую муку. При всем физическом изнеможении я находился в состоянии нервной взвинченности, которая, обострив мои чувства, помогла мне заглянуть в пропасть нескончаемых бедствий, во всю ужасающую глубину нашего грехопадения. Близость смерти сорвала с моих глаз последнюю повязку, и внезапно я с поражающей ясностью осмыслил разрозненные многолетние наблюдения, впечатления, мучительные размышления и восприятия. Теперь, на грани между жизнью и смертью, война, принявшая для нас самый ужасный оборот, предстала передо мной в роли неумолимого разоблачителя всего, что происходило вокруг. Противонравственная сторона войны и бессмысленность ее, как, впрочем, и всего нашего рокового заблуждения вообще, которое логически привело нас в этот ад, со всей отчетливостью стала ясна мне. И я чувствовал себя участником разыгрывавшегося вокруг шабаша ведьм, в котором был повинен и я. Сознание этой вины свинцовым грузом висело на мне, отягощая мое сердце и совесть.

Чудовищные картины гибели, не дававшие мне покоя ни днем, ни ночью, проходили перед моим мысленным взором,

образуя бесконечную кровавую мясорубку. Картины далекого прошлого и переживания, которые внезапно ожили в моей памяти, предстали передо мной как логически связанные между собой звенья одной и той же роковой цепи. В том, что уже раньше пробуждало во мне недобрые предчувствия и опасения и что с давних пор постоянно беспокоило меня, я теперь внезапно узрел предостерегающие проявления того главного зла, которое раньше едва ли казалось возможным в таких пагубных масштабах. Речь Геринга от 30 января с ее гипертрофированным пафосом героизма, насквозь пропитанная ложью, громкими фразами и внутренней пустотой, способствовала моему окончательному отрезвлению, и с моих глаз как бы спала пелена. События вплоть до нашей трагедии на Волге, как бы озаренные внезапной вспышкой молнии, предстали передо мной в своей взаимосвязи, и за каждой из таких речей стал вырисовываться отвратительный мирок лжи, ненависти, насилия и несправедливости, мирок, где царила бесчеловечность, мирок, слугой которого в своем заблуждении и слабости был как солдат и я. И в этой чудовищной битве я должен был принять на себя свою долю искупления. Мы сеяли ветер, теперь нам приходилось пожинать бурю.

Мне живо припомнились мучительные сомнения, которые обуревали меня, когда я в первые дни сентября 1939 года вопреки желанию был призван в армию. Тогда во мне не было и искры энтузиазма, как и веры в безусловную правоту и победу нашего дела. А сколько неразрешимых противоречий между внутренними убеждениями и долгом я испытывал в ходе войны даже на порученном мне скромном участке. Мне припомнился поход во Францию и роковая пиррова победа. Многие офицеры и солдаты вместе с миллионами немцев в Германии, опьяненные успехом победы, чувствовали себя в зените могущества. Мне попала в руки только что вышедшая книга Раушнинга о его беседах с Гитлером, где содержались разоблачения чудовищных внешнеполитических целей нацистов Бредовые нацистские идеи установления «нового порядка» в Европе произвели на меня прямо-таки потрясающее впечатление, тем более что некоторое время спустя, заглянув за кулисы оккупационной политики на Западе, я с ужасом констатировал, что те намерения и планы, о которых предостерегал Раушнинг, начали шаг за шагом осуществляться.

Это впечатление еще больше укрепилось во мне в результате того, что я увидел на Востоке. И я еще раз вспомнил жуткое ощущение подавленности и недобрые предчувствия, которые испытывали мы в ту тревожную июньскую ночь, когда опасный авантюризм и злой рок толкнули нас на гибель в глубину бесконечных российских пространств. Не свидетельствовали ли

именно эта «превентивная война» против России и растоптанный договор, в какой опасной степени немецкое руководство попросту отметает глубоко укоренившиеся традиционные представления о праве и гуманности, которые с незапамятных времен заставили держаться в определенных рамках при осуществлении политики и в ходе войны? Как взбудоражили нас тогда, в начале войны, два бесчеловечных приказа, представлявших собой открытое поругание международного права и традиций подлинного добропорядочного немецкого солдатского духа вообще! Речь шла о том антинравственном приказе – о комиссарах, который требовал физического уничтожения носителей большевистского мировоззрения в Красной Армии, и о том приказе в связи с планом «Барбаросса», который регламентировал военно-полевую подсудность и на основании которого отменялось уголовное преследование немецких военнослужащих за совершенные преступления против гражданского населения в восточных областях. И если даже эти приказы были лишь приняты к сведению нашими фронтовыми штабами и там, где это было возможно, их обходили{49*}, то не было ли уже достаточной провинностью молчаливо принимать и терпеть эти приказы, как и кое-что другое? А что происходило в тылу сражавшихся частей? До нас доходили кое-какие недобрые слухи, и мы сами наблюдали безобразные сцены. Я слышал о жестоких карательных мероприятиях, жертвами которых наряду с виновными были и невинные, а во время поездки через оккупированную территорию я однажды видел в Минске десятки виселиц, сцены позорной бесчеловечности! Не должно ли было все это безмерное зло рано или поздно отметить нам?

Тот факт, что недобрые проявления внутри вермахта и в действиях его представителей приняли столь широкий размах, показывал, до какой степени были нейтрализованы те силы и разрушены нравственные устои, которые когда-то обеспечивали добропорядочность и внутреннюю дисциплину подлинного немецкого солдатского духа. Жили ли еще в массе высших офицеров те благородные качества, которые раньше характеризовали старый генеральный штаб с его великими традициями, шедшими от Клаузевица к Мольтке и до Шлиффена и Бекка: консервативно-христианские воззрения, глубоко укоренившаяся этика и широкая эрудиция, выходящая за рамки профессиональных знаний и навыков. Многочисленные встречи позволили мне именно в штабах многое наблюдать в этой связи. Конечно, многих офицеров я считал образцовыми, достойными уважения солдатами и людьми. То были, как правило, представители старой школы{50*}. К их числу принадлежал и

наш последний начальник штаба, об уходе которого мы так жалели. Незадолго до окружения 6-й армии он был отозван, его назначили командиром дивизии и произвели в генералы. После ранения его на самолете вывезли из «котла».

Молодое поколение вермахта сплошь и рядом было иным. Здесь сказывались опасные последствия слишком быстро происшедшего, неестественного роста нацистского вермахта, как и влияние политического и идеологического воспитания. Мне довелось работать вместе со многими кандидатами на службу в генеральном штабе, большей частью молодыми капитанами, которые проходили практику и теоретическую подготовку при нашем отделе. В физическом и умственном отношении это были хорошо подобранные люди: прекрасные товарищи, храбрые офицеры, полные инициативы и самоотверженности. Однако подлинно глубокой образованности, твердых моральных устоев и человеческой зрелости этим довольно несложным натурам нередко недоставало. Не раз я наблюдал большие пробелы в их элементарных географически исторических познаниях. Гнездившиеся в их головах представления, особенно о мире за пределами Германии, в частности о нашем противнике, были в ряде случаев ужасающе наивными. Лишенные здорового политического инстинкта и воспитанные в духе беспрекословного солдатского повиновения, самоуверенные, слепо полагающиеся на свое прилежание и успехи в продвижении по ступенькам военной иерархии, они часто предавались легкомысленному оптимизму. Но такой оптимизм, которым было заражено большинство разведывательных отделов, занимавшихся изучением обстановки в лагере противника, не мог не привести к роковым последствиям.

Повсюду – и не в последнюю очередь в самых высших инстанциях и среди высоких чинов – я наблюдал те же картины: изъяны в характерах людей – мелочность и слабость, честолюбие и дешевое тщеславие. Не случайно до последнего момента катастрофы и даже вплоть до плена, в тот период, когда повсюду был ад, вопросы продвижения по службе и получения наград играли такую большую, непостижимую для меня роль.

В высших штабах большинство офицеров до самого горького конца остались такими же. Вместе со своими сотрудниками они старались добросовестно выполнять те задачи, которые были возложены на них как на специалистов. До самого последнего часа они, как виртуозы своего ремесла, продолжали «руководить» и, как этого требовали свыше, поддерживать работу командного механизма, согнувшись над своими картами, на которых абстрактное изображение обстановки штрихами и цифрами все

меньше соответствовало, а часто вообще уже не соответствовало постоянно менявшейся ситуации. На отдельных участках проводились перегруппировки разгромленных частей и вооружения, которые уже больше не существовали, а штабные офицеры продолжали оперировать цифрами, за которыми скрывались всего лишь схемы и даже не было остатка боеспособной части. Там, где еще сохранялась этика старого генерального штаба, где сохранились религиозные устои и укоренившиеся в классическом немецком идеализме взгляды на свободу нравственных решений и действий сознающей свою ответственность отдельной личности, там это иногда оказывало благотворное воздействие.

Известие о капитуляции командования 6-й армии было мной воспринято особенно болезненно, ибо этот факт показал мне, сколь велико все более углублявшееся противоречие между фронтовыми частями и высшими штабами. На одной стороне – бесконечные лишения и покорное принесение себя в жертву вплоть до смерти, на другой же – приказ терпеть эти лишения и нести жертвы, причем те, кто требует этого от других, сами отнюдь не чувствуют на себе аналогичных обязательств со всеми вытекающими из них последствиями. Я мучительно ощущал это противоречие, потому что сам принадлежал к одному из высших штабов, который лишь весьма поздно решился освободиться от своего раздутого обоза и ставшего ненужным хлама и сотрудники которого еще долго пользовались всевозможными удобствами и целым рядом привилегий.

Поиски смысла происходящего, которые так часто мучили меня всю войну, теперь, перед лицом близящейся окончательной катастрофы, снова воскресили терзавшие меня мысли. Здесь, под Сталинградом, жестоко и бессмысленно губились сотни тысяч цветущих человеческих жизней. Какое же громадное количество человеческого счастья, планов, надежд, талантов, многообещающих перспектив уходило в могилу!

Преступное безумие безответственного военного руководства, суеверно уповающего на технику и проявляющего полнейшее пренебрежение к жизни и достоинству человека, к его личности, создали для нас ад на земле. Что мог означать при таком подходе какой-то индивидуум. Он чувствовал себя всего лишь потребляемым подсобным материалом гигантского демонического аппарата разрушения. Война проявила себя здесь во всей своей неприкрытой жестокости. Наш поход на Волгу предстал передо мной как ни с чем не сравнимое насилие над человеком и символ вырождения человеческой личности. Самого себя я увидел как бы заправленным в гигантский бесчеловечный

механизм, который функционирует с ужасающей точностью и последовательностью вплоть до саморазвала и уничтожения.

Мы попадаем в плен

Днем 1 февраля мы были убеждены, что окончательно пробил наш последний час. По северной окраине Сталинграда беспрерывно молотил ураганный артиллерийский и минометный огонь, а под конец на жалкие остатки развалин обрушился еще и воздушный налет небывалой силы. Мы сидели на корточках посреди вздрагивавшего от взрывов убежища, из-за вздымавшейся пыли трудно было дышать, мы прислушивались к доносившемуся снаружи адскому грому, который свидетельствовал о том, что смерть и разрушение довершают свою работу. Каждое мгновение могло стать для нас последним, но – о чудо! – нас не смололо в муку. Мы уцелели и вскоре после окончания бомбардировки выползли наружу, чтобы полной грудью глотнуть чистого, свежего зимнего воздуха.

Ночь накрыла своим покровом вздыбленную землю, Вокруг была прямо-таки жуткая тишина. Хорошо знакомый нам квартал развалин нельзя было узнать, так все вокруг изменилось. Целые шеренги развалин были стерты с лица земли, улицу изрыли воронки, и там, где до этого простиралась голая земля и развалины, теперь высились груды обломков и кирпича. Что могло статься со всеми теми людьми, которые прятались в этих развалинах? Кое-где пылали развалины. У меня остановилось дыхание, когда я повернулся: языки пламени поднимались как раз на том месте, где находился лазарет.

Всего несколько дней назад я отвез туда молодого лейтенанта-итальянца, командира группы, и растерянная толпа итальянцев горячо благодарила меня. При этом я имел возможность еще раз убедиться в том, какое жуткое положение царило в переполненных перевязочных пунктах и лазаретах. Нас никуда не впускали, и мы со своей печальной ношей долго и напрасно брели из одного места в другое, пока, наконец, один врач не сжалился над раненым, сделав то, что казалось невозможным. Эти итальянцы были присланы из излучины Дона с большой колонной автомашин в Сталинград, чтобы доставить оттуда лес, и оказались в «котле». В этом аду изо льда и крови я особенно сочувствовал сынам солнечного юга. Далеко оторванные от своей части, они терпели еще большие муки, еле могли объясниться с другими, и никто не чувствовал себя ответственным за судьбу итальянцев, в этом аду каждый думал прежде всего о себе.

Жуткая тишина воцарилась над призрачно изменившейся местностью. Ее больше не нарушал грохот боя, тихо стало и в

нашем убежище. Мы решили обсудить создавшуюся обстановку. Внезапно в нашей группе возникло странное, почти болезненное оживление, хотя до этого мы обменивались лишь односложными фразами. Более молодые офицеры вдруг решительно запротестовали. Нужно было действовать – к этому призывало нас затишье перед бурей. Нельзя было оставаться в подвале, который при следующем налете может стать нашим склепом. В нас проснулась жажда жизни и протест против бессмысленности дальнейшего выжидания и страданий. Какую роль в наших чувствах, мыслях и действиях могли играть давно уже выхолощенные понятия о чести, долге, повиновении, солдатском героизме? Выжить, снова увидеть дорогих и близких нам людей на родине – это жгучее желание теперь определяло наши мысли и действия. Везде, где я бывал за последнее время, я повсюду видел таксе же настроение. Даже старые кадровые офицеры в этом хаосе уже не принимали всерьез приказ, предписывающий бороться до последнего патрона и умереть в бою.

За несколько дней до этого один кадровый капитан, кандидат на пост в генеральном штабе, вопреки приказам покинул наш подвал, и мы сочли это вполне естественным. После длительных, молчаливых приготовлений, одетый в белый маскировочный костюм, он пришел к нам проститься и ушел, сопровождаемый одним пленным русским. Его план состоял в том, чтобы на собственный страх и риск пробиться через вражеские линии и пробраться в расположение немецких войск.

За ним улизнули два других наших товарища, молодой капитан полевой жандармерии из нашего штаба и переводчик в чине зондер-фюрера, которого я ближе узнал и высоко ценил. Их решение созревало постепенно, и последним толчком к этому явился страх перед пленом и преследованиями, которым бы они подверглись со стороны НКВД. Ничто больше не могло их удержать от выполнения своего намерения. Напрасно я пытался убедить их в безнадежности того, что они затеяли. Ведь дело было не только в том, чтобы прорваться через смертоносное кольцо вражеского окружения. Необходимо было также без достаточного оснащения и продовольствия в сильный мороз преодолеть расстояние в триста километров, причем большую часть пути предстояло пройти по голой обледеневшей степи. Это была безнадежная затея, ибо человеческие организмы, ослабленные голодом, не смогут вынести и ничтожную долю неизбежных лишений и трудностей. В этой авантюре отчаяния я не усматривал ни малейшего шанса на спасение. Но переводчик, который был прислан к нам в начале похода в Россию прямо с университетской скамьи и с которым я уже давно привык

доверительно делиться нашими тайными заботами, уже был не в состоянии прислушаться к голосу разума. Его тянуло прочь из подвала, из сталинградского ада. Он не хотел больше бездеятельно ожидать приближения смерти и предпочитал сам броситься в ее объятия. Мы с ним распростились навсегда.

Каждый из нас, оставшихся в живых, был занят своими думами, надеждами и заботами. Никто не мог облегчить груза, давившего на других, но чувства товарищества и общности перед лицом близкой катастрофы несколько облегчало гнетущую тяжесть этих часов. Я еще и сегодня ясно вижу перед собой бледные, заросшие лица, отмеченные печатью ужасов и лишений. Все мы выглядели опустившимися, грязными и невыспавшимися. Как долго мы не снимали с себя одежды! В нашей компании давно уже не было слышно шуток и даже юмора висельников.

Даже жизнерадостный, всегда веселый капитан-резервист, который до призыва на военную службу был обер-бургомистром одного города в Средней Силезии, все больше стал замыкаться в себе, очевидно глубоко потрясенный происходящим и впавший в отчаяние. Убежденный нацист, он был готов отдать жизнь за свои убеждения. Теперь он решил покончить самоубийством. Русский плен, как он не раз повторял, был для него неприемлем. Ведь еще в конце первой мировой войны он, попав в плен на Западе, страдал в неволе от телесных и душевных невзгод. Будучи офицером Абвера{51*}, он, видимо, не без оснований опасался, что русские будут обходиться с ним особенно плохо, и твердо решил умереть. Напрасно я пытался переубедить его. Даже напоминание об ожидающей его дома семье, о детях, фотографии которых я часто рассматривал, было не в состоянии заставить его отказаться от однажды принятого решения. Когда же в последний момент его пистолет дал осечку, нам удалось убедить его в том, что это знамение судьбы.

Среди нас был и комендант корпусного штаба, капитан-резервист, бывший президент сената в Вестфалии. Я втайне завидовал ему, ибо лишь он занимался какой-то осмысленной работой и до последнего часа добросовестно и самоотверженно посвящал себя своим обязанностям. Капитан обеспечивал оставшихся с нами солдат, которые размещались поблизости в одной из развалин, а также заботился о нашей маленькой офицерской группе, обосновавшейся в подвале. Конечно, хлеб был давно уже на исходе – в последние дни на человека выдавалось в день всего лишь по 38 граммов, а неприкосновенные запасы были давно съедены, но ему все же удавалось добывать для нас немного конины. В предвидении конца мы распределили между собой небольшое количество припрятанных консервов, так что

каждый получил подкрепление перед тем, как отправиться в, возможно, самый трудный путь. Нами все больше овладевала мысль при первой возможности! капитулировать и сдаться в плен русским. Наш пожилой адъютант, поддерживавший связь со штабом генерала Штрекера на Тракторном заводе, не раз намекал на такую возможность и вскоре стал открыто говорить об этом.

Мысль о плене и связанных с ним невзгодах в последнее время все больше теряла для меня свое первоначальное пугающее воздействие. Такое решение стало представляться мне наименьшим злом. Это был путь к избавлению от мук и выход из сталинградского ада. Будущее было сокрыто мраком. Но кто знает, быть может, все-таки мне будет суждено вернуться на родину, встретить близких. В эти страшные дни я то и дело обращался к ним мысленно. В последнее время мной владело лишь одно желание – уцелеть и живым и невредимым попасть в плен.

Утром 2 февраля стали поступать сообщения, что русские танки приближаются к нам и происходит повсеместная капитуляция немецких войск. В нашем квартале стали поговаривать, что больше не следует отвечать на стрельбу. Наши части, однако, и без того уже не оказывали сопротивления. Подобно тому, как поздней осенью люди рукой сметают вялых, полумертвых мух, русские собирали и уводили толпы истощенных, измученных бесконечными страданиями и апатично покорных своей судьбе солдат. Те из них, кто еще мог держаться на ногах, выползали из развалин, убежищ и подвалов и образовывали на дорогах длинные унылые вереницы. Также и наша уцелевшая маленькая группа вскоре присоединилась к этой бесформенной толпе.

В первые минуты плена я испытывал чувство облегчения и освобождения от давившего меня кошмара. Ведь всех нас отягощал свинцовый груз неопределенности, и мы находились между смертью и жизнью. Не был ли тот путь, на который мы теперь вступили, выходом из окружавшего нас ужаса? И не маячил ли на горизонте, пусть бесконечно далеком, манящий огонек надежды, сулящий сладость свободной жизни? Однако метаморфоза, которая вдруг произошла с нами и вокруг нас, содержала в себе что-то оглушающее и приводящее в замешательство.

Первоначальная скованность постепенно отступала перед приближением незнакомого мира. Первое, что мне бросилось в глаза, – это облик победителей. То были здоровые, хорошо выглядевшие люди. На них было зимнее обмундирование и хорошее вооружение. Этому нельзя было не позавидовать.

Солдаты были вооружены автоматами. Все они были одеты в овчинные полушубки или ватные куртки, валенки и меховые ушанки. Тепло одетые, хорошо упитанные, блестяще оснащенные красноармейцы с их широкими, большей частью краснощекими лицами представляли собой разительный контраст с нашими мертвенно-бледными, неумытыми, заросшими, дрожащими от холода жалкими фигурами. Обессиленные и измотанные, мы были одеты в разношерстное, пестрое обмундирование: шинели и шубы всевозможных образцов, одеяла, платки, серо-зеленые подшлемники, шерстяное тряпье, а наша обувь была совершенно непригодна для русской зимы. Эта внезапная встреча и резкий контраст сразу показали мне, как ужасающе низко мы пали и сколь мало мы были подготовлены к смертельной борьбе.

Как в полусне я воспринимал происходящее со всеми нахлынувшими на меня новыми впечатлениями и чувствами. Я увидел направленное мне в грудь дуло заряженного автомата, и красноармеец, нетерпеливо обшаривая меня, сперва забрал у меня часы, а потом вырвал мой пистолет. Я слышал успокоительные слова советского капитана-гвардейца, который гарантировал нам жизнь, безопасность и неприкосновенность личного имущества и, преисполненный гордости, повел усталую массу пленных к штабу. Однако этой защиты оказалось недостаточно для того, чтобы избавить нас от первых горьких унижений со стороны дышавших ненавистью победителей. Такие злобные выкрики, как «фашист!», «фриц!», «Гитлер капут!», перемежались с угрозами, безобразными, очевидно, ругательствами и презрительными плевками нам вслед.

В первую бессонную ночь плена на меня безжалостно валились новые бедствия. Из крестьянского дома, где столпились попавшие вместе со мной в плен товарищи, меня повели на допрос и оставили в караульном помещении. Там я сидел один, глубоко удрученный, в кругу весело шумящих красноармейцев. Сперва они рассматривали меня со смесью любопытства и недоверия, но вскоре перестали обращать на меня внимание, и я понуро сидел в углу. В то время как на улице победители отмечали свой триумф бесконечным фейерверком из трофейных немецких ракетниц, в нашем караульном помещении почти всю ночь напролет не умолкал граммофон. Гремели буйные танцевальные ритмы, и под эту музыку, глухо топая о деревянные половицы, с удивительной быстротой выплясывала целая шеренга неуклюжих валенок. Они производили довольно странное впечатление, эти солдаты, среди которых были и монгольские лица.

Кроме плясовых, без конца звучали пластинки с народными

мелодиями, советскими песнями и маршами. Все время повторялись одни и те же мелодии, то грустные и жалобные, то наполненные затаенной страстью, то дающие выход безудержно буйным чувствам. Почти все они были выдержаны в минорных тонах, и многие из них, отражая совершенно чужой для меня характер, содержали в себе что-то пугающее. В других условиях эта неповторимая музыка покорила бы меня. Теперь же она оказывала на меня удручающее и беспокоящее действие.

Шум и веселье, царившие вокруг, являли собой резкий контраст с моим душевным и физическим состоянием. Вырванный из круга товарищей, предоставленный самому себе и своим чувствам, окруженный весело пляшущими и поющими победителями, с которыми нельзя было установить контакта, я чувствовал себя бесконечно покинутым и беспомощным, предельно подавленным, обездоленным и оторванным от далекой родины. Я был теперь подчинен чужой воле, безжалостно отдан во власть неизвестных мне сил. Зависеть от милости победителей, находиться под постоянной охраной, быть окруженным колючей проволокой и грозно нацеленным на тебя оружием, вынужденным отказаться от любого проявления внешней свободы – все то, что называлось пленом, означало для меня неведомое доселе унижение и оскорбление. Сумею ли я в этом опустошающем душу беспросветном существовании найти необходимое терпение, выработать в себе внутреннее противоядие, которые одни только могут противодействовать грозящей опасности пасть духом и погибнуть? Такие мысли занимали меня в эти долгие, медленно ползущие часы. С мучительным беспокойством думал я о судьбе родины и близких мне людях, которым всемогущая неумолимая судьба – и теперь это, пожалуй, все ощутимо поняли – послала своих мрачных предвестников.

Сталинградская трагедия не кончилась

2 февраля 1943 года последние части 6-й армии в северном «котле» Сталинграда капитулировали. Командовавший ими генерал Штрекер, ясно сознавая приближающуюся катастрофу, не раз открыто выступал против действий верховного командования. Незадолго перед этим Штрекер получил радиограмму от Гитлера, который от имени немецкого народа потребовал держаться до конца. В этой радиограмме говорилось о примере южного «котла» и о создании нового немецкого оборонительного фронта, которому будет способствовать каждый час дальнейшего сопротивления. Судя по всему, генерал был готов до конца повиноваться приказу стоять насмерть. Его поведение отражало отчаянную безнадежность и безысходность положения. Лишь когда северный «котел» во многих местах без боя стал рассыпаться, он по настоянию подчиненных ему командиров прекратил бессмысленное кровопролитие. Несколько радиограмм, которые еще успели уйти в штаб группы армий, не давали правильного представления об обстановке. Они являлись своего рода судорожным эхом на «героические» лозунги, которые доходили до умирающей армии извне. Но радиограмма – один из последних признаков жизни окруженной группировки, – посланная остатками 6-й армии в адрес главного командования сухопутных войск, пожалуй, выразила чувства и пожелания всех солдат 6-й армии. Ее текст гласил: «Преждевременные заупокойные речи нежелательны». То был ответ принесенных в жертву войск на прославляющую их гибель похоронную речь рейхсмаршала. Последнее приветствие Геринга, которое было послано им на Волгу и тогда не дошло до нас, подчеркивало, что 6-я армия может записать в свой актив «немеркнущую славу спасения западной цивилизации».

76-дневная битва в окружении, одна из самых кровопролитных битв в истории, окончилась. Но трагедия для уцелевших продолжалась. В связи с неоднократным решительным отклонением русских предложений о капитуляции и очевидным намерением командования 6-й армии сопротивляться до последнего человека Советское командование, по-видимому, не провело серьезных приготовлений к обеспечению больших масс пленных. Для десятков тысяч измотанных, истощенных людей – для здоровых и для больных – это означало новую ужасающую катастрофу и верную смерть.

В то время как жалкие колонны пленных – большей частью в многодневных голодных переходах – отводились от места боев и с трудом продвигались по снежной пустыне в сторону приемных лагерей, специальное сообщение верховного командования вермахта в напыщенных выражениях дало итоговый обзор о битве под Сталинградом. Это лживое сообщение говорило о «неблагоприятных условиях», рисовало фальшивую картину проявленного в заключительных боях героизма и пыталось создать впечатление, будто все участники битвы в беспримерном героическом эпосе пожертвовали собой во имя национал-социалистской Германии. В частности, в сводке говорилось: «Дважды противник предлагал капитулировать. И оба раза это предложение о капитуляции было гордо отвергнуто. Под знаменем со свастикой, которое было водружено на самой высокой развалине Сталинграда, проходил последний бой. Генералы, офицеры, унтер-офицеры и солдаты бились плечом к плечу до последнего патрона. Они погибли ради того, чтобы жила Германия! Их подвиг будет жить в веках вопреки большевистской пропаганде…»

С помощью этой лжи пытались затушевать совершенное по отношению к солдатам 6-й армии предательство и превратить величайшую в истории немецкого оружия катастрофу в героическую легенду. В действительности же в русский плен перешла 91 тысяча солдат из состава объявленной погибшей армии, в том числе 2500 немецких офицеров, один фельдмаршал и 23 генерала.

Вечером 3 февраля я вместе со специально отобранной группой моих сотоварищей по несчастью был внезапно посажен на грузовик. Нас должны были доставить в один из высших штабов. Была лютая стужа. Тесно прижавшись друг к другу, мы сидели под полуоткрытым брезентом, согревая друг друга. Первые допросы, содержавшие в себе каверзные вопросы и угрозы, а также состав нашей группы заставляли предчувствовать недоброе. Среди нас были главным образом офицеры генерального штаба и сотрудники разведывательных отделов, военных судов, зондер-фюреры и переводчики. В их числе были переводчик генерал-фельдмаршала, который участвовал в подготовке капитуляции штаба армии, и начальник разведывательного отдела, офицер контрразведки 6-й армии, которые вскоре были внезапно отделены от нашей группы с тем, чтобы на многие годы исчезнуть.

Наш путь шел сперва через бескрайнее поле проигранной битвы. И мне довелось еще раз увидеть равнину, где бесконечные ужасные следы напоминали о разыгравшейся трагедии.

Безмолвными были теперь эти многочисленные лощины и заснеженные равнины. Тем призрачнее выглядели горы искрошенного и искромсанного вооружения, транспорта и техники – эти орудия ремесла смерти. Я увидел расстрелянную колонну наших разбитых и полусожженных машин, я узнал столь знакомые тактические опознавательные знаки десятка искромсанных дивизий, их техника была разбросана повсюду и громоздилась в узких степных лощинах.

По обе стороны дороги перед глазами возникали все новые картины ужаса: печальные следы говорили о том, что здесь прошла колонна пленных. Там лежали – будто из сострадания занесенные снегом – окоченевшие тела безыменных немецких солдат.

Уже спустились сумерки, когда мы проезжали через главную арену битвы – развалины Сталинграда. Обгоревшие искореженные остовы зданий производили жуткое впечатление. Светящиеся краски на вечернем безоблачном зимнем небе погасли, и все вокруг погрузилось в темноту, скрыв раздавленный город. Наша машина стала спускаться вниз по крутому откосу и, выехав на занесенный снегом лед могучей Волги, повернула на север.

Дорога шла вверх по реке. До поселка Дубовка, куда нас везли, было около пятидесяти километров. Дорога вывела нас из зоны ужасов и смерти в мирный, не затронутый войной тыл. Ледяной панцирь величественного потока, имя которого навсегда должно было остаться связанным с нашей печальной судьбой, служил нам асфальтом. Нас заключила в свои могучие объятия чудесная зимняя ночь. В небе мерцали мириады звезд, и я никогда не видел его в таком великолепии. Неправдоподобно близкие, как сверкающие алмазы, горели давно знакомые и все же чужие в этом небе созвездия. Они поразили меня, заставив позабыть о горе и отрешиться от действительности. Мои мысли обратились к прошлому.

В моей памяти возникла давно забытая картина. Мне казалось, что я еду по льду могучей русской реки в бескрайнюю глубину восточного пространства. Это было почти год назад. Я прибыл из Франции и вместе со своим штабом направлялся в распоряжение 6-й армии к Харькову. Мы переезжали Днепр по гигантскому ледяному мосту. Позади высился гордый Киев, и в утренней заре сияли многочисленные причудливые купола и луковичные башни возвышающейся на крутом берегу Лавры. Казалось, что западный мир посылает нам прощальный привет. Когда я затем взглянул на восток, увидел монотонное заснеженное пространство и почувствовал ледяное дыхание

бескрайних равнин, кровь в моих жилах как бы застыла, и я мысленно спросил себя: вернусь ли я когда-нибудь на другой берег Днепра.

Закономерными были эти воспоминания и щемящие чувства, снова обуявшие меня. Навстречу какой печальной судьбе ведет меня эта дорога по Волге? Это счастье для нас, людей, что всемилостивейшая длань закрывает нам глаза густой завесой и нам не дано видеть будущее.

Но в ту февральскую ночь я страшился не только за свою судьбу. Меня одолевало беспокойство в предвидении ужасной судьбы, которая, как я видел, неотвратимо надвигалась на наш народ и Германию. Я непрестанно думал о сталинградской трагедии. В немецкой катастрофе на Волге я усматривал грозного предвестника грядущих событий.

Я вспомнил заносчивые речи Гитлера, который в начале ноября 1942 года заявил на весь мир, что немецкий солдат стоит на Волге и никогда больше не уйдет оттуда. Сталинград наверняка будет взят, говорил он, но ото должно произойти по возможности ценой малой крови, его должны занять передовые части, чтобы избежать повторения Вердена. И вот из соображений престижа теперь на Волге все-таки была принесена в жертву целая армия. В последнюю неделю бессмысленных боев это осознали и почувствовали многие. В конце концов, они потеряли веру в верховного главнокомандующего и главу государства. Спасительный выход своевременно не был использован, следствием чего неизбежен стал второй Верден, еще более жестокий и кровавый, чем в первую мировую войну.

Ужасное жертвоприношение свыше четверти миллиона людей явилось непосредственным ударом по всему немецкому народу. Дело вышло за рамки военных событий. Речь шла о гораздо более всеобъемлющих факторах, и мне представлялось, что в могилах Сталинграда была вместе с павшими погребена и гуманность. Лишь нравственно оправданное политическое решение могло бы указать выход из создавшегося положения и предотвратить худшее. Но не оказалось выдающегося полководца, который отважился бы разорвать оковы чисто солдатского повиновения и, руководствуясь подлинным сознанием ответственности, действовал бы вопреки приказам самостоятельно, как должен действовать человек, повинующийся одному лишь непреходящему закону нравственности.

В печальных событиях на Волге я узрел поворотный пункт войны не только в военном отношении. Во всем пережитом я теперь видел и ощущал еще и нечто другое – предвосхищение конечной катастрофы, навстречу которой шла Германия. Я

мысленно представил себе второй Сталинград, повторение только что пережитой трагедии, но в куда более громадном и страшном масштабе. Это была гигантская битва в окружении на немецкой земле, в которой не на жизнь, а на смерть сражался весь немецкий народ. Не решались ли там те же самые вопросы, что и в последние месяцы существования нашей 6-й армии? Созреют ли в уже отмеченной судьбой жертве сознание, решимость и сила для того, чтобы попытаться пойти на прорыв или капитулировать? Было невыносимо тяжко безучастно взирать на то, как наша участь и рок постепенно постигнут и нашу родину. И щемящее чувство все больше овладевало мною.

От тягостных мыслей меня снова и снова отвлекла чудодейственная картина сияющего бесчисленными звездами ночного зимнего неба. Это зрелище с магической силой приковывало к себе мой взор. То, что сейчас казалось мне полным крушением разваливающегося мира и безудержной катастрофой, внезапно получило иные рамки. Я снова обрел душевное равновесие и покой. Если до этого мне казалось, что хаос словно хочет поглотить меня, то теперь на мое больное, израненное сердце бальзамом потекли успокоение и мир. Это умиротворение снисходило на землю от царивших на небе великого вечного порядка и гармонии, познать которые помогло мне мерцающее море звезд над моей головой. Чудесным и непостижимым для разума было то утешение, которое дарили моей душе звезды. Мне представлялось, что моя личная судьба как частица всего происходящего на земле вливается в великий, всеобъемлющий круговорот вселенной.

Для массы уцелевших, которые вырвались из сталинградского ада, эпилог трагедии длился недолго. Десятками тысяч они погибали уже в первые месяцы своего плена. Голод и лишения, мороз и болезни сделали их верной добычей смерти еще до окончания военных действий. Многомесячный массовый мор расчистил не только оставшиеся на поле сражения лазареты. Вместе с колоннами пленных смерть входила в ворота различных сборных лагерей, в Бекетовку, Красноармейск и Фролов, где повсюду свирепствовали опустошительные эпидемии{52*}. И никогда не удастся составить бесчисленный список жертв Сталинграда, назвать все цифры, имена и описать отдельные судьбы.

Те, кто после долгих лет плена обрел свободу и начал новую жизнь на родине, должны постоянно вопрошать себя: как их собственное существование оправдывает гибель других и каким образом они могут соблюсти и выполнить завет своих павших товарищей. Но и вся Германия должна помнить своих

бесчисленных сыновей, которые покоятся в далекой русской степи. И сегодня, и в будущем Германия должна сделать все для того, чтобы их незабвенная жертва была осмыслена грядущими поколениями.

Бесчисленные холмики над немецкими, могилами у Сталинграда давно уже исчезли. Вскоре после битвы кладбища были сравнены с землей, а иные превращены в футбольные поля. От целого полчища простых деревянных крестов ничего уже не осталось. Но там, над Волгой, еще стелется невидимый гигантский крест. И отбрасываемая им тень нависла над всем немецким народом, проникновенно и предостерегающе взывая к нашим сердцам!

Спустя двадцать лет. Критические раздумья

Фельдмаршал Манштейн и битва в «котле»

Основные положения этой главы составили содержание статьи, опубликованной в 1956 году в журнале «Франкфуртер хефте» («Frankfurter Hefte», 11 Jhrg, 1956, № 5, S. 307-327) под заглавием «Какой закон повелел немецким солдатам умирать на берегах Волги». В настоящем издании этот текст полностью переработан заново. В ходе переработки автор использовал новые источники и публикации, учтя, таким образом, результаты последних исторических исследований.

ПОВЕСТВУЯ О «ПОТЕРЯННЫХ ПОБЕДАХ» и оплакивая их, фельдмаршал фон Манштейн в своих военных мемуарах посвящает большую главу Сталинградской трагедии. Вышедшие в 1955 году воспоминания фельдмаршала сразу же привлекли к себе всеобщее внимание: достоверность изложения и глубина мысли выгодно отличали этот труд – бесспорно, один из важных источников для историка второй мировой войны. Сталинградская историография, уже в то время весьма многообразная и обширная, впервые обогатилась свидетельством крупного военного авторитета полководца, чье имя было связано и с битвой на Волге, в частности с отчаянной попыткой пробиться сквозь заснеженные донские степи к окруженной под Сталинградом 6-й армии. Книга содержала, следовательно, первый в послевоенной литературе стратегический разбор сражения на Волге в его неразрывной связи с другими военными операциями того периода. Сам автор следующим образом обрисовал цели и характер своего анализа: «Я вновь попытаюсь, как этого и требовала тогда мое положение, оценить трагедию 6-й армии с точки зрения ответственного военачальника, для которого Сталинград был, в конечном счете, лишь одним, хотя, несомненно, и самым тяжелым, роковым этапом кампании. Поэтому пусть поймет (и простит) меня читатель – я не пытаюсь воскресить на страницах этой книги картины отгремевших сражений. Я поведу его за собой не в заснеженную приволжскую пустыню, не к степным оврагам и развалинам сталинградских кварталов, переходившим из рук в руки в кровавой сумятице

бесчисленных боев, а в высшие штабы, откуда осуществлялось управление войсками. Огонь битвы не опалит там его воображения, он не почувствует ледяного дыхания зимних степей, но зато с головой окунется в атмосферу, в которой обсуждались и принимались ответственные решения»{53}.

Разумеется, все, что может сказать по этому поводу столь видный военный, как Манштейн, само по себе заслуживает пристального внимания, тем более что этот талантливый полководец принял командование вновь созданной группой армий «Дон» уже после того, как оперативные просчеты ставки привели к окружению 6-й армии между Доном и Волгой и поставили под удар все южное крыло немецкого Восточного фронта. В тот момент фельдмаршал был настолько уверен в себе, что обязался восстановить прежнее положение в междуречье Дона и Волги – иными словами, взялся за дело, практически безнадежное, ибо для решения такой задачи он не располагал ни достаточными силами, ни стратегическими резервами. В результате Манштейн как командующий группой армий «Дон», которой была подчинена злополучная 6-я армия, несет свою долю ответственности за катастрофу, постигшую нас вскоре после этого под Сталинградом.

В своих воспоминаниях фельдмаршал заверяет, что он старался бесстрастно и непредвзято рассказать о том, как развертывалась эта трагедия. Однако в предисловии он делает одну весьма примечательную оговорку: «Хотя я стремился по мере сил объективно оценивать людей, их действия и решения, точка зрения непосредственного участника событий всегда субъективна». Эта фраза косвенным образом подтверждает то, что по опыту хорошо известно любому историку: мемуары, в конечном счете, пишут для самооправдания. Такова уж натура человеческая! Удивительно ли, что Манштейн, во многом лично причастный к сталинградской трагедии, оказался не в состоянии до конца разобраться в роковом хитросплетении превратностей судьбы и наших непростительных ошибок и признать, что повиновение приказу привело нас к политической слепоте, а вера в непогрешимость собственной стратегии – к растерянности и малодушию в решающий час. Нам предстоит теперь разобраться в том, в какой степени выводы фельдмаршала, как объективные, так и субъективные, помогают осознать все значение катастрофы на Волге, в частности, уяснить себе всю сложность возникавших тогда проблем и извлечь из этого необходимые уроки. Ряд серьезных работ о Сталинграде, вышедших уже после 1955 года, и, прежде всего, опубликованные за это время сборники документов, а также свидетельства и воспоминания генералов,

стоявших во главе армии, принесенной в жертву на берегах Волги, побуждают нас подвергнуть критическому рассмотрению трактовку событий, которую дает Манштейн. Вначале, однако, нужно предоставить слово самому фельдмаршалу и подробней ознакомиться с его точкой зрения, которую он с подкупающей убедительностью и логикой отстаивает в своих «Потерянных победах» на 80 страницах посвященной Сталинграду главы.

Основные просчеты Гитлера и беспрекословное повиновение генерала Паулюса

Воздав в первых строках хвалу храбрости немецких солдат в битве на Волге, Манштейн в начале главы дает глубокий анализ и оценку операций, в ходе которых немецкое летнее наступление 1942 года привело, в конечном счете, к ноябрьской катастрофе – к полному окружению 6-й армии под Сталинградом. Фельдмаршал характеризует также обстановку, сложившуюся к тому моменту, когда он принял командование группой армий «Дон».

Основной причиной оперативных просчетов Гитлера и главного командования сухопутных сил является, по мнению Манштейна, то обстоятельство, что летнее наступление 1942 года в южной России преследовало главным образом военно-экономические цели. Поэтому были избраны два совершенно различных направления главных ударов – Сталинградское и Кавказское, что и привело к распылению немецких сил. Между обеими группами армий Южного фронта образовалась зияющая брешь в калмыцких степях, протяженность которой достигала под конец 300 километров. Весь этот участок прикрывала одна-единственная моторизованная дивизия! Попытка удерживать в течение сколько-нибудь длительного времени столь растянутый фронт не могла не привести к роковым последствиям, тем более что немецкое командование не располагало ни достаточными силами, ни оперативными резервами. Две лучшие немецкие ударные армии втянулись в кровопролитные затяжные бои на подступах к Сталинграду и в самом городе, завязли там и так и остались на занятых крайне ненадежных позициях с глубокими, а частично попросту открытыми флангами, единственным обеспечением которых были румынские, итальянские и венгерские части, плохо оснащенные и обладавшие лишь весьма ограниченной боеспособностью. Главное командование, как справедливо считает Манштейн, должно было бы своевременно сделать необходимые выводы из того, что наше летнее наступление не привело к решающему успеху. Было непростительной роковой ошибкой оставлять лучшие ударные соединения в сталинградской «мышеловке», без надежных коммуникаций, довольствуясь лишь видимостью флангового

прикрытия – слабыми заслонами, прорвать которые не стоило большого труда. Еще до начала русской зимы необходимо было отвести немецкие войска с наиболее угрожаемых участков фронта, выдававшегося уступом далеко на восток. Это возвращение к маневренной войне по всему фронту от Кавказского хребта до среднего течения Дона было, разумеется, связано с известным риском, но только таким путем мы могли сохранить за собой инициативу{54*}.

Поскольку ничего подобного не произошло, противник не замедлил воспользоваться представившимся ему шансом и провести широкую наступательную операцию по окружению немецких войск. Мы как бы сами подсказали ему, что надо делать. Непосредственной лее причиной гибели 6-й армии фельдмаршал Манштейн считает фанатическое упорство Гитлера, который до самого конца не разрешал оставить Сталинград.

Зная характер диктатора, нетрудно было понять, что в Сталинграде он поставил на карту свой престиж. По мнению Манштейна, генерал Паулюс допустил серьезную психологическую ошибку, пытаясь испросить у Гитлера разрешение на спасительный прорыв в первые, решающие дни сражения в «котле», когда вражеское кольцо было еще непрочным. Этого вообще не следовало делать! Командующий 6-й армией, еще в бытность свою генерал-квартирмейстером главного командования сухопутных сил, уже успевший достаточно хорошо изучить характер и взгляды Гитлера, должен был поэтому незамедлительно воспользоваться единственной предоставлявшейся ему возможностью и вывести армию из Сталинграда, поставив Гитлера перед свершившимся фактом. Такое решение облегчалось и тем обстоятельством, что главное командование сухопутных сил в течение полутора суток медлило с ответом, прежде чем окончательно запретить прорыв. Манштейн считает, что Паулюс не решился взять на себя всю полноту ответственности главным образом из-за своей личной лояльности к Гитлеру{55}.

Прежде чем принять командование группой армий «Дон», 27 ноября 1942 года фельдмаршал, по его собственным словам, довел до сведения начальника генштаба сухопутных сил, что 6-я армия уже упустила наиболее благоприятный момент для самостоятельного выхода из окружения и что с оперативной точки зрения немецкой группировке теперь целесообразнее ожидать подхода соединений, выделенных для прорыва кольца извне. Разумеется, было чрезвычайно рискованно оставлять окруженную армию в Сталинграде, учитывая острую нехватку горючего и боеприпасов. Но, по мнению Манштейна, на этот риск

теперь следовало все же пойти, правда, при одном основном условии: немедленной организации достаточного снабжения 6-й армии воздушным путем. Вот почему он не потребовал вновь от Гитлера в ультимативной форме разрешить окруженной армии сразу же идти на прорыв и не отдал по своей собственной инициативе соответствующего приказа Паулюсу. Он, Манштейн, исходил при этом из предположения, что судьба окруженной армии для верховного командования в данный момент важнее, чем обстановка на всех других фронтах, и что оно поэтому сделает все возможное для прорыва сталинградского кольца извне. Во взаимодействии с выделенными для этой цели соединениями 6-я армия должна была, по его мысли, оставить Сталинград и, вновь обретя, таким образом, свободу маневра, проложить себе путь к спасению{56}.

Описывая драматические события, связанные с его попыткой освободить 6-ю армию из кольца, Манштейн особенно подробно останавливается на причинах, предопределивших провал этой операции. Главным виновником и здесь, по его мнению, явился Гитлер, который отклонил основные оперативные требования группы армий «Дон», подлежавшие немедленному удовлетворению, и вопреки здравому смыслу упорно противодействовал выводу 6-й армии из Сталинградского «котла», руководствуясь исключительно соображениями своего личного престижа. Но Манштейн обвиняет и командование 6-й армии, которое, по его словам, в ответственный момент оказалось не на высоте, не выполнив полученного от самого фельдмаршала указания идти на прорыв. Фельдмаршал считает, что Паулюс совершил непростительную ошибку, упустив последний шанс на спасение своей армии 18 декабря 1942 года и в течение нескольких последующих дней, когда войска, подходившие на помощь окруженным, находились примерно в 50 километрах от внешнего фронта окружения. Манштейн рассказывает о неудачном исходе миссии майора Эйсмана, одного из своих штабных офицеров, посланного им в «котел» с заданием согласовать оперативные планы штаба группы армий и командования 6-й армии в ходе подготовки к прорыву, в необходимости которого никто тогда не сомневался.

По версии Манштейна, генерал Паулюс, в конце концов, не решился взять на себя тяжелую ответственность, пойдя на риск, связанный с прорывом, главным образом под влиянием своего начальника штаба генерала Шмидта, который упорно настаивал на беспрекословном выполнении приказа Гитлера, отвергал любое решение, «принятое на худой конец», и даже выражал уверенность в том, что 6-я армия может продержаться в «котле»

до пасхи, если ее боеснабжение будет улучшено. Сам же фельдмаршал, по его словам, прекрасно понимал, что настал момент поставить на карту все, какими бы трудностями и опасностями ни грозил 6-й армии предстоявший прорыв. Поэтому 19 декабря он отдал на свою ответственность приказ 6-й армии прорываться на юго-запад и готовиться к отходу из «крепости на Волге»{57}. Автор подчеркивает, что он поступил так вопреки воле Гитлера, который не давал еще разрешения оставить Сталинград.

Первым этапом этих действий и должна была стать операция «Зимняя гроза» – наступление группировки Манштейна, о котором в «котле» знали уже в начале декабря. Наступавшие соединения 4-й танковой армии должны были пробить брешь во внешнем фронте окружения «котла» и войти в соприкосновение с окруженными войсками. Через образовавшийся коридор в «котел» «прошмыгнул» бы заблаговременно снаряженный «караван» – автоколонна с боеприпасами и продовольствием.

На втором этапе, с необходимостью вытекавшем из первого, предусматривался постепенный отход 6-й армии из района Сталинграда. Получив условный сигнал (по коду: «Удар грома»), окруженные части начали бы покидать занимаемые ими участки фронта один за другим. Манштейн оставил за собой выбор момента для подачи сигнала к началу отхода, желая, как он особо отмечает, снять с командования окруженной армии ответственность за неизбежный риск и за неповиновение категорическому приказу Гитлера удерживать Сталинград любой ценой, тем самым развязать ему руки и побудить к активным действиям. Но, несмотря на это, Паулюс так и не нашел в себе мужества в свою очередь отдать решающий приказ о прорыве. Впрочем, стремясь быть объективным, Манштейн пишет, что командующий 6-й армией находился в исключительно сложном положении. Фельдмаршал подробно анализирует все «за» и «против», которые приходилось взвешивать Паулюсу, и делает вывод, что роковая нерешительность последнего объяснялась не «слепым повиновением», а была результатом глубокой внутренней борьбы. Паулюс не пошел на риск и не воспользовался последним представившимся ему шансом лишь потому, что не решился снять с себя бремя ответственности перед верховным главнокомандующим Гитлером и перед самим собой за судьбу вверенной ему армии, несмотря на то, что командование группы армий своим приказом стремилось освободить его от этого бремени{58}. Таким образом, фельдмаршал хочет убедить читателей в том, что, возглавляя группу армий «Дон», он вопреки воле Гитлера действительно

отдал на свою ответственность решающий приказ оставить Сталинград, приказ, который «перестраховщик» Паулюс не выполнил, не осмелившись рисковать армией и идти на открытое неподчинение верховному командованию. Ответственность генерала Паулюса Манштейн подчеркивает при этом еще и тем обстоятельством, что оперативное подчинение 6-й армии командованию группы армий «Дон» приобретало, как фельдмаршал достаточно ясно дает понять, более или менее формальный характер, и не в последнюю очередь благодаря самому же Гитлеру, который до самого конца непосредственно руководил всеми действиями окруженной армии, поддерживая с ней постоянный контакт через личного офицера связи, специально прикомандированного к ее штабу.

Операция «Зимняя гроза»

Уцелевшие и дожившие до наших дней участники Сталинградской битвы с интересом прочтут страницы мемуаров фельдмаршала, посвященные драматическому описанию зимнего наступления на Сталинград, предпринятого для освобождения 6-й армии из вражеского кольца. Манштейн подробно описывает весь ход операции, рассказывает обо всех связанных с нею препятствиях и трудностях, достигнутых вначале успехах, о радужных надеждах, которые она породила, и о горьком похмелье после ее окончательного провала. Автор повествует о своих длительных и в конечном счете бесплодных препирательствах с главным командованием сухопутных сил и с Гитлером, от которых он тщетно добивался принятия мер, необходимых для отвода 6-й армии из Сталинграда и возвращения к маневренным операциям на всем участке его группы армий. Манштейн настойчиво требовал выделения дополнительных транспортных авиачастей для воздушного снабжения окруженной армии и резервов для группировки, сформированной с целью прорыва кольца извне. Приняв командование группой армий «Дон» 27 ноября 1942 года, фельдмаршал во всех своих действиях и решениях исходил из того, что главное командование сухопутных сил сдержит свои обещания на этот счет.

Принятие соответствующих решений целиком и полностью зависело от Гитлера – верховного главнокомандующего, в единоличном распоряжении которого находились все необходимые для этого средства и резервы. Не сомневаясь, что Гитлер хотя бы и ценой предельного напряжения сил предпримет все возможное для спасения 6-й армии, которой грозило полное уничтожение, Манштейн считал в те дни оправданным риск, связанный для окруженных с выжидательной тактикой, и сосредоточил все свое внимание на подготовке наступательной

операции «Зимняя гроза». Впрочем, с каждой новой неделей фельдмаршалу становилось все яснее, что поставленные им условия, необходимые для успеха операции, не выполняются. Это вызывало у него растущее беспокойство, тем более что «Зимняя гроза» с самого начала была делом весьма рискованным ввиду явного недостатка сил.

Операцию по прорыву внешнего фронта окружения «котла», в ходе которой необходимо было пойти на смертельный риск во имя избавления окруженных от смерти или плена, Манштейн описывает как «бег наперегонки со смертью». Он анализирует эту операцию в ее неразрывной связи с той страшной угрозой, которая нависла тогда над всем южным крылом немецкого Восточного фронта. Создается впечатление, что фельдмаршал и впрямь использовал все имевшиеся в его распоряжении силы и средства – «вплоть до последнего солдата и последнего снаряда» – и даже поставил на карту судьбу вверенной ему группы армий, чтобы освободить 6-ю армию из вражеского кольца; и лишь отчаянное положение на всем фронте группы армий «Дон» вынудило его в последний момент снять с плацдарма у реки Мышковой у внешнего фронта окружения самую боеспособную из трех дивизий 4-й танковой армии, выделенных для «Зимней грозы». К тому времени эти дивизии уже были вынуждены перейти к обороне и вели упорные, кровопролитные бои, отбивая яростные атаки противника. Фельдмаршал перебросил эту дивизию на левый фланг своей группы армий, где складывалась критическая обстановка. Однако, по его словам, он долго колебался и решился на такой шаг лишь после того, как исчезла последняя надежда на то, что 6-я армия со своей стороны предпримет попытку прорвать кольцо изнутри и тем самым облегчит тяжелое положение деблокирующей группировки, отражавшей натиск превосходящих сил противника на подступах к «котлу». После этого инициатива перешла к русским и в районе к востоку от Дона, а операция «Зимняя гроза» лишилась последних шансов на успех.

С интересом читатель узнает из воспоминаний Манштейна, что фельдмаршал собирался предпринять еще одну, последнюю попытку вызволить 6-ю армию из беды. С этой целью он в конце декабря самым решительным образом потребовал у ставки немедленно передать в его распоряжение три дивизии из состава 1-й танковой армии, которая входила в южную группу армий «А», действовавшую на Кавказе. Фельдмаршал был убежден, что первая танковая армия в тот момент могла обойтись без этих дивизий, и обосновал свое мнение{59*}. Однако Гитлер отверг требование, и судьба 6-й армии была решена окончательно. Что

же до плана Гитлера помочь 6-й армии еще позднее, то Манштейн считает его совершенно фантастическим. По этому плану один из эсэсовских танковых корпусов должен был весной 1943 года прорвать фронт в районе Харькова и, пройдя с боями 550 километров, выйти к Волге! {60}

О том, что происходило в Сталинградском «котле» после провала операции «Зимняя гроза» от рождества 1942 года до самого конца, Манштейн пишет откровенно и без прикрас. Это была агония 6-й армии. «Однако командование группы армий „Дон“, – пишет он далее, – будучи вынуждено учитывать и другой аспект стоявшей перед ним задачи: не допустить развала всего южного фланга Восточного фронта, могло дать согласие на капитуляцию 6-й армии с целью избежать бессмысленного дальнейшего кровопролития лишь на самой последней стадии ее безнадежной борьбы»{61}. Таким образом, фельдмаршал признает, что 6-я армия была сознательно принесена в жертву, и оправдывает это. В заключительном разделе своих мемуаров, посвященном Сталинграду, он отвечает на вопрос о том, во имя чего была обречена на безнадежное сопротивление и гибель армия, еще насчитывавшая в тот момент около 200 тысяч человек. Манштейн считает, что такой образ действий был продиктован соображениями высшей стратегии. По его мнению, гибнущая 6-я армия, приковывая к себе в течение нескольких недель значительные силы противника, решила в январе 1943 года стратегическую задачу первостепенной важности. Если бы противнику удалось высвободить тогда силы и перебросить их на другие участки, то, по всей вероятности, рухнуло бы южное крыло Восточного фронта. Это в свою очередь предопределило бы судьбу и всего Восточного фронта. Безнадежное сопротивление 6-й армии вплоть до ее ужасного конца создало необходимые предпосылки для предотвращения грозившей катастрофы. Манштейн, этот бесспорно талантливый полководец, считает, таким образом, что именно Сталинградская трагедия позволила ему блестяще решить остальные стратегические задачи, стоявшие перед его группой армий: удержать широкий коридор, по которому прошла отступавшая с Кавказа группа армий «А», и обеспечить в районе между Доном и Донцом коммуникации всего южного фланга немецкого фронта, над которым нависла угроза обхода. Более того, в самом конце столь тяжелой для нас зимней кампании 1942-1943 годов фельдмаршал провел еще одну операцию: искусно маневрируя крупными соединениями, он в ходе отступления нанес противнику под Харьковом контрудар, завершившийся полным успехом.

Пробелы и спорные места в работе Манштейна

На первый взгляд, анализ Сталинградской трагедии в работе Манштейна кажется исчерпывающим и убедительным. Ничто как будто бы не вызывает у читателя сколько-нибудь серьезных возражений. Все соображения, расчеты и действия фельдмаршала, обусловленные той катастрофической ситуацией, в которой он оказался по вине верховного главнокомандующего, выглядят целесообразными и логически обоснованными. В пределах своей компетенции Манштейн, располагая лишь весьма ограниченными силами, старался по мере возможности сделать все, что требовала от него стратегическая обстановка. Взявшись решить исключительно сложную задачу, фельдмаршал показал высокие образцы полководческого искусства. Признав это, вроде бы и неуместно критиковать его действия на отдельных этапах трагедии – звеньях в цепи событий, неумолимая логика которых потребовала, в конечном счете, принести в жертву целую армию, чтобы обеспечить такой ценой успех важнейших операций кампании. У читателя «Потерянных побед» создается впечатление, что война на определенной стадии сводится к стратегической игре – этакой грандиозной шахматной партии с рискованными рокировками, смелыми комбинациями и большим количеством пожертвованного материала. «Эффективная стратегия „скорой помощи“, о которой пишет фельдмаршал, требовала, конечно, немалых жертв».

Все это так! Но почему же анализ и выводы Манштейна, казалось бы, математически точные и неопровержимые, вызывают у многих думающих читателей, и прежде всего у участников Сталинградской битвы, доживших до наших дней, чувство глубокой неудовлетворенности? Дело здесь, разумеется, не в том, что фельдмаршал анализирует и оценивает волжскую трагедию и ту ответственную роль, которую он сам в ней сыграл, исключительно с позиций стратегического руководства, не пытаясь при этом «модернизировать» свою точку зрения. Он не только имеет на это полное право, но и обязан был так подойти к своей задаче. Именно благодаря этому его воспоминания и приобрели ценность подлинного исторического источника. Значение мемуаров Манштейна не исчерпывается тем, что они позволяют военному историку глубже изучить операции Манштейна. «Потерянные победы» дают определенное представление и об образе мыслей, мироощущении и психологии крупного немецкого военачальника в трагической ситуации того времени.

И все же читателя сразу же настораживает то обстоятельство, что фельдмаршал, занимавший тогда столь высокий пост, считает возможным ограничить свой анализ сталинградской катастрофы

одним лишь стратегическим аспектом и не ставит в заключение вопрос о политической и моральной ответственности руководства.

Бывшие участники Сталинградской битвы – и не только они одни, – несомненно, еще более критически отнесутся к попыткам Манштейна истолковать катастрофу на берегах Волги как трагедию, полную высокого смысла.

Не случайно фельдмаршал избрал в качестве эпиграфа к своей главе о Сталинграде знаменитое изречение о битве в Фермопильском ущелье{62*}. Очевидно, этот эпиграф продиктован не столько искренним убеждением автора, сколько желанием переубедить читателя. Недаром он в конце главы то и дело говорит о «Фермопильской аналогии», которая красной нитью проходит через главу, и это особенно чувствуется в манере изложения, во всей подаче материала. Трудно избавиться от впечатления, что точка зрения Манштейна и поныне определяется его тогдашними раздумьями и выводами и что для него и по сей день сохраняют полную силу те в высшей степени сомнительные соображения (как стратегические, так и политические, и моральные в самом широком смысле этого слова), в жертву которым были принесены на берегах Волги сотни тысяч людей.

Говоря о Сталинграде, Манштейн уделяет основное, если не исключительное внимание чисто военной оперативной стороне вопроса. Этого, однако, далеко недостаточно, чтобы дать общий анализ сталинградской катастрофы, и тем более, чтобы оценить ее с позиций высшего руководства, как претендует на это фельдмаршал. Конечно, не следует упрекать его в том, что он лишь ненадолго останавливается на других, чисто человеческих аспектах трагедии, разыгравшейся на берегах Волги. Задачи, которые он ставил перед собой в своей работе, не позволяли ему поступить иначе. Манштейн заверяет читателей, что он сам и его ближайшие помощники, как и все солдаты и офицеры, которые, сражаясь тогда под его командованием, напрягали последние силы, чтобы вызволить 6-ю армию из беды, «ежедневно и ежечасно» помнили о безмерных страданиях своих боевых товарищей, погибавших в «котле», и мысленно были с ними». Без сомнения, фельдмаршал здесь вполне искренен. И это делает честь его чувствам. Но окруженная группировка вправе была ожидать, что командующий группой армий поможет им не только и не столько мысленно, сколько реально.

Проследовав за фельдмаршалом туда, «где обсуждались и принимались ответственные решения», читатель не в силах скрыть своего разочарования, а потом и гнетущего недоумения, убедившись в том, что неразрешимые моральные и политические

проблемы, омрачавшие последние часы многих обреченных под Сталинградом, здесь, судя по всему, никого не волновали.

В январе 1943 года в Сталинградском «котле» создалась чудовищная, беспрецедентная ситуация. Об этом убедительно свидетельствует хотя бы тот неоспоримый факт, что именно в это время Гитлер, категорически запретив окруженным капитулировать, обрек на неминуемую, медленную и мучительную смерть 6-ю армию, уже потерявшую треть своего состава, но еще насчитывавшую около 200 тысяч человек. Солдаты и офицеры, которым пришлось пройти через все муки сталинградского ада, не могли тогда найти этому никакого оправдания. И сегодня ни один человек, стремящийся до конца осмыслить катастрофу на берегах Волги, и, уж конечно, никто из доживших до наших дней участников Сталинградской битвы не оставит без возражений любую попытку оправдать смертный приговор, вынесенный сотням тысяч людей и беспощадно приведенный в исполнение во имя «высшей стратегии». Никакие чисто военные аргументы не в силах заглушить голос человеческой совести!

Пределы компетенции и ответственности Манштейна

Но возвратимся еще раз в область стратегии, туда, где Манштейн чувствует себя полноправным хозяином, и проследим вновь ход операций группы армий «Дон», при разборе которых автор «Потерянных побед» стремится убедить читателя в том, что лишь слепое упрямство верховного главнокомандующего Гитлера и полная несостоятельность командования 6-й армии помешали ему самому добиться решающего успеха в конце ноября– первой декаде декабря 1942 года. Документы из архива покойного фельдмаршала Паулюса, высказывания начальника штаба 6-й армии генерала Шмидта, приведенные в работе Вальтера Герлица, и другие опубликованные тем временем источники{63} проливают новый свет на сталинградскую главу «Потерянных побед» и приводят критически мыслящего читателя к выводу, что анализ Манштейна при всей его логической обоснованности и внешней убедительности является по сути дела попыткой самооправдания, ради которого фельдмаршал обходит или затушевывает целый ряд обстоятельств. Так он не говорит, что деблокирующая операция его группы армий по освобождению 6-й армии из окружения была порочна в своей основе, и старается запутать вопрос о пределах своей компетенции, не в последнюю очередь для того, чтобы снять с себя ответственность за действия Паулюса как командующего армией, входившей в группу армий «Дон».

Начав свой рассказ о сталинградской катастрофе с глубокого

анализа действий и роли Гитлера как верховного главнокомандующего, Манштейн как бы психологически обрабатывает читателя, стараясь, и не без успеха, сразу же завоевать его доверие. Он рисует достоверный портрет военного диктатора, особенно подчеркивая роковые особенности его характера; Гитлер предстает перед читателем как человек безудержных страстей и невероятного упорства, обладающий магической силой убеждения и сочетающий суеверное преклонение перед техникой и точным расчетом с фанатической верой во всемогущество собственной воли. Гитлер всегда стремился удерживать любой ценой занятые позиции, очень неохотно шел на стратегический риск, избегал заглядывать далеко вперед, оттягивал принятие неприятных для себя решений, необходимость которых была очевидна, и, самое главное, на каждом шагу вмешивался в оперативное руководство, ограничивая или даже парализуя инициативу и свободу действий командиров частей и соединений. Все это, вместе взятое, по мнению Манштейна, и приводило чаще всего к катастрофическим последствиям. Таким образом, фельдмаршал дает понять, что разногласия между ним и верховным главнокомандующим вермахта были неизбежны.

Разумеется, он во всех подробностях описывает свои бесплодные препирательства с Гитлером в роковые недели накануне «Зимней грозы» и в ходе наступления. Остается, однако, неясным, в какой мере сам фельдмаршал несет ответственность за те тяжелые военные ошибки, которые привели к провалу деблокирующей операции и обрекли на гибель окруженную армию. Лишь в конце главы Манштейн подходит к вопросу об ответственности за сталинградскую катастрофу. Однако он предпочитает не утруждать себя мыслями на этот счет и тут же приводит слова Гитлера, к которому он был вызван 6 февраля 1943 года, то есть сразу после окончания битвы.

Вот что пишет в этой связи Манштейн: «На вопрос о том, кто несет ответственность за трагическую судьбу 6-й армии, сам Гитлер дал достаточно ясный ответ… Открывая в тот день совещание, он сказал: „Всю полноту ответственности за Сталинград я несу один. Я мог бы, конечно, сослаться на то, что Геринг неправильно проинформировал меня о тех возможностях, которыми располагала наша авиация для снабжения окруженной армии воздушным путем, таким образом переложить на его плечи хотя бы часть этой тяжелой ответственности. Но я не могу возлагать ответственность за Сталинград на преемника, назначенного мною же самим“{64}.

Манштейн с нескрываемым одобрением подчеркивает, что

Гитлер безоговорочно взял на себя всю ответственность за сталинградскую трагедию, и пишет, что с точки зрения воинской этики это был «порядочный поступок». Пусть так. Но тем более неприятно поражает читателя, что сам фельдмаршал оговаривает своего бывшего в его непосредственном подчинении генерала Паулюса, пытаясь возложить на него вину за провал деблокирующей операции и все связанные с этим тяжелые последствия. Неужели сам Манштейн, претендующий на стратегическую непогрешимость, не несет в данном случае никакой ответственности?

Говоря о пределах компетенции фельдмаршала, следует сразу же заметить, что в отношении 6-й армии он волен был делать все необходимое для выполнения поставленной перед ним задачи. Более того, он обязан был в этом случае не только проводить в жизнь решения, диктуемые обстановкой, но и добиваться их одобрения в ставке и их неуклонного исполнения на местах. Утверждение Манштейна о том, что окруженная армия практически подчинялась непосредственно главному командованию сухопутных сил, а ее оперативное подчинение – группе армий «Дон», носило более или менее фиктивный характер, – опровергается источниками точно так же, как и его заявление о роковой роли личного офицера связи, которого Гитлер прикомандировал к штабу 6-й армии в Сталинградском «котле».

По мнению Манштейна, именно донесения этого офицера связи, поступавшие непосредственно в ставку, в немалой степени объясняют упорное нежелание верховного командования оставить Сталинград. Нет, 6-я армия, без сомнения, была подчинена группе армий «Дон». Это вытекает из приказов, отданных самим Манштейном, и подтверждается особенно убедительно документами из архива фельдмаршала Паулюса, а также записями в сохранившемся оперативном журнале штаба 6-й армии и целым рядом других источников. Гитлер вообще от случая к случаю отдавал приказы непосредственно командующим армиями; точно так же он неоднократно направлял личные директивы в Сталинградский «котел»{65*}. Но одно здесь вовсе не исключает другого. Как бы то ни было, с самого начала до печального конца операции «Зимняя гроза» 6-я армия не получила непосредственно от Гитлера ни одного приказа. Генерал Паулюс и его штаб не только считали, что находятся в полном подчинении группы армий, но и относились с высоким уважением и неограниченным доверием к ее командующему фельдмаршалу Манштейну, который был для них непререкаемым авторитетом в вопросах стратегии.

«Я должен сказать, господин фельдмаршал, ваше руководство является для меня залогом того, что для освобождения 6-й армии из кольца будет сделано все возможное{66}, – писал Манштейну командующий окруженной армией 26 ноября 1942 года. Уже после войны бывший начальник генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник Цейцлер в письме к генералу Дерру, автору первой военно-исторической монографии о Сталинграде, еще раз с полной ответственностью заявил, что 6-я армия была в тот момент, вне всякого сомнения, подчинена группе армий „Дон“{67}.

Вопреки мнению Манштейна офицер связи, присланный в «котел» из ставки, не имел каких-либо особых полномочий, которые ограничивали бы компетенцию группы армий или позволяли бы обходить ее распоряжения. Кстати сказать, офицер этот был откомандирован не лично Гитлером, а тем же генералом Цейцлером, который хотел получить из первых рук и как можно быстрее информацию обо всем происходившем в «котле», по всей вероятности, для того, чтобы иметь лишние козыри в своих беспрестанных спорах с диктатором, чье фанатическое упрямство он не в силах был преодолеть{68}.

Можно, конечно, поверить Манштейну, что он был твердо намерен освободить окруженную армию из «котла», а в случае необходимости и отдать вопреки указаниям Гитлера приказ оставить Сталинград. Судя по его мемуарам, он и на самом деле приказал приступить к проведению операции «Удар грома», иными словами, якобы отдал окончательный приказ о сдаче «твердыни на Волге» и тем самым снял с генерала Паулюса ответственность за самовольное нарушение директив верховного командования. Соответствует ли это действительности? Архив фельдмаршала Паулюса и другие документы неопровержимо свидетельствуют о том, что 6-я армия не получала от Манштейна подобного приказа. Когда Паулюс 23 декабря 1942 года, понимая, что с прорывом медлить больше нельзя, вновь запросил по радио разрешения приступить к проведению операции «Удар грома», Манштейн ответил, что пока не может предоставить эти полномочия{69}. Командующий армией, несмотря на неоднократные запросы, так и не дождался от фельдмаршала приказа оставить Сталинград. Таким образом, командование группы армий не взяло на себя ответственность за самовольное нарушение директив Гитлера. Не меняет дело и полученный еще 19 декабря приказ Манштейна идти на прорыв с выходом на соединение с деблокирующей группировкой, поскольку отход из «крепости» рассматривался в этом приказе лишь как одна из возможностей.

Так или иначе, командование 6-й армией не имело ясного представления о том, что же Манштейн намеревался, в конечном счете, предпринять. Но документы того периода, во всяком случае, во многом, ставят под вопрос ту версию, которую выдвигает задним числом Манштейн в своих «Потерянных победах», и говорят не в пользу командования группы армий, чьи действия в трагические дни накануне рождества 1942 года выглядят в свете этих факторов спорно. Вот почему Манштейн еще до опубликования Герлицем документов из архива Паулюса счел необходимым выступить с критикой книги покойного фельдмаршала «Я выполняю приказ»{70}. Манштейн считает, что Паулюс «предвзято и односторонне» освещает события, говоря о намечавшемся в декабре прорыве 6-й армии как о ключевой проблеме всей сталинградской катастрофы. Далее он вновь излагает и комментирует свою точку зрения, уже сформулированную в «Потерянных победах», и, в частности, пишет о конечной цели своих тогдашних приказов. Оказывается, Манштейн хотел приступить к операции «Удар грома» тайком от Гитлера, который в противном случае ни за что не согласился бы на уход с берегов Волги. Командование группы армий не могло, поэтому отдать 6-й армии приказ идти на прорыв с одновременным отходом от Сталинграда: Гитлер наверняка тут же отменил бы такой приказ. Напротив, если бы операция «Зимняя гроза» развивалась успешно и части 6-й армии пошли бы на прорыв, чтобы «прорубить просеку жизни» от «котла» в сторону деблокирующей группировки, отход с других участков внутреннего фронта окружения стал бы явной необходимостью, которой подчинился бы, в конце концов, и Гитлер. Стало быть, как ни крути, Манштейн явно собирался взять на себя ответственность за эвакуацию «крепости» лишь после того, как Паулюс начал бы действовать на свой страх и риск. Не подлежит сомнению, что после этого он взял бы на себя всю полноту ответственности и сам отчитался бы перед Гитлером за действия 6-й армии. Однако следует учесть, что штаб армии в тот момент был плохо информирован об общей обстановке на фронтах и еле справлялся с текущими делами. Где уж было там разобраться в истинных намерениях фельдмаршала. К тому же ни его приказ от 19 декабря, ни поступившая позднее радиограмма не позволяли прийти к выводу, что Манштейн в завуалированной форме советует 6-й армии немедленно оставить Сталинград.

Налицо явно серьезный просчет со стороны командующего группой армий «Дон». Если он действительно намеревался провести операцию «Удар грома», так сказать, за закрытыми дверьми и действительно готов был впоследствии принять на себя

ответственность за окончательный уход из Сталинграда против воли Гитлера, то ему надлежало в любом случае открыть Паулюсу все свои карты. Личная встреча обоих командующих перед принятием столь ответственных решений была совершенно необходима. С этой целью фельдмаршалу Манштейну следовало бы самому вылететь в «котел» и полностью посвятить командующего 6-й армией во все свои планы. Если же он почему-либо не мог или не хотел лететь туда сам, то должен был, по меньшей мере, послать к Паулюсу одного из своих ближайших помощников – лучше всего начальника своего штаба. Уж это-то он мог сделать при всех условиях.

Одному из моих знакомых, служившему в оперативном отделе штаба 6-й армии, тогда еще молодому генштабисту, для которого долгожданный прорыв воистину был бы осуществлением всех желаний, довелось в те критические дни присутствовать при нескольких радиотелефонных разговорах Паулюса с командующим группой армий. Он с удивлением рассказывал мне потом, сколь «бесцветными» и «бессодержательными» были эти разговоры. Манштейн «словно не договаривал чего-то». «Фельдмаршал ушел от ответа на вопросы Паулюса об обстановке вообще и о воздушном снабжении в частности, ограничивался лишь успокоительными заверениями, – рассказывал мой знакомый. – Я полагал, что на подобные вопросы нашего командующего Манштейн даст прямой и точный ответ, иначе говоря, скажет, в какие сроки придет к нам обещанная помощь. Но это не было сделано»{71}.

Многочисленные свидетельства подтверждают, что штаб 6-й армии не получал тогда достаточно полной информации о положении на всем участке группы армий, и прежде всего о том, как развивалась операция «Зимняя гроза», хотя Манштейн и откомандировал в «котел» своего офицера связи – майора Эйсмана. Фельдмаршал почему-то не посчитал нужным со всей необходимой прямотой разъяснить Паулюсу, что окруженная армия стоит перед альтернативой: прорыв или неминуемая гибель. В то же время он хорошо знал особенности характера нашего командующего, осмотрительного, вдумчивого генштабиста. Паулюс не умел быстро принимать смелые решения и лишь скрепя сердце шел на риск. Поэтому 6-я армия особенно нуждалась в тот момент в твердом и решительном руководстве командующего группой армий. В чем, в чем, но в решающих вопросах о сроках и оперативных планах прорыва кольца изнутри Манштейну надлежало быть предельно точным в своих приказах. На самом же деле это было далеко не так, и неопределенный характер полученных приказов отрицательно сказывался на

работе штаба армий, обрекая его на бездействие и безынициативность.

Надо полагать, Манштейну с его энергией, решимостью и авторитетом не стоило бы большого труда убедить подчиненный ему штаб 6-й армии в необходимости и правильности своих решений. Весьма примечательно, что он не сделал этого и даже не попытался добиться неукоснительного выполнения своих приказов. Вообще, возглавляя группу армий «Дон», фельдмаршал действовал до странности непоследовательно и противоречиво. Неубедительно звучат и его заявления о том, что командование группы армий, в конце концов, не могло навязать Паулюсу решение, которое тот считал невыполнимым, тем более что Гитлер категорически запретил прорыв, а ударные части 6-й армии были малоподвижны и к тому же не могли оторваться от наседавшего противника даже после того, как заняли исходные рубежи для прорыва. Нерешительность и неуверенность, проявленные Манштейном в те дни, объяснялись, по-видимому, целым рядом причин. Критическая обстановка на всем участке группы армий, несомненно, тревожила фельдмаршала, вдобавок отлично понимавшего, что вся операция «Зимняя гроза» была попыткой с негодными средствами, вероятный провал которой обрекал на неудачу любую операцию окруженной армии по прорыву кольца изнутри. Наконец, Манштейн в глубине души, возможно, опасался неприятных для себя последствий, поскольку ему так и не удалось своевременно добиться от Гитлера предоставления 6-й армии полной свободы действий.

Промахи и упущения

Как командующий группой армий «Дон», Манштейн находился перед трагической дилеммой. В создавшейся по вине Гитлера критической обстановке фельдмаршал, веря в свою звезду, взял на себя задачу, которая хотя и льстила его самолюбию, но требовала для своего успешного решения ряда объективных предпосылок, зависевших не только от его воли и полководческого мастерства. Манштейн, естественно, считал своим святым долгом сделать все возможное для создания этих предпосылок, обеспечивавших успех операции, дав исчерпывающий анализ обстановки со всеми трудностями и опасностями, которыми она грозила. Предвидя возможные последствия, он то и дело доказывал, напоминал, предостерегал об опасности. Сознавая, с каким риском для 6-й армии связан отказ от немедленной попытки прорыва кольца изнутри, фельдмаршал поставил ряд предварительных условий, от которых, по его мнению, зависел исход планируемой им операции. Он требовал полностью обеспечить окруженных всем

необходимым по воздуху, сосредоточить в предельно сжатые сроки мощную деблокирующую группировку, непрерывно наращивать ее силы и, наконец, вывести части 6-й армии из Сталинграда и оставить город. Однако ни одно из этих предварительных условий выполнено не было. Удовлетворительное воздушное снабжение оказалось с самого начала неосуществимым делом. Впрочем, командующие военно-воздушными соединениями на этом участке фронта заранее предрекали неудачу этого предприятия, ссылаясь на нехватку транспортных самолетов и зимнюю непогоду. Переброска (главным образом с Кавказа) свежих дивизий на Сталинградское направление сильно затянулась, и численность деблокирующей группировки так и не была доведена до того уровня, который командование группы армий считало необходимым. В довершение всего Гитлер не был склонен оставлять Сталинград, о чем достаточно убедительно свидетельствовала его реакция на настойчивые просьбы и донесения Манштейна с соответствующей оценкой обстановки.

Фельдмаршал неустанно, но безрезультатно добивался принятия необходимых мер. С каждой неделей шансы на успех его операции уменьшались. Безответственность и военная безграмотность верховного главнокомандующего не давали Манштейну выйти на оперативный простор. В своих воспоминаниях командующий группой армий «Дон» подчеркивает, что в результате всего этого судьба операции была предрешена, сколько бы ни старался он сам в пределах своей компетенции сделать все еще возможное для достижения цели. «Недостаточно» и «слишком поздно» – эти роковые слова определяли всю обстановку, в которой фельдмаршалу приходилось принимать решения и действовать. Это, кстати сказать, отмечали и советские военные историки{72}.

Под несчастливой звездой с самого начала проходило и наступление деблокирующих соединений генерала Гота, продвигавшихся из района Котельниково в северном направлении. Его с позволения сказать «танковой армии» – по сути дела лишь танковому корпусу неполного состава, из двух дивизий которого только одна была полностью укомплектована и боеспособна{73*}, – предстояло проделать сто пятидесятикилометровый марш к Сталинградскому «котлу» по заснеженным калмыцким степям; это означало идти на безнадежную авантюру, особенно если учесть, что с флангов группу Гота прикрывали лишь два румынских корпуса. Две дивизии Гота и румынские соединения – это все, что осталось к началу операции от обещанных фельдмаршалу одиннадцати

дивизий. Так называемая группировка Холлидта, которая должна была по первоначальному плану наступать на Калач с запада из района среднего течения реки Чир, уже очень скоро перешла к обороне и втянулась в тяжелые бои. Таким образом, на эти, кстати сказать, еще ранее основательно потрепанные части рассчитывать больше не приходилось.

Итак, связанная «с предельным риском» операция, на которую следовало пойти, чтобы, по словам Манштейна, предоставить 6-й армии хоть какой-либо реальный шанс на спасение, была по сути дела актом отчаяния{74*}. Ряд обстоятельств – и не в последнюю очередь сила советских войск и обретенная ими тем временем оперативная гибкость – заранее обрекали операцию на неудачу. И все же фельдмаршал решил взять на себя ответственность за столь сомнительное предприятие. Судя по всему, это в немалой степени объяснялось самоуверенностью и чувством собственного превосходства, которые были столь характерны для привыкшего к победам германского командования. Поэтому уместно задать вопрос: не повинен ли в роковом исходе деблокирующей операции и сам Манштейн, теоретически правильно оценивший обстановку, но практически недооценивший русских.

Приведем в этой связи оценку операции «Зимняя гроза», которую дал один из участвовавших в ее проведении генералов – бывший командир 17-й танковой дивизии Фридо фон Зенгер унд Этерлин. В своих воспоминаниях, свидетельствующих об острой наблюдательности и трезвости суждений, он пишет: «На последнем привале, перед выходом в район развертывания, я разместился не без удобств. Но мысль о вопиющем противоречии между стратегической ответственностью и безответственной тактикой не давала мне покоя. Бросалось в глаза, с какими негодными средствами мы предпринимаем попытку деблокировать сталинградскую группировку. Линия фронта была уже недалеко – там, еще в девяноста километрах от внешнего фронта окружения, вели бой две наши дивизии. Одной из них, 6-й танковой, крупно повезло: незадолго до этого она стояла на переформировании во Франции и была там вновь полностью укомплектована. Зато в другой – 23-й танковой – техника и личный состав находились в еще более плачевном состоянии, чем в моей, 17-й. Итак, трем танковым дивизиям, одной полноценной и двум, обладавшим лишь половиной боевого состава, предстояло преодолеть около ста километров, пробиваясь к Сталинграду. От нашей хваленой внезапности не осталось и следа: вот уже две недели обе дивизии, начавшие наступление, безуспешно пытаются преодолеть сопротивление крупных сил противника. Но если бы им даже и удалось нанести поначалу внезапный удар,

они все равно не смогли бы развить успех в столь глубокой полосе наступления. Никто не сомневался, что противник всеми силами попытается сорвать нашу операцию по освобождению 6-й армии из кольца, ведь это сулило ему грандиозную победу. В то же время, судя по малочисленности нашей ударной группировки, на резервы нам рассчитывать не приходилось»{75}.

Хорст Шейберт не менее убедительно рассказал о боевых действиях 6-й танковой дивизии, которая вынесла на своих плечах главную тяжесть декабрьского наступления Манштейна. Приведенные выше источники не оставляют сомнения в том, что перед наступавшими соединениями была поставлена задача, в конечном счете невыполнимая. Ни самоотверженность, проявленная солдатами Гота в кипевших и днем и ночью боях, ни тактическое искусство его командиров ничего не могли изменить{76}. Когда танковые авангарды ценой огромных потерь создали, наконец, в районе реки Мышкова, примерно в 50 километрах от внешнего фронта окружения, ненадежный плацдарм для последнего броска и некоторое время даже удерживали его, отражая яростные атаки наседавшего со всех сторон противника, весь корпус Гота уже выдохся и по сути дела вынужден был повсюду перейти к обороне. Противник перехватил инициативу и перешел с превосходящими силами в контрнаступление. Деблокирующая операция потерпела полную неудачу. Тем временем и без того нелегкая ситуация на участке всей группы армий стала воистину критической в результате новых победоносных ударов, нанесенных русскими в районе реки Чир и в большой излучине Дона. Но справедливости ради следует сказать, что обстановка ставила под сомнения оперативные перспективы деблокирующей операции еще задолго до того, как Манштейн вынужден был перебросить 6-ю танковую дивизию из района реки Мышкова в излучину Дона – на левый фланг группы армий, над которым нависла теперь смертельная угроза.

Вот что пишет по этому поводу генерал фон Зенгер унд Этерлин: «Поражение было полным. Судя по всему, противник подтянул большие силы. Случилось то, чего я так опасался в начале деблокирующей операции. Тогда мне казалось, впрочем, что попытка прорыва 6-й армии навстречу наступавшей 4-й танковой армии еще имела какие-то шансы на успех, поскольку соединениям 6-й армии, по данным ее штаба, хватило бы горючего, как-никак, на 30 километров. Теперь, зная на собственном опыте, как выглядело продвижение наших ударных клиньев, я вынужден был прийти к выводу, что моя прежняя точка зрения была чересчур оптимистичной»{77}.

Анализируя проведенные тогда операции и ту временами

критическую обстановку, в которой они развивались, Манштейн указывает на целый ряд ошибок и упущений Советского Главного командования: так, он считает, что русские упустили реальный шанс нанести неожиданный и стремительный удар в направлении на Ростов и перерезать жизненно важную артерию всего немецкого Южного фронта, что, по всей вероятности, значительно приблизило бы окончательную победу советских войск. Но, надо сказать, что и без этого советские войска к рождеству 1942 года добились немалых успехов в междуречьи Волги и Дона. Группа армий «Дон» была далеко отброшена и перешла к обороне. Ее фронт был уже прорван в нескольких местах и трещал по всем швам. Участь окруженных под Сталинградом дивизий была решена окончательно: успешно отразив наступление деблокирующей группировки Манштейна, русские знали, что 6-я армия никуда от них не уйдет. На сей раз искусство управления войсками не помогло фельдмаршалу. Советское командование нанесло ему под Котельниковом серьезное поражение, чреватое самыми тяжкими последствиями для всей группы армий «Дон».

В описании Манштейном зимней кампании 1942/43 года отчетливо выпирают противоречия между данной им правильной оценкой обстановки и его половинчатыми решениями. Фельдмаршалу не удалось тогда добиться от верховного командования создания предпосылок, которые он считал необходимым залогом успеха, и трагизм его положения на первый взгляд в том и заключался, что ему не оставалось как будто бы ничего иного, как махнуть рукой и идти на совершенно безнадежное дело. Но можно ли считать, что фельдмаршал, столь тонко оценивший общую обстановку перед началом операции и уже очень скоро убедившийся в безнадежности своих препирательств с главным командованием, до конца осознал, какую чудовищную ответственность он принимает на свои плечи, а осознав, действительно сделал все возможное, чтобы добиться от Гитлера создания предпосылок, абсолютно необходимых для успешного проведения деблокирующей операции?

В своих донесениях Манштейн не раз и не два давал исчерпывающий анализ обстановки и настоятельно требовал принятия всех продиктованных ею мер. Но чего же он добился на деле? Необходимо было в первую очередь своевременно получить разрешение оставить Сталинград, без колебания разъяснив диктатору, не желавшему уходить с берегов Волги именно из соображений своего престижа, чем он рискует, оставляя 6-ю армию под Сталинградом, и с какими последствиями это связано. Сухая манера генштабистов, в которой Манштейн выдерживал свои донесения и записки, не могла в данном случае

подействовать на воображение Гитлера. В качестве примера приведем донесение от 9 декабря 1942 года, в котором Манштейн, подробно анализируя обстановку, допустил психологическую ошибку и, более того, бесстрастно взвешивая все «за» и «против», по существу лил воду на мельницу Гитлера. «Оставив 6-ю армию в „крепости“, – писал, в частности, фельдмаршал, – мы, вполне возможно, добьемся того, что русские застрянут здесь и, истекая кровью в бесплодных атаках, растратят впустую все накопленные силы. В этом случае их наступление выдохнется под Сталинградом»{78}. Нет, в той исключительной, критической ситуации, в которой оказалась тогда группа армий, ее командующему следовало бы составлять свои донесения в ином, куда более решительном и совершенно недвусмысленном тоне и настаивать на своем с резкостью, обычно, быть может, и непозволительной, но в данном случае оправданной и необходимой. Так почему же фельдмаршал, отлично понимавший, что в окружении гибнет целая армия, а над двумя группами армий Южного фронта нависла угроза полного разгрома, не бросил на чашу весов весь свой авторитет в своих бесплодных спорах с главным командованием? Он знал, что Гитлер считает его одним из самых одаренных полководцев и относится к нему как к автору оперативного плана западной кампании с особым уважением. После того как фельдмаршал на исходе первой недели декабря убедился воочию, что в его распоряжение предоставлена лишь малая часть затребованных им соединений и что деблокирующая операция заранее обрекается на провал ввиду явного недостатка сил, ему следовало, не теряя времени, вылететь в ставку Гитлера и в ультимативной форме потребовать выполнения своих требований и проведения более действенных мер, пригрозив в противном случае отказаться от командования группой армий «Дон». Поступив таким образом, Манштейн, несомненно, помог бы и начальнику штаба сухопутных сил Цейцлеру, который в тот момент тщетно добивался от Гитлера принятия необходимых решений{79*}.

Улучшение совершенно недостаточного снабжения 6-й армии по воздуху, уход из Сталинграда и отход группы армий «А» с Кавказа, скоординированный с деблокирующей операцией группы армий «Дон», – все эти продиктованные обстановкой меры необходимо было осуществить планомерно и своевременно. От проведения их зависела в тот момент судьба всего немецкого Южного фронта. Отвод соединений группы армий «А» с Кавказа следовало бы начать сразу же после того, как в ходе мощного советского наступления 6-я армия 21 ноября{80*} 1942 года была полностью окружена под Сталинградом. Позднее Манштейн

получил с Кавказа одну-единственную потрепанную танковую дивизию. Почему же фельдмаршал примирился с тем, что в его распоряжение не были выделены другие соединения из состава соседней группы армий, которая вообще смогла бы удерживать свои рубежи на Кавказе лишь при условии восстановления прочного фронта на Дону? Лишь 26-27 декабря после окончательного провала деблокирующей операции Манштейн, планировавший еще одну попытку прорваться к Сталинградскому «котлу», категорически потребовал от ставки перебросить с Кавказа один из танковых корпусов группы армий «А» для пополнения полуразгромленной и обескровленной 4-й танковой армии. Разве не мог фельдмаршал при поддержке начальника генерального штаба, чья точка зрения, как это ему было доподлинно известно, совпадала с его собственной, еще в начале декабря потребовать от Гитлера незамедлительного отвода немецких соединений с Кавказа? Вообще невозможно было выправить положение на Дону, не убедив предварительно главное командование в необходимости как можно скорее вернуться к маневренному руководству действиями застрявшей на Кавказе группы армий «А» и перебросить ее соединения в калмыцкие степи, где они приняли бы участие в освобождении 6-й армии из Сталинградского «котла». Это, вероятно, позволило бы, по крайней мере, предотвратить самое страшное.

Начальник генерального штаба сухопутных сил в тот момент твердо рассчитывал на личное вмешательство Манштейна в его спор с Гитлером. Об этом, в частности, свидетельствует следующая цитата из записок Кунрата фон Хаммерштейна: «Цейцлер, занимавший тогда пост начальника генштаба, надеялся, что Манштейн, опираясь на свой авторитет командующего группой армий, уговорит Гитлера оставить Сталинград. Манштейн долго отнекивался всячески, ссылаясь на то, что обстановка требует его личного присутствия на фронте, и прилетел лишь по прямому приказу ставки. Прямо с аэродрома он поехал к Гитлеру. Цейцлер хотел перехватить его по дороге, но не успел. Когда же он потом спросил у фельдмаршала, чем окончился его разговор с Гитлером, тот ответил: „Фонтан красноречия! Его не переспоришь!“{81}

Во время сталинградской трагедии Манштейн, не прекращавший своих бесплодных споров со ставкой, которая упорно отказывалась выполнять его обоснованные требования, в моменты максимального обострения обстановки не раз собирался демонстративно сложить с себя полномочия командующего группой армий. Однако, как он пишет, ответственность за своих солдат не позволила ему так поступить. Позволительно спросить

в этой связи: почему же он не пустил в ход это средство гораздо раньше и не пригрозил Гитлеру своей отставкой сразу же после того, как убедился, что дела принимают катастрофический оборот? Как знать, быть может, Гитлер и уступил бы, по крайней мере, в решающих вопросах, если бы фельдмаршал пошел на риск и проявил в интересах общего дела подобную непоколебимую твердость. Ведь фанатик, стоявший во главе вермахта, в тот критический момент больше, чем когда-либо, зависел от самого одаренного из своих военачальников. Но Манштейн не пошел на это. В результате он не только лишился возможности полновластно решать вопросы стратегии, в которых его авторитет был до тех пор непререкаем, но и явно пошел на сделку с собственной совестью. Он подчинялся приказам, в неправильности которых был абсолютно убежден, и превратился в покорного исполнителя воли безграмотного в военном отношении верховного главнокомандующего, упорно не желавшего считаться с самыми очевидными последствиями своих действий. Вот почему на него падает гораздо большая доля ответственности, чем на его злополучного подчиненного – генерала Паулюса. Фельдмаршал с высоты своего положения видел больше и дальше, он понимал, что поставлено на карту, и знал, что надо делать. С него больше и спрос! К Манштейну вполне применимы горькие слова, сказанные в свой собственный адрес генерал-полковником Рихтгофеном, командующим 4-м воздушным флотом, который, взаимодействуя с группой армий «Дон», принимал участие в операции «Зимняя гроза». В те роковые дни Рихтгофен с присущими ему темпераментом и прямотой записал в своем дневнике: «С оперативной точки зрения я сейчас не более как унтер с генеральским окладом»{82}.

Подлинные масштабы катастрофы

Прежде чем вернуться ко всему комплексу связанных со Сталинградом проблем, нам придется внести кое-какие поправки в фактические данные – даты и цифры, на которые ссылается в своих воспоминаниях Манштейн. Приводя явно заниженные данные в подтверждение своей трактовки событий, фельдмаршал стремится не только и не столько преуменьшить фактические потери Германии, но и затушевать подлинные масштабы сталинградской катастрофы.

В «Потерянных победах» Манштейн признает, что командование группы армий «Дон» не получало сверху точных данных об общей численности окруженных под Сталинградом соединений и в соответствующих подсчетах исходило из неполных и разноречивых сведений, полученных из штаба самой 6-й армии. Отмечая, что 6-й армии были приданы

многочисленные артиллерийские и саперные части главного командования сухопутных сил, фельдмаршал считает все же, что в «котле» находилось, «по всей вероятности, не менее 200 тысяч и не более 220 тысяч человек». Однако эту цифру нельзя считать достоверной. Опубликованные ныне источники позволяют определить численность окруженной армии если не с полной точностью, то, во всяком случае, в максимальном приближении. В октябре 1942 года, примерно за месяц до начала русского наступления, на довольствии в 6-й армии – самой боеспособной и полнокровной в группе армий «Б» – состояло 334 тысячи человек. До 19 ноября 1942 года армия потеряла убитыми и ранеными около 17 тысяч человек. Потери, понесенные после русского прорыва до того момента, когда кольцо окружения сомкнулось, составили примерно 34 тысячи человек. Кроме того, около 39 тысяч человек, главным образом обозники и солдаты различных тыловых подразделений, попали в плен в районе Чира. Оказавшиеся в «котле» основные силы армии увеличились за счет двух армейских корпусов 4-й танковой армии, не входивших в приведенную выше цифру личного состава 6-й армии, а также за счет крупных авиационных соединений и остатков двух разгромленных румынских дивизий. Вполне достоверно выглядит оценка численности окруженной армии, выведенная Шретером на основании официальных источников. Его данные совпадают с подсчетами, проведенными в то время в 6-м армии, и с советскими оценками{83}. Таким образом, общая численность попавших в «котел» соединений составляла примерно 270-280 тысяч человек.

У нас – в штабе VIII армейского корпуса – в первый период боев в «котле» тоже неоднократно определяли общую численность окруженной армии цифрой 300 тысяч. Я особо упоминаю об этом потому, что штаб нашего корпуса в течение нескольких недель поддерживал постоянный контакт со специальным штабом армейского снабжения, разместившимся рядом с нами на аэродроме в Питомнике. Учет личного состава в этом штабе вели с особой тщательностью. В ходе боев из «котла» удалось эвакуировать воздушным путем около 40 тысяч раненых, больных и специалистов. В официальных русских сообщениях, подводивших итоги сражения, говорилось о 91 тысяче взятых в плен немецких солдат и офицеров за период с 10 января 1943 года, а также о 147 200 убитых, обнаруженных и погребенных{84}.

Между прочим, обер-квартирмейстер 6-й армии майор фон Куновски на основании имевшихся в его распоряжении данных подсчитал, что на 10 января 1943 года, то есть к началу

завершающего русского наступления, численность окруженных соединений составляла еще 195 тысяч человек. Манштейн прав, конечно, считая «завышенными» данные, согласно которым в «котле» с самого начала находилось более 300 тысяч человек. Но, с другой стороны, его собственные данные, по моему мнению, занижены примерно тысяч на пятьдесят, что ни мало, ни много равно полному боевому составу целого армейского корпуса! Между прочим, и сам генерал Паулюс в своем письме к Манштейну от 26 ноября 1942 года (фельдмаршал не только неоднократно цитирует его и в этой и в другой связи, но и публикует полностью в приложениях к своим мемуарам под номером 9) говорит о «своей ответственности за вверенных ему около 300 тысяч солдат и офицеров»{85}.

В свою очередь назначенный позднее обер-квартирмейстер (начальник тыла) 6-й армии, который, ведая вопросами снабжения и находясь сначала в «котле», а затем в штабе группы армий, по роду своей работы был более, чем кто-либо, осведомлен о нуждах личного состава, писал в своем отчете, что до середины декабря{86*}, когда он принимал дела, «численность окруженной армии понизилась с 270 тысяч до 250 тысяч человек»{87}. При встрече с ответственным за воздушное снабжение командиром VIII авиакорпуса генералом Фибихом, который 11 декабря прибыл в «котел», чтобы на месте сориентироваться в обстановке, Паулюс и его начальник штаба Шмидт говорили, что «соединения, обороняющие крепость», насчитывают 270 тысяч человек{88}.

Остается указать на еще одну фактическую ошибку в изложении Манштейна: он пишет, что капитуляция произошла 1 февраля, тогда как на самом деле это случилось 2-го. Сам Паулюс, произведенный в последние дни битвы в фельдмаршалы, капитулировал со своим штабом еще на рассвете 31 января, нарушив тем самым собственный, так и не отмененный им приказ «держаться до конца». Однако его капитуляция не распространялась на остатки армии, которые под командованием генерала Штрекера продолжали на северном участке «котла» бессмысленное сопротивление и сложили оружие лишь второго февраля на исходе дня. Я считаю нужным особо упомянуть об этом, поскольку каждый новый день безнадежной борьбы стоил тогда многих тысяч человеческих жизней.

В докладной записке генерала танковых войск Хубе «О воздушном снабжении сталинградской „крепости“, датированной 15.03.1943 года, по этому поводу было сказано следующее: „К моменту окружения (в конце ноября 1942 года) на довольствии в сталинградской „крепости“ стояло около 260 тысяч человек. К

концу декабря число это сократилось примерно до 250 тысяч за счет убитых в боях и раненых, эвакуированных воздушным путем“. Ганс-Адольф Якобсен полностью приводит в своей работе этот любопытный документ. (См. Hans Adolf Jacobsen, – 1939/45. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten, 5 Auflage, Darmstadt, 1961, S. 365 ff.)

Сталинград – не обычное поражение

Говоря о «восстановлении прежнего положения», Манштейн, конечно, имеет в виду не возвращение утраченных в результате русского наступления позиций в буквальном смысле слова, хотя верховное командование на первых порах именно этого и добивалось. Речь шла, говоря словами Шлиффена, которые неоднократно цитирует фельдмаршал, о том, чтобы «вновь встать на ноги после того поражения», или, проще говоря, о том, чтобы отвести в тыл потрепанные, полуразгромленные в тяжелых боях соединения и после этого восстановить прочную линию фронта. В конце концов, потеряв 6-ю армию, фельдмаршал, несмотря на большое превосходство противника в силах, ликвидировал многочисленные угрозы и с блеском решил эту стратегическую задачу{89*}.

Но никакие, пусть самые блестящие, оперативные решения не могли компенсировать чудовищное поражение на Волге, и тем более вытеснить его из памяти. Никакие стратегические расчеты, сколь бы дальновидны, они ни были, не могли свести на нет многообразные последствия политического и морального характера, порожденные страшной катастрофой, которая обрушилась на Германию под Сталинградом. Последствия эти не исчерпывались потерей одной из самых лучших и боеспособных немецких армий, вместе с которой была уничтожена и значительная часть артиллерийских и саперных соединений резерва главного командования сухопутных сил.

Дело не ограничилось гибелью 300 тысяч человек, что, впрочем, само по себе было трагедией хотя бы для доброго миллиона семей в Германии и Австрии. Катастрофа, постигшая Германию на Волге по вине Гитлера, позволила русским нанести целую серию сокрушительных ударов, в результате которых были уничтожены две румынские, одна итальянская и одна венгерская армии. Таким образом, за короткий период основная масса вооруженных сил союзников Германии на Восточном фронте была сметена с полей сражений в России. Если учесть, подводя жуткий баланс Сталинградской битвы и связанных с ней событий, и тяжелые жертвы, понесенные нами в ходе деблокирующей операции, закончившейся полным провалом, и в тяжелых оборонительных боях в тех районах, где советские армии пробили

в стене немецкого фронта кровавые бреши, то наши потери будут исчисляться многими сотнями тысяч. Гигантский участок Восточного фронта протяженностью в тысячу километров – от Терека до Воронежа – рухнул, и разверзшаяся бездна поглотила более 60 немецких дивизий и целый воздушный флот.

Но катастрофические последствия Сталинграда – это не только огромные потери в живой силе и технике. Падение боевого духа на фронте, моральный ущерб, нанесенный тылу, возросшая боеспособность русских, напрочно захвативших инициативу, окрепнувшая вера СССР в собственные силы, осложнение внутриполитической обстановки в Германии и, наконец, резкое ослабление ее внешнеполитических позиций – все эти последствия сталинградской катастрофы не заставили себя долго ждать{90}.

Учитывая, что Германия вела тотальную войну, в которой моральный фактор играет решающую роль, следует признать, что Сталинград был из ряда вон выходящим, беспрецедентным и немыслимым дотоле поражением, поворотным пунктом всей минувшей войны. Фельдмаршал Манштейн, анализируя лишь стратегические аспекты этой самой страшной, самой черной катастрофы во всей немецкой истории, трагедии, с которой неразрывно связано и его собственное имя, пытается преуменьшить ее масштабы, скрыть ее подлинное значение, представить Сталинград обычным военным поражением, тяжелые последствия которого ему, одаренному полководцу, удалось в какой-то степени ликвидировать в ходе последующих военных операций{91}.

Герделер, один из руководителей антигитлеровского заговора 20 июля 1944 года{92*}, в письме к своему единомышленнику генералу Ольбрихту от 17 мая 1943 года выразил чувства, которые испытывали в те дни миллионы немцев, и предвосхитил позднейший приговор истории. – «Сталинград и Тунис – это два самых тяжелых поражения в германской истории со времени Иены и Ауэрштадта, – писал тогда Герделер. – В обоих случаях немецкому народу было сказано, что соображения высшего порядка вынудили принести в жертву целые армии. Мы хорошо знаем, что это ложь. Военные, как и политики, имеют право идти лишь на такие жертвы, которые являются залогом решающего успеха в будущем. Только такой успех оправдывает жертву. В данном же случае виной всему неспособность и безответственность руководства…»{93}

Недопустимость и аморальность Сталинградского «смертного приговора»

В те страшные январские дни 1943 года, когда обессиленная

армия, давно уже испытывавшая острый недостаток во всем необходимом, шла на кровавую Голгофу и, подчиняясь приказу свыше, даже не попыталась сократить этот смертный путь, многие из немцев, сражавшихся под Сталинградом, тщетно пытались решить хотя бы для себя глубокие чисто человеческие и моральные проблемы, приводившие нас в отчаяние. Мемуары Манштейна с мучительной ясностью воскресили в моей памяти вопросы, которые я и попытаюсь здесь вновь сформулировать: имеет ли кто бы то ни было моральное право возложить на плечи ближнего своего столь тяжкое бремя невыносимых страданий и смертных мук? Позволено ли кому бы то ни было так пожирать человеческое достоинство? Почему ответственные руководители, обрекая на смерть 200 тысяч людей, не подумали предварительно о том, совместим ли такой приказ с требованиями человеческой морали? Неужели решающие стратегические соображения, от которых зависела якобы судьба войны, действительно требовали подобного неслыханного жертвоприношения? Быть может, подлинное глубокое чувство ответственности не позволило бы вынести смертный приговор целой армии? Можно ли и допустимо ли оправдывать такие гигантские жертвы только лишь восстановлением стратегического равновесия, к тому же временного и непрочного? Разве нельзя быть солдатом, оставаясь человеком? Быть может, военная этика и солдатская честь и впрямь несовместимы со стратегическим мышлением? Или среди ответственных за наши судьбы не нашлось ни одного, кто взял бы на себя смелость своевременными и решительными действиями предотвратить грозящую катастрофу, а после того, как она стала неизбежной, хотя бы сократить затянувшуюся агонию?

То, что произошло под Сталинградом, по моему глубокому убеждению, нельзя сравнивать ни с какими жертвами и поражениями, без которых, конечно, не обходится ни одна война. Голгофа германской армии на берегах Волги затмила все военные трагедии прошлого. И прежде всего потому, что в Сталинградском «котле» были обречены на медленную и мучительную смерть десятки тысяч людей, лишенных всего элементарно необходимого и сражавшихся в невыносимых условиях. Сталинградское побоище нанесло удар в самое сердце немецкого народа, плоть от плоти которого была уничтоженная 6-я армия.

Сознательно доведя дело до катастрофы, наши руководители не только потерпели военное поражение, но и гнусно надругались над всем, что свято для человека, – над его жизнью, честью и достоинством. В последние дни битвы я не мог избавиться от впечатления, что вместе с тысячами трупов в немецких могилах

под Сталинградом погребена человечность.

На исходе второй недели января 1943 года, когда было отвергнуто первое русское предложение капитуляции, боеспособность 6-й армии была уже предельно ограниченна. Долгие недели непрерывных лишений вконец измотали солдат. Голод терзал людей, не хватало боеприпасов, уцелевшая тяжелая техника была почти бесполезна из-за недостатка горючего. В лютые морозы армия сражалась без зимнего обмундирования в открытой степи. Число больных и раненых росло не по дням, а по часам, нехватка необходимых медикаментов и отсутствие самых элементарных условий для оказания медицинской помощи ощущались все более остро. И по сей день я с содроганием вспоминаю о сводках потерь, ежедневно поступавших в штаб нашего VIII корпуса из штабов дивизий, входивших в его состав: это была леденящая душу бухгалтерия смерти; люди гибли не только в боях – вскоре после рождества резко возросло количество людей, умерших от холода и истощения.

В последних числах декабря главное командование сухопутных сил направило в Сталинградский «котел» одного из видных берлинских патологоанатомов с секретным поручением установить на основании медицинских вскрытий истинную причину скоропостижной смерти столь большого количества солдат. Вот как выглядели результаты вскрытия многочисленных трупов, которые приходилось вначале оттаивать: «Почти полное отсутствие жировой ткани; в кишечнике – студенистая жидкость; внутренние органы бледные, обескровленные; вместо костного мозга – стекловидная желеобразная масса, начисто утратившая нормальную – красную и желтую– окраску; печень – застойная, сердце– сморщенное, потемневшее, правое предсердие и правый желудочек значительно расширены». Протоколы этих вскрытий приводит Ганс Дибольд в своих записках, которые нельзя читать без волнения. О ненормальном расширении правого желудочка сердца как о причине внезапной смерти говорил и один из военных врачей 6-й армии (по происхождению австриец), выступивший в те дни перед своими коллегами и товарищами по несчастью со специальным сообщением на эту тему. Это патологическое перерождение сердца, характерное для людей преклонного возраста, по его словам, было следствием голода и переохлаждения организма. «Немецкие солдаты, молодые люди, еще недавно полные сил, умирают теперь от полного истощения сил смертью дряхлых стариков»{94}, – сказал он в заключение.

Это истощенное войско в течение определенного времени сдерживало силы противника. И даже после того, как 10 января русские начали последнее всесокрушающее наступление на

позиции окруженной армии, наши солдаты еще в течение нескольких дней оказывали отчаянное сопротивление. Но когда под ударами противника вдребезги разлетелись западная и северная стенки «котла», когда 16 января противник занял аэродром Питомник – сердце окруженной армии, – наши беспорядочно и неудержимо откатывавшиеся соединения по существу уже утратили боеспособность. Небольшие вспомогательные аэродромы, еще находившиеся в наших руках, пустовали, снабжение по воздуху, и до тех пор недостаточное, почти полностью прекратилось. Командующему армией следовало в этот момент вопреки полученным приказам прекратить сопротивление, которое изо дня в день становилось все более бессмысленным, и вступить с Советским командованием в переговоры о капитуляции. Солдаты, лишенные всего необходимого и брошенные на произвол судьбы, не могли и не должны были больше сражаться.

Вот почему весьма сомнительно выглядят аргументы Манштейна, утверждающего, что 6-ю армию пришлось, в конце концов, принести в жертву высшим стратегическим соображениям. Выспренние рассуждения фельдмаршала, доказывающего на нескольких страницах, что лишь такой ценой ему удалось обеспечить планомерный отход немецких соединений с Кавказа и создать новую стабильную линию фронта, подозрительно смахивают на официальную пропаганду того времени, извращавшую подлинное положение дел. Солдаты и офицеры в Сталинградском «котле» понятия не имели о том, какого высокого смысла была, оказывается, исполнена их «славная гибель». Им было лишь приказано «держаться до последнего патрона и последнего человека». Они так ничего и не узнали о полученных штабом армии радиограммах, в которых говорилось, что их «героическое сопротивление помогло отвратить смертельную угрозу, нависшую над группой армий „Дон“, и шла речь о „судьбе всего Восточного фронта“ и даже „всей западной цивилизации“.

Оправдываясь перед потомством и историей, отставные генералы ныне ведут в своих мемуарах бесконечные споры друг с другом о том, когда же 6-я армия могла бы без ущерба для других участков фронта, так сказать, со спокойной совестью сложить оружие-16, 20 или на худой конец 24 января 1943 года. Ограничимся здесь лишь констатацией того простого и бесспорного факта, что, начиная с середины января, приказ продолжать сопротивление лишь затягивал агонию злополучной 6-й армии и был, поэтому, не только безответственным, но и аморальным в самом прямом смысле этого слова.

Генерал Цейцлер, начальник генерального штаба сухопутных сил, благодаря своему положению лучше других понимавший, какие меры диктует общая обстановка на фронтах, ни слова не говорит в своих воспоминаниях о стратегических соображениях, требовавших якобы пожертвовать 6-й армией. Напротив, еще 8 января, сразу же после первого русского предложения о капитуляции, он ходатайствовал перед Гитлером «о предоставлении генерал-полковнику Паулюсу испрошенной им свободы действий» и настаивал на немедленной капитуляции окруженной армии, явно не придавая значения тому, что в своей агонии она все еще приковывала к себе значительные силы, которые противник мог бы использовать на других участках фронта{95}.

По данным обер-квартирмейстера 6-й армии, число больных и раненых, находившихся в «котле» в нечеловеческих условиях, к началу последней недели января 1943 года превышало 50 тысяч{96}. В частях множились признаки разложения. 364 смертных приговора, вынесенных и приведенных в исполнение в окружении, тоже вписаны кровью на страницы сталинградской трагедии, которая по приказу свыше была неумолимо доведена до финала. Можно ли в таких условиях взывать к солдатской доблести и верности долгу? Принципы воинской этики были растоптаны под Сталинградом! На заключительном этапе сражения от нас требовали уже не осознанного выполнения долга, а слепого повиновения бессмысленным приказам. Мы были лишь винтиками в бездушной человеческой машине милитаризма, извратившего и выхолостившего само понятие чести.

Генерал Дерр, говоря о Сталинградском побоище и о гибели 6-й армии, сознательно принесенной в жертву на берегах Волги, обнаружил куда более глубокое чувство ответственности, чем фельдмаршал Манштейн. В своей работе, посвященной Сталинграду, он писал – «Уцелевшим участникам Сталинградской битвы, родным и близким погибших на берегах Волги, семьям многих пропавших без вести в „котле“, о чьей судьбе до сих пор ничего не известно, говорят теперь, что 6-я армия была принесена в жертву по стратегическим соображениям. Утешит ли это их или хотя бы принесет запоздалое чувство удовлетворения? Едва ли! По всем понятиям, божеским и человеческим, жертва оправдана, если ее приносят во имя какого-то доброго дела. Спаситель принял смерть на кресте, а древние народы на заре цивилизации жертвами надеялись купить милость богов. Бессчетны случаи, когда человек жертвовал своей жизнью во имя спасения других людей. Но о судьбе 6-й

армии этого не скажешь. Весь дальнейший ход войны и завершившая ее катастрофа доказали, что 6-я армия погибла напрасно; и чем очевидней это было, тем ясней становилось всем и каждому, что ни о какой оправданной жертве не может быть и речи. Вот почему мы обязаны осознать свою ответственность перед историей и стремиться к тому, чтобы грядущие поколения извлекли из нашего опыта урок, мы должны со всей решительностью отвергнуть точку зрения тех, кто считает, что жертва эта была оправдана военной необходимостью. Подобная точка зрения противоречит не только фактам, но и человеческой морали»{97}.

Манштейн не приказал 6-й армии капитулировать, хотя и считал ее капитуляцию «желательной»

Лишь 22 января фельдмаршал Манштейн вслед за Паулюсом счел возможным просить Гитлера, чтобы тот без промедления разрешил командованию 6-й армии срочно вступить с противником в переговоры о капитуляции. Не подлежит сомнению, что к этому времени дальнейшее сопротивление в «котле» уже противоречило самым элементарным требованиям гуманности и морали. Теперь уже и Манштейн не считал для себя возможным нести ответственность за продолжение бессмысленной борьбы гибнущей армии, хотя последняя в своей агонии все еще приковывала к себе силы, которые Советское командование могло бы в случае капитуляции окруженной группировки использовать на других участках фронта против соединений группы армий «Дон». Впрочем, надо оговориться, что фельдмаршал в своей, пожалуй, слишком схематичной характеристике обстановки у противника явно преувеличивает, говоря о 90 русских соединениях, составляющих якобы еще во второй половине января внешний обвод кольца. Русские в тот момент уже имели возможность постепенно высвобождать свои силы и реорганизовывать коммуникации, что они, несомненно, и начали делать примерно с середины января. Попав в плен и следуя по этапу в тыл, мы сами смогли впоследствии убедиться в том, что основная масса частей противника давно уже покинула недавнее поле битвы – в этом районе оставались лишь его высшие штабы и тыловые службы.

Спору нет, русские не больно торопились с ликвидацией остатков «котла», захватив аэродром Питомник, они еще целых две недели вели бои по окончательному уничтожению окруженных соединений, продвигаясь, таким образом, не более чем на 1-2 километра в день. Некоторые немецкие исследователи, например Тепке, который, впрочем, судит о Сталинградской битве лишь понаслышке, объясняли это исключительно

«героизмом и отчаянным сопротивлением остатков окруженной армии». Это одностороннее освещение, разумеется, не выдерживает критики. Без сомнения, немецкие солдаты даже в те страшные дни в отдельных случаях еще показали высокие образцы воинской доблести, но армия, как таковая, была уже разгромлена и небоеспособна. Русские, отлично знавшие о том, что Гитлер категорически запретил любую попытку прорыва, были полными господами положения. Зная, что 6-я армия никуда от них не уйдет, они не желали под конец рисковать чем бы то ни было, не торопились и явно щадили свои силы{98}.

Манштейн сурово осуждает фанатизм Гитлера, который по соображениям личного престижа не желал и слышать о капитуляции, не говоря уже о том, что человечность вообще была ему неведома; но наряду с этим фельдмаршал в своих мемуарах не отвергает некоторые из тех аргументов, которыми Гитлер в те дни пытался обосновать свою непреклонность. Так, приводя его слова о том, что капитуляция лишена-де всякого смысла, поскольку русские не сдержат своих обещаний, Манштейн замечает, что Гитлер здесь оказался «в общем и целом» прав, ибо из 90 тысяч пленных в конце концов уцелело лишь несколько тысяч, а гибель остальных «остается на совести русских, не оказавших им необходимой помощи»{99}. В общем контексте «Потерянных побед» подобное заявление производит весьма тягостное впечатление. При решении вопроса о капитуляции 6-й армии, хотя бы по чисто этическим соображениям, не следовало придавать никакого значения разного рода гипотезам об участи, которая ждет основную массу капитулирующих во вражеском плену. Ведь никто не мог с уверенностью сказать, что произойдет с уцелевшими участниками сражения, которые, капитулируя, во всяком случае, получали шанс остаться в живых! Манштейн пишет, что смертность среди немцев, взятых в плен в Сталинградском «котле», была необычно велика, и объясняет это главным образом недостатком доброй воли у победителей. Но мы должны, справедливости ради, указать в этой связи на следующий бесспорный факт: уцелевшие солдаты 6-й армии, сдавшиеся в плен в конце января и начале февраля 1943 года, были в большинстве своем уже отмечены печатью смерти; измотанные, предельно истощенные люди были усыпаны тифозными вшами – вскоре в пересылочных лагерях в Бекетовке, Красноармейске и Фролове вспыхнули жестокие эпидемии сыпняка. Так, для большинства уцелевших в Сталинградском «котле» русский плен был лишь коротким эпилогом трагедии – они не ушли от злой судьбы. В одном лишь Бекетовском лагере весной 1943 года от тифа умерло около 40 тысяч человек.

Русское командование, по-видимому, не считало нужным заранее принимать меры по снабжению и медицинскому обслуживанию большого количества пленных именно в силу того, что его предложения о капитуляции отклонялись неоднократно и самым решительным образом и что 6-я армия, судя по всему, и впрямь намеревалась сопротивляться «до последнего солдата и последнего патрона». И все же впоследствии, несмотря на трудности с транспортом (которые Манштейн недооценивает), несмотря на бедственное положение своего гражданского населения, одним словом, несмотря на многочисленные объективные причины, русское командование старалось по мере сил оказать помощь пленным и улучшить их положение. И в этой связи хотелось бы особо подчеркнуть, что многие советские медсестры и женщины-врачи (в том числе и еврейки), движимые чувством истинного милосердия и принципами гуманизма, пожертвовали собой во имя спасения немцев, взятых в плен под Сталинградом: работая в лагерных госпиталях, они заражались сыпняком и умирали{100}.

Не вступив своевременно в переговоры с русскими о капитуляции, командование 6-й армии поступило безответственно, усугубив последствия катастрофы. Оно обрекло тем самым на новые муки своих уцелевших солдат и по существу заранее лишило многих из них каких-либо шансов пережить первые – самые тяжелые месяцы плена. Особенно тяжело пришлось нашим солдатам, взятым в плен в северной части «котла»: в течение двух дней после капитуляции Паулюса они еще продолжали сопротивление, естественно ожесточившее победителей.

Манштейн не счел нужным осудить это роковое упущение командующего 6-й армией, не попытавшегося хоть как-то повлиять на ход событий и предотвратить самое страшное. Это и понятно, ибо фельдмаршал в тот момент сам находился в том же порочном кругу. Ясно сознавая, что капитуляция 6-й армии необходима, но, так и не добившись от Гитлера соответствующих санкций, Манштейн вступил в сделку с собственной совестью и предоставил окруженных своей участи. Он говорит, что лишь чувство ответственности за судьбу всей группы армий, за своих солдат, над которыми и за пределами Сталинградского «котла» нависла смертельная угроза, помешало ему тогда «бросить в лицо Гитлеру свою отставку». В этом фельдмаршалу можно поверить. Но весь трагизм положения, в которое он поставил себя, в том и заключался, что ему не оставалось ничего другого, как пожертвовать сотнями тысяч своих людей, в полном смысле слова бросить их на произвол судьбы во имя «высших стратегических

соображений». Произошло же это потому, что Манштейн, хотя и решался от случая к случаю открыто критиковать действия Гитлера, безоговорочно поставил свое высокое полководческое искусство на службу диктатору, который попирал все законы войны, не признавая военной этики и, по существу, обрек на бесчестье и многих сотрудничавших с ним ответственных военачальников. Как тут не вспомнить слова, сказанные одним из ближайших помощников Манштейна в разговоре с начальником инженерной службы 6-й армии в конце декабря 1942 года: «Все мы теперь ординарцы – что в штабе армии, что в штабе группы армий». {101}

Сопротивление в «котле» и воинский долг

Манштейн задним числом старается оправдать свою тогдашнюю точку зрения и доказать, что в январе 1943 года 6-я армия была принесена в жертву не напрасно. Его аргументы при этом весьма характерны – они позволяют нам взглянуть на происходившее глазами самого фельдмаршала, разобраться в его действиях, понять причины его упущений и подсказывают нам, в конечном счете, правильные ответы на серьезнейшие вопросы сталинградской трагедии.

Останавливаясь на том якобы решающем значении, которое приобрело безнадежное сопротивление обреченной 6-й армии на весь дальнейший ход войны, Манштейн пишет: «Нельзя согласиться с теми, кто считает теперь задним числом, что войну к тому времени мы все равно уже проиграли и что, кончив ее как можно скорее, мы лишь избавили бы людей от новых, еще более тяжелых лишений и мук. Задним умом кто из нас не крепок! В те дни военное поражение Германии ни в коем случае не было неизбежным и неотвратимым. Восстановив положение на южном фланге Восточного фронта, мы еще вполне могли закончить партию вничью в военном, а, следовательно, и в политическом отношении»{102}.

Возражения напрашиваются здесь буквально на каждом слове и отнюдь «не задним числом». Допустим, что Манштейн действительно еще не считал тогда войну проигранной и даже тешил себя надеждами на военную, а то и «политическую ничью». Непонятно только, как он мог рассчитывать на подобный исход в политической обстановке того времени – после всего того, что принесло Европе господство Гитлера? Фельдмаршал никак не обосновал в данном случае свою точку зрения. Трудно поверить, что такой выдающийся военный деятель, как Манштейн, занимая столь ответственный и высокий пост, в тот момент все еще не мог осознать, какими роковыми военными и политическими последствиями было для нас чревато продолжение войны. К тому

времени некоторые исполненные чувства ответственности военачальники давно уже потеряли всякую надежду на благополучный исход войны и сознание неизбежности поражения камнем лежало у них на сердце. И среди высших офицеров в соединениях самой группы армий «Дон» – не в последнюю очередь и в окруженной 6-й армии – многие уже сделали для себя обоснованный вывод о том, что война проиграна окончательно. Но следует в этой связи вспомнить, что в немецком движении Сопротивления – и, прежде всего среди участвовавших в нем военных – давно уже были дальновидные, исполненные чувства ответственности люди, искренне стремившиеся как можно скорее покончить с безнадежной войной, избавив, таким образом, от новых тяжелых жертв немецкий народ, которому приходилось расплачиваться за нее своим благосостоянием и своей кровью{103*}.

К числу этих людей принадлежал в первую очередь генерал-полковник Бек, выдающийся военный деятель, во всех своих помыслах и поступках продолжавший наши лучшие боевые традиции и олицетворявший дух старого германского генштаба. Историк Фридрих Мейнеке относит его к тем, увы весьма немногочисленным у нас высшим офицерам, которые были «не только решительными и энергичными военными, но и „высококультурными дальновидными патриотами – подлинными наследниками Шарнгорста“{104*}{105}. Генерал Бек с растущей тревогой сознавал, что продолжение войны ведет Германию на край пропасти. Он пытался убедить в этом Манштейна и привлечь его на свою сторону. Но тщетно! По словам одного из ближайших друзей и единомышленников Бека, фельдмаршал в своем ответе на письмо бывшего начальника генштаба не только покривил душой, но и обнаружил убожество мысли, непростительное для полководца. „В конце концов, – писал Манштейн Беку, – война не проиграна до тех пор, пока мы сами не признаем себя побежденными“{106}. К сожалению, фельдмаршал в своих мемуарах не счел нужным коснуться своей переписки с генералом Беком. Не упоминает он и о своей беседе с полковником графом Штауффенбергом, который в январе 1943 года приезжал в его штаб в Таганроге с поручением от генерала Цейцлера. Не подлежит сомнению, что в этой длившейся несколько часов беседе Штауффенберг со свойственной ему решимостью поставил перед фельдмаршалом кардинальный вопрос о грядущей ответственности его как полководца{107}. Повествуя о сталинградской катастрофе и вообще о минувшей войне, Манштейн старательно избегает каких бы то ни было политических оценок. Это лишь доказывает, что проблемы

морального оправдания политики, ее нравственная сторона, одним словом, все те вопросы, которые именно в то время мучительно старались разрешить для себя многие немецкие военные, и не только такие выдающиеся, как Бек, самого фельдмаршала нисколько не волновали или, говоря ясней, выходили, по его мнению, за пределы компетенции немецкого генерала.

В связи с этим следует вспомнить, что руководители немецкого движения Сопротивления хотели использовать поражение под Сталинградом (кстати сказать, предсказанное Беком вплоть до отдельных деталей) в качестве предлога для того, чтобы с помощью некоторых из немецких фельдмаршалов отстранить Гитлера от руководства военными действиями на Восточном фронте. Впрочем, необходимой предпосылкой для этого они считали открытый отказ генерала Паулюса повиноваться приказу Гитлера, рассчитывая на то, что командующий 6-й армией во имя спасения своих солдат будет действовать на свой страх и риск или, по крайней мере, обратится в последнюю минуту с воззванием к армии и немецкому народу, превратив, таким образом, сталинградскую катастрофу, постигшую нас по вине Гитлера, в тревожный набат{108}. Но ничего подобного не произошло, более того, немецкие высшие военачальники и после сталинградского поражения, которое, казалось бы, должно было окончательно убедить их, что продолжение войны для Германии смерти подобно, продолжали служить Гитлеру верой и правдой. Это вызвало горькое разочарование и ожесточение у руководителей немецкого Сопротивления и в то же время укрепило их решимость любыми, пусть самыми крайними средствами покончить с войной. Как говорят, Бек заявил тогда, что после свержения Гитлера он, не колеблясь, предал бы Паулюса военному суду за «преступное бездействие»{109}. Тем же чувством ожесточения и горечи объясняется, по-видимому, и та резкость, с которой осуждали Манштейна некоторые участники немецкого Сопротивления, упрекавшие фельдмаршала в том, что, увлекаясь решением частных оперативных задач, он, что называется, не видит за деревьями леса, то есть начисто забывает обо всем ходе войны и теряет чувство исторической перспективы{110}.

Так или иначе, ясно одно: уверенность в неизбежном катастрофическом поражении в войне, которая, как ни крути, была для нас войной во имя Гитлера, и оценка, согласно которой положение Германии на фронтах после сталинградского побоища было безнадежным, отнюдь не являются, говоря словами Манштейна, запоздалыми плодами «заднего ума». Между прочим,

сам фельдмаршал на скамье подсудимых в Гамбурге, отвечая своему английскому защитнику, отстаивавшему его интересы, на вопрос о том, к какому времени он, Манштейн, сам убедился в неизбежности поражения, заявил дословно следующее: «Зимой 1942 года я понял, что нам не одержать победы в этой войне. Мы уже никак не могли удержать предельно растянутый фронт в России. Я понимал, что русские с их неисчерпаемыми людскими резервами, продвигаясь, шаг за шагом, в конце концов, раздавят нас»{111}.

Впрочем, тут же, на процессе, как и позднее, в сталинградской главе «Потерянных побед», фельдмаршал сказал, что, по его убеждению, у Германии тогда еще была реальная возможность закончить войну на фронтах вничью, тем самым, создав предпосылку и для политического ничейного исхода. Проведенные им военные операции, по его словам, объективно предоставляли такую возможность, и лишь после того, как Гитлер ее не использовал, поражение Германии стало неизбежным. Подобная точка зрения убедительно свидетельствует о том, что Манштейн переоценивает так называемую «чистую» стратегию, которую на самом деле нельзя рассматривать в отрыве от прочих факторов, определяющих в своей совокупности исход современной войны. Нечего и говорить, что он при этом совершенно сбрасывает со счета всю психологическую и политическую специфику, связанную с личностью Гитлера. И неудивительно – для фельдмаршала война была своего рода шахматной партией, где успех зависит исключительно только от виртуозной игры маэстро. Подобное мышление в узкопрофессиональных военных категориях и переоценка чисто стратегических аспектов невольно заставляют вспомнить слова все того же генерал-полковника Бека, который еще в 1938 году писал: «Многие из нас и по сей день считают, что большую войну можно решить в свою пользу одними лишь победами на поле брани. Это ложное и роковое заблуждение, и просто необъяснимо, почему оно бытует в наше время, когда везде и всюду только и говорят, что о „тотальной войне“{112}.

К чему ведет безответственное и беззаконное ведение войны

Манштейн не устает повторять, что поражение Германии в минувшей войне не лишило высокого нравственного смысла трагедию 6-й армии, хотя гибель ее и оказалась напрасной жертвой. Фельдмаршал вновь и вновь подчеркивает, что подвиги немецких солдат, погибших на берегу Волги, войдут в историю как пример воинской доблести и верности долгу, что «слава их не померкнет и память о них не умрет». Не слишком ли дешевый это пафос? Поведав потомкам о сталинградской трагедии,

фельдмаршал под конец и на скорую руку воздает хвалу немецкому солдату, не скупясь на эпитеты и превосходные степени.

Но все эти разглагольствования «о героизме, равного которому, пожалуй, не найти во всей военной истории», выглядят во многих отношениях более чем сомнительно.

Если уж говорить о «беспримерном героизме» и верности долгу, «не имеющих себе равных» в истории, то можно назвать немецкие и ненемецкие примеры подобной храбрости, отваги и самоотверженности, и в частности назвать ту доблестную советскую 62-ю армию, которая осенью 1942 года в огненном аду Сталинграда долгие месяцы упорно обороняла два небольших плацдарма на волжском берегу; храбро сражаясь и выстояв под яростным напором превосходящих немецких сил, она создала предпосылки для победоносного завершения этой великой битвы.

Спору нет, в течение многих недель вплоть до середины января 1943 года немецкие солдаты в Сталинградском «котле» показали высокие образцы отваги и боевого товарищества.

Но после этого в обстановке, когда солдаты, исчерпавшие все свои моральные и физические силы, просто не могли больше сражаться, говорить о доблести и верности уже не приходилось. Конечно, и в последней фазе сражения – для нас это была целая вечность – наши люди в отдельных случаях проявляли личное мужество, а подчас и жертвовали собой, спасая товарищей, но в общем и целом их «героизм» в те дни был лишь безграничным терпением обреченных. Истощенные, обессиленные, они умирали медленной мучительной смертью. Покорившись неотвратимой судьбе, солдаты впали в полнейшую апатию и лишь иногда оказывали отчаянное предсмертное сопротивление, побуждаемые гаснущим инстинктом самосохранения. Приказы «держаться до конца» и беспрекословное повиновение этим приказам в подобной обстановке свидетельствовали не о доблести и верности солдат, а о безответственности командования. На завершающем этапе битвы, когда воинская дисциплина стала постепенно ослабевать, у нас случалось всякое – одни судорожно пытались «действовать по уставу» и держать себя и других в узде, другие в отчаянии пускали себе пулю в лоб; одни проклинали Гитлера и высшее командование, другие все еще надеялись неведомо на что. В отдельных частях вспыхивали мятежи, которые беспощадно подавлялись, и не раз в эти дни немецкие солдаты стреляли в немцев, пытавшихся капитулировать вопреки приказу. Все это было уже чудовищной карикатурой на армию. От принципов воинской этики в «котле» не осталось и следа.

Вот почему, анализируя сталинградское сражение, было бы

куда более уместным и правильным говорить, прежде всего, о том, как немецкое высшее командование самым подлым образом надругалось над преданностью своих подчиненных – от простого солдата до генерала-фельдмаршала. Какой огромный капитал преданности и мужества был растрачен впустую!

Летописец Сталинградской битвы, кто бы он ни был, обязан основной упор сделать на то, что немецкое верховное командование ради достижения в высшей степени сомнительной цели предало своих солдат и обрекло их на неминуемую смерть на берегах Волги, что оно в нарушение принципов воинской этики злоупотребило доверием и беспрекословным повиновением людей, до конца исполнявших свой воинский долг, не щадя ни сил, ни жизни. Уйти от этого неопровержимого факта автор может, лишь фальсифицируя недопустимым образом сами понятия воинской доблести, долга и чести, лишая их какого бы то ни было положительного содержания и нравственного смысла. Нечего и говорить о том, сколь опасны и вредны подобные абстракции.

Читая мемуары Манштейна, и, прежде всего, их сталинградскую главу, трудно избавиться от впечатления, что в данном случае мы имеем дело как раз с такой сознательной попыткой фальсифицировать понятие воинской этики. В самом деле, уж не считает ли фельдмаршал, что под Сталинградом и вообще в минувшей войне мы сражались за святое и правое дело, не щадя ни сил, ни самой жизни в борьбе за высшие нравственные идеалы, как того требовала наша солдатская честь?! Нет, автор этих строк и многие его товарищи в Сталинградском «котле» осознали до конца всю жестокость судьбы, разуверившись в том, что они кладут свои жизни на алтарь отечества, защищая свой народ. Трагедия, непосредственными участниками которой мы были, слава богу, раскрыла нам глаза на все происходившее в Германии и за ее пределами, рассеяла наши заблуждения и заставила трезво взглянуть на вещи. Смутные подозрения, которые многие из нас до тех пор так или иначе старались заглушить, переросли в твердую уверенность в том, что сталинградское побоище было расплатой за политические злодеяния, логическим результатом захватнической и несправедливой войны, развязанной Гитлером. И десятки тысяч солдат проклинали в те дни Гитлера и послушных ему высших военачальников.

Казалось бы, фельдмаршал фон Манштейн, талантливый полководец, занимавший столь высокий пост и лучше других знавший, каковы были подлинные причины сталинградской трагедии, должен был одним из первых сделать для себя

политические выводы и воспротивиться воле диктатора.

Выше уже говорилось о том, что он отказался от участия в Сопротивлении. Пытаясь оправдаться, фельдмаршал пишет по этому поводу в своих мемуарах, что в тот момент (и это уже в 1944 году!) он, к сожалению, оказался не в состоянии до конца убедиться в «моральной деградации всего режима» и «распознав подлинную натуру Гитлера»{113}. Пусть так. Но он, во всяком случае, на собственном опыте убедился в том, что «под Сталинградом безответственность и невежество „величайшего полководца всех времен“, которому он сам, германский фельдмаршал, служил верой и правдой, привели нас к не виданному в истории поражению. Однако и после этого Манштейн не осознал лежащую на нем ответственность. Причиной тому его аполитичность и холодное, „пустое сердце“, однажды уже побудившее его поставить свою подпись под позорным приказом по армии, противоречившим безупречным прусским боевым традициям{114}. Если уж Манштейн и впрямь не считал себя вправе оспаривать военно-политические решения Гитлера, то неужели он не понимал, что политический руководитель, вмешиваясь в его распоряжения и срывая его планы, незаконно присваивает себе функции верховного главнокомандующего?

Заблуждение и сознательный самообман завели фельдмаршала в тупик. Окончательно запутавшись, не сумев провести границу между превратностями судьбы и ответственностью полководца, он все глубже погружался в трясину бесчестья и не сберег своей боевой славы и доброго имени. Бодо Шойриг писал об этом так: «… Раковая опухоль уже расползлась по всему организму, и симптомы ее проявлялись и в той сфере, где Манштейн пользовался непререкаемым авторитетом. И здесь диагноз больше не вызывал сомнений: разложение прогрессировало. Казалось бы, военная верхушка должна была призвать к свержению политического руководства хотя бы уже потому, что преступная клика, стоявшая во главе государства, подрывала его вооруженные силы – губила солдат, тех самых солдат, за судьбу которых Манштейн, как он подчеркивал это не раз, считал себя полностью ответственным. Но могла ли Германия рассчитывать на благополучный исход войны, если Гитлер, не встречая сколько-нибудь серьезного противодействия, расшатывал вермахт, от которого, по мнению самого фельдмаршала (и не только его одного), в тот момент зависело все?! Поскольку Манштейн не мог не видеть этого, остается лишь сделать вывод, что он не считал себя связанным какими-либо моральными обязательствами и принципами

воинской этики. Фельдмаршал, судя по всему, не в состоянии был даже понять, что, поставив себя выше этих нерушимых принципов, он отрекается от традиций, в которых он сам был воспитан и которым был обязан всем!»{115}

Нестерпимая фальшь Фермопильской аналогии

В наши дни вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что битва на Волге была своего рода генеральной репетицией полного политического, идеологического и морального крушения нацизма. Тем более тягостное недоумение вызывает в связи с этим эпиграф к сталинградской главе «Потерянных побед». Просто диву даешься, как решился Манштейн предпослать этой главе гордую надпись на могиле спартанского царя Леонида и трехсот его воинов в Фермопильском ущелье: «Путник, если ты придешь в Спарту, скажи, что мы пали здесь, как повелел закон».

Шиллер считал эту эпитафию «прекраснейшей в своем роде» и назвал ее «благородным памятником в честь гражданской добродетели». Но приводить это древнее изречение в связи с катастрофой на Волге совершенно неуместно и бестактно. Более того, подобную героизацию можно расценить лишь как вредоносную попытку затушевать и свести на нет подлинное значение сталинградской трагедии как великого исторического урока. В самом деле, какой закон повелел немецким солдатам умирать на берегах Волги?

Я вспоминаю насквозь лживую «панихиду по живым», которую Геринг произнес 30 января 1943 года, В ней он говорил о неумолимом законе войны, о «чести немецкого народа» и превозносил агонию 6-й армии как «беспримерный героизм». Помню я и то, с каким возмущением восприняли мои товарищи эти напыщенные славословия, расценив их как дешевую пропаганду.

Слишком уж явным показалось нам еще в те дни стремление оправдать безответственность немецкого верховного командования и изобразить чудовищное поражение как национальный подвиг. Сравнение же с героями-спартанцами, павшими в Фермопильском ущелье, вызвало у нас чувство брезгливого отвращения. Творимая легенда о «немецких героях», погибших под Сталинградом, которую Манштейн, к великому сожалению, пытается пустить в оборот, бестактна и лжива насквозь. Трудно сказать об этом более убедительно и кратко, чем это сделал генерал Дерр, характеризуя катастрофу, разыгравшуюся на берегах Волги: «Сталинград не был для нас ни оправданной жертвой, какой была для Спарты Фермопильская битва, ни благородным самопожертвованием, на которое сознательно шли древние испанцы в осаждаемой Сципионом

Нуманции. Нет, Сталинград войдет в историю как пример величайшего военного просчета, допущенного когда-либо полководцем, и тягчайшего преступления государственной власти перед собственным народом и его армией, доверием которых оно злоупотребило самым подлым образом»{116}.

После выхода в свет мемуаров Манштейна один мой старый друг и товарищ по несчастью в Сталинградском «котле» писал мне с нескрываемой тревогой: «Манштейн – хочу надеяться, что не намеренно, – предпринимает совершенно безнадежную попытку достроить на сталинградских могилах тот монумент, который нацисты, готовые нагреть руки на чем угодно, принялись возводить еще во время войны». Что и говорить – горькие слова; нелегко бросить их в лицо полководцу, который не принадлежал к числу свежеиспеченных нацистских генералов и не раз проявлял похвальное гражданское мужество в своих отношениях с Гитлером. Но в своих спорах с Гитлером Манштейн оставался профессиональным военным специалистом, который во всеоружии своих знаний и боевого опыта тщетно пытался переубедить самонадеянного невежду.

Фрондируя, фельдмаршал всегда руководствовался, так сказать, чисто ведомственными соображениями и никогда не исходил из высших нравственных побуждений. Описывая трагические события под Сталинградом и говоря о той роли, которую он сам в них играл, Манштейн занимает до странности аполитичную позицию, он даже не ставит основного вопроса о смысле и значении катастрофы на берегах Волги и не говорит о той доле ответственности за поражения, которая ложится на него самого.

Совершенно очевидно, что ради успешного проведения крупных военных операций, признанным мастером которых он был, фельдмаршал охотно забывал о той основной роли, которую играли в этой войне морально-политические проблемы. Да, его солдаты, бесспорно, могли на него положиться; возможно, он и в самом деле был искренне убежден, что служит немецкому народу и только ему. Но при этом он был всего лишь «самым своевольным и независимым из генералов антихриста»{117}. Эту известную характеристику Манштейн вполне заслужил. Таким он был, таким он остался, и в этом, кстати сказать, заключался и весь трагизм его положения.

Полководческий талант Манштейна способствовал, и, быть может, не в последнюю очередь, тому, что Гитлеру удалось отсрочить неотвратимый конец и затянуть войну на целые годы. Это принесло Германии лишь новые неимоверные страдания. Генерал Людвиг Бек, бывший начальник генерального штаба, был

глубоко потрясен тогда тем, что даже беспримерная катастрофа на Волге не открыла глаза наиболее одаренным немецким военачальникам и не убедила их в неизбежности полного разгрома Германии.

Еще в 1938 году, чувствуя, что Германия стоит на краю бездны, генерал Бек в своем военном и политическом завещании сформулировал те обязательные для полководца критерии, которые позволяют нам сегодня дать исчерпывающую оценку действий всех военачальников, несущих свою долю ответственности за Сталинград. «Если военный, занимающий в наше бурное время высшие посты, подходит к стоящим перед ним задачам только с узкопрофессиональной точки зрения, не сознавая своей высокой ответственности перед всем народом, то это свидетельствует либо о малодушии, либо о скудости мысли. Необычные времена ставят перед нами необычные задачи!»{118}

«Я выполняю приказ»{119}

О биографии фельдмаршала Паулюса и документах из его архива

Имя ПАУЛЮСА, командующего 6-й армией, принесенной в жертву на берегах Волги, неразрывно связано со Сталинградской трагедией, которая навсегда останется грозным предостережением как для живущих ныне, так и для грядущих поколений. По воле судьбы фельдмаршал Фридрих Паулюс не только сыграл одну из главных ролей в этой трагедии, но и превратился как бы в символ рока, тяготевшего над Германией.

Все, что он делал во время битвы в Сталинградском «котле», до конца беспрекословно повинуясь приказу, и в плену, где запоздалое прозрение побудило его открыто выступить против изверга Гитлера, неоднократно подвергалось (и по сей день подвергается) критическому анализу; не раз сомнительные гипотезы и безосновательные подозрения бросали на него тень. В чем только не обвиняли злополучного командующего 6-й армией! Некоторые поспешили предать его анафеме, как гитлеровского холопа без совести и чести, бездарного полководца и малодушного, ничтожного человека.

Историки, публицисты, литераторы и даже кинорежиссеры пытались разобраться в проблематике Сталинграда. В поисках ответа на поставленные вопросы одни возлагали всю вину на командование, обнаружившее полную несостоятельность, другие спорили о том, было ли целесообразно приносить в жертву 6-ю армию.

Действовал ли Паулюс против своих убеждений, пошел ли он заведомо на сделку с совестью? Быть может, командующий 6-й армией являл собой пример «кабинетного военного», генштабиста-теоретика, потерпевшего на практике полное фиаско? Один ли он несет всю полноту ответственности за катастрофу на берегах Волги? Не в том ли дело, что он не способен был на смелые решения, не умел и не хотел рисковать? Смог бы он спасти свою армию, нарушив приказ Гитлера и попытавшись на свой страх и риск прорвать кольцо окружения изнутри? Или, напротив, не следовало ли ему своевременно капитулировать? Все эти вопросы то и дело возникали.

До конца своей жизни сам Паулюс так и не вмешался в эту дискуссию, которая постоянно вращалась вокруг

основополагающих принципов солдатского повиновения.

Три года спустя после смерти фельдмаршала – в 1960 году – вышел в свет сборник документов из его личного архива, подготовленный к изданию историком Вальтером Герлицем, и «главный свидетель по делу о Сталинградской катастрофе», человек, на котором лежала тогда ответственность за жизнь и смерть сотен тысяч солдат, наконец-то получил слово. К этому времени уже не было недостатка в воспоминаниях уцелевших участников событий – офицеров фронтовых частей и войсковых штабов. Наряду с многочисленными рассказами непосредственных очевидцев появились свидетельства военных руководителей, которые рассматривали все происходившее на берегах Волги с точки зрения высших штабов и анализировали Сталинградскую битву в ее неразрывной взаимосвязи с общей обстановкой и определявшими ее внешними и внутренними факторами. Мы имеем здесь в виду, прежде всего мемуары фельдмаршала фон Манштейна, бывшего командующего группой армий «Дон», и записки генерал-полковника Цейцлера, занимавшего тогда пост начальника генерального штаба. Но издание ряда не опубликованных дотоле важных документов из личного архива Паулюса предоставило возможность ознакомиться и с точкой зрения командующего 6-й армией, который сам был предметом столь ожесточенных споров. Все то, что Паулюс мог сказать в обоснование своих решений и мер, которые он обдумывал и принимал, командуя окруженной под Сталинградом армией, не могло не пролить новый свет на все противоречивые аргументы его друзей и недругов.

К тому же можно было предположить, что эти документы помогут найти ответ на некоторые вопросы, остававшиеся до поры до времени открытыми.

Не удивительно поэтому, что многие возлагали большие надежды на книгу «Я выполняю приказ» – сборник, в который его составитель Вальтер Герлиц наряду с ценными, до сих пор не опубликованными аутентичными источниками включил и документы из личного архива покойного командующего 6-й армией. Интерес общественности к этой книге подогревала, с одной стороны, полемическая статья фельдмаршала Манштейна, написанная еще до ее выхода в свет, с другой – рекламная шумиха, поднятая составителем и издательством. Если Манштейн ставил под сомнение некоторые выводы еще не изданной книги, то пропагандисты, напротив, преподносили ее как «долгожданный вклад в современную историографию», как «ключ к познанию исторической правды о Сталинграде», особо отмечая «объективное изложение фактов, подвергнутых в комментариях

глубокому и беспристрастному критическому анализу».

Предисловие к книге, написанное Эрнстом-Александром Паулюсом, сыном скончавшегося фельдмаршала, также отражало точку зрения составителя и цели, которые он преследовал.

Автор предисловия считал, что давно назрела необходимость сказать новое слово о битве на Волге, поскольку вся предыдущая литература о битве на Волге, по его мнению, сводилась главным образом к «творимой легенде», к бьющим на сенсацию домыслам, уместным в исторических романах, но не в науке, или к попыткам задним числом фальсифицировать исторические факты. Каковы же подлинная ценность и значение материалов из личного архива Паулюса и опубликованных вместе с ними источников? Можно ли считать (и если можно, то в какой степени), что эти документы, прокомментированные Герлицем, действительно подводят нас ближе к исторической правде о Сталинграде, чем вся обширная предыдущая литература? Какие новые аспекты открывают нам источники, впервые опубликованные в книге «Я выполняю приказ», и комментарии, которыми снабдил их редактор и составитель этого сборника? Анализ изданных Герлицем документов и объективная критика его комментариев помогут ответить на все эти вопросы.

Общая характеристика источников

Вальтер Герлиц впервые опубликовал и прокомментировал материалы из личного архива Паулюса – записи и заметки, в которых покойный фельдмаршал в деловой, суховатой манере рассказывает о своем опыте работы в должности заместителя начальника генерального штаба сухопутных войск и позднее о своей деятельности на посту командующего 6-й армией. Описание подготовки к операции «Морской Лев» (план высадки в Англии) несколько выпадает из тематических рамок сборника. Гораздо больший интерес (особенно для военных специалистов и офицеров генштаба) представляют подробные записи об оперативно-тактических учениях для начальников штабов соединений, проведенных в 1940 году при активном участии Паулюса в порядке подготовки к войне с Россией: «План Барбаросса». Далее следуют документы, в которых Паулюс анализирует и оценивает текущие изменения обстановки на советско-германском фронте и весьма содержательную записку, озаглавленную «Операции 6-й армии в Сталинграде. Принципиальные замечания».

В этой работе Паулюс излагает свою точку зрения по вопросам ответственного оперативного руководства 6-й армией на различных этапах битвы на Волге. В сборник вошла также и часть личной переписки Паулюса – всего около трех десятков

писем военных лет из числа написанных, а главным образом полученных покойным фельдмаршалом в 1941-1942 годах. Наконец, в книгу включены и авторские конспекты некоторых лекций и докладов, прочитанных Паулюсом после 1953 года – в последние годы жизни, которые он провел в Дрездене, и некоторые сведения, почерпнутые составителем из бесед с сыном фельдмаршала – Эрнстом-Александром.

Ознакомившись с этими материалами из личного архива Паулюса, читатель с чувством разочарования констатирует, прежде всего, что все они носят более или менее фрагментарный характер. Положив их в основу книги, составитель как бы возвел свое здание на зыбком, непрочном фундаменте. Но и то немногое, что вышло из-под пера самого Паулюса, не несет на себе отпечатка его индивидуальности и выдержано чаще всего в форме безликого конспекта. За исключением нескольких отрывков из писем, незначительных по содержанию и не отражающих ни чувств автора, ни его точки зрения на события, свидетелем и участником которых он был, среди опубликованных Герлицем документов нет ни одного написанного Паулюсом на фронте под непосредственным впечатлением всего происходящего.

Эти воспоминания и выводы задним числом можно лишь с натяжкой считать адекватным отражением всего того, что думал и чувствовал командующий 6-й армией под Сталинградом. Некоторые записи о событиях сделаны Паулюсом по памяти, без документов, другие представляют собой лишь пеструю мозаику, составленную сыном фельдмаршала из различных недатированных черновиков покойного и его тезисов к устным докладам. Вдобавок Паулюс писал их по большей части в 1945-1948 годы в советском плену, за колючей проволокой, иногда готовясь к очередному допросу или заполняя анкету. Немудрено, что в своих показаниях он по личным или общеполитическим соображениям многого не договаривал, кое-что говорил с определенным расчетом, а кое о чем и просто умалчивал. Изучая эти документы, приходится то и дело читать между строк, ни на минуту не забывая о той обстановке, в которой они были написаны. Но на целый ряд вопросов, неминуемо возникающих у читателя, фельдмаршал так и не дает ответа.

Вот почему нельзя в данном случае говорить о мемуарах в собственном смысле слова. Паулюс был человеком замкнутым и неохотно поверял свои мысли бумаге – он не вел дневника, не любил делать записи личного характера, редко писал письма и тщательно избегал каких бы то ни было частных высказываний о своих встречах с людьми и о решающих этапах своей жизни и

служебной карьеры. Остается лишь пожалеть, что фельдмаршал не оставил нам воспоминаний, написанных с полной откровенностью, и, в частности, более глубокого критического анализа тех работ о Сталинграде, которые можно отнести к разряду серьезных исследований. Ведь бывший командующий 6-й армией наверняка прочел эти работы, самое позднее после своего возвращения из плена. Из введения к упомянутым выше «Принципиальным замечаниям» явствует, что Паулюс намеревался продолжить работу над анализом операций под Сталинградом – дополнить и расширить свою работу, превратив ее, таким образом, в исследование, которое, бесспорно, позволило бы по-новому подойти к ряду нерешенных проблем истории второй мировой войны{120}. Продолжительная беспощадная болезнь помешала фельдмаршалу осуществить это намерение и преждевременно унесла его в могилу в 1957 году. И все же возникает вопрос: почему Паулюс, этот трудолюбивый и вдумчивый генштабист, за долгие годы, которые судьба подарила ему после сталинградской катастрофы– самого значительного события в его жизни, ни разу не возвращался к своим сделанным в России записям и даже не попытался заново сформулировать свои мысли и выводы по всему комплексу проблем, связанных с битвой под Сталинградом, углубить их, конкретизировать и подкрепить необходимым документальным материалом? Казалось бы, фельдмаршал не должен был откладывать это на будущее, тем более что в плену, не имея под руками необходимых источников, он писал по памяти и в заметки его вкрались многочисленные ошибки и неточности. О недостаточной достоверности материала свидетельствует и целый ряд поправок и уточнений, сделанных составителем сборника, который в своих примечаниях не раз указывает на допущенные Паулюсом фактические ошибки, неточности и ссылается на результаты более поздних исследований, позволившие ему заполнить пробелы в записях фельдмаршала. Ниже пойдет речь о новых данных, составляющих реальную познавательную ценность этих документов – в первую очередь «Принципиальных замечаний» об операциях под Сталинградом, в которых Паулюс в какой-то мере анализирует собственные действия, пытаясь оправдать свое беспрекословное повиновение и принцип «держаться любой ценой», определявший всю его пассивную стратегию. Остановимся мы более подробно и на том, что у Паулюса выглядит бездоказательно и вызывает решительные возражения.

Понимая, что документы из личного архива фельдмаршала немногочисленны и к тому же носят фрагментарный характер, и, стремясь придать своей работе большую глубину и

завершенность, Вальтер Герлиц приложил немало сил, собирая дополнительные источники по истории Сталинградского сражения. Эти материалы – в большинстве своем не публиковавшиеся ранее документы того периода, содержание которых определялось исключительно требованиями момента. Подобные аутентичные свидетельства не только являются существенным дополнением к записям командующего 6-й армией, но и дают возможность проверить и критически проанализировать их. Особую ценность в этом плане представляют опубликованные Герлицем переговоры по телетайпу между штабом группы армий «Дон» и командованием окруженной армии, проливающие новый свет на вопросы оперативного руководства и принятия решений в ходе Сталинградской битвы, а также на ту ответственность, которая лежала на фельдмаршале Манштейне в трагические дни декабря 1942 года. Составитель приводит также обширные выдержки из дневника фельдмаршала фон Бока. Эти записи были сделаны весной 1942 года, в дни Харьковского сражения, поучительные уроки которого (прежде всего твердое, централизованное руководство в ходе решающих операций, осуществлявшееся генеральным штабом сухопутных сил вопреки воле командующих фронтовыми соединениями) оказали глубокое психологическое влияние на Паулюса и определили его образ действий в дальнейшем. Что касается самой катастрофы под Сталинградом, то опубликованные Герлицем документы из исторического архива военно-воздушных сил, особенно выдержки из оперативных дневников командующих авиасоединениями и командиров авиационных частей, принимавших участие в сражении, существенно дополняют общую картину событий. Прежде всего, следует отметить в связи с этим записи генерал-полковника Рихтгофена, человека темпераментного и известного независимостью своих суждений. Рихтгофен неоднократно пытался тогда повлиять на верховное командование вермахта в вопросах общего руководства операциями на самом ненадежном участке Восточного фронта – на его южном крыле, где над немецкими войсками нависла смертельная угроза. Правда, высказывания генерала Рихтгофена в адрес злополучной 6-й армии весьма субъективны и подчас несправедливы, но все же страницы из его дневника воссоздают трагическую обстановку тех дней. Неподдельным колоритом минувшей эпохи окрашены и документы из архива немецкой военной миссии в Бухаресте, которые проливают свет на обстановку, складывавшуюся на участках соседних румынских соединений, и на взаимоотношения их командования с высшими немецкими штабами. В частности,

эти материалы содержат новые данные о событиях в «котле» под станицей Распопинской – этим «Сталинградом в миниатюре», где была уничтожена группировка «Ласкар», состоявшая из четырех румынских дивизий. Именно там началось сокрушительное генеральное наступление русских, а на следующий день катастрофа разразилась и южней Сталинграда – на участке, где стояли остальные румынские соединения. Румынский «Большой генштаб» уже в течение нескольких недель до этого предупреждал о надвигающейся грозе – румыны обращались буквально во все вышестоящие немецкие штабы, предостерегали, просили, требовали, входили с предложениями – на них не обращали внимания!

Многие бывшие генералы и офицеры вермахта, которые, занимая в то время ответственные посты, имели непосредственное отношение к безнадежной борьбе 6-й армии под Сталинградом, помогали Вальтеру Герлицу в его кропотливой работе по сбору достоверных источников, дополняющих опубликованные им материалы из личного архива Паулюса. Назовем лишь некоторых из них: генерал-полковника Холлидта, командующего армейской группой, которая в декабре 1942 года должна была принять участие в деблокирующей операции Манштейна, наступая из района Чира, но уже очень скоро перешла к обороне и после тяжелых боев вынуждена была начать отход; генерал-лейтенанта Гейма, предшественника Шмидта на посту начальника штаба 6-й армии, того самого Гейма, которого Гитлер сделал немного позднее козлом отпущения и разжаловал после того, как тот, командуя танковым корпусом неполного состава, не смог остановить советское наступление в излучине Дона; подполковника фон Цицевица, прикомандированного генеральным штабом сухопутных сил к штабу 6-й армии, об агонии которой он в качестве офицера связи лишь подробно доносил, не будучи в силах ничего изменить; генерал-полковника Гота, командующего 4-й танковой армией, непосредственно возглавлявшего заранее обреченное на неудачу наступление деблокирующей группировки. Все они ответили на ряд вопросов Герлица и предоставили в его распоряжение ценный материал.

Наконец, нужно особо упомянуть о главном свидетеле трагедии 6-й армии – ее бывшем начальнике штаба генерал-лейтенанте Артуре Шмидте. Герлиц в своем труде использовал его, не публиковавшиеся до тех пор заметки и высказывания, которые, естественно, представляют большой интерес. Шмидт, ближайший сотрудник Паулюса, его первый советник и правая рука, был одним из главных действующих лиц трагедии. Ныне, после смерти фельдмаршала, он остается, так сказать,

единственной обязательной инстанцией при выяснении нерешенных вопросов, связанных с оперативным руководством 6-й армии и с историей ее гибели.

Высказывания и воспоминания Шмидта являются самым естественным логическим дополнением к документам, автором которых был сам Паулюс. Можно с полным основанием предположить, что мнением генерала Шмидта в первую очередь и руководствовался Вальтер Герлиц в своих сопроводительных текстах и критических комментариях к источникам, опубликованным в сборнике «Я выполняю приказ».

Богатый и обширный материал, использованный Герлицем, разумеется, обогатил воссозданную историками картину Сталинградской битвы целым рядом интересных деталей, нюансов и новых аспектов.

Спрашивается, однако, представляет ли его работа надежную основу, которая позволила бы по-новому подойти к оценке этой трагедии минувших лет и проникнуть в самую суть связанных с нею проблем?

Порочная методика Герлица

Ценность документов, опубликованных в сборнике «Я выполняю приказ», контрастирует с ненаучным методом работы его составителя. Методика Герлица не может не вызвать самых решительных возражений, Это прежде всего относится к его безответственному, чтобы не сказать кощунственному, обращению с документами, вышедшими из-под пера покойного Паулюса. Читатель, интересующийся историей, естественно, хотел бы ознакомиться с этими записями в их первоначальном виде и узнать о том, где и при каких обстоятельствах они были составлены. Однако Герлиц часто оставляет его в полном неведении относительно того, какие из документов являются оригиналами Паулюса, какие составлены со слов фельдмаршала и где речь идет о вставках и дополнениях, внесенных чужой рукой. Составитель перекраивает источники по собственному усмотрению, и этот недопустимый произвол значительно снижает ценность многих из них. Так, например, желая расположить материал по определенной принятой им схеме, составитель произвольно разделил «Принципиальные замечания» Паулюса на несколько частей, дополнив каждую из них другими документами и свидетельствами, почерпнутыми из иных источников, не имеющих отношения к этой записке. Некоторые сообщения и записи Герлиц скомпоновал сам из документальных фрагментов, написанных в разное время, не всегда ссылаясь при этом на соответствующий источник. В отдельных случаях прямо в текст Паулюса включены (опять-таки без ссылок) отрывки из бесед

покойного фельдмаршала с сыном в период его пребывания в Дрездене, восстановленные последним по памяти, и даже вставки самого составителя.

Изучая отрывки из дневников, опубликованные в сборнике, читатель с чувством тягостного недоумения обнаруживает, что Герлиц в ряде случаев комбинирует записи двух, а то и нескольких различных авторов. Так, в частности, выдержки из оперативного журнала 4-го воздушного флота даны вперемежку с отрывками из личного дневника его командующего генерал-полковника Рихтгофена, причем из-за отсутствия соответствующих ссылок точное происхождение некоторых записей трудно установить. Что касается произвольной разбивки документов и многочисленных подзаголовков, втиснутых в текст, то остается невыясненным, в каких случаях это сделано самим Паулюсом, а в каких – составителем сборника. Вообще избранную Герлицем схему расположения собранного им обширного документального материала и его собственных комментариев вряд ли можно признать удачной. Читателю нередко приходится блуждать без проводника в лабиринте, составленном из цитат, авторских примечаний и вставок.

Как уже отмечалось, личный архив Паулюса небогат, а других источников, иллюстрирующих процесс принятия решений командованием 6-й армии и освещающих вопросы руководства ее операциями, весьма немного. Поэтому остается только пожалеть, что Герлиц не поместил во второй части своей книги полные тексты всех использованных им документов. Я здесь имею в виду, прежде всего, записи бесед покойного фельдмаршала со своим сыном, а также заметки, предоставленные в распоряжение составителя генералом Шмидтом. Надо полагать, эти заметки главного советника Паулюса – начальника штаба 6-й армии, который в Сталинградском «котле» нес вместе с командующим армией основную ответственность за разработку и проведение в жизнь главных оперативных решений, содержат много ценных данных. По всей вероятности, именно точка зрения Шмидта предопределила в значительной степени характер комментариев Герлица. Поэтому составителю следовало бы свести воедино все имевшиеся у него высказывания Шмидта и полностью поместить их в книге. Так или иначе критически мыслящий читатель не получает исчерпывающего представления об этих двух важных источниках и лишен возможности проконтролировать работу составителя.

Военные историки считают, что Герлиц недостаточно компетентен в оперативных вопросах. В специальной литературе не раз указывалось также на многочисленные ошибки и

неточности, допущенные составителем в описании событий{121}. Но, на наш взгляд, еще больше должен насторожить читателя тот факт, что Герлиц – этот публицист в роли ученого-исследователя – не обнаружил большого желания непредвзято проанализировать литературу о Сталинграде и соответствующие документальные источники во всей их совокупности. Обработав на скорую руку и опубликовав собранные материалы, он оказался не в состоянии прокомментировать их всесторонне с должной объективностью и с беспристрастием подлинного историка. Весьма примечательно, что Герлиц, затратив много труда на изыскания не известных дотоле источников и собрав ряд ценных фактических данных, не счел в то же время необходимым обратиться к одному из важнейших источников, который был для него вполне доступен: он не привлек к своей работе генерала Зейдлица и даже не проконсультировался с ним. Судя по всему, Зейдлиц был и остался в его глазах фрондером, бунтовщиком, нарушившим воинскую присягу, и к тому же одним из подчиненных командиров соединений, не игравшим самостоятельной роли и не обладавшим достаточно широким кругозором, – одним словом, человеком, мнение которого можно не принимать в расчет.

Однако по соображениям объективности и, более того, элементарной порядочности Герлицу следовало бы, во всяком случае, поинтересоваться точкой зрения Зейдлица, который, командуя под Сталинградом армейским корпусом, был одним из главных участников сражения и вдобавок принадлежал к числу наиболее опытных генералов германской армии. Вместо этого составитель некритически воспроизвел в своей работе бытующую в немецкой литературе о Сталинграде ложную трактовку роли Зейдлица, да еще и от себя добавил в его адрес несколько пренебрежительных слов. При этом он с подозрительной поспешностью сослался на сомнительную и, по сути дела, продиктованную личными соображениями характеристику Зейдлица как человека, которую дал Герман Теске в своей книге, вышедшей в свет значительно раньше. (Кстати сказать, Герлиц приводит это место из книги Теске и в посвященной Сталинграду главе, написанной им для сборника «Решающие битвы второй мировой войны», где оно уже совершенно не ко двору{122}.) Теске во время кампании на Западе был начальником штаба дивизии, которой тогда командовал Зейдлиц. Он с похвалой отзывается о «ясном и трезвом» уме своего бывшего командира и пишет, что «Зейдлиц умел разобраться в сложнейшей обстановке, подчас с поразительной легкостью». Однако наряду с этим Теске утверждает, что его генерал не пользовался популярностью у своих подчиненных и что «известный комплекс неполноценности

и пожилой возраст не давали ему развернуться». К тому же Зейдлиц был, по мнению Теске, недостаточно интеллигентен и, не обладая большими духовными запросами, охотно перенимал чужие мысли, если их излагали с достаточной убедительностью. (См. Teske, Die Silbernen Spiegel. Generalstabsdienst unter der Lupe, Heidelberg 1952, S. 68 f.)

Многие, однако, совершенно иначе характеризовали Зейдлица как человека и как солдата. Сошлемся для примера на мнение генерал-майора в отставке Герхарда Кеглера (г. Гиссен), который в 1940-1941 годах командовал 27-м пехотным полком, входившим в дивизию Зейдлица. Отмежевавшись от утверждений Теске, Кеглер пишет: «Подчиненные высоко ценили и уважали генерала фон Зейдлица». (Из письма генерала Кеглера автору от 25.6.1982 года.)

Этой предвзятостью Герлица и объясняется то обстоятельство, что, публикуя и комментируя материалы из личного архива Паулюса, он совершенно недостаточно освещает и первую, решающую фазу Сталинградской битвы, и ее позорный завершающий этап, который столь серьезно компрометирует командование 6-й армии. Но ведь именно в этих вопросах свидетельство генерала Зейдлица было бы особенно ценным и, вне всякого сомнения, помогло бы ученому-исследователю, владеющему острым скальпелем историко-критического анализа.

Надо сказать, что составитель щедро приводит в своем труде самые разнообразные детали, почерпнутые им из литературы о Сталинграде, а также детали из биографий упомянутых выше генералов и старших офицеров 6-й армии, относящиеся главным образом к их служебной карьере. Однако все это едва ли имеет существенное значение для исторической оценки сталинградской трагедии и для более глубокого понимания поставленных ею проблем. Герлиц подошел к ним поверхностно и не смог творчески переосмыслить немецкую литературу о Сталинграде, которая уже доказала с достаточной убедительностью, что к анализу и оценке битвы на Волге нельзя подходить исключительно с военно-стратегической точки зрения, как это неоднократно имело место ранее (и как делает это сам Герлиц, рассматривающий предмет своего исследования лишь в этом ограниченном аспекте).

Метод, не имеющий ничего общего с наукой, и, в частности, неоднократно подчеркнутое пренебрежительное отношение к имеющимся свидетельствам очевидцев и «воспоминаниям бывалых людей» чаще всего мешают Герлицу проникнуть в самую суть сталинградской проблематики. Чем объяснить подобное высокомерие? Что побудило составителя попросту отмахнуться от

многих источников, в том числе и от важных свидетельств современников и непосредственных участников событий? Воспоминания очевидцев при всех их субъективных оценках и заблуждениях заслуживают самого пристального внимания не только потому, что они передают дух времени, колорит эпохи и неповторимые, единственные в своем роде, личные впечатления, которые всегда поучительны сами по себе. Они являются также важными историческими источниками в собственном смысле слова, хотя и нуждаются в самой тщательной проверке, в процессе которой исследователь должен подвергнуть их строгому критическому анализу. Герлиц же вообще открещивается от этой категории источников, не давая себе труда по-настоящему в них разобраться. Но даже ошибки и субъективные суждения участников событий могут сослужить добрую службу подлинному исследованию и подвести его к правильным выводам. Публикуя документы из личного архива Паулюса, Вальтер Герлиц начисто отказался от этого, и с тем большим основанием мы можем усомниться в том, что он вообще оказался в состоянии критически и с должной объективностью подойти к «показаниям» своих «коронных свидетелей – покойного фельдмаршала Паулюса и его бывшего начальника штаба Шмидта».

Ниже мы более подробно остановимся на вопросе о том, как далеко отходит Герлиц от исторической правды, анализируя отдельные критические фазы Сталинградского сражения. Предварительно нам хотелось бы сформулировать несколько принципиальных замечаний по поводу его методических ошибок и одностороннего предвзятого подхода к событиям.

Герлиц, конечно, прав, утверждая, что ныне нельзя задним числом оценивать оперативные решения, принятые в Сталинградском «котле», лишь с точки зрения немецкого движения Сопротивления или, говоря точнее, измерять его масштабами ту моральную и политическую ответственность, которая легла на командование 6-й армии. «История последней войны, – пишет Герлиц, – отнюдь не определяется лишь тем, что сделал каждый из ее участников для ее скорейшего окончания»{123}. Это, конечно, верно. Но составитель сборника «Я выполняю приказ» так и не понял, что стратегическая обстановка, в которой оказалась 6-я армия под Сталинградом, приобретала совершенно специфический характер и властно требовала необычных решений. Дело было не в том, чтобы генералы, стоявшие во главе 6-й армии и ее соединений, стали политическими бунтовщиками. Но каждый из них, принимая решения, обязан был спросить себя, совместимы ли они с его воинской честью и человеческой совестью. От этого и зависело

все. Генерал Зейдлиц отнюдь не призывал в те дни своих подчиненных последовать примеру Йорка под Таурогтеном – он вспоминал о смелом прорыве немецких войск под Бржезиной в Польше в осенней кампании 1914 года. Правда, о примере Йорка думал тогда полковник Зелле, а лидеры Сопротивления{124*} – посол фон Хассель, генерал-полковник Бек, Карл Герделер и их друзья и единомышленники – действительно были глубоко разочарованы тем, что командующий 6-й армией «не воскресил дух Йорка под Сталинградом»{125}{126*}; под этим они, естественно, имели в виду, что Паулюс будет действовать на свою ответственность, повинуясь лишь голосу своей совести. Вот почему совершенно неправильно говорить в данном случае о «творимой легенде», как это делает Герлиц, который вдобавок ломится в открытые двери, пространно доказывая, что историческая параллель между Сталинградом и Таурогтеном не выдерживает критики. Другое дело, что Паулюс, судя по всему, ничего не знал о мыслях и чаяниях участников немецкого Сопротивления и о надеждах, которые они на него возлагали{127}.

Как бы то ни было, Герлиц слишком уж упрощает свою задачу историка, называя «посмертной профилактикой» (словечко-то какое!) правильные выводы из обстановки, к которым в действительности уже тогда пришли многие немцы в тылу и на фронте (и не в последнюю очередь в Сталинградском «котле»). Итак, Герлиц не принимает всерьез людей, думавших в те дни иначе, чем командование 6-й армии, и питавших иные надежды. Более того, он, как видно, считает их дурачками. Истинные намерения и образ мыслей Герлица особенно проявляются в нелепом и бестактном сравнении Паулюса с Беком. Он сознательно закрывает глаза на то, что оба генерала придерживались прямо противоположных взглядов в ключевых проблемах своей эпохи. Трудно представить себе более несхожих людей! С одной стороны – Бек, выдающийся военный деятель, последний из начальников, германского генерального штаба, в подлинном смысле слова соответствовавший занимаемой должности; человек, который во имя своих убеждений отказался от поста и до конца бестрепетно боролся против национального бедствия, разоблачая губителей немецкого народа, многосторонне одаренный человек, сочетавший достоинства военного и гражданина с глубоким пониманием уроков истории.

С другой стороны – Паулюс, службист, мир которого был ограничен рамками полученных свыше приказов; лично порядочный, но ограниченный человек, считавший поначалу войну с Россией делом нужным и справедливым, всерьез

веривший, что большевистское государство и впрямь рухнет под первыми ударами, как карточный домик, и вплоть до страшного конца в Сталинградском «котле» хранивший верность Гитлеру (о чем свидетельствуют, во всяком случае, его последние радиограммы) {128}.

Герлиц, взяв на себя роль биографа Паулюса и комментатора документов из его личного архива, не просто посвятил себя служению истории, как это можно было бы предположить. Его труд – это не только исследование, но и неприкрытая попытка извратить события прошлого. Явно переоценив свои возможности, Герлиц доходит в этой апологетике до утверждения, что в катастрофической обстановке, сложившейся по вине Гитлера, командование 6-й армии, будучи лишь частью гигантской военной машины, по сути дела, не могло поступать иначе и, более того, в конечном счете, действовало правильно, поскольку де стратегические соображения требовали пожертвовать немецкой группировкой на Волге. Зарубежные военные историки особенно остро реагируют на подобные попытки реабилитировать задним числом нацистское государство и его методы ведения войны. Так, швейцарский журнал «Альгемейне швейцерише милитер-цейтшрифт» прямо писал о том, что Герлиц в своей книге явно преследует цель оправдать в глазах потомства действия командующего 6-й армией и решения, принятые им в Сталинградском «котле»{129}. Осудив для отвода глаз общий план большого летнего наступления 1942 года и признав, что оно преследовало стратегически недостижимые цели, составитель и редактор сборника «Я выполняю приказ» в то же время неуклонно и последовательно оправдывает действия и решения командования 6-й армии на всех этапах Сталинградской битвы, за исключением одной лишь последней недели января 1943 года. Он даже не допускает, что тогда можно или нужно было действовать иначе. «Ни одному командующему армией в вермахте в одиночку не под силу было остановить колеса гигантской военной машины со столь необычной системой управления», – поучает Герлиц читателя в тоне, не терпящем возражений{130}. В другом месте он заявляет, не утруждая себя доказательствами, что, дескать, на войне подчас трудно осуществить на практике самые бесспорные теоретические положения.

И, оперируя подобными прописными истинами, он пытается обосновать и развить некоторые аргументы, позаимствованные им в бумагах покойного Паулюса! Немудрено, что в результате он пасует перед сложными проблемами, которые ставит историкам Сталинградская битва, и, в частности, не может до конца разобраться в проблеме ответственности командования, которая в

данном случае – хочет он того или нет – не исчерпывается категориями узкопрофессионального мышления отдельных военачальников, каковы бы ни были их полководческие таланты.

История сама подтвердила правоту тех немногих немцев, которые в ходе войны умом и сердцем поняли, что в сложившейся беспрецедентной обстановке нельзя больше плыть по течению, и отказались безропотно повиноваться. Такие люди были и в армии, окруженной под Сталинградом. Их глазами и следовало Герлицу взглянуть на слова и дела невольных участников трагедии, разыгравшейся на берегах Волги. Герлиц спешит простить то, что можно лишь понять. Он сознательно закрывает глаза на исключительный характер всей сложившейся тогда обстановки или, во всяком случае, не делает из нее соответствующих выводов. В этом главная причина всех недостатков его труда, всех пробелов в изложении событий и ошибок в их трактовке. Такой односторонний, предвзятый подход к историческому анализу не мог не сказаться самым плачевным образом на книге, которая была, по-видимому, задумана как серьезное исследование.

О характеристике фельдмаршала

С изложенными выше оговорками и отвлекаясь от некоторых бьющих на дешевый эффект приемов из арсенала журналистики, следует все же признать определенные достоинства за биографией Паулюса, в которой Герлиц характеризует покойного фельдмаршала как человека и как солдата. Работая над этой биографией, занимающей в книге около 80 страниц, автор использовал множество источников, в том числе и неопубликованные документы из фамильного архива Паулюсов. К сожалению, работа Герлица оставляет впечатление незаконченности. Автор рассказал лишь о части жизненного пути Паулюса, доведя изложение событий лишь до его сдачи в плен. Расставаясь с фельдмаршалом на страницах книги, неосведомленный читатель убежден, что Паулюс сдался в плен с чистой совестью. На самом же деле душу его уже тогда терзали мучительные сомнения и роковые вопросы. Герлиц лишь скороговоркой, мимоходом говорит о выводах, к которым впоследствии пришел злополучный командующий, осознав, что и на нем лежит доля вины за гибель его армии. Но как раз эти мысли Паулюса заслуживали бы более серьезного и детального анализа.

Герлиц испытывает вполне понятную человеческую симпатию к неудачливому полководцу, которого судьба подвергла таким тяжким испытаниям; стремление автора разобраться в причинах, определявших поступки Паулюса, оградить покойного от

необоснованных упреков и огульных обвинений задним числом само по себе столь же оправданно, сколь и похвально. Составитель сборника документов из личного архива Паулюса в своем биографическом очерке дал более верную психологическую характеристику фельдмаршала, чем большинство других исследователей. Он своевременно напомнил о том, что нельзя рассматривать взгляды и поведение Паулюса, совершенно не учитывая всей сложившейся обстановки, и тем более нельзя возлагать на него всю полноту ответственности за случившееся Автор убедительно показал (и в этом его бесспорная заслуга), что подобный подход ведет к односторонней, неправильной оценке событий. Но, опровергая, к удовлетворению читателя, некоторые скороспелые выводы, Герлиц сплошь и рядом ломится в открытые двери: в серьезных исследованиях, посвященных Сталинградской битве, едва ли можно встретить утверждения о том, что Паулюс был плохим военачальником и что, бездумно и беспрекословно повинуясь приказам Гитлера, он либо шел на постыдную сделку с совестью, либо оказался просто-напросто шкурником и трусом, спасовавшим в самый ответственный момент, когда надо было действовать на свой страх и риск ради спасения окруженной армии. Никому не приходило в голову сомневаться в личной порядочности покойного фельдмаршала! Но это вовсе не означает, что командующий 6-й армией обладал незаурядным военным талантом или, во всяком случае, достаточным боевым опытом – одним словом, теми качествами подлинного полководца, которые позволили бы ему найти выход из исключительно сложной, беспрецедентной стратегической обстановки, сложившейся под Сталинградом. Нет, Паулюсу не дано было стать выдающимся полководцем, и лучшее тому свидетельство – его биография.

Каким же предстает перед нами Паулюс как человек и как солдат? Проследив в основных чертах его жизненный путь, мы приходим к выводу, что покойный фельдмаршал был типичным немецким кадровым военным из числа питомцев фон Секта – дельным офицером и, безусловно, порядочным человеком. Паулюс, по сути дела, не был строевиком и боевым командиром – способный тактик, он всегда предпочитал штабную работу. Как преподаватель Военной академии, он зарекомендовал себя самым лучшим образом, но его подлинной стихией всегда оставался генеральный штаб, где ему, что называется, сам бог велел служить. Паулюс был прирожденным генштабистом – не только по своим оперативным способностям, но и по своему характеру: осмотрительный, вдумчивый и делающий все фундаментально, он к тому же умел располагать к себе людей и уживался с любым

начальством.

Незнатное происхождение не было помехой Паулюсу; ранний брак с родовитой румынской аристократкой открыл ему дорогу в высшее общество. Молодой энергичный офицер уверенно делал карьеру. Особенно быстро поднимался он по ступенькам служебной лестницы в годы бурного роста нацистского вермахта. Молодые бронетанковые войска вермахта были многим ему обязаны. Паулюс не мог не замечать тревожных, угрожающих симптомов в политической жизни страны, однако, не желая рисковать своей карьерой, он воздерживался от открытой критики властей предержащих, да и вообще избегал высказываться по этому поводу. Нам так и не известно, что он думал, скажем, о деле Рема или об отставке Фрича, об увольнении Бека с поста начальника генерального штаба или о вторжении в Чехословакию. Кадровый военный, он оставался вне политики и никогда не выходил за пределы своих служебных обязанностей. Как и подавляющее большинство немецких офицеров, Паулюс был воспитан в духе безусловной лояльности по отношению к государственной власти и считал беспрекословное повиновение ей своей высшей и непреложной заповедью. Он не принадлежал к тем немногочисленным, критически настроенным и разбиравшимся в политике военным, которые скептически относились к нацистам и с возрастающей тревогой все более убеждались в том, что Гитлер оказывает роковое влияние на немецкое офицерство, попирая принципы воинской этики и насаждая в армии авантюризм и беспринципность. Паулюс работал в непосредственном контакте со многими генералами и старшими офицерами – участниками тайной антигитлеровской фронды, и характерно, что ни один из них не счел возможным довериться ему и привлечь его к борьбе, которую они вели, повинуясь лишь голосу своей совести. Герлицу удалось убедительно показать, что, присвоив себе функции верховного главнокомандующего, Гитлер полностью подчинил себе генералитет. Это самым роковым образом сказалось на немецком стратегическом руководстве и привело, в конце концов, к его дегенерации и развалу. Приняв верховное командование, Гитлер постоянно урезывал права и компетенцию командующих армиями и группами армий, пресекал в корне любую инициативу на фронте и в результате очень быстро низвел полководцев вермахта до незавидного положения сотрудников своего личного аппарата. После зимней кампании 1941/42 года в России они уже не могли без его разрешения изменять линию фронта и распоряжаться по своему усмотрению оперативными резервами. Гитлер, используя все наличные каналы связи между ставкой и фронтом и минуя

промежуточные инстанции, не только вмешивался в оперативное руководство, но и вдавался во все детали тактических мероприятий командующих армиями. Не доверяя своим генералам, Гитлер требовал от них беспрекословного повиновения и контролировал каждый их шаг. С этой целью он и ввел строжайший порядок засекречивания, запретив даже высшим фронтовым штабам и командующим соединениями запрашивать общую информацию об обстановке. По словам самого Паулюса, в вермахте «не было больше полководцев – остались лишь ответственные исполнители, возглавлявшие подчиненные инстанции гигантского централизованного военного аппарата»{131}.

Покойный фельдмаршал в своих записях неоднократно отмечал, что известные приказы Гитлера в значительной степени, если не полностью, «парализовали волю и мысль» всех высших военачальников вермахта, в том числе и его самого{132}. Паулюс констатировал этот факт и только. Во всем его архиве нет и намека на то, что он открыто протестовал против подобного недопустимого сужения его личной компетенции и свободы действий военачальника или хотя бы осудил это про себя. Нет, Паулюс не отличался независимостью суждений и не обладал твердым характером. «Неповиновение в интересах дела» было не в его натуре. Он мыслил исключительно в профессиональных категориях, и все его поведение определялось понятиями воинской дисциплины и безусловной лояльностью по отношению к верховному главнокомандующему, который был в его глазах непогрешимым. Паулюс просто не допускал мысли о том, что Гитлер может принимать безответственные, неправильные решения. При всем том покойный фельдмаршал был человеком глубоко порядочным и морально устойчивым – об этом убедительно свидетельствуют некоторые распоряжения, которые он сразу же отдал, приняв командование 6-й армией. Так, в пределах своей компетенции он отменил не только пресловутый приказ об истреблении комиссаров, но в отличие от Манштейна отменил и чудовищный приказ Рейхенау от 10 октября 1941 года «О поведении войск в оккупированных странах Восточной Европы», в котором говорилось о необходимости «подвергнуть суровой, но заслуженной каре неполноценную еврейскую расу», об «искоренении большевистской ереси» и о «коварных происках неарийских элементов, с которыми следует покончить раз и навсегда»{133}.

Приказ о назначении на пост командующего 6-й армией, полученный генералом Паулюсом в начале января 1942 года, был для него приговором судьбы. Никогда до тех пор он не

командовал ни корпусом, ни дивизией, ни даже полком. Последнюю строевую должность он занимал в 1934 году, командуя отдельным разведывательным танковым батальоном. Во время войны с Польшей и кампании на западе Паулюс, занимая пост начальника штаба 6-й армии, которой командовал тогда Рейхенау – типичный строевой генерал и убежденный нацист, показал себя образцовым штабистом. После этого он полтора года провел в генеральном штабе сухопутных сил, последовательно занимая должности первого квартирмейстера (начальника оперативного отдела) и заместителя начальника генерального штаба. Но и на этих высоких постах, разрабатывая под руководством своего учителя, генерал-полковника Гальдера, план развертывания на Востоке и оперативный план войны против Советского Союза, Паулюс, как подчеркивает Герлиц, остался, так сказать, «одной из высших военно-бюрократических инстанций, проводивших в жизнь оперативные директивы верховного командования»{134}. Относительную самостоятельность он впервые получил, лишь приняв командование 6-й армией.

Многолетняя служба в высших штабах наложила неизгладимый отпечаток на личность Паулюса и его деловые качества. Этому вдумчивому, осмотрительному генштабисту, обладавшему превосходной подготовкой, глубокими знаниями и незаурядными способностями в планировании крупных операций, недоставало боевого опыта, твердости, решимости, находчивости, умения и желания рисковать – одним словом, всего того, чем в избытке обладает настоящий полководец. Генерал Гейм, его первый начальник штаба, хорошо знал своего командующего и высоко ценил его как человека. С тем большим вниманием следует отнестись к данной им характеристике Паулюса, который, по его словам, и на фронте оставался в сущности «кабинетным генералом». Назначение Паулюса на должность командующего одной из армий, действовавших на Восточном фронте, Гейм считал «непростительной ошибкой в расстановке и подборе командных кадров»{135}.

В первые сравнительно спокойные месяцы пребывания на фронте Паулюс справлялся со своими обязанностями; более того, во время летнего наступления 1942 года он не раз зарекомендовал себя с самой лучшей стороны.

Но в ходе Сталинградской битвы, в беспрецедентно сложной обстановке стало ясно, до какой степени он не подходит на роль командующего армией (даже если сделать вполне оправданную скидку на исключительную трудность вставших перед ним задач). К сожалению, в лице генерала Шмидта, своего нового начальника

штаба, командующий 6-й армией не обрел советника и помощника, который оказался бы в состоянии компенсировать его собственные недостатки.

Генерал Ганс Дерр, автор исследования о Сталинградской битве, лично знал обоих генералов, вершивших судьбы 6-й армии. Правильность характеристики, которую он дал им в своем труде, подтверждена многочисленными свидетельствами участников сражения. «Между Паулюсом и Шмидтом установились корректные служебные взаимоотношения, лишенные, однако, подлинной сердечности, – писал Дерр. – Командующий, при всем своем уме и оперативных талантах, не обладал твердым характером; он был человеком великодушным и благородным, но слишком уж мягким и восприимчивым. Он легко поддавался чужому влиянию. Напротив, его начальник штаба, закоренелый холостяк и эстет, не уступая ему в уме и в знании тактики, отличался твердостью и настойчивостью, подчас переходившими в необоримое упрямство. Эти два столь несхожих по характеру человека могли бы отлично дополнять друг друга на постах командующего армией и ее начальника штаба. Но, к несчастью, волевой и энергичный Шмидт всегда брал верх над Паулюсом. И все же до открытых раздоров в основных вопросах руководства 6-й армией между ними никогда не доходило. Армию погубило вовсе не то, что командующий, не сойдясь характером со своим начальником штаба, не выходил в своих взаимоотношениях с ним за служебные рамки. Роковую роль под Сталинградом сыграло как раз то, в чем оба они сходились: оба слепо верили в звезду Гитлера. Эта вера, которую они, впрочем, разделяли со многими другими немецкими военными, не позволяла им и в мыслях допустить, что верховный главнокомандующий сознательно вводит их в заблуждение, неправильно информирует их об обстановке и дает торжественные обещания, которые не в силах выполнить»{136}.

Складывается впечатление, что краткая биография Паулюса была задумана Герлицем как основной исторический комментарий к документам, освещающим действия командующего 6-й армией под Сталинградом. Хотя составитель сборника Паулюса и заходит слишком далеко в попытках оправдать покойного фельдмаршала, следует все же отдать ему должное. Рассказывая о жизненном пути Паулюса и анализируя исторические и военные факторы, определявшие ход событий, Герлиц показал, что катастрофа вермахта была закономерной и неизбежной, ибо вермахт превратился в «бюрократический аппарат» диктатора, а немецкие полководцы – в его «ответственных исполнителей», забывших, что такое совесть.

Германские кадровые военные, для которых воинская дисциплина стала фетишем и самоцелью, сами избрали подобную участь, – не признавая гражданской ответственности солдата перед родиной, они вопреки велениям совести повиновались Гитлеру до последней минуты. «Я выполняю приказ и буду стоять здесь до конца», – писал злополучный фельдмаршал Паулюс в своем последнем письме из Сталинградского «котла». «Я выполняю приказ…» – этими словами Герлиц и озаглавил свою книгу. Удачное заглавие! В нем заключена вся неразрешимая дилемма Паулюса и как в капле воды отражена вся трагедия этого полководца и его армии, принесенной в жертву на берегах Волги.

Чем руководствовался в своих действиях Паулюс?

В интересах справедливости и исторической объективности нельзя недоучитывать те условия, под влиянием которых формировались решения командования 6-й армии в Сталинграде. В этом вопросе необходимо разобраться со всей тщательностью и беспристрастностью. Соображения, которыми он тогда руководствовался, Паулюс позднее изложил в своем труде «Операции 6-й армии в Сталинграде. Принципиальные замечания» и приложениях к нему. Первое, о чем ясно свидетельствуют приводимые им факты, – это то, что обуреваемый беспокойством командующий армией еще задолго до начала русскими операции по окружению интенсивно консультировался со стоявшим над ним командованием группы армий «Б». Речь шла, с одной стороны, о тех опасностях, которые нависали над все более растягивающимся и слабо обеспеченным северным флангом армии, с другой же стороны – о недостаточной боеспособности частей на главном направлении удара. На слабость своего фронта Паулюс в середине сентября 1942 года настойчиво обращал внимание и ставки Гитлера в Виннице, требуя принятия соответствующих мер. С этого времени он в своих докладах и представлениях без устали взывал к высшим инстанциям, указывая на необходимость укрепить боевую силу частей, более надежно обеспечить фланги, а также расширить и гарантировать подвоз. Свои тревоги в связи с этим он старался внушить и высокопоставленным лицам, наезжавшим в расположение армии в качестве представителей вышестоящих инстанций: заместителю начальника генерального штаба сухопутных сил генералу Блюментриту, начальнику химической службы при главном командовании сухопутных сил генералу Окснеру, командующему войсками связи вермахта генералу Фельгибелю, адъютанту Гитлера по делам вермахта генералу Шмундту. Паулюс воспользовался даже необычными каналами, обратившись к командованию 3-й румынской армии с тем, чтобы

через маршала Антонеску, имевшего влияние на Гитлера, добиться усиления плохо вооруженных румынских частей и немецких резервов. Он просил подкреплений – три свежие пехотные дивизии для захвата Сталинграда, а в конце октября предложил остановить изнурительное сражение в городе на Волге, которое перемалывало немецкие дивизии. О результатах своих усилий Паулюс пишет: «В ответ на все мои представления и докладные записки, подкрепленные цифровыми выкладками, картами и схемами и касающиеся присылки резервов, обеспечения флангов и улучшения снабжения… вышестоящими штабами не было предпринято сколько-нибудь удовлетворительных мер». Гитлер же в середине ноября в одной из своих радиограмм, обходя стороной главные опасности, подстерегавшие 6-ю армию, снова потребовал напрячь в последний раз все силы, с тем чтобы полностью овладеть Сталинградом и тем самым обеспечить «удержание твердыни на Волге».

Описывая эти «бесплодные переговоры», Паулюс затем упоминает о шедших одно за другим тревожных донесениях, в которых штаб армии предупреждал вышестоящие инстанции о чрезвычайно грозных приготовлениях противника к переходу в генеральное наступление и которые – как он заявляет – не воспринимались немецким командованием с должной серьезностью. Лишь в самый последний момент там осознали всю тяжесть надвигающейся опасности. И, тем не менее, еще непосредственно перед началом русского наступления был получен приказ начальника генерального штаба Цейцлера. В этом приказе утверждалось, что русские не располагают сколько-нибудь значительными резервами и поэтому не способны более на операции крупного масштаба. В этой связи Паулюс упоминает также о некоторых запоздалых мероприятиях по перегруппировке частей на его участке фронта, которые ввиду весьма ограниченных возможностей могли носить, конечно, лишь очень скромный характер. Целью этих мероприятий должно было стать отражение ожидаемого удара противника. Паулюс подчеркивает, что все решения, которые он должен был принимать тогда, «по своим масштабам затрагивали сферу компетенции и ответственности командования группы армий и даже верховного главнокомандования». В этом месте у автора исторического исследования неизбежно возникает вопрос: действительно ли донесения и требования Паулюса в адрес высших инстанций, продиктованные необычайной серьезностью грозящей опасности, были сформулированы в соответствующих той обстановке необычайно убедительных, резких и бескомпромиссных тонах?

{137}

Час роковых решений

В первые дни русской операции по окружению было необходимо сделать решающий для дальнейшего хода событий выбор: прорыв внутреннего фронта окружения или же освобождение окруженной группировки извне. Паулюс 21 ноября предложил стоявшему над ним командованию группы армий отвести оказавшуюся под столь серьезной угрозой армию на спрямленную линию обороны по Дону и Чиру. Штаб группы армий одобрил оперативный замысел командующего армией, однако в тот же вечер без каких-либо комментариев передал ему приказ главного командования сухопутных сил, предписывавший 6-й армии при всех обстоятельствах удерживать Сталинград и фронт на Волге и содержавший заверение в том, что уже принимаются меры по организации мощного контрудара. Дальнейшие указания Гитлера предписывали занять круговую оборону и выжидать. Для спасения войск, которых грозили раздавить смертельные тиски, теперь было самым важным получить свободу действий, причем все корпусные командиры и главные руководители армии – командующий и начальник штаба – были убеждены в том, что речь может идти только о прорыве в юго-западном направлении. Поэтому Паулюс, ссылаясь на все более ухудшавшуюся обстановку на фронте, неизменно требовал безотлагательно предоставить ему свободу действий, причем последняя радиограмма с таким требованием была адресована лично Гитлеру{138}. Непосредственный начальник Паулюса, командующий группой армий генерал-полковник барон фон Вейхс полностью разделял эту точку зрения и энергично поддерживал ходатайства Паулюса. В последний раз он выразил свое мнение по этому вопросу в обстоятельном докладе главному командованию сухопутных сил 23 ноября. В докладе, в частности, указывалось, что снабжение по воздуху двадцати дивизий не представляется возможным{139}. Однако после того, как Гитлер 24 ноября отверг ходатайство о предоставлении 6-й армии свободы действий и, более того, самолично начертал линию, в пределах которой армия должна занять круговую оборону в ожидании деблокировки, Вейхс тоже не пытался более отстаивать план прорыва, который он только что считал совершенно необходимым и приказ об осуществлении которого он на собственный страх и риск уже собирался отдать. Не желая, видимо, искушать подчиненного ему командующего армией, он покорился. Но тем самым он уклонился и от принятия собственного решения, побоявшись взять на себя в этот роковой час личную ответственность перед историей.

Что же касается Паулюса, то он старательно изложил мотивы, побуждавшие его теперь отказываться от самостоятельных действий, которых с такой решительностью требовал генерал фон Зейдлиц. Он считал, что, не имея полного представления об обстановке на фронте в целом, не зная, какими резервами располагает главное командование сухопутных сил для осуществления обещанного в скором времени освобождения окруженной группировки извне, и не будучи в состоянии предвидеть последствия своих самостоятельных действий, он не имеет права вопреки полученным приказам прорываться со своей армией из Сталинграда. Как думал Паулюс, верховное главнокомандование вермахта, лучше представляющее себе общую обстановку, имеет веские основания для того, чтобы в интересах всей кампании во что бы то ни стало держаться за «твердыню на Волге». Он полагался на обещание Гитлера предпринять все, чтобы обеспечить снабжение окруженных войск, и думал, что имеются все предпосылки для успешного осуществления операции по деблокировке. «В этих условиях мои действия наперекор полученному приказу, тем более что я не чувствовал себя в состоянии со своей колокольни правильно оценить общую обстановку, могли бы подорвать основу всей подготовленной верховным командованием операции. Такие действия вразрез планам верховного руководства, возведенные в систему, могли бы привести лишь к анархии в управлении войсками». Эти слова, бесспорно, свидетельствуют о полной недооценке исключительности сложившейся ситуации, которая была не типичным, а из ряда вон выходящим случаем, по которому нельзя равняться в нормальной обстановке. Среди сугубо военных соображений, которые тогда в значительной мере определяли поведение Паулюса, на одном из первых мест стоял, очевидно, тот факт, что вышестоящее командование группы армий покорно примирилось с создавшимся положением. Роль, которую играл при этом генерал-полковник фон Вейхс, получила суровую, но справедливую оценку со стороны генерала Пауля Мальманна. В связи с приказом Гитлера любой ценой удерживать Сталинград Мальманн писал: «Этот противоречивший его внутренним убеждениям приказ не мог не поставить Вейхса в затруднительное положение. Однако он не стал искать выхода из этого конфликта, как того требовали законы солдатской чести и морали, а перевалил его разрешение на плечи подчиненного ему Паулюса, ограничившись передачей ему директивы главного командования сухопутных сил»{140*}. И действительно, решение о переходе к самостоятельным действиям должно было быть тогда делом командования группы армий, поскольку оно лучше

знало общую обстановку и располагало более широкой информацией, чем командование 6-й армии. Между тем фельдмаршал фон Манштейн 24 ноября, еще до того, как принять на себя командование группой армий, направил Паулюсу радиограмму, в которой, ссылаясь на только что полученный приказ Гитлера, указывал, что удержание волжского и северного фронтов является первоочередной задачей. Командование армии, говорилось в радиограмме, должно выделить ударные силы для того, «чтобы в случае необходимости хотя бы временно прорубить в юго-западном направлении коммуникационный коридор». К этому присовокуплялось обещание предпринять все, чтобы «пробиться извне» к окруженной армии{141}. Такое известие должно было укрепить веру командования армии в конечный успех и не могло не повлиять на его дальнейшие действия.

В формировании решений Паулюса сыграла, видимо, свою роль и память о некоторых событиях последних месяцев, например опыт сражения под Харьковом. Ведь тогда тоже в катастрофической ситуации было необходимо выиграть время, и главное командование сухопутных сил сумело отстоять свою правильную оперативную концепцию, против которой выступали командиры фронтовых соединений и частей. Возможно, на мышлении Паулюса сказывалось также устрашающее воздействие тех случаев, когда Гитлер репрессировал и смещал с постов отдельных проявивших непослушание генералов. Наконец, свое влияние – что можно понять с психологической точки зрения – оказывала, очевидно, и вера в собственные силы и военное превосходство, благодаря которым до сих пор всегда удавалось преодолевать внезапно возникавшие кризисы и находить выход из положения, каким бы трудным оно ни было.

Как бы ошибочно ни было упрощенно квалифицировать действия Паулюса лишь как бездумное и тупое повиновение приказу, его решения так же мало учитывали всю чудовищность создавшегося положения и ту ответственность, которая ложилась на него в связи с этим, как и его трудно постижимая вера в обещанное верховным командованием избавление. В самом деле, неужели приказ Гитлера мог одним махом перечеркнуть все хорошо взвешенные доводы, побуждавшие Паулюса незадолго до этого добиваться необходимой, по его убеждению, свободы действий? Неужели пережитых разочарований было недостаточно, чтобы заронить в его душу глубокие сомнения? Ведь о трудностях снабжения в зимних условиях он знал и в связи с докладной запиской главного квартирмейстера группы армий генерала Вайнкнехта, который еще в октябре предлагал отвести 6-ю армию на спрямленную линию обороны по рекам Дон и

Донец{142}. За свои скептические настроения (он считал все возможности и резервы исчерпанными) Вайнкнехт был смещен со своего поста. Так же поступил Гитлер и с командиром IV корпуса генералом фон Шведлером, который недвусмысленно высказывался против оставления 6-й армии на угрожаемых позициях в Сталинграде. Паулюс не мог не знать и подлинных причин отставки генерал-полковника Гальдера, начальника генерального штаба сухопутных сил, с которым он прежде непосредственно работал. Безрезультатность всех его предостережений, представлений и просьб в адрес вышестоящих инстанций, как и тот факт, что ему так и не были предоставлены резервы, должны были бы еще более усилить его скептицизм. Что касается снабжения окруженной группировки, то он знал, с каким обоснованным пессимизмом относились к этому авиационные генералы. Ведь он сам присутствовал при одном разговоре, в ходе которого генерал Фибиг заявил начальнику штаба Шмидту: «Снабжать целую армию по воздуху? Не получится! Наши транспортные самолеты слишком заняты в Африке и на других фронтах. Я не советую чрезмерно полагаться на нас!»

Вальтер Герлиц, стремящийся под углом зрения оперативной перспективы, какой она представлялась тогда штабу армии, оправдать решения командования армии в окруженном Сталинграде, утверждает, будто Паулюс не мог себе представить, что верховный главнокомандующий способен давать безответственные указания, и будто Паулюс тогда якобы чувствовал себя «полностью застрахованным за спиной у Гитлера». Справедливость такого утверждения представляется весьма сомнительной хотя бы уже ввиду вышеупомянутых обстоятельств, которые должны были заставить бдительного генерала, по меньшей мере, призадуматься. К тому же Паулюс в самом начале похода в Россию и сам был свидетелем поразительного легкомыслия Гитлера. Когда он однажды стал докладывать Гитлеру о трудностях снабжения войск в зимних условиях, тот пришел в неистовство: «Эту болтовню… я не намерен больше слушать. Никакой зимней кампании не будет. В этом отношении вы можете положиться на мое дипломатическое искусство. Нашей армии нужно только нанести русским несколько хороших ударов… Тогда выяснится, что русский колосс стоит на глиняных ногах. Я категорически запрещаю говорить при мне о зимней кампании!»

Трудно представить себе, чтобы Паулюс, который, как-никак, долгое время являлся преподавателем военной истории и тактики, не был способен видеть всю катастрофичность и безнадежность стратегического положения, в которое попала его

армия по вине столь же дилетантского, сколь и безответственного верховного руководства. Паулюс должен был знать, на какой чудовищный риск он идет, мирясь с приказом, который вопреки азбучным принципам стратегии отнимал у 250-тысячной армии оперативную инициативу и свободу маневра. То, чего требовал Гитлер, грозило толкнуть 6-ю армию со связанными руками под русский топор. По опыту зимы 1941 года Паулюс знал гитлеровскую концепцию ведения войны на Востоке, вершина мудрости которой сводилась к тому, чтобы любой ценой упрямо удерживать занятые позиции. По мнению Манштейна, генералу Паулюсу следовало в первые же дни окружения самостоятельно принять решение о прорыве из Сталинграда. «Стало быть, единственная возможность могла заключаться в том, – пишет он, – чтобы поставить Гитлера перед свершившимся фактом отхода армии из Сталинграда, тем более что верховное командование в течение первых 36 часов вообще не подавало о себе никаких признаков жизни». Это было как раз то, что понял и чего с такой настойчивостью требовал генерал фон Зейдлиц. Последний был к тому же убежден, что такого рода самовольные действия, повелительно диктуемые изменившейся обстановкой и имеющие своей целью продолжение борьбы, в начальной стадии битвы в окружении отнюдь не обязательно выглядели бы как неповиновение приказу. Меморандум Зейдлица содержал даже обоснование, с помощью которого можно было бы затем сообщить о свершившемся: «Для внешнего мира отступление из Сталинграда можно изобразить таким образом, чтобы это предотвратило тяжелый моральный ущерб. Например: после полного разрушения советского военно-промышленного центра Сталинграда армия, разгромившая вражескую группировку, была отведена от Волги»{143}.

О том, что действия вопреки вышестоящим приказам вовсе не обязательно должны быть загодя чем-то порочным и обреченным на неудачу, Паулюс мог знать, по меньшей мере, на одном примере. Ведь был же случай, когда его бывший главнокомандующий фельдмаршал фон Рейхенау в декабре 1941 года по стратегическим соображениям отвел войска только что переданной под его командование Южной группы армий из Ростова на линию реки Миус, несмотря на то, что Гитлер строжайше запрещал делать это. Донося об осуществленном отходе, он просто-напросто заявил, что, как он считает, это мероприятие было проведено «в духе указаний фюрера».

6-я армия, входившая в группу армий, естественно, не могла действовать в одиночку. Решение пойти на прорыв вопреки категорическому приказу высших инстанций было необходимо –

как справедливо подчеркивает генерал Рерихт{144} – согласовать с командованием группы армий, с тем чтобы эта операция была поддержана также и с внешнего фронта окружения. О том, что такая инициатива не была бы лишена шансов на успех, свидетельствует решительность, с которой командование группы армий поддерживало первоначальные оперативные планы 6-й армии. В телеграмме, направленной генерал-полковником бароном фон Вейхсом 23 ноября в адрес главного командования сухопутных сил, говорилось: «В результате прорыва 6-й армии в юго-западном направлении я ожидаю общей разрядки обстановки на фронте. Эта армия является единственной боевой силой, которая после полного выхода из строя 3-й румынской армии еще способна нанести урон противнику… Наконец, сохранившие еще боеспособность части 6-й армии представят собой незаменимое подкрепление для заново созданного оборонительного фронта и для подготовки контрнаступления».

Внутри Сталинградского «котла», в совершенно небывалой доселе обстановке, предстояло принять чрезвычайно серьезные решения. И решения эти входили не только в компетенцию главного командования сухопутных сил, но и – что нередко упускают из виду – в сферу ответственности командования группы армий, в которую входила 6-я армия. Дилемму, перед которой оказался Паулюс, нельзя не принимать во внимание. Надо помнить о ее благих намерениях и давившем на него чувстве долга; Паулюс был в гораздо более трудном положении, чем его подчиненные и критики, не несшие на себе непосредственной ответственности за судьбу армии. И все же в этой связи приходится спросить, не должно ли было командование армии проявить тогда гораздо более тонкое понимание обстановки и более глубокое, выходящее за рамки чисто военного и стратегического мышления сознание своей ответственности. Такая постановка вопроса оправдывается также наблюдаемым у них разрывом между теоретически правильным ходом мышления и практическими делами до и после получения директивы Гитлера, предписывавшей беспрекословно держать оборону. Явно соглашаясь с точкой зрения начальника штаба 6-й армии Шмидта, Герлиц не согласен с тем, что тогда было нужно найти другие решения. Говорить так, утверждает Герлиц, – это все равно что «после драки размахивать кулаками». Он считает, что действия вопреки приказу есть следствие определенной акции политического сопротивления. Опровержению подобного антиисторического взгляда посвящена специальная глава этой книги{145}.

Последний шанс

Второй кризисный период в судьбе 6-й армии пришелся на дни непосредственно перед рождественскими праздниками 1942 года, когда передовые подразделения LVII танкового корпуса в ходе начавшейся операции по деблокировке приблизились к окруженной группировке на расстояние около 50 километров. 6-я армия еще раз получила шанс на прорыв из окружения и на спасение. Перед Паулюсом вновь встал вопрос о самостоятельных решениях и о свободе действий. Обе встречные операции – операция по деблокированию, которая носила кодовое название «Зимняя гроза» и предусматривала создание при активном содействии 6-й армии коммуникационного коридора для снабжения окруженной группировки, предполагая удержание позиций на Волге, и операция «Удар грома», имевшая своей целью постепенную эвакуацию «котла» и оставление Сталинграда, – были подробно описаны в главе, посвященной Манштейну. Теперь же нам важно подробнее рассмотреть факторы, повлиявшие на характер решений командующего и обусловившие пассивность окруженной армии.

Было совершенно очевидно, что войска немецкой группировки, уже пожиравшие лошадей, катастрофически утратили боеспособность, главным образом из-за совершенно недостаточного снабжения. Транспортные самолеты были в состоянии обеспечивать лишь одну десятую потребности армии. Потери личного состава в результате тяжелых оборонительных боев не восполнялись, не хватало боеприпасов и горючего. Короче говоря, армия роковым образом уже утратила маневренность, и ее ударная сила в ужасающей степени ослабла. Несмотря на это, готовился прорыв на южном участке «котла». С этой целью под командованием генерала Хубе создавалась ударная группа прорыва. В ее состав было включено около 80 уцелевших танков, которые, правда, имели горючего всего лишь, как говорили, на какие-нибудь 20-30 километров и поэтому в случае нужды были способны лишь на короткий рывок. После того как шедшие на выручку части в результате ожесточенных боев вышли на рубеж реки Мышковой, Манштейн отдал 6-й армии приказ как можно скорее начать наступление по плану «Зимняя гроза» и в случае необходимости прорываться на соединение с продвигающимися навстречу частями, с тем чтобы «протолкнуть» через вражеское кольцо шедшие за ними колонны автомашин с боеприпасами, горючим и продовольствием. Вторая часть операции «Удар грома» должна была последовать непосредственно за этим. Однако для того, чтобы начать ее, требовался еще один «особый приказ»{146}. Гитлер, думавший лишь о создании своего рода шланга для перекачки в «котел» боеснабжения и преисполненный

фанатичной решимости оставить армию в Сталинграде, противился оперативным замыслам Манштейна, который в свою очередь не хотел самовольно отдавать ожидаемого Паулюсом приказа о прорыве. Командование 6-й армии не считало возможным начать частичный прорыв в соответствии с планом «Зимняя гроза» до тех пор, пока оставался в силе приказ удерживать фронт на Волге. Оно выдвинуло целый ряд условий, потребовав, в частности, предварительно подбросить в Сталинград подкрепление в живой силе и пополнить запасы горючего, а также предоставить ему шестидневный срок для подготовки операции. Паулюс и Шмидт были убеждены, что те силы, которые необходимы для создания и удержания задуманного командованием предмостного укрепления, могут быть сняты армией с других участков ее фронта лишь в том случае, если рывок в направлении этого коридора повлечет за собой в скором времени эвакуацию всего «котла». Поэтому Паулюс настаивал на быстрейшем осуществлении всеобщего прорыва, то есть операции «Удар грома». Однако Манштейн в разговоре по радио 23 декабря – кстати, в тот момент, когда уже было решено приостановить операцию по прорыву к Сталинграду извне, – заявил Паулюсу: «Санкционировать операцию сегодня не могу. Надеюсь, решение последует завтра». Однако эта санкция так никогда и не была дана. Тем самым Манштейн поставил подчиненного ему командующего армией в чрезвычайно тяжелое положение.

Паулюс стоял перед необычайно трудным решением. Оперативные возможности его армии были ограничены. Она в значительной степени утратила свою маневренность и к тому же из-за непрекращающихся вражеских атак практически была лишена возможности отвести с передовой ударные части, предназначенные для осуществления прорыва. Тем самым запланированная операция по прорыву окружения и соединению с деблокирующими войсками была связана с огромным риском. Ввиду скудности информации, поступавшей из штаба группы армий, и неясных указаний Манштейна командование 6-й армии в эти решающие дни было в значительной мере сковано в своих действиях. Во всяком случае, оно считало возможным перейти в наступление лишь в тот момент, когда шедшая на выручку группа армий Гота приблизится к «котлу» на расстояние 30 километров. Явно недооценив нависшую над армией смертельную угрозу и не сумев преодолеть бесконечные колебания и сомнения, Паулюс и Шмидт оказались не в состоянии решиться на прорыв. Их страшил громадный риск, так как при попытке прорваться – что было бы в любом случае почти актом отчаяния – армия,

очутившись в зимней степи и со всех сторон атакованная превосходящими силами противника, могла бы погибнуть. Несомненно, тщательно взвесив ограниченные технические возможности и весьма малые шансы на успех операции по прорыву, Паулюс пришел к выводу, что он не может взять на себя такую ответственность. При этом вопреки утверждению Манштейна боязливая оглядка на приказы Гитлера во что бы то ни стало удерживать позиции, очевидно, не играла решающей роли. Вернее, Паулюс целиком и полностью полагался на командование группы армий «Дон» и на своего обожаемого главнокомандующего фельдмаршала фон Манштейна. От него он ждал решающего приказа об окончательной сдаче Сталинграда. По всей видимости, Паулюс даже не помышлял действовать без указаний Манштейна или наперекор ему.

В последние годы своей жизни Паулюс горько сетовал на то, что Манштейн в своих мемуарах задним числом упрекал его в слепом послушании Гитлеру и взвалил на него главную ответственность за неудачу всей операции по деблокировке. В беседах со своим сыном он то и дело возвращался к этому вопросу. Он указывал, что Манштейн неизменно «без каких-либо оговорок» препровождал ему приказы главного командования сухопутных сил и что у него не было ни малейшего повода думать, что эти приказы не встречают одобрения у командования группы армий. Паулюс подчеркивал, что ему никогда, ни на какой стадии битвы не давалось разрешения и тем более прямого указания идти на прорыв. И Манштейн никогда не подавал ему и намека, что он не одобряет или осуждает приказы Гитлера. «Тот, кто тогда не считал возможным дать мне приказ или разрешение осуществить прорыв, не имеет права писать сегодня, что он желал от меня подобных действий и одобрил бы их…»{147}

О том, что происходило в те роковые дни между 19 и 23 декабря, Паулюс вспоминает лишь в самых общих и туманных выражениях. Некоторые моменты тактического и стратегического характера, а также существовавшие тогда возможности пока что остаются невыясненными. Доступные источники также еще не позволяют с уверенностью сказать, сколько танков и какие резервы горючего армия тогда действительно имела в своем распоряжении для осуществления прорыва. Хотя этой трагической фазе сражения сопутствовали многие, не поддающиеся учету, обстоятельства, историки все же вправе надеяться, что разобраться в этом поможет последующая публикация официальных документов, дневников боевых действий и не в последнюю очередь заметок начальника штаба армии. По-видимому, именно на них в значительной степени

опирается в своих исследованиях Герлиц, перечисляя отрицательные и тормозящие факторы, влиявшие тогда на решения командующего армией и его штаба: неясность указаний командования группы армий, низкая боеспособность частей, сложность проведения перегруппировки в условиях окружения, слишком большое расстояние между окруженной группировкой и войсками деблокирующей группы, противодействие противника и, наконец, неведение относительно обстановки на фронте.

Учитывая тревоги и сомнения, вокруг которых целиком вертелись мысли командования армии, следует все же спросить, осознавало ли оно вообще с достаточной отчетливостью стоявшую тогда грозную альтернативу. Вопрос стоял так: последняя попытка спастись, идя на прорыв, либо же неотвратимая гибель. Прекращение снабжения по воздуху и невозможность удерживать далее «крепость на Волге» давали столь же мало оснований сомневаться в катастрофичности создавшегося положения, как и то, о чем говорилось в сообщениях штаба группы армий, направившего 19 декабря в расположение 6-й армии своего представителя майора Эйсмана для изучения обстановки на месте. Имеется достаточно свидетельств, подтверждающих, что проходившая большей частью в обстановке секретности материальная и моральная подготовка армии к прорыву велась без необходимой целеустремленности и решительности. Характеризуя позицию командования армии в те дни, когда решался вопрос о жизни и смерти армии, Манштейн воспроизводит отрывки из разговора, состоявшегося 21 декабря между начальником его штаба и генералом Шмидтом. Вот запись этого разговора: «Командующий армией, считающий предпосылкой прорыва переброску воздушным путем подкрепления в живой силе (что было неосуществимо), заявил, что если это подкрепление обеспечено не будет, то следует воздержаться от прорыва. Необходимо перебросить по воздуху такое количество продовольствия и снаряжения, чтобы окруженная группировка вновь обрела боеспособность и получила достаточное количество боеприпасов для того, чтобы удерживать оборону. Надеемся, что сможем определенное время продержаться и без пополнения. В общем мы придерживаемся мнения, что операция „Удар грома“ является аварийной мерой, которой в случае возможности следует избежать»{148}.

Автору исторического исследования придется все время возвращаться к вопросу, не должен ли был Паулюс в те кризисные дни, невзирая на все чинившиеся сверху помехи и одолевавшие его сомнения, проявить решительность в своих действиях. Тот факт, что прорыв так и не состоялся, вызвал тяжелое

разочарование не только у солдат и офицеров окруженной группировки, но и в деблокирующих частях и в штабе группы армий «Дон». Генерал-полковник Гот, командовавший 4-й танковой армией и руководивший операцией по деблокировке, недоумевал, почему 6-я армия не нанесла встречного удара, когда деблокирующие войска вышли на рубеж реки Мышковой. «Важно было не то, как далеко ей удалось бы продвинуться, а сам факт прорыва окружения». То обстоятельство, что LVII танковый корпус сковал значительные силы противника, могло бы иметь при этом благотворные последствия. Появилась бы также возможность в результате своевременного рывка изнутри кольца снова привести в движение части деблокирующей группировки, увязшие в тяжелых боях на реке Мышковой. Так же и Манштейн считает, что без большого риска нельзя было рассчитывать на спасение 6-й армии. «Нужно было довольствоваться тем, что удастся собрать, то есть наносить удар наличными силами и теми запасами горючего, которые удалось перебросить по воздуху в дни подготовки армии к наступлению»{149}. Манштейн никоим образом не исключал риска. «И все же надежда снова обрести свободу, спастись от смерти или плена, видимо, помогла бы частям армии осуществить то, что казалось невозможным»{150}. Можно с уверенностью предполагать, что прорыв из окружения высвободил бы последние остатки духовной энергии у солдат, сознававших роковую серьезность обстановки. Во всяком случае, русские боялись тогда оказаться меж двух огней, после того как они до начала наступления своей 2-й гвардейской армии уже были вынуждены под ударом деблокирующих немецких войск потихоньку оттягивать свои силы с внутреннего фронта окружения»{151}.

Движимая мужеством отчаяния, людская масса – около двадцати дивизий, сосредоточивших свою мощь на участке прорыва, по-видимому, смогла бы большей частью спастись от уничтожения. Эти активные действия наверняка облегчили бы положение частей Гота, и возможно, что в минуту крайней нужды в частях окруженной группировки выявились бы скрываемые дотоле запасы горючего и боеприпасов, которые могли бы весьма пригодиться. Конечно, рассчитывать на успех без очень больших жертв ни в коем случае не приходилось, тем более что и наступление деблокирующей группировки, осуществляемое недостаточными силами, грозило захлебнуться. Армии наверняка пришлось бы бросить большую часть своего тяжелого вооружения, технических и транспортных средств, а также раненых и больных.

Если Паулюс не смог решиться на эту отчаянную попытку, то причиной тому было, очевидно, не слепое повиновение Гитлеру.

Отказ от последнего шанса на спасение своей армии, который, как бы то ни было, таился в этом огромном риске, объяснялся – в этом ему можно верить – пониманием огромной ответственности. И от этой ответственности его никто не мог избавить. Полководец типа Блюхера, Рейхенау или Роммеля, надо полагать, не стал бы в такой обстановке слишком долго раздумывать и колебаться, а действовал бы по собственному усмотрению и без оглядки.

Самопожертвование и гибель по приказу начальства

Заключительная фаза Сталинградской битвы, ознаменовавшаяся неописуемыми страданиями и массовой гибелью обреченных солдат 6-й армии, всесторонне освещена в соответствующих главах настоящей книги. В мемуарах Паулюс старается объяснить свои тогдашние действия, характерной чертой которых было присущее командующему армией железное упорство в осуществлении однажды принятого решения, родившегося в муках тяжких раздумий. После того как в рождественские дни 1942 года исчезла всякая перспектива на скорое высвобождение из неумолимо сжимавшихся тисков, он видел свою главную задачу в том, чтобы любой ценой удерживать занимаемые позиции. Такое решение было связано со смутной, но непрерывно подогреваемой в высших штабах надеждой, что последует новая деблокировка и ее предпримут со всех направлений при поддержке мощных танковых сил. Новогодняя радиограмма Гитлера призывала 6-ю армию «непоколебимо верить», что «фюрер не оставит в беде сражающихся на Волге героев». Та обнадеживающая информация о намерениях верховного главнокомандования, которую привез с собой после встречи с Гитлером генерал Хубе, как подчеркивает Паулюс, наряду с поступавшими приказами сыграла решающую роль при отклонении русского предложения о капитуляции 8 января 1943 года. Как было тогда обещано, снабжение по воздуху будет реорганизовано на новой расширенной основе и для осуществления операции по деблокировке подбросят танковый корпус «СС». Во второй половине февраля должно было развернуться контрнаступление, в результате которого, как тогда утверждали, удастся «превратить Сталинград в великую победу». Предпосылкой этого должна была стать стабилизация южного крыла Восточного фронта и отвод армий с Кавказа. Но действительно ли генерал-полковник Паулюс, хорошо знавший катастрофически ухудшавшееся состояние своих войск и обстановку на месте, еще верил тогда в возможность своевременного избавления? Этот вопрос он обходит. Однако несомненно, что Паулюс был убежден в необходимости, по стратегическим соображениям, во что бы то ни стало продолжать

борьбу и в интересах всей кампании удерживать занимаемые позиции. И высшие штабы неизменно укрепляли в нем эту уверенность. «Сообщения генерала Хубе, – пишет Паулюс, – как и аналогичные высказывания командующего группой армий, обязывали меня любой ценой удерживать фронт, если я не хотел взять на себя ответственность за развал южного крыла и тем самым всего Восточного фронта не только перед верховным командованием, но и перед всем немецким народом».

В связи с этим нельзя пройти мимо письменных указаний, в которых фельдмаршал Манштейн в начале января 1943 года, отвечая на экстренные запросы Паулюса относительно организации прорыва, пытается снять бремя ответственности с подчиненного ему командующего армией. В этих указаниях, как их излагает Паулюс, говорилось примерно следующее: «… Я понимаю и разделяю те опасения и тревоги, которые внушает вам судьба 6-й армии. Однако вышестоящие инстанции более широко информированы, лучше знают, что диктует обстановка, и несут ответственность за свои решения. Ваша задача состоит в том, чтобы всемерно содействовать выполнению полученных вами приказов. За то, к чему это приведет, вы не несете никакой ответственности». И Паулюс добавляет: «То обстоятельство, что командующий группой армий до самого конца солидаризировался с приказами главного командования сухопутных сил, также влияло на мои поступки. Фельдмаршал Манштейн пользовался репутацией особенно авторитетного в оперативных вопросах человека, способного отстоять свое мнение перед Гитлером».

Когда в результате уничтожающего русского наступления «котел» был раздавлен и зажатая со всех сторон 6-я армия, начиная с середины января, билась в неописуемо мучительной агонии, Паулюс продолжал до самой последней минуты упорно придерживаться внушаемого ему свыше взгляда, что 6-я армия, жертвуя собой, призвана связать вражеские силы с тем, чтобы способствовать восстановлению или даже, быть может, спасению остального фронта. Он был в этом убежден и после того, как дважды повторенная им просьба разрешить капитуляцию, которую он и сам теперь уже признавал необходимой, была неумолимо отвергнута высшим командованием. Паулюс видел, какие адские мучения терпит его армия. В его записях есть такие слова: «Сознание всех этих ни с чем не сравнимых мук моих солдат и офицеров тяжелым грузом давило на мои решения. В конфликте между долгом повиновения приказу, о котором мне то и дело напоминали, подчеркивая, что важен каждый лишний час, и долгом человечности по отношению к моим солдатам я считал,

что должен отдать приоритет долгу повиновения».

В другом месте своих записок Паулюс, как бы подытоживая свои мысли, на которых заметен отпечаток более поздних тяжелых раздумий, более обстоятельно излагает свои взгляды на этот счет. Там он говорит об угнетавшем его неразрешимом противоречии между сыпавшимися сверху категорическими приказами во что бы то ни стало удерживать фронт и соображениями гуманности, требовавшими прекращения сопротивления. Стратегическая обстановка в целом, как он считает, «повелевала стоять насмерть и принести себя в жертву», чтобы избежать еще больших жертв на других участках и крушения всего фронта. Тогдашняя ситуация, замечает Паулюс, не могла оправдать самовольных действий на передовой линии фронта, ибо субъективно осознанная безвыходность положения, сулившего гибель или плен, еще не давала сознающему свою ответственность командующему права нарушать приказ. В тех условиях ни армия, ни народ не поняли бы подобных действий, поскольку это по своим последствиям было бы «революционным политическим актом против Гитлера». К тому же, по мнению Паулюса, самовольная сдача позиций в Сталинграде дала бы Гитлеру повод свалить всю вину за начавшее уже вырисовываться военное поражение на генералов, тем самым, создав почву для новой легенды об «ударе кинжалом в спину»{152*}. Политические намерения, как заявляет Паулюс, были чужды ему. «Я был солдатом и считал тогда, что служу своему народу именно тем, что повинуюсь приказу».

Субъективную честность и искренность выдвигаемых Паулюсом аргументов не следует оспаривать. Однако подобные теоретические рассуждения, которые во многих отношениях механически переносят повседневные правила поведения на нераспознанные в самой своей сути и совершенно исключительные по своим чудовищным последствиям условия, показывают, в какой ужасающей степени командующий армией как типичный выразитель профессионально военного образа мышления оказался не в состоянии правильно оценить сложившуюся ситуацию и историческую значимость своих решений. И Паулюс спасовал не только в том отношении, что в силу своей аполитичности не смог подняться над событиями. Во второй половине января требовалось не столько совершить осознанную политическую акцию, сколько принять справедливое с точки зрения человеческой нравственности решение. Ибо охватившая армию агония, не прекращенная приказом командования, разрушала все понятия о воинской этике уже потому, что сама она возникла в нарушение законов

нравственности. Что же касается опасности возникновения новой легенды об «ударе кинжалом в спину», то ответ на этот вопрос мог быть найден и в ином плане.

В начале второй недели января был отвергнут русский ультиматум. К этому времени истерзанная голодом, эпидемиями и морозом армия, несмотря на сохранившиеся у нее остатки боеспособности, находилась в таком состоянии, когда по прежним представлениям могла бы, как это утверждает один из лучших знатоков Сталинградской битвы, произойти «почетная капитуляция».

10 января, когда началось русское генеральное наступление, в дневнике боевых действий вермахта появилась запись: «Суточная продовольственная норма 6-й армии составляет ныне 75 граммов хлеба, 200 граммов конины, включая кости, 12 граммов жиров, 11 граммов сахара и 1 сигарета. К 20 января будут забиты все лошади»{153}. В этой обстановке командующий армией был обязан самым тщательным образом продумать, ради чего и с какой целью с его санкции приносятся в жертву десятки тысяч людей. На другой чаше весов он был обязан взвесить ценность бросаемых на ветер человеческих жизней. От этой ответственности его не могли избавить ни слабое знание общей обстановки на фронтах, ни приказ высшего командования.

Дневник военных действий оперативного штаба вермахта с сухой лаконичностью зафиксировал 23 января чреватые зловещими последствиями события: «На поставленный вчера вечером генералом Цейцлером вопрос, можно ли теперь разрешить 6-й армии капитулировать, фюрер ответил отрицательно. Он заявил, что армия должна сражаться до последнего человека, чтобы выиграть время. На соответствующую радиограмму фюрера в адрес 6-й армии генерал-полковник Паулюс ответил: „Ваши приказы будут выполнены, да здравствует Германия!“{154}

Почему командующий армией вообще счел нужным на заключительной стадии трагедии, разыгравшейся по вине Гитлера, снова обращаться к верховной инстанции с запросом, ответ на который, судя по предшествовавшему опыту, был заранее предрешен. И зачем ему было лишний раз афишировать свою готовность повиноваться приказу, остается по сей день неясным. Генерал Дерр со всей суровостью осудил этот шаг. «Тот факт, – писал он, – что облеченный ответственностью за свои войска командир, находясь в подобной ситуации, вместо того чтобы действовать по своему усмотрению, обращается к находящемуся за 2 тысячи километров от фронта верховному главнокомандующему за разрешением капитулировать, не

соответствовал немецким солдатским традициям. 24 января можно было настолько ясно представить себе, какие ужасные формы и масштабы примет надвигающаяся катастрофа, что генерал Паулюс при любой трактовке солдатского долга и традиций имел право и был обязан оценить жизнь более чем 200 тысяч солдат выше, чем утратившее свой смысл предписание инстанции… История никогда еще не признавала за каким-либо полководцем права приносить в жертву жизни своих солдат после того, как они лишились способности сражаться».

В последние дни Сталинградской трагедии действия командования армии характеризовались внутренней противоречивостью. До самого горького конца руководители армии настаивали на выполнении бесчеловечного приказа сражаться до последней возможности, обрекая свою армию на верную гибель, однако в то же время разрешали отчаянные попытки разрозненных групп прорваться из окружения. Заставляя своих солдат в соответствии с приказом высшего командования стоять насмерть, сами они предпочли уклониться от участия в этом последнем сражении. Отправив в адрес Гитлера поздравительную телеграмму по случаю годовщины установления нацистского режима, насквозь проникнутую ложным пафосом и превозносившую отказ капитулировать как образец солдатской доблести, они вступили в переговоры с русскими и вместе со штабной охраной сдались в плен, не отдав приказа о капитуляции продолжавшим еще борьбу подразделениям в отсеченной северной части «котла». Только что произведенный в фельдмаршалы Паулюс в последние дни сражения уже не держал бразды командования в своих руках, сникшим и надломленным человеком отправился он в плен. Он хотел, чтобы его считали «частным лицом», и, не поддаваясь на уговоры высших советских генералов, упорно отказывался использовать свое влияние для того, чтобы побудить к капитуляции остатки своей армии{155}. Его поведение привело в бешенство Гитлера, ожидавшего, что Паулюс покончит жизнь самоубийством. На оперативном совещании 1 февраля Гитлер изливал на голову злосчастного командующего потоки безудержной брани, называя его трусом и заявляя, что своей сдачей в плен он пустил насмарку героизм своих солдат{156}. Никто из присутствовавших на совещании высших офицеров, среди которых был и Цейцлер, не решился перечить взбешенному диктатору и произнести хоть единое слово оправдания или сочувствия в адрес Паулюса. Гитлер явно хотел, чтобы самоубийство командующего армией, которому он в награду за беспрекословное повиновение присвоил высшее военное звание, помогло ему отвлечь внимание общественности

от подлинного виновника этого сокрушительного разгрома. Глубоко разочарованы – разумеется, в совершенно ином плане – были и участники Сопротивления, которые тщетно надеялись, что Паулюс, пока еще не поздно, станет действовать вопреки безрассудным приказам или же во всеуслышание заявит гневный протест против них. «В кружке Бека знали слабости его характера. Было бы важно, если бы Паулюс решился хотя бы в последний момент перед гибелью армии апеллировать к немецкому народу, страстно заклеймив безумство военного и государственного руководства. Тем самым он разорвал бы густую завесу пропагандистской лжи, призванную скрыть от народа правду о Сталинграде»{157}.

Издатель архива Паулюса Вальтер Герлиц в своих комментариях и исследованиях, посвященных Сталинградской битве, не раз жаловался на то, что современные немецкие историки «гораздо более склонны видеть в Сталинградской битве несказанные бедствия, которыми сопровождалась гибель армии, чем тот факт, что в этой безвыходной ситуации, среди горького разочарования и отчаяния, десятки тысяч людей – генералов, офицеров и солдат – находили в себе мужество погибнуть с честью»{158}. В действительности же то, что происходило в последнем акте этой трагедии, не содержало в себе ничего возвышенного, а было лишь спекуляцией на солдатских добродетелях и последним пагубным проявлением привитого солдатам искаженного чувства долга перед приказом. В том, чтобы исследовать и вскрыть это явление, я вижу больше пользы, чем в стремлении погрузиться в абстрактное рассмотрение понятий о солдатской чести, которые были тогда поставлены на службу сомнительным целям – ведь и всякая самоотверженность лишается своего внутреннего содержания, когда человек уже не знает, ради чего он жертвует собой. Карл Ясперс метко охарактеризовал подобную ситуацию в следующих словах: «Все превратилось в бездушный механизм слепого повиновения и дисциплины, который сковывал в солдатах всякую живую мысль, в сплошную бесчеловечность, облаченную в выхолощенные фразы… Где имеет место не самопожертвование, а лишь повиновение приказу под страхом смерти, там эти действия окружаются фальшивым ореолом героизма»{159}.

Трагедией 6-й армии навсегда останется то, что она была принесена в жертву совершенно бессмысленно и без всякой пользы для хода военных операций{160}.

В этом ничего не меняет и то обстоятельство, что она на какое-то время сковывала значительные силы противника, не давая использовать их на других фронтах. Что это не имело тогда

решающего значения для судьбы южного крыла Восточного фронта, подтверждает в своих мемуарах Цейцлер, который расценивает утверждения о якобы выполнявшейся 6-й армией исторической миссии как пропагандистский аргумент, придуманный Гитлером в целях самооправдания{161}. Склонность чрезмерно выпячивать стратегическое значение стойкого сопротивления 6-й армии мы замечаем и у Герлица. Здесь было бы уместно привести слова генерала Дерра: «Если ныне в посвященных Сталинграду исследованиях с серьезным видом повторяются выдвинутые в свое время Гитлером утверждения, будто „принесение в жертву 6-й армии“ было необходимо из военных соображений, то в этом проявляется лишь полнейшее непонимание того, в чем заключается сущность военного искусства, не говоря уже об антигуманности такого подхода к делу».

В беглом и противоречащем логике заключительном разделе составленной им биографии Паулюса Герлиц утверждает, что «самым тяжелым последствием Сталинграда» явился «всеобщий подрыв веры» в связи с поражением на Волге, а также «внутренний распад солдатской верности». Явно преувеличивая, он заявляет, что это «духовное опустошение» расшатало традиционные представления о всяких формах субординации и смешало в кучу такие элементарные понятия, как честь, повиновение, приказ, дисциплина, боевое рвение и самоотверженность. Те полезные уроки, которые извлекли и продолжают извлекать из Сталинградской битвы мыслящие люди, он, по всей видимости, считает чем-то таким же пагубным, как и попытку доискаться смысла принесенной жертвы и уяснить себе нравственную сторону слепого повиновения. Его скоропалительные и к тому же двусмысленные оценки никоим образом не охватывают всей сложности сталинградской проблематики. Именно в связи с этим приходится с разочарованием констатировать, что труд Герлица, претендующий на то, чтобы разрушить легенды, оказывается не в состоянии дать читателю что-либо существенно новое. А ведь прошедшее после сталинградских событий время и ставшие доступными источники позволяют сделать определенные общие выводы и со всей остротой поставить вопрос, в чем заключаются уроки Сталинградской битвы. На этот вопрос Герлиц не ответил.

Однако вернемся напоследок еще раз к образу злосчастного фельдмаршала Паулюса! Пожалуй, история знает немного случаев, когда крупный военачальник так внезапно свалился с вершины своей карьеры и славы в бездну военной и человеческой катастрофы. Во время Сталинградской битвы на его плечах лежало прямо-таки непосильное бремя ответственности. Трагедия этого полководца, безупречного в личном плане, но в силу чудовищно исключительной по своему характеру обстановки оказавшегося поставленным перед непосильными для него задачами, заключалась в том, что гипертрофированное восприятие своего долга перед приказом свыше парализовало в нем волю к самостоятельным действиям. Утверждение Паулюса, будто попытка прорваться из окружения на собственный страх и риск означала бы «анархию в управлении войсками», как и заявление комментатора его записок о том, что отказ от сопротивления до последней возможности был бы равносилен «мятежу», представляются притянутыми за волосы и неоправданными. «Если бы Гитлер и главное командование сухопутных сил, ясно осознав катастрофическую ситуацию 6-й армии, сделали бы соответствующие оперативные выводы, то командованию армии не пришлось бы требовать от своих солдат невозможного»{162}.

Если не считать заключительной фазы битвы, в которой Паулюс – несомненно, вследствие также физического и нервного перенапряжения – оказался не на высоте своего положения в тот самый момент, когда перед лицом бесчеловечных приказов свыше он один имел право решать, как поступить, то вопрос об ответственности за все происшедшее в целом можно ставить лишь в более широком плане и с учетом тогдашней субординации. В этой книге со всей отчетливостью уже отмечалось, в какой степени командующий группой армий, в состав которой входила 6-я армия, был причастен к этой ответственности и непосредственно влиял на формирование решений командующего армией.

Паулюса следует рассматривать как типичного представителя офицерской касты, к которой он принадлежал, как сына своего времени и своего поколения. Как в положительном, так и в отрицательном смысле он был продуктом своего воспитания и окружающей среды. Склад его мышления и взгляды других генералов определялись кажущейся преемственностью солдатских традиций и строгих понятий о чести, которые в действительности были постепенно выхолощены Гитлером. Будучи только солдатом, лишенным собственных политических убеждений, он интересовался исключительно тактико-

стратегическими аспектами ведения войны, перенесенной верховным главнокомандующим в совершенно иную сферу, где на первом плане стояли политические и психологические моменты и лишь на последнем – военные. Подобно большинству других высших офицеров, он оказался бессильным перед вероломством диктатора. Как и они, Паулюс воспринимал приказы и свой долг повиноваться с той чрезмерной прямолинейностью, которая при диктаторском режиме и в условиях тоталитарного государства чревата самыми роковыми последствиями. Тем не менее, он был далек от того, чтобы ставить под сомнение компетентность Гитлера. Ввиду этого Паулюс, будучи лояльным исполнителем воли и одновременно жертвой Гитлера, символизирует собой многих, слишком многих людей. Как и Паулюс, они могли и должны были действовать иначе.

Однако в одном существенном отношении Паулюс все же отличается от большинства своих коллег-генералов, в том числе от фельдмаршала фон Манштейна, возглавлявшего в свое время группу армий, которой он подчинялся: Паулюс безоговорочно признал лежавшую на нем ответственность{163}. Он счел также уместным высказать мысли и выводы, к которым он впоследствии пришел, сказать о своем ложном пути. «Генералы, – писал Паулюс, – были продуктом окружающей среды и своего воспитания. Они видели свою задачу в том, чтобы поставить свое „ремесло“ на службу главе государства и тем самым, как они субъективно понимали, – немецкому народу. Некоторые проявления нацизма, шокировавшие их, они осуждали, другие роковые проявления проходили мимо них. Корней же всего происходящего они были не в состоянии распознать. Субъективно они верили, что служат своему народу. Объективно они стали столпами отвергаемого ими самими и пагубного для немецкого народа режима. Результатом этого стала повсеместно распространившаяся безответственность, которая проявлялась и в сфере управления войсками, вызывая ужасающие последствия Я сам шел по ложному пути и теперь не боюсь признать это»{164}.

Роль генерала Зейдлица в немецкой группировке на Волге

В этой главе впервые удалось использовать записки генерала фон Зейдлица. Речь идет о разрозненных личных воспоминаниях, отдельных не публиковавшихся до сих пор документах, письмах и многочисленных письменных ответах на запросы, с которыми автор настоящей книги обращался к генералу как одному из главных свидетелей битвы на Волге. В ссылках на источники и в примечаниях эти материалы фигурируют как «Записки В. фон Зейдлица».

СРЕДИ ВЫСШИХ военачальников немецкой группировки на

Волге был человек со звучной фамилией, воплощавший в себе лучшие традиции прусского и германского офицерства. Этим человеком был командир армейского корпуса генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах. Ввиду проявленных способностей и боевых отличий этот генерал предназначался высшим командованием на более высокий пост. Предполагалось, что он сменит Паулюса на посту командующего 6-й армией. Об этом сообщил Паулюсу в конце октября 1942 года главный адъютант Гитлера генерал-майор Шмундт, возглавлявший одновременно управление кадров сухопутных сил{165}.

Самого же Паулюса – как мы теперь знаем – прочили в начальники главного штаба вермахта на место генерал-полковника Йодля. Для этого поста он, учитывая его опыт успешной работы в генеральном штабе сухопутных сил, а также, видимо, и политическую лояльность, казался особенно подходящим кандидатом{166}.

Начавшееся генеральное наступление советских войск помешало осуществить намеченную смену командования. Возникает вопрос: как сложилась бы судьба сотен тысяч немецких солдат под Сталинградом в ту роковую осень и зиму, если бы вместо осторожного, колеблющегося и чересчур доверчиво повинующегося генерала Паулюса бразды командования армией держал в своих руках такой решительный, боевой генерал, как Зейдлиц. Образ генерала фон Зейдлица рисуется столь же противоречиво, как и образ Паулюса. В немалой степени это происходит потому, что оба они, оказавшись в плену, призвали к свержению Гитлера, своего недавнего верховного военного руководителя, которому они когда-то присягнули на верность и в котором затем узрели человека, влекущего их родину в пучину катастрофы. Политическая роль, которую Зейдлиц также играл как один из руководителей движения «Свободная Германия», уже получила свою оценку со стороны историков{167}{168*}.

Генерал Зейдлиц наряду со многими другими немецкими генералами, оказавшимися в советском плену, играл значительную роль в НКСГ. В частности, Зейдлиц вместе с генералами Корфесом и Латманом побудил трех немецких генералов – командиров корпусов из бывшей группы армий «Центр» – рассказать в листовках солдатам и офицерам вермахта правду о положении на Восточном фронте, о разгроме группы армий «Центр», который замалчивался в сводках гитлеровского верховного командования и в немецких радиопередачах. НКСГ призывал немецких солдат покончить с гитлеровской войной.

Фальсификаторы истории в Западной Германии всячески искажают роль НКСГ и замалчивают его деятельность, которая

была направлена против преступной клики Гитлера.

Тщетная, но тем не менее примечательная в историческом плане попытка немецких военнопленных объединиться с коммунистическими эмигрантами для организации сопротивления Гитлеру была расценена в обстоятельном исследовании Бодо Шойрига как политическое и психологическое последствие небывало чудовищной ситуации, в которую попала загубленная на Волге 6-я армия, а также того факта, что в Сталинграде открыто проявился преступный характер нацистского режима. Однако при характеристике генерала фон Зейдлица его все еще продолжают огульно предавать анафеме, преднамеренно упрощая действительное положение вещей. Многие немцы – особенно из того сословия, к которому принадлежал Зейдлиц, – не сумев должным образом идейно и политически перебороть в себе недоброе прошлое, за которое все они несут часть вины, считают себя вправе поливать его грязью. Они не могут и не хотят простить Зейдлицу, что он прошел отличным от них путем сквозь грозные времена, насыщенные горестями, заблуждениями и самообманом.

В задачу нашего труда, посвященного проблематике Сталинграда, не входит более подробное рассмотрение роли генерала фон Зейдлица в плену. Как бы то ни было, в поведении Зейдлица в этот период нельзя механически искать ключ к оценке его действий во время битвы в окружении на Волге, как это иной раз делается. Роль, которую играл Зейдлиц в немецкой группировке на Волге, нередко изображается в литературе в драматизированном, искаженном и одностороннем свете. Нет недостатка и в попытках дискредитировать этого генерала, преуменьшить или даже ради удобства обойти молчанием значение того, к чему он стремился и что совершил тогда. В результате этого сплошь и рядом возникает противоречивая, пестрящая контрастами картина: Зейдлиц предстает то неким последователем Йорка, осмотрительным человеком, в противовес Паулюсу энергично настаивавшим на прорыве из окружения и своевременной капитуляции, то доморощенным стратегом, не способным понять глубокие оперативные замыслы, непослушником и нарушителем дисциплины, политическим смутьяном и бунтарем. Всю эту пеструю массу во многих отношениях сомнительных оценок необходимо скорректировать таким образом, чтобы вещи предстали в своем подлинном виде. С этой целью мы еще раз вспомним решающие этапы битвы в окружении, обратив особое внимание на поведение генерала фон Зейдлица. Такой критический обзор поможет глубже осознать политические и нравственные уроки Сталинграда и наряду с этим

в интересах исторической правды развеять старые и новые легенды.

Изматывающие бои в городе на Волге

Среди немногих дошедших до нас примечательных документов, относящихся к первым дням трагической битвы на Волге, мы находим свидетельство, достойное мыслящего солдата и проникнутое чувством ответственности. Таким свидетельством, бесспорно, является памятная записка «Оценка обстановки» от 25 ноября 1942 года, в которой генерал фон Зейдлиц вновь характеризует всю чудовищность положения окруженной армии и обращается к командующему армией Паулюсу с призывом действовать вопреки приказу Гитлера, если этот приказ не будет отменен. Эта памятная записка и содержавшиеся в ней смелые выводы явились плодом долгих тревожных наблюдений и раздумий, борьбы противоречивых мыслей и чувств, не переставших мучить генерала с самого начала битвы за Сталинград. Можно сказать, что памятная записка имела свою предысторию, без которой невозможно правильно оценить ее подлинное значение. Поэтому представляется важным воскресить ту обстановку, в которой она появилась на свет, обратив особенное внимание на оперативное мышление и действия генерала фон Зейдлица во время битвы за овладение Сталинградом и в начальный период русского контрнаступления.

После того как командование 6-й армии 19 августа 1942 года отдало приказ о захвате Сталинграда, LI армейский корпус, которым командовал генерал фон Зейдлиц, почти все время действовал на решающих участках битвы. В сентябре на его долю выпали самые тяжелые бои за упорно и ожесточенно обороняемый русскими центр города, в то время как противник при поддержке сотен танков все снова и снова пытался прорвать Северный фронт армии между Доном и Волгой, с тем чтобы зайти в тыл передовым пехотным дивизиям. В кровопролитных боях за каждую улицу и за каждый дом подразделения LI корпуса шаг за шагом продвигались вперед, захватив систему советских укреплений вокруг железнодорожной станции Гумрак, а также окрестные высоты. Преодолевая все более крепнущее сопротивление противника, они на несколько километров вклинились в самый центр города и, пробившись сквозь лабиринты городских развалин, разрушенных казарм и привокзальных сооружений, прорвались наконец к берегу Волги напротив центра города, у реки Царица, Красной Площади и Тракторного завода. После этого начались изнурительные затяжные бои, воскресившие в памяти жестокую битву под Верденом в первую мировую войну.

Немецкое наступление, которое началось как удар бьющего с размаху кулака, выродилось, в конце концов, во множество разрозненных кровопролитных стычек, когда противники, сцепившись, врукопашную, ожесточенно дрались друг с другом не только на земле, но и под землей, зачастую находясь один внизу, а другой – наверху. Уже во второй половине октября стало очевидным, что обескровленные части 6-й армии более не в силах ликвидировать яростно обороняемые русскими опорные пункты и плацдармы в городской черте Сталинграда. Центр города вместе с паромной переправой через Волгу оставался в руках советских войск. Провалилась попытка полностью овладеть Сталинградом путем захвата его в клещи с севера и юга силами 6-й армии и 4-й танковой армии.

Генерал Зейдлиц с растущей озабоченностью и тревогой следил за ходом казавшихся ему все более бесперспективных позиционных боев. В эти трудные октябрьские и ноябрьские недели в состав его корпуса входило девять дивизий. Бремя ответственности давило на него еще больше из-за того, что он оказался вынужденным изменить своим твердым и испытанным военным принципам. Когда-то он особенно гордился тем, что вверенным ему войскам удается малой кровью обеспечивать выполнение поставленных боевых задач. За проявленные им еще в начале русской кампании тактическую гибкость и осмотрительность, с которыми он в ходе наступления провел свою 12-ю мекленбургскую пехотную дивизию от Восточной Пруссии до истоков Волги и Валдайских высот, он уже в конце 1941 года был удостоен «Дубовых листьев к рыцарскому кресту». При освобождении окруженной группировки в районе Демянска он сумел использовать свое положение для того, чтобы энергичными возражениями свести на нет роковое вмешательство Гитлера в ход операций, за которое немецким частям пришлось бы заплатить кровавыми потерями{169}. То, что происходило теперь в Сталинграде, генерал Зейдлиц считал бессмысленным принесением в жертву подчиненных ему дивизий, которые вот уже больше двух месяцев беспрерывно находились в боях, растрачивая последние остатки своих наступательных возможностей. Боевая численность рот в среднем составляла немногим более 30-40 человек. Сводки потерь в этих ожесточенных боях за каждую пядь усеянной развалинами земли выглядели ужасающе. Потери в живой силе и боевой технике ни в коей мере не соответствовали ничтожным тактическим успехам. Это должно было повлечь за собой тем более губительные последствия, что части не получали уже ни малейшего пополнения и таким образом потери ничем не компенсировались.

Плачевное положение LI корпуса ничем не отличалось от состояния других соединений армии, которая с момента начала наступления в июне – иными словами, до непосредственного штурма города на Волге, принесшего с собой еще более жестокие испытания, – вынесла чудовищные невзгоды. Дивизии были перемолоты в боях. Необходимо было заменить части. Если боевой дух войск и их вера в свое превосходство еще и не были сломлены, то с точки зрения боевой полноценности окруженная группировка уже во время решающих боев за овладение «крепостью» на Волге представляла собой изрядно потрепанное соединение. Не в последнюю очередь из-за трудного положения со снабжением группировка рисковала в значительной мере утратить оперативную маневренность.

Учитывая измотанность дивизий, опасности, связанные с нахождением на самом дальнем выступе немецкого фронта, а также приближение русской зимы, генерал фон Зейдлиц в октябре 1942 года представил командованию армии обстоятельный письменный доклад. В этом докладе он ставил вопрос о немедленном прекращении дальнейшей бесперспективной борьбы за овладение Сталинградом и, прежде всего, боев на территории завода «Красный Октябрь», с тем чтобы сберечь войска и подготовить их к надвигающейся суровой зиме. Он предлагал, далее, отвести с передней линии фронта входившие в состав его корпуса 14-ю и 24-ю танковые дивизии, чтобы, дав им передышку, создать из них мобильный резерв для отражения ожидаемого зимнего наступления русских. Все эти предложения были отвергнуты командованием армии. Мало того, был издан даже приказ о том, чтобы по примеру XIV танкового корпуса использовать танкистов в качестве пехотинцев{170}.

То была горькая пилюля для Зейдлица, и его разочарование еще более усилилось, когда в середине ноября командование армии, невзирая на ясно обнаружившиеся за несколько недель до этого приготовления русских к переходу в генеральное наступление, потребовало продолжать изнуряющие наступательные бои по окончательному овладению всей территорией Сталинграда и берегом Волги. Это указание было дано во исполнение специального приказа Гитлера, взывавшего к «испытанным в боях руководителям и генералам 6-й армии» и «столько раз покрывавшим себя славой их частям»{171}. Но давно выдохшиеся дивизии никоим образом не были способны выполнить эту задачу. После достигнутых вначале кратковременных успехов все их атаки захлебнулись, принеся лишь тяжелые, невосполнимые потери, хотя для штурма металлургического завода, который превратился в неприступную

крепость, были специально подброшены на самолетах из Германии и с других участков фронта пять саперных батальонов. Такая же судьба постигла и XIV танковый корпус, которому тогда была поставлена задача ликвидировать русский плацдарм севернее тракторного завода в районе Рынка и Спартаковки. «При таких обстоятельствах к моменту начала большого русского наступления 19 ноября 1942 года все дивизии продолжали истекать кровью, а измотанные танковые соединения, не имея пополнений, глубоко завязли в уличных боях»{172}.

На 6-ю армию обрушилась катастрофа.

Самостоятельные действия на первом этапе битвы в окружении

Генералу фон Зейдлицу было прекрасно известно, что командование армии в те предгрозовые осенние недели ожесточенных боев за Сталинград сознавало опасность создавшейся ситуации. Командование не раз предостерегало вышестоящие инстанции, направляло туда тревожные донесения, хорошо обоснованные соображения и заявляло протесты. Но он не понимал, почему командование не проявляло максимальной настойчивости, чтобы изменить то положение вещей, которое оно само считало чрезвычайно опасным и чреватым роковыми последствиями. Генерал Зейдлиц и начальник его штаба полковник Клаузиус не питали ни малейших иллюзий по поводу чудовищной стратегической угрозы, нависшей над 6-й армией еще до того, как она попала в окружение. Русские, готовясь к наступлению, сосредоточивали крупные силы к югу от Сталинграда и у северной излучины Дона. Но с немецкой стороны предпринимались лишь весьма недостаточные меры. Со страхом взирая на приближение грозной русской зимы, оба руководителя корпуса и многие их офицеры чувствовали себя отданными во власть неотвратимого рока, и это вызывало у них глубокий внутренний протест. То, что они пережили за последние месяцы и недели, противоречило их стратегическим представлениям и все больше подрывало доверие к верховному руководству. В свете надвигающейся катастрофы перед ними предстала во всей своей неотвратимости сплошная цепь логически связанных обстоятельств и фактов: необузданность при разработке оперативных замыслов и выборе цели, недостаток сил, полное отсутствие резервов, беспрестанное изматывание частей, пренебрежение психологическими и моральными факторами, хронические трудности в снабжении армии, невнимание к солдатским нуждам, самоуспокоенность, доходящая до самообмана, и недооценка противника. Ввязавшись в беспрерывные изнурительные бои с противником, силы которого

нарастали, в лабиринте сталинградских развалин накрепко застряли две немецкие армии. Оперативная инициатива была уже перехвачена советской стороной. И не свидетельствовали ли последние выступления Гитлера о том, что вместо трезвой военно-стратегической оценки создавшейся ситуации имел место фанатичный произвол, опасное стремление во что бы то ни стало сохранить престиж и что верховное командование руководствовалось пропагандистскими соображениями?

Когда началось русское контрнаступление, приближение которого нельзя было не видеть, оно застало 6-ю армию фактически неподготовленной. Генерал фон Зейдлиц сразу же понял, что глубокий прорыв противника на обоих флангах армии влечет за собой смертельную угрозу. После всего случившегося не могло быть ни малейшего сомнения в том, что немецкую группировку ожидает катастрофа. Спасение Зейдлиц видел лишь в том, чтобы вновь обрести оперативную свободу, незамедлительно отведя войска назад или вырвавшись из начавшего уже обрисовываться кольца. Руководители армии, как и вышестоящее командование группы армий, которое из-за отсутствия резервов ничем не могло помочь, в то время тоже подумывали об этом. Из штаба 6-й армии поступил приказ в целях подготовки к намеченному на 25 ноября прорыву в числе прочих мер сжечь излишнее боевое имущество, и генерал фон Зейдлиц соответствующим образом проинструктировал штабных офицеров восьми своих дивизий. При этом он напомнил присутствующим об исторической битве в окружении под Лодзью в 1914 году и знаменитом прорыве в районе Бржезины, в котором он молодым лейтенантом ровно 28 лет назад сам принимал участие. Зейдлиц был убежден, что 6-я армия должна как можно скорее вырваться из роковых объятий противника. Он заявил, что немецкой группировке угрожают «Бржезины» или новые «Канны».

Твердо рассчитывая на предстоящий прорыв и на получение соответствующих указаний от командования армии, штаб которой пока еще располагался на западном берегу Дона, генерал фон Зейдлиц распорядился эвакуировать вдающийся к Волге особенно опасный выступ на северо-восточном отрезке своего участка фронта. К этому его побуждали чисто военные соображения. После отвода основной массы частей XIV танкового корпуса с занимаемого ими участка, чтобы защитить подвергавшийся серьезной опасности северный фронт армии, LI танковый корпус был вынужден дополнительно принять на себя оборону оголившегося участка протяженностью 30 километров от Спартаковки до района Котлубань. Это означало, что линия обороны корпуса увеличилась почти что вдвое. Занявшие новый

участок потрепанные подразделения – для этой цели были выделены 60-я моторизованная пехотная дивизия и остатки разгромленной 94-й пехотной дивизии – были не в состоянии прочно закрыть образовавшуюся брешь. Поэтому стыковые фланги обеих дивизий, которые не могли удерживать растянувшийся и находящийся под ударом фронт, были отведены назад на спрямленные позиции, что укоротило линию обороны корпуса на 15 километров. Конечно, Зейдлиц поступил самовольно. Однако он считал себя вправе так поступать. Ибо в первые горячие дни русского наступления не было тесного контакта со штабом армии, который был расположен далеко. Штаб был обременен тяжелыми заботами. Вместе с тем Зейдлиц учитывал ожидавшийся приказ о прорыве. Он был убежден, что начатое им оттягивание фронта поможет предстоящей операции по прорыву. «Мне казалось, что в эти первые дни я могу и должен действовать самостоятельно, с тем чтобы облегчить положение всей армии, однако, разумеется, руководствуясь при этом общим оперативным замыслом командования армии, то есть в духе энергично отстаиваемого штабом единственно правильного решения спастись от гибели путем незамедлительного прорыва на юго-запад в направлении Котельниково». Не вина Зейдлица, что прорыв так и не состоялся и что его продиктованные обстановкой самостоятельные действия имели отрицательные последствия для войск, лишившихся отрезка своих старых зимних позиций. Потерявшие боеспособность пехотные подразделения 94-й дивизии были разгромлены наступавшими им на пятки русскими. И все же позиции на сокращенной линии обороны удалось удержать, что подтверждает в своих воспоминаниях помощник начальника штаба этой дивизии Г. Тепке, который был тогда непосредственным участником событий и позднее ярко описал их{173}.

Начальник штаба LI корпуса полковник Клаузиус, как говорили, в своем запоздалом донесении штабу армии заявлял, что оттяжка оборонительного фронта в районе Ерзовка была осуществлена также с целью дать командованию армии дополнительный аргумент в пользу прорыва из окружения{174}. Однако для генерала фон Зейдлица главную и решающую роль при этом играли другие побуждения. Сокращение линии фронта представлялось ему, прежде всего, тактической необходимостью. Очень скоро после самовольного решения командира корпуса командование армии само оказалось вынужденным укоротить линию фронта и на других участках, с тем чтобы высвободить войска. При осуществлении этих мер повсюду возникали точно такие же осложнения, так как оборудованных позиций или

укрепленных опорных пунктов нигде не было{175}.

Между прочим, в своих «Принципиальных замечаниях» по поводу операций под Сталинградом Паулюс ни единым словом не упоминает о вызванных тактической необходимостью мерах генерала фон Зейдлица, которые не оказали существенного влияния на общий ход событий. Когда главное командование сухопутных сил в резкой форме потребовало отчета за произведенное без санкции сокращение линии северного участка фронта, Паулюс заявил, что он одобряет эту меру.

Мы столь подробно остановились на этих событиях лишь по той причине, что в литературе о Сталинграде они большей частью рисуются в искаженном свете, драматизируются или преувеличиваются по своим последствиям. Неправильное изображение, как самой сути дела, так и хронологической взаимосвязи событий мы встречаем, в частности, у Тепке и Шретера. В заблуждение впал здесь и генерал Дерр, говоря о «нарушении дисциплины одним из корпусных командиров на передовой линии фронта в самый разгар тяжелого кризиса»{176}. Позднее он сам сожалел о том, что бросил подобный упрек, и обещал внести соответствующую поправку при переиздании своей книги{177}. Его во всех остальных отношениях безупречное исследование о Сталинградской битве страдает рядом изъянов как раз в том разделе, где рассматриваются обстоятельства окружения немецкой группировки, поскольку он не имел еще возможности пользоваться достоверными свидетельствами руководителей 6-й армии. Вальтер Герлиц, прояви он больше добросовестности в своей работе, вполне мог бы разыскать более точные сведения. Но он не сделал этого и в своей оценке поведения командира LI корпуса дошел до невежественных и абсурдных утверждений. «Это был по сути дела бунт, – заявляет он, – и будь генерал Паулюс не таким мягким человеком, Зейдлицу не миновать бы военного трибунала»{178}.

Столь же тенденциозно и превратно изображает Герлиц проникнутое чувством ответственности намерение Зейдлица осуществить прорыв из окружения. Эта проблема требует поэтому дополнительного освещения.

Оценка обстановки Зейдлицем

22 ноября Паулюс со своим непосредственным штабом, который первое время все еще оставался в Нижне-Чирской, был доставлен на самолете в начавший обрисовываться «котел», с тем, чтобы разбить свой новый командный пункт вблизи железнодорожной станции Гумрак. До этого дня армия – непосредственно или через штаб группы армий – получила ряд приказов главного командования сухопутных сил, которые

гласили, что Сталинград и фронт на Волге должны быть при всех обстоятельствах удержаны. Командование сообщило, что уже принимаются контрмеры в крупных масштабах и 6-я армия должна удерживать фронт, а затем последуют дальнейшие указания. Тем временем обстановка становилась все более угрожающей и возникла необходимость вопреки имевшимся директивам отвести назад части армии, которые были втянуты в тяжелые оборонительные бои к западу от Дона и не могли больше удерживать занимаемые позиции. Последняя радиограмма Гитлера от 22 ноября обходила полным молчанием неоднократные просьбы командующего о предоставлении ему свободы действий, а требовала лишь, чтобы 6-я армия организовала круговую оборону и ждала выручки извне. Однако Паулюс и его начальник штаба были твердо намерены избрать единственно возможный путь к спасению и всей армией прорываться на юго-запад. С этой целью предполагалось послать последний решительный запрос в адрес верховного главнокомандующего, предварительно выяснив мнение по этому вопросу командиров корпусов.

Генерал фон Зейдлиц прибыл незамедлительно, поскольку его командный пункт располагался рядом со штабом армии. О состоявшейся тогда памятной беседе он вспоминает: «Вечером 22 ноября Паулюс вызвал меня и начальника моего штаба, полковника Клаузиуса, к себе в блиндаж на совещание, в котором, кроме нас троих, принял участие и начальник штаба армии генерал Шмидт. Целью этого совещания была совместная подготовка телеграммы Гитлеру, в которой Паулюс намеревался, ссылаясь на неосуществимость приказа Гитлера от 22 ноября, согласно которому армия должна занять круговую оборону и ждать выручки извне, просить о предоставлении ему свободы действий. Я до мельчайших подробностей помню весь ход этой трудной дискуссии. В моих ушах до сих пор звучат беспрестанные вопросы Паулюса и Шмидта, которыми сопровождалась каждая составляемая фраза телеграммы: „Не слишком ли резко это будет? А можно ли так сказать?“ Что касается нас с Клаузиусом, то мы, напротив, неизменно рекомендовали выбирать такие категорические формулировки, которые не допускали в этой грозной ситуации никакого иного решения, кроме незамедлительного осуществления уже готовившегося прорыва. Мы с тем большей энергией настаивали на этом, что внутри нашей четверки царило полное единство мнений о том, что единственный выход из катастрофической ситуации заключается в немедленном прорыве. Считать приказ о бездеятельном высиживании на месте невыполнимым вовсе не означало еще

оказывать сознательное неповиновение. Если нам позднее и удалось организовать круговую оборону, то лишь благодаря тому, что русские слишком вяло преследовали отступавшие части. Поэтому у меня не было никаких особых причин уже тогда склонять Паулюса к сознательному неповиновению Гитлеру. Но раз уж было сочтено нужным еще раз запросить Гитлера, то, естественно, нужно было дожидаться его решения. О сознательном неповиновении можно было бы говорить лишь после того, как был бы получен отрицательный ответ»{179}.

Итак, Зейдлиц и Клаузиус предлагали вообще больше не запрашивать Гитлера и не добиваться санкции на самостоятельные действия, а считать приказ о занятии круговой обороны невыполнимым и утратившим свою силу в результате бурно развивающихся событии. Они рекомендовали в категорических выражениях сообщить ставке, что из-за коренного изменения обстановки остается лишь единственная возможность – прорываться на юго-запад и что действовать надо незамедлительно. Однако Паулюс, не решавшийся действовать без предварительной санкции Гитлера, не принял совета. Окончательного текста радиограммы Зейдлиц и его начальник штаба в тот вечер так и не увидели, поскольку время было уже слишком позднее. Как бы то ни было, они считали нужным использовать более решительные и недвусмысленные формулировки. «Можно ли утверждать, – писал Зейдлиц по поводу этой важной радиограммы, – что ее текст соответствовал чрезвычайной серьезности ситуации? По моему мнению, этого сказать нельзя. То был грамотный, толковый и тщательно составленный штабной документ! Но настоящий полководец в подобной ситуации говорит не таким языком!»

На эту радиограмму так и не последовало ответа, если только не усматривать в качестве такового полученный утром 24 ноября пресловутый приказ Гитлера, который окончательно пригвоздил 6-ю армию к Сталинграду и обрек ее на пагубное выжидание. Примерно в то же время поступил еще один приказ верховного главнокомандования, согласно которому на генерала фон Зейдлица возлагалось единое командование северным и восточным участками фронта внутри «котла», за удержание которых он отныне нес личную ответственность перед «фюрером»{180}. По поводу мотивов такой необычайной меры в литературе можно встретить всевозможные спекуляции. Однако утверждение, будто Гитлер хотел таким путем нейтрализовать проявленную Зейдлицем склонность к самовольным действиям, является, во всяком случае, необоснованным. В генеральном штабе сухопутных сил о такой склонности Зейдлица вообще не

знали. На самом деле этот приказ отражал известное недоверие к Паулюсу, которое могло возникнуть у Гитлера в результате неоднократно повторяемых командующим просьб о предоставлении ему свободы действий. Что касается Зейдлица, то он, как свидетельствуют воспоминания Хойзингера об оперативных совещаниях в главной ставке, пользовался репутацией «самого непреклонного человека» в немецкой группировке, на которого, учитывая его опыт боев в окружении под Демянском, можно особенно положиться{181}. Какой же иронией судьбы, какой трагедией был этот приказ по отношению к командиру корпуса, который тоньше и вернее, чем кто бы то ни было из военачальников немецкой группировки на Волге, учуял безответственное дилетантство верховного главнокомандующего и энергичнее всех ратовал за прорыв из окружения!

Генерал фон Зейдлиц, находившийся на своем командном пункте, был совершенно огорошен этими двумя приказами Гитлера, которые Паулюс лично вручил ему сразу же после их поступления. Глубоко удручен был и Паулюс, однако он явно готов был смириться с неотвратимой судьбой. Возложенная на него личная ответственность перед Гитлером за оборону восточного и западного фронта окружения совершенно выбила Зейдлица из колеи. По этому поводу он писал: «Я был так ошеломлен этим странным приказом и до такой степени смутно представлял себе, как он при существующем положении может повлиять на дальнейший ход событий, что не нашел ничего иного, как ответить: „Тут уж, конечно, ничего не поделаешь“{182}. Этот по-дружески откровенный разговор, происходивший с глазу на глаз между двумя генералами, которых мучили тяжелые душевные переживания, вспоминает в своих записках и Паулюс. При этом Паулюс подчеркивает, что Зейдлиц воспринял полученный приказ как солдат, обязанный повиноваться, позднее же он „тем не менее непрестанно склонял меня к самостоятельным действиям, невзирая на поступавшие свыше приказы“{183}.

Командующий армией доверялся решениям, которые принимались верховным руководством, Зейдлиц же в душе не мог согласиться с ними и был не в силах долго сдерживать себя. С болью он сознавал, что он связан по рукам и ногам. Ведь вырваться из окружения могла лишь вся армия в целом и сигнал к этому мог подать лишь один-единственный человек – командир осажденной «крепости», каким являлся Паулюс. Вверенные ему войсковые соединения были скреплены воедино общей судьбой, уйти от которой в одиночку не было дано никому. Подавленность и возмущение в связи с приказом Гитлера, который бесцеремонно

игнорировал все тревожные предупреждения командования армии и штаба группы армий, не давали покоя генералу фон Зейдлицу и начальнику его штаба. В их памяти вновь оживали многие недобрые явления и события, свидетелями которых они были за последние недели и месяцы. Они вспомнили все безрезультатные просьбы и представления командования армии о необходимости укрепления флангов, создания резервов, пополнения в живой силе, нормализации снабжения. Почему же самая крупная армия немецкого Восточного фронта, сражающаяся на опасном выступе фронта и выполняющая столь важную стратегическую задачу, не получила своевременной помощи?

Очевидно, сколько-нибудь значительных резервов вообще не имелось, ибо в противном случае они давно были бы уже подброшены для полного овладения Сталинградом. Можно ли было теперь, когда вдобавок к зиме на армию обрушились давно предвиденные бедствия, вдруг проникнуться доверием к верховному руководству, которое из-за своих непростительных промахов поставило 22 дивизии на грань катастрофы и после этого еще требовало от них нечто такое, что выглядело издевательством над общепризнанными и испытанными стратегическими доктринами и принципами? Можно ли было предположить, что теперь по мановению волшебного жезла наземный транспорт и транспортная авиация совершат то, на что они никогда не были способны раньше? Причем совершат как раз в тот момент, когда на дальних театрах военных действий – достаточно упомянуть британское контрнаступление против танковой армии Роммеля и высадку англо-американских войск в Марокко – назревает глубокий кризис?

Специфический опыт, накопленный генералом фон Зейдлицем при деблокировке «котла» под Демянском в марте и апреле 1942 года, заставил его с величайшим скептицизмом и тревогой отнестись к приказу Гитлера об удержании Сталинграда. Этого он не скрывал при разговорах с Паулюсом. Ведь и тогда Гитлер, который был не в состоянии разобраться в сложной обстановке на месте, пагубным образом вмешивался в ход событий. Между тем под Демянском была еще какая-то возможность поддерживать снабжение по воздуху, поскольку в «котле» находилось всего 6 дивизий, а небольшое расстояние до немецких войск за линией окружения и лесистая местность благоприятствовали действиям транспортной авиации. В условиях же Сталинграда, учитывая степной рельеф между Доном и Волгой, попытка прорваться из окружения и деблокировать зажатую в «котле» армию в условиях общей неблагоприятной для Германии обстановки представляла собой величайшую военную

авантюру, игру ва-банк. Ставкой в этой игре были 250 тысяч немецких солдат.

Ясно сознавая надвигающуюся смертельную опасность, генерал фон Зейдлиц и его начальник штаба полковник Клаузиус были готовы пойти на крайний риск. «Мы, – заявлял генерал, – были полностью едины в оценке обстановки. Мы были убеждены, что оставаться далее в окружении было бы равносильно тому, чтобы погубить армию, поскольку освобождение извне – если оно вообще было мыслимо ввиду отсутствия достаточного количества своевременно подброшенных резервов – могло бы подоспеть лишь тогда, когда армия из-за абсолютно недостаточного снабжения по воздуху погибла бы от голода или израсходовала бы последние боеприпасы»{184}.

В памятной записке, врученной 25 ноября командующему армией Паулюсу, еще раз давался обстоятельный анализ обстановки и подытоживались все аргументы, говорившие против оставления армии в Сталинграде и за прорыв из еще не успевшего окончательно сцементироваться вражеского кольца. Инициатива в подготовке этого веского документа, содержавшего весьма смелые выводы, исходила от полковника Клаузиуса, который, беспрестанно консультируясь со своим корпусным командиром, сам же и составил его текст. Зейдлиц без малейших колебаний поставил под этим документом свою подпись, тем самым взяв на себя полную ответственность за его содержание и не считаясь с возможными последствиями этого{185}.

Памятная записка, составленная с «сознанием серьезности переживаемого момента», особенно подробно останавливалась на двух решающих условиях, от которых зависела судьба армии: обеспечении необходимого подвоза по воздуху и быстром подходе деблокирующих частей. Авторы записки доказывали, что снабжение по воздуху вряд ли может покрыть потребности даже одного их корпуса. Что же касается обеспечения всей армии, то такая возможность, по их мнению, была полностью исключена. «Строить на этом какие-либо надежды было бы равносильно самообману. Не понятно, откуда может взяться большое количество транспортных „юнкерсов“, необходимое для бесперебойного снабжения армии. Если даже самолеты имеются в наличии, то их пришлось бы перебазировать со всей Европы и из Северной Африки. Потребность этих самолетов в горючем, учитывая расстояния, которые им пришлось бы преодолеть, была бы столь велика, что при существующей нехватке горючего возможность изыскать соответствующие ресурсы представляется крайне сомнительной, не говоря уже о последствиях такого перерасхода горючего для ведения войны в целом».

Ввиду общеизвестной нехватки резервов, значительных расстояний, капризов зимней погоды и короткой продолжительности зимнего дня, к чему добавлялась необходимость считаться с предполагаемыми действиями противника, «которого подкупает возможность одержать победу в классической по своим масштабам битве на уничтожение», в памятной записке с особенным скептицизмом расценивались шансы на быстрое и успешное продвижение деблокирующих войск. «На возможность ускорить сосредоточение деблокирующей группировки и использовать значительное число моторизованных транспортных колонн нельзя рассчитывать. Ни колонн, ни горючего, по-видимому, нет, иначе бы их ввели в действие еще раньше для обеспечения столь важного сталинградского фронта в тот период, когда для этого требовалось меньше транспортных средств». Памятная записка решительно предостерегала против «опасного самообмана», к которому могло бы привести отождествление создавшейся ситуации с положением в Демянском «котле» прошедшей весной. «Несмотря на небольшое расстояние от немецких войск за линией „котла“, создание узенького соединительного коридора к окруженной группировке потребовало тогда многонедельных тяжелых боев в зимних условиях». Зейдлиц не без основания опасался, что командование армии может ухватиться за прецедент с Демянским «коридором», и отнюдь не был заинтересован в том, чтобы ослаблять мрачный пессимизм в оценке сложившейся ситуации. Выводы памятной записки гласили: «Расчеты на то, что армия в соответствии с приказом главного командования сухопутных сил может удерживать круговую оборону до освобождения извне в течение периода, пока хватит материальных ресурсов, явно строятся на нереальных предпосылках. По этой причине приказ невыполним и неизбежно приведет к гибели армии. Если командование хочет сохранить армию, то оно должно добиться немедленного изменения приказа или же по собственной инициативе принять другое решение. Мысль о том, чтобы сознательно пожертвовать армией, не может быть предметом какой-либо дискуссии, учитывая оперативные, политические и моральные последствия этого». Записка завершалась примечательными словами: «Если главное командование сухопутных сил не отменит немедленно приказ, предписывающий армии занять круговую оборону и ждать выручки, то наша совесть по отношению к армии и немецкому народу настоятельно повелевает, чтобы мы сами вернули себе отнятую у нас последним приказом свободу действий и воспользовались еще имеющейся возможностью вырваться из окружения и предотвратить катастрофу. Нависла угроза полного

уничтожения 200 тысяч солдат и всей их боевой техники. Другого выбора нет».

По сравнению с аналогичными по духу докладами и экспозе этот документ обладает тремя основными особенностями. Генерал фон Зейдлиц, исходя из положения, в котором оказался его корпус, стал выразителем дум 6-й армии. Использованные им темпераментные, незавуалированные и категорические выражения резко отличаются от обычно принятых в штабных документах формулировок, но зато они отражают всю чудовищность создавшейся ситуации. Однако самым необычным и смелым в этом документе является содержащееся в нем обращение к совести, а также призыв незамедлительно добиваться отмены рокового приказа и в случае необходимости, руководствуясь чувством ответственности, действовать вопреки указаниям верховных инстанций. Именно в этом взгляды генерала фон Зейдлица и начальника его штаба Клаузиуса непреодолимо разошлись с позицией командования армии и всех остальных – корпусных командиров, которые до получения приказа Гитлера были полностью согласны с ними в оценке обстановки, однако теперь считали себя обязанными повиноваться{186}.

Ход дальнейших событий полностью подтвердил справедливость основных положений памятной записки, отдав должное дальновидности его авторов и доказав, что Зейдлиц и Клаузиус сумели правильно осознать требование исторического момента. На фоне этого не играет существенной роли, что отдельные их прогнозы – особенно относительно предполагаемых действий противника, а также сроков, в течение которых 6-я армия с учетом катастрофического положения со снабжением сможет продолжать сопротивление, – не сбылись и оказались чересчур пессимистическими. Пригвожденная своим собственным командованием к одному месту и лишенная оперативной маневренности армия в действительности сумела продержаться не считанные дни, а много недель – главным образом из-за того, что для русских дальнейшее продвижение на Запад представлялось более важным, чем быстрое уничтожение окруженной группировки. Однако жребий судьбы был все равно уже брошен в тот момент, когда командование армии безоговорочно приняло приказ Гитлера от 24 ноября. То, чего желали и всеми силами добивались в эти решающие дни генерал фон Зейдлиц и начальник его штаба, не имело ничего общего с преднамеренным политическим выступлением и тем более бунтом. Соображения, которыми они руководствовались, носили чисто военный характер. В этой небывалой катастрофической

ситуации речь шла для них всего лишь о принятии оправданных с точки зрения солдатской этики и общечеловеческой морали решений, которые, конечно, предполагали собой глубокое сознание политической и моральной ответственности.

Зейдлиц не мог тогда знать, что за две тысячи километров от Сталинграда, в ставке верховного главнокомандования вермахта, начальник генерального штаба сухопутных сил генерал Цейцлер воспользовался теми же самыми аргументами, что и он, чтобы заставить упрямого и думающего лишь о своем престиже диктатора отменить приказ, лишивший 6-ю армию спасительной свободы маневра. Под конец Цейцлер был вынужден со всей прямотой заявить: «Было бы преступлением оставлять 6-ю армию там, где она находится. Мы не можем ни освободить армию, ни обеспечить ее снабжение. Она была бы попросту принесена в жертву, и притом без всякой пользы». Эти слова в точности соответствовали убеждениям генерала фон Зейдлица, чье внутреннее возмущение беспрецедентным в военной истории приказом Гитлера, выглядевшим как насмешка над здравым солдатским смыслом, нашло свое отражение в его памятной записке.

Впервые памятная записка была опубликована в изданном Гансом-Адольфом Якобсеном сборнике документов второй мировой войны, – правда, без весьма существенного приложения к нему, озаглавленного «Материальное обеспечение LI армейского корпуса», на чем основывались многие важные положения записки. Жаль, что Якобсен не воспроизвел также резолюцию, которую начертал на записке Зейдлица начальник штаба 6-й армии генерал Шмидт. Между тем эта резолюция заслуживает огласки, ибо в ней отразилась точка зрения человека, являвшегося ближайшим советником Паулюса. Резолюция гласила: «Мы не должны ломать себе голову за фюрера, а генерал фон Зейдлиц – за командующего армией». Проявившееся в этих нескольких словах полное пренебрежение к столь важному для судьбы армии и продиктованному глубоким чувством ответственности документу свидетельствует не только об отсутствии у начальника штаба армии необходимой самостоятельности, но и прямо-таки о его преклонении перед Гитлером, чьи решения он даже не считал возможным критиковать. Однако сам Паулюс не сделал на памятной записке никакой пометки. Может быть, он не хотел впутываться в скользкое дело? Тем не менее через курьера Паулюс переслал этот документ на самолете в штаб группы армий, напомнив в сопроводительном письме о своих прежних соображениях в связи с создавшейся обстановкой и еще раз поставив вопрос о

разрешении прорыва в сторону Дона{187}. Вложил ли он, однако, в эту просьбу всю категоричность и душевную страсть, на которые был способен? Судя по характеру его аргументации и по тем поверхностным замечаниям, которые сделаны на полях рукой начальника его штаба, это трудно предположить. Во всяком случае, памятная записка не возымела никаких последствий. Для нас и наших потомков она останется потрясающим документом, позволяющим увидеть абсолютные границы солдатской этики и осознать всю трагичность того, что происходило в те дни.

В полуофициозном историческом труде «Решающие битвы второй мировой войны», содержащем специальный раздел, посвященный Сталинградской битве, памятная записка генерала фон Зейдлица вообще обходится стороной. Автор этого труда Вальтер Герлиц счел излишним даже упомянуть о ней. Если бы он серьезно отнесся к тому, о чем свидетельствует этот документ, позволяющий непосредственно перенестись в обстановку тех роковых для 6-й армии дней ноября 1942 года, и более критически взвесил бы все «за» и «против» имевшихся тогда аргументов, то Герлиц мог бы избежать ряда ошибок в оценке тогдашней ситуации и воздержаться от некоторых необоснованных выводов. Герлиц, не раздумывая, изображает необходимость незамедлительного самовольного прорыва 6-й армии в первые же дни окружения как выход, который стал казаться легким и удобным лишь после случившейся катастрофы, как «запоздалый рецепт» и политическую спекуляцию. Он не стесняется при этом даже говорить о некой «легенде». «Оставим эту легенду, – пишет он. – Давайте лучше заново и со всей трезвостью зададимся вопросом: что могли знать в те ноябрьские дни генералы Паулюс и Шмидт и в какой обстановке формировались их решения?»{188}

Выше показано, какие оперативные соображения и какое укоренившееся чувство долга по отношению к приказу определяли их поведение. Но, как нам кажется, самый четкий и убедительный ответ на поставленный Герлицем вопрос можно найти как раз в памятной записке генерала фон Зейдлица, которая содержит в себе квинтэссенцию горького опыта и тревожных наблюдений участника событий, а также свидетельствует о подлинно солдатской этике.

Путь к гибели

После того как командование армии, отказавшись от своего первоначального мнения о безусловной необходимости прорыва из окружения, решило пассивно дожидаться обещанного свыше освобождения, генерал фон Зейдлиц находился во власти мучительных размышлений. Он не понимал, почему

командующий армией Паулюс, который и сам был разочарован и подавлен полученными от Гитлера указаниями, тут же перестал добиваться свободы действий. Паулюс не предпринял последней решительной попытки склонить командование группы армий с помощью убедительных аргументов в пользу тех безотлагательных действий, которые диктовались обстановкой. Зейдлиц был убежден, что ни оперативные цели верховного командования, ни положение соседних армий, фронт которых начинал повсюду трещать, не могут оправдывать выключения из активных действий ударной силы в 250 тысяч солдат. Поскольку с каждым днем пассивного выжидания боеспособность армии неминуемо должна была падать, а советские войска получали все новые возможности для проявления боевой инициативы, он считал, что скованность армии ставит под все большую угрозу и другие участки южного крыла Восточного фронта.

Содержащуюся в записках Паулюса попытку оправдаться тем, что «всякий самовольный выход из общего строя», иными словами, любые преднамеренные действия вопреки полученным приказам были бы равносильны тому, чтобы взять на себя ответственность за судьбу соседних соединений, а затем – в случае преждевременной капитуляции – и всего Восточного фронта, а быть может, и за вызванный этим проигрыш всей войны, Зейдлиц квалифицирует как «гиперболу». По этому поводу он высказывается следующим образом: «Я придерживаюсь абсолютно противоположного мнения. Как раз прорыв 6-й армии из окружения в начальный период мог бы значительно укрепить положение ее соседей, в частности уцелевших частей 4-й танковой армии, а также находящихся к северу и северо-западу от нее и затем отброшенных к реке Чир румынских частей. Я бы тысячу раз предпочел иметь в своем распоряжении боеспособную и маневренную армию из 22 дивизий, даже если бы она при прорыве из окружения понесла крупные потери, чем превращать ее, так сказать, в неиграющую карту, оставляя парализованной и беспомощной во вражеском окружении. Не случайно генерал Чуйков, первый русский генерал, перед которым мы предстали в плену, спросил у нас: „Почему вы не пошли на прорыв после того, как замкнулось кольцо окружения? Эта возможность доставляла нам беспокойство“{189}{190*}.

Выразив свое мнение в памятной записке 25 ноября 1942 года, генерал фон Зейдлиц пошел тем самым на крайний риск. Ему и начальнику его штаба это могло стоить головы. Теперь Зейдлицу оставалось лишь по-солдатски повиноваться приказам командования армии и выполнять свой в достаточной мере горький долг.

Вспоминая те мрачные и преисполненные неопределенности недели, Зейдлиц пишет: «После приказа Гитлера от 24 ноября 1942 года, окончательно предписывавшего занять круговую оборону и дожидаться выручки извне, все, кто был посвящен в истинное положение вещей, были охвачены своеобразным фатализмом и безмолвной покорностью неотвратимой судьбе. Тупое ощущение надвигающейся беды еще более усилилось в результате сокращения информации из штаба армии о положении за пределами „котла“, особенно о сосредоточении деблокирующей армии Гота и ее наступлении в сторону Сталинграда»{191}.

Гитлер хвастливо заявил в одной из своих радиограмм: «Армия может быть уверена, что я сделаю все, чтобы соответствующим образом обеспечить и своевременно вызволить ее». Однако прежний опыт и трезвый учет реальной обстановки заставляли генерала фон Зейдлица относиться к подобным обещаниям с законным пессимизмом и недоверием. Теперь его предостережения начинали зловещим образом оправдываться. То, что произошло в течение ноября и декабря, подтвердило правильность прогнозов: снабжение по воздуху потерпело фиаско, а деблокирующее наступление, начало которого в опасной степени затянулось, не принесло решающего успеха, между прочим, и по той причине, что армия уже не обладала достаточной боеспособностью и маневренностью.

Генерал считал роковым то обстоятельство, что командование 6-й армии с самого начала чересчур оптимистически расценивало возможность обеспечения частей продовольствием, боеприпасами и горючим, а с другой стороны, при решении вопроса о прорыве из окружения было слишком сковано боязнью риска. «Позднее нам случалось перехватывать некоторые донесения командования армии вышестоящим штабом, и у нас нередко создавалось впечатление, что оно своими нарочито оптимистическими формулировками стремится скорее создать видимость благополучия, чем правдиво изобразить все переживаемые армией чудовищные невзгоды»{192}.

В начале декабря командование LI корпуса сочло даже своим долгом сделать начальнику штаба армии специальное представление относительно чересчур приукрашенных докладов в высшие инстанции. «Из-за этого произошло столкновение между начальником моего штаба полковником Клаузиусом и генералом Шмидтом. Результатом явилось изменение шифровального кода, после чего мы больше не могли подслушивать»{193}.

Аналогичная история произошла и с майором фон Цитцевицем. Этот майор отнюдь не был соглядатаем

командования вермахта, а серьезно относился к своим обязанностям. Главное командование сухопутных сил направило Цитцевица в Сталинградский «котел» для получения от него непосредственной информации. Донесения Цитцевица по радио просматривались генералом Шмидтом, который визировал их. Но когда однажды начальник штаба смягчил формулировку одного донесения, не оставлявшего сомнений в серьезности создавшейся обстановки, со ссылкой на то, что делать столь пессимистические выводы еще рано, Цитцевиц, договорившись с начальником оперативного отдела штаба армий, в дальнейшем направлял свои важнейшие донесения на собственный страх и риск без согласования с начальником штаба{194}.

То, что Зейдлиц имел основание критиковать поведение начальника штаба армии, подтверждается целым рядом других свидетелей, соприкасавшихся в то время с генералом Шмидтом. Когда в начале битвы в окружении прикомандированные к штабу армии авиационные командиры тщетно старались втолковать Шмидту, что транспортная авиация не в состоянии обеспечить достаточное снабжение армии, тот заявил: «А вот нужно суметь! И, кроме того, у нас в „котле“ еще много лошадей, которых можно съесть!»{195}. Посланные Манштейном в «котел» для личного ознакомления с обстановкой представители командования группы армий – начальник штаба генерал Шульц и начальник оперативного отдела полковник Буссе – после возвращения доложили о создавшемся у них общем впечатлении. Они сказали, что «командование 6-й армии при условии достаточного снабжения по воздуху не расценивает положение своих войск и возможности дальнейшего сопротивления как неблагоприятные»{196}. В решающие декабрьские дни, когда деблокирующие части приближались к «котлу», генерал Шмидт заявил представителю штаба группы армий «Дон» майору Эйсману, что армия в случае улучшения снабжения «могла бы удерживать свои позиции даже дольше, чем до пасхи», тогда как прорыв из окружения представлял бы собой «аварийную меру»{197}. Об этом же убедительно свидетельствует и бывший квартирмейстер капитан Тепке, который в то время поддерживал постоянную связь не только с главным квартирмейстером 6-й армии майором фон Куновски, но и с начальником штаба Шмидтом. Тепке ярко рисует подавленность, охватившую штаб армии в рождественские дни, после того как операция по прорыву из окружения, в подготовке которой он сам принимал деятельное участие, была отменена. Он воспроизводит также некоторые разговоры с генералом Шмидтом, показной оптимизм которого ему тогда особенно бросился в глаза, «Не будем отчаиваться, –

заявлял начальник штаба армии после провала деблокирующего наступления. – До сих пор ведь всегда находился выход, найдется он и на этот раз. Вспомните, что прошлой весной там, на северном участке фронта, II корпус тоже долго находился в окружении и снабжался по воздуху, пока не подоспела выручка»{198}.

Эти слова подтверждают, насколько прав был в своих опасениях генерал фон Зейдлиц, боявшийся, что командование армии может ухватиться за прецедент с Демянским «котлом». В представленной им памятной записке Зейдлиц, основываясь на своем собственном опыте, энергично предостерегал против подобной ошибки. Об этом примере вспоминали и в отделе главного квартирмейстера, но, разумеется, не в той плоскости, как начальник штаба. Тепке свидетельствует: «Куновски и я как-то вновь обратили внимание, что Шмидт любит проводить аналогию с судьбой II корпуса. Мне же такое сравнение казалось более чем рискованным. Ведь наше положение коренным образом отличалось от того, которое существовало тогда. Уже одно расстояние от баз воздушного снабжения было у нас намного больше. Вместе с тем деблокирующая группа отстояла от нас значительно дальше, а это соответственно требовало значительно больше времени для проведения операции»{199}.

Что касается предпринимавшейся в декабре попытки деблокирования и намечавшегося тогда прорыва армии из окружения, то Тепке сообщает любопытные подробности подготовки этой операции, проводившейся в западной части «котла», главным образом на участке 3-й моторизованной пехотной дивизии. Штабы корпусов получили тогда лишь самую общую ориентировку, поскольку Паулюс, не желая будоражить части, не хотел преждевременно раскрывать своих намерений, и прежде всего время начала операций{200}. Критикуя такое поведение командования армии, окутывавшего свои действия завесой таинственности, генерал Зейдлиц, корпус которого, правда, не имел непосредственного отношения к подготовке прорыва, пишет: «Весьма своеобразный свет на поведение командования армии проливает тот факт, что в те декабрьские дни, когда решался вопрос, состоится или не состоится операция „Зимняя гроза“, мы получали из штаба армии до странности скудную информацию. Мы уже не могли больше понять, к чему идет дело. Не было заметно даже никакого признака форсированных и целеустремленных приготовлений к операции „Зимняя гроза“, которых мы, вообще говоря, ждали. Ведь именно теперь, когда приближалась последняя возможность вырваться из окружения, мы думали, что командование армии захочет

обсудить с нами предстоящие действия и постарается морально подготовить наши части к этому решающему часу»{201}.

Сравнивая тогда между собой обоих руководителей армии, командующего и начальника его штаба, Тепке дал им характеристики, которые подтверждаются и некоторыми другими, хорошо знавшими их людьми, в частности генералом фон Зейдлицем. «Шмидт был главной движущей силой. Вне всякого сомнения, именно он непрестанно подогревал в Паулюсе решимость сопротивляться до конца. Каких-либо сомнений в правильности приказов Гитлера для него не существовало. Ему не приходило даже в голову, что нас могли загнать в такое положение ради каких-либо престижных соображений или из-за бездарности верховного руководства. Поскольку Паулюс советовался с ним по всем делам, его взгляды не могли не оказывать соответствующего воздействия на решения командующего{202}.

Зейдлиц говорит о тупом выжидании и охватившем всех чувстве безысходности после тех жестоких разочарований, которые принесли с собой тревожные рождественские дни. «Я не припоминаю ни одного человека, который был тогда проникнут оптимизмом». Как раз в те дни командующий армией от имени подчиненных LI корпусу хорватских подразделений{203*} вручил ему «хорватский» орден. Эту награду, преподнесенную ему в столь отчаянной ситуации, Зейдлиц расценил как «дурное шутовство». Приходившие тогда из ставки «фюрера» утешения и пустые обещания вызывали в нем глубокое возмущение. По его утверждению, даже Паулюс потерял теперь всякую веру в обещанную Гитлером помощь. «Он уже тогда примирился с неотвратимой судьбой. Я припоминаю, как однажды между рождеством и Новым годом он зашел ко мне, чтобы познакомить меня с новогодней телеграммой Гитлера, гласившей: „Армия может непоколебимо положиться на меня“. Мы оба сошлись во мнении, что эти слова были чистейшим издевательством»{204}.

К началу Нового года каждому, кто был в курсе истинного положения вещей, стало ясно, что теперь, когда немецкий фронт вместе с базами снабжения армии отброшен на сотни километров на запад и рухнул весь немецкий фронт на Дону, всякая надежда на своевременный подход деблокирующих частей в результате нового наступления была бы безумной. Сложившуюся тогда ситуацию Типпельскирх характеризует в следующих лаконичных и верных словах: «Высшее командование давно уже с холодным бессердечием поставило крест на 6-й армии, лишь давало ей пустые обещания и уверения, невыполнимость которых для прозорливых людей была совершенно ясной, призывая

окруженные войска храбро держаться»{205}. Предрешенная гибель армии уже бросала на нее свою тень, и неотвратимый конец неумолимо приближался.

Душевные терзания в дни катастрофы

Наступил январь. Развернувшиеся события вызвали мучительные конфликты у сознающих свою ответственность военачальников, офицеров всех чинов и рангов и солдат. Последний акт сталинградской трагедии последовал после отклонения русского предложения о капитуляции и перехода русских 10 января 1943 года в завершающее наступление. Началась ликвидация окруженной группировки.

К отклонению ультиматума генерал фон Зейдлиц отнесся так же, как и другие высшие командиры. «Никто из нас не сомневался в правильности этого решения, поскольку после провала деблокирующего наступления 4-й танковой армии задача немецких войск состояла лишь в том, чтобы сковывать силы противника, тем самым, облегчая положение остального немецкого фронта и способствуя созданию новых оборонительных линий двух южных групп армий. До тех пор пока генеральное наступление русских не раздавило „котел“ и пока продолжалось еще какое-то снабжение по воздуху, для капитуляции еще не было видимых оснований»{206}. Однако уже несколькими днями позже, после того как рухнули западная и южная стенки «котла» и был потерян аэродром Питомник, на давно истерзанную голодом, морозом и эпидемиями армию безудержно обрушилась катастрофа. Генерал фон Зейдлиц считает в высшей степени неправдоподобным утверждение Манштейна о том, что еще 19 января перед фронтом 6-й армии действовало 90 крупных соединений противника. Учитывая, что территория «котла» к тому времени сократилась уже до одной трети своих первоначальных размеров, речь могла идти разве что о «карликовых соединениях». «По моему мнению, не позднее 17 или 18 января наступил уже такой момент, когда мы перестали отвлекать на себя с других участков фронта решающие силы противника. Повсюду стали уже ощущаться признаки надвигающегося разброда. Снабжение по воздуху свелось уже к нулю. Русские получили возможность с гораздо меньшими силами контролировать значительно сузившийся „котел“ и почти без всяких дополнительных усилий, не развертывая новых наступательных операций, попросту дожидаться того неотвратимого часа, когда медленно умирающая армия испустит последний вздох»{207}. Перед лицом этих фактов, а также учитывая все более невыносимые условия, в которых солдатам приходилось продолжать борьбу, генерал фон Зейдлиц пришел к

выводу, что пора действовать самостоятельно вопреки имевшимся приказам. Как он был убежден, всякие разумные доводы в пользу дальнейшего повиновения приказу уже утратили свою силу. Он решил действовать. «Поэтому вечером 18 января я прибыл к Паулюсу узнать, как он расценивает обстановку и что намерен предпринять дальше, а также попытаться склонить его к тому, чтобы ввиду катастрофического состояния войск всей армией организованно прекратить дальнейшую борьбу… Паулюс пообещал мне на следующий день созвать еще одно совещание всех находящихся в пределах досягаемости командиров корпусов и дивизий, чтобы затем обратиться к Гитлеру с просьбой о предоставлении армии свободы действий{208}. Такое совещание действительно состоялось 20 января, и ответом на посланную Гитлеру телеграмму явилось, как и следовало ожидать, грубое и жестокое „нет!“, „Капитуляция исключается, – радировал Гитлер. – Армия выполняет стоящую перед ней историческую задачу тем, что своим сопротивлением до конца облегчает создание новой линии фронта и отвод группы армий с Кавказа“{209}. Другая радиограмма требовала сражаться до последнего солдата и до последнего патрона, Эти безумные приказы, которые командование армии беспрекословно принимало к исполнению и лишь частично, и в перефразированном виде доводило до сведения подчиненных соединений, возмущали Зейдлица. Он не понимал, зачем Паулюсу было вообще лишний раз запрашивать Гитлера вместо того, чтобы в этой небывалой катастрофической ситуации, которая возникла по вине верховного руководства и весь ужас которой можно было осознать и прочувствовать только на месте, попросту действовать по собственному усмотрению. С точки зрения солдатской этики все предпосылки для продолжения борьбы были уже исчерпаны. Создавшееся положение требовало, чтобы командование армии приняло такие меры, которые диктовались чувством ответственности и положили бы конец неимоверным страданиям и всеобщей гибели. Но Паулюс проявлял пассивность. Нельзя было сказать, чтобы он со всей решительностью поддерживал призыв Гитлера „сражаться до последнего патрона“, поскольку он не счел нужным даже издать последние приказы, воодушевляющие армию на продолжение борьбы.

О тех мыслях и чувствах, которые обуревали тогда генерала фон Зейдлица, повествуют записки полковника Зелле, бывшего начальника инженерной службы армии. Зелле встретился с Зейдлицем 21 января на командном пункте корпуса. Оба они еще с довоенных лет были близкими друзьями и питали друг к другу

безграничное доверие. «Генерал возбужденно расхаживал взад и вперед по просторному блиндажу; он знал, что может говорить напрямик. Окончательно разоткровенничавшись, он с необычайной логичностью стал излагать свои мысли о том, что при столь дилетантском верховном руководстве иного исхода, чем этот преступный хаос, нельзя было и ожидать»{210}. Затем Зейдлиц стал критиковать командование армии и особенно начальника штаба, который в силу своей однобокой штабной карьеры был не в состоянии понять нужды и чаяния фронтовиков. Под конец он горько сетовал на тщетность всех его стараний, опираясь на имевшийся у него опыт боев под Демянском, соответствующим образом повлиять на командование армии. Теперь же, однако, когда все уже было потеряно, в его правоте убедился даже Шмидт.

Эти последние слова Зейдлица явно относились к драматической сцене, которая разыгралась в штабе армии 19 января и заключительный эпизод которой он сам мог наблюдать. В качестве личного представителя фельдмаршала Мильха, который с чрезмерно большим опозданием был назначен Гитлером специальным уполномоченным по организации снабжения 6-й армии по воздуху, к Паулюсу прибыл молодой командир бомбардировочного авиаполка майор Тиль, имевший поручение согласовать на месте все вопросы взаимодействия авиации с частями армии и дать необходимые разъяснения. Воспользовавшись представившимся случаем, крайне возбужденные Паулюс и Шмидт осыпали бедного летчика целым градом самых тяжких упреков за то, что авиация не справилась с возложенным на нее делом. В этих упреках излилось наружу горькое разочарование, а быть может, и шевелившееся в обоих руководителях армии сознание собственной вины за надвигающуюся катастрофу. Потерявший самообладание начальник штаба бросил ему в лицо обвинение, что «люфтваффе» предала 6-ю армию и что это преступление ничем уже нельзя искупить{211}.

Этот внезапный взрыв возмущения Зейдлиц расценил следующим образом: «Пытаясь свалить всю вину на авиацию, они явно хотят заглушить в себе голос нечистой совести. Но разве Рихтгофен и Фибиг, точно так же, как и Пикерт, не предупреждали со всей прямотой, что авиация никогда не сможет обеспечить снабжение двух армий! Шмидт ведь тогда отверг все возражения. Неужели он уже забыл об этом? Не заявлял ли он тогда, что в „котле“ можно есть и лошадей? »{212}

Провожая полковника Зелле, который 23 января вылетел на самолете из «котла» в качестве курьера, генерал Шмидт

напутствовал его следующими словами «Скажите везде, где вы сочтете уместным, что 6-я армия была предана и брошена на произвол судьбы верховным руководством»{213}. Если то не была лишь мимолетная вспышка возбуждения, вызванная нервным перенапряжением, то Зейдлиц был прав, утверждая, что даже начальник штаба окруженной армии, в конце концов – хотя и с запозданием – тоже пришел к правильному пониманию причин катастрофы. И, тем не менее, командование армии, как бы оно ни сознавало все это и как бы ни ощущало всю тяжесть усиливающихся страданий, выпавших на долю обреченных на гибель солдат, ничего не предпринимало для того, чтобы положить конец этой оргии страданий и смерти.

Соображения нравственности и гуманности побудили Зейдлица совершить еще одно паломничество в штаб армии. Это произошло 25 января, после того как ему довелось еще раз с ужасом наблюдать невообразимые сцены, происходившие вокруг него в подвалах и в лазаретах, видеть перед собой нагроможденные штабеля трупов и шатающихся повсюду в поисках пищи раненых и обмороженных солдат. «Глядя на жалкие фигуры изголодавшихся, замерзающих и обреченных на медленную смерть людей, наблюдая, как подъехавшие вплотную русские танки сеют смерть, я просто не мог примириться с мыслью, что сопротивление в этих условиях и является высшим проявлением солдатского духа и солдатской чести… Все мое существо восставало против безумия и тех бессовестных руководителей, которые в этом были повинны»{214}.

Зейдлиц доложил командующему армии и начальнику штаба существо вопроса, с которым он явился к ним. «Не останавливаясь на проявлениях разброда, которые были известны Паулюсу не хуже, чем мне, я поставил вопрос, намеревается ли командование армии сделать что-либо для того, чтобы осуществить организованную капитуляцию. Если этого не произойдет, то перед каждым офицером и солдатом встанет вопрос, может ли он действовать в одиночку и что именно ему следует предпринять. Находившийся в состоянии полнейшей меланхолии Паулюс коротко ответил: „Я не стану ничего делать“. Свое решение он никак не мотивировал. Рядом молча стоял Шмидт. После небольшого раздумья я заявил тогда, что в таком случае я буду действовать сам. Ни Паулюс, ни Шмидт ничего не возразили на это. То была моя последняя встреча с Паулюсом в „котле“{215}.

Сразу же по возвращении на свой командный пункт генерал фон Зейдлиц издал последний приказ по корпусу, адресованный двум сохранившимся еще у него дивизиям (100-я егерская

дивизия и 295-я пехотная дивизия). В констатирующей части этого документа отмечалось, что приказа по армии, регламентирующего поведение на заключительной стадии боев, ждать не приходится. Командование армии запретило вступать в переговоры с противником, и точно так же оно не одобряет самоубийство. Дальнейшего раздробления фронта на мелкие боевые группы и отдельные «котлы» ни в коем случае не следует допускать, чтобы избежать последних совершенно бессмысленных жертв. Поэтому командирам полков и батальонов предоставлялось право принимать самостоятельное решение в зависимости от обстановки на месте, отстреливать последние остатки боеприпасов и прекращать сопротивление.

Этот последний приказ генерала фон Зейдлица в Сталинградском «котле» представлял собой проникнутую чувством ответственности меру, порожденную столкновением противоречивых представлений о своем долге, что причиняло ему как человеку и как офицеру тяжкие страдания. Зейдлиц оказался перед необходимостью сделать выбор между беспрекословным повиновением бессмысленному приказу Гитлера и долгом по отношению к вверенным ему солдатам. Он решил сделать то, что повелевала его совесть.

К самовольным действиям, подобно Зейдлицу, стали прибегать в те дни и другие командиры, которые, восстав против неумолимо исполняемых командованием армии приказов о сопротивлении до конца, повиновались велению более высокой власти – законов человеческой морали. Так, об организованном прекращении сопротивления своевременно позаботился генерал фон Дреббер, командовавший 297-й пехотной дивизией, так поступил командир XIV танкового корпуса генерал Шлемер, распорядившийся об одновременной капитуляции своих частей, предотвратив тем самым никому не нужное кровопролитие и наихудшие проявления хаотического разброда{216}. В спасительной свободе решений нашли выход из этой чрезвычайной ситуации также и некоторые командиры полков, батальонов и более мелких подразделений.

На всем протяжении битвы в «котле» Зейдлиц страдал из-за того, что у него связаны руки и в решающие моменты он лишен возможности проявить инициативу, а его положение не позволяет определяющим образом влиять на ход событий. Критикуя командование армии, он осуждал его пассивность и покорность судьбе, сочетающиеся с ложным представлением о долге, что еще раз роковым образом сказалось как раз перед катастрофой. Возвращаясь к этому, он пишет: «Насколько мне помнится, по существу с момента возникновения этой чрезвычайной ситуации

и вплоть до горького конца мы не чувствовали со стороны командования армии волевого, целеустремленного, строгого и четко налаженного руководства. Дело не только в том, что при подготовке к прорыву, который намечался на конец ноября, а затем в ходе операции „Зимняя гроза“ командование армии не позаботилось издать соответствующие приказы, которые с помощью надлежащих слов и аргументов разъясняли бы людям крайнюю серьезность создавшейся ситуации и воодушевляли бы отдать последние силы в этой решающей схватке. Я не могу припомнить также ни одного приказа, который ясно и вразумительно убеждал бы в необходимости вести до конца явно безнадежную борьбу. В еще большей степени это относится к заключительному этапу сражения, сопровождавшемуся все большим разбродом. Здесь поистине проявилась во всем своем неприглядном виде расплывчатая, безъязыкая, двусмысленная и апатичная линия поведения армейского руководства, не находившего в себе больше ни энергии, ни мужества для самостоятельных действий»{217}.

Последствия такого недостаточно уверенного руководства, не способного разрешить дилемму то и дело возникающих конфликтных ситуаций, ощущали на себе не только солдаты фронтовых частей, чья вера в командиров и послушание приказу были в конце концов преднамеренно использованы в преступных целях. Они проявлялись и на другом уровне – в высших штабах, которые тогда, нередко перемешавшись между собой, прозябали в подвалах и погребах лабиринтов сталинградских развалин и бездеятельно ожидали близящегося конца, в то время как солдаты погибали на поверхности. Зейдлиц не устрашился запечатлеть в своих записках потрясающую картину растерянности, беспомощности, судорожных потуг и тупой апатии, охвативших генералов и остававшихся еще при них штабных офицеров. Он свидетельствует, что командование армии, несмотря на изданные им же самим приказы сражаться до последней возможности, а, следовательно, и оборонять командные пункты до последнего солдата, одобряло отчаянные попытки отдельных офицеров и групп самостоятельно прорваться из окружения. К числу старших офицеров, которые незадолго перед концом решились на такую авантюру и погибли при попытке прорваться сквозь вражеские линии, принадлежали начальник оперативного отдела штаба армии полковник Эльхлепп и начальник штаба LI корпуса полковник Клаузиус, чье имя неразрывно связано с памятной запиской Зейдлица.

Зейдлиц, как и другие офицеры, считал ничем не оправданным и расценивал как предательство по отношению к

фронтовикам тот факт, что двое из корпусных командиров под конец не разделили судьбу своих солдат. По приказу свыше их вывезли на самолете из «котла». Один из них – генерал танковых войск Хубе – имел задание реорганизовать снабжение армии по воздуху, которое к тому моменту уже безнадежно провалилось, тогда как другой – генерал инженерной службы Енеке – без видимой причины был эвакуирован после того, как получил легкое ранение. Между прочим, Зейдлиц сообщает о малоизвестном факте: оказывается, даже начальник штаба армии явно пытался в последний момент покинуть тонущий корабль, у штурвала которого он стоял вместе с Паулюсом на протяжении долгих роковых месяцев битвы на Волге. Какую же важную миссию в тылу мог, собственно, иметь Шмидт после того, как из «котла» до него было уже послано несколько специальных курьеров? Генерал Шмидт вместе со многими другими офицерами попал под дождь чинов и наград, излившийся в этот завершающий период катастрофы на агонизировавшую армию. Однако, будучи произведен в генерал-лейтенанты, он все-таки был вынужден закончить свою военную карьеру в плену. Дело в том, что, когда 25 января Шмидт получил приказ вылететь из «котла», с аэродрома «Сталинградский» уже поднялся последний самолет. Зейдлиц воспринял это тогда как справедливое веление судьбы{218}.

Изданный Зейдлицем приказ, предписывавший капитулировать перед советскими войсками, повлек за собой тяжелые для генерала последствия. Командование армии, обходным путем узнавшее об этом приказе сперва рассматривало вопрос об его аресте, но, в конце концов, ограничилось его отстранением от командования. Остатки дивизий Зейдлица, которые стали выполнять приказ командира своего корпуса, были подчинены генералу Гейтцу, командиру VIII армейского корпуса, который вместе с некоторыми подразделениями был занесен волной отступления в южную часть «котла» и по старшинству лет мог, правда, и так претендовать на то, чтобы возглавить командование этим участком обороны. Зейдлиц не без оснований считал, что инициатором этих мер был непреклонный поборник бессмысленного сопротивления генерал Шмидт{219}.

По этой причине Зейдлиц не слишком склонен принимать всерьез запоздалые утверждения начальника штаба 6-й армии о том, что он 25 января рекомендовал Паулюсу без предварительного согласования со ставкой Гитлера предоставить потерявшим боеспособность соединениям право капитулировать{220}. Если Шмидт тогда и впрямь уже не был согласен с намерением командующего продолжать сопротивление

и считал правильным действовать на свой страх и риск, то 25 января, когда Зейдлиц в последний раз просил Паулюса организованно прекратить дальнейшую безнадежную борьбу, он, очевидно, должен был поддержать командира корпуса как своего единомышленника. Однако ничего этого не произошло. Напротив, имеются достоверные свидетельства, что Шмидт до самого конца упорно настаивал на продолжении сопротивления. Когда начальник штаба XIV танкового корпуса полковник Мюллер просил его повлиять на Паулюса, с тем чтобы добиться согласия на незамедлительную капитуляцию, Шмидт цинично ответил, что у солдат остаются ведь еще ножи и зубы, чтобы продолжать сопротивление{221}. Вальтер Герлиц в своем исследовании о Сталинградской битве неоднократно отмечает и сверх всякой меры афиширует проявленную Шмидтом инициативу, которой он, как кажется, склонен приписывать важную роль даже в принятии решения о капитуляции. В то же время он обходит полным молчанием усилия генерала фон Зейдлица в этом вопросе. Но ведь именно благодаря Зейдлицу еще 20 января было созвано совещание генералов, которое позволило сдвинуть все это дело с мертвой точки{222}.

В своих «Принципиальных замечаниях» Паулюс добросовестно упоминает о том, что Зейдлиц дважды обращался к нему по вопросу о капитуляции. Однако о возникшем – как-никак серьезном – расхождении мнений с начальником своего штаба, который впервые не был согласен с ним в этом важном вопросе, он не может что-либо сообщить{223}.

Нет никакого сомнения и в том, что именно генерал Шмидт подложил своему командующему 29 января, то есть буквально накануне трагического конца, когда армия давно уже находилась в состоянии полнейшего разброда, ту лживую телеграмму в адрес «фюрера», в которой отказ капитулировать изображался как «геройство». Когда Паулюсу в Нюрнбергском военном трибунале был задан вопрос об этой верноподданнической телеграмме, он заявил: «Я сожалею, что тогда под влиянием всей обстановки пропустил эту вещь и не задержал ее»{224}.

Происшедшее в последние дни января подчинение генерала фон Зейдлица лично и остатка его штаба командованию VIII корпуса заставило генерала стать свидетелем одного гротескного явления. «Твердокаменный» генерал Гейтц, преисполненный непреклонной решимости защищать каждую пядь земли и сражаться до самой последней возможности, счел нужным в обстановке охватившего армию разложения снова взять подчиненные ему части в ежовые рукавицы. С этой целью он назначил на 29 января инструктаж высшего командного состава

своего корпуса, на который были вызваны два оставшихся без войск корпусных командира, три командира дивизии, три полковника и несколько других офицеров. Зейдлиц не мог себе представить, чего еще можно потребовать от предельно измотанных, не имеющих боеприпасов и страдающих от жестокой стужи солдат, которых давили вражеские танки. Он ожидал, что трагизм положения породит деловой приказ, сочетающий в себе признание проявленной самоотверженности с воодушевляющим призывом собрать все силы для последнего боя. Однако произошло совсем иное. Главным содержанием нового приказа был набор угроз и перечень караемых смертью действий: «Кто станет сдаваться русским, будет расстрелян! Кто выкинет белый флаг, будет расстрелян! Кто немедленно не сдаст сброшенную с самолета буханку хлеба или связку колбасы, будет расстрелян!» И дальше следовали другие пункты приказа, кончавшиеся стереотипной угрозой: «Будет расстрелян!» Такого рода инструктаж генералов и старших офицеров, отмечает Зейдлиц, характеризуя этот эпизод, был похож на разговор старого служаки-фельдфебеля с унтер-офицерами. «То была поистине заупокойная сцена на фоне смерти, уносящей с собой обмороженных, изголодавшихся и медленно околевавших людей»{225}.

С проявлением этого фанатизма Зейдлицу было суждено столкнуться двумя днями позже, когда он посреди жалкой толпы пленных генералов, старших офицеров и солдат начал тернистый путь в неизведанное будущее. «Нас заставили поодиночке, в затылок друг другу взбираться по узкой лесенке, которая шла вверх по крутому склону балки. В этот момент во исполнение приказа Гейтца нам в спину ударил огонь наших же пулеметов. Эти пули настигли прибившегося к нам полковника инженерной службы Шиллинга, а также офицера моего штаба ротмистра Бетге. Их трупы скатились вниз прямо под ноги все еще стоявшим там русским»{226}.

Таково было последнее потрясение, испытанное генералом во время битвы на Волге. Зейдлиц не забыл упомянуть, что несколько дней спустя к группе взятых в плен генералов присоединился и считавшийся до этого погибшим генерал-полковник Гейтц, который так безжалостно принес в жертву подчиненных ему солдат и своим безумным приказом от 29 января создал у всех убеждение, что он и сам будет отбиваться до последнего патрона и станет искать смерти в бою, обороняя свой командный пункт. На лице Гейтца совершенно не было заметно следов страданий и лишений в результате более чем двухмесячных боев в окружении. В отличие от других генералов

генерал-полковник Гейтц ушел в плен, захватив с собой поразительно большое количество чемоданов.

Описанные в настоящей главе события и переживания, ошибки и заблуждения являются характерными для всей картины Сталинградской битвы. Историк, поставивший себе цель проанализировать события, должен воспользоваться всеми доступными источниками, если он хочет доискаться истины во всей ее полноте. Конечно, рассмотрение как раз последнего акта трагедии на Волге со всеми ее внешними проявлениями и скрытыми обстоятельствами является не слишком привлекательным занятием. То, что вскрывается при этом, сводится не только к всевозможным проявлениям внутреннего разлада, но и предстает как конечное следствие порочной солдатской и человеческой морали, к которому не могла не привести фатальная логика развития. Эта горькая пилюля беспощадной объективности особенно необходима ввиду наблюдающихся попыток и тенденций оправдать, умалить в своем значении или обошли молчанием то, что произошло в Сталинграде.

Если в этом вопросе отправной фигурой изложения стал генерал фон Зейдлиц, то это было сделано вовсе не с той целью, чтобы идеализировать его или тем более приписать ему роль неудачливого героя. Как и другим, ему были присущи свои недостатки и человеческие слабости. Исполняя свой печальный долг, он, как и другие, в конце концов, был вынужден покориться судьбе и вопреки собственным убеждениям вместе со своими подчиненными пойти по гибельному пути. Вместе со своими коллегами-генералами по боям на Волге и он оказался запутанным в сетях вины и злого рока. Поэтому он далек от того, чтобы отгораживаться от своих сотоварищей по пережитым тяжким невзгодам. Зейдлиц не был бунтовщиком или мятежником, намеревавшимся поднять у берегов Волги знамя политического сопротивления Гитлеру. Но он был, пожалуй, самым видным представителем мыслящих и провидящих людей в немецкой группировке на Волге. Он сумел раньше и отчетливее других распознать военно-политическую подоплеку и демоническую сущность того, что происходило вокруг. В то же время полководческий опыт и присущий ему безошибочный солдатский инстинкт заставили его с самого начала Сталинградской битвы встать в решительную оппозицию по отношению к командованию 6-й армии и перед лицом ужасной катастрофы пытаться склонить его к самостоятельным действиям.

Личной трагедией Зейдлица было то, что в стремлении отвратить зловещий рок, нависший над четвертью миллиона

немецких солдат, он был связан рамками своего положения и мог прибегнуть лишь к критике, протестам и попыткам самостоятельных активных действий в ограниченных масштабах. Зейдлицу не было суждено доказать большими делами на том ключевом и ответственном посту, который он должен был занять после завершения битвы, что он готов и полон решимости пойти на большой риск во имя того, чтобы выполнить веление исторического момента. Как бы то ни было, его чувства и помыслы, устремления и практические действия в той или иной мере отражали осознанную реакцию многих участников битвы на Волге на те явления, которые шаг за шагом выхолащивали традиционные представления о солдатской чести и долге. В конечном итоге логика событий беспощадно разоблачила всю аморальность дегенеративного военного и государственного руководства Гитлера. Поведение генерала фон Зейдлица во время битвы на Волге должно напоминать о том, что военный руководитель не может ограничивать себя чисто профессиональными рамками. Высшим законом для него должно быть веление совести, а долг повиновения существует лишь постольку, поскольку он имеет под собой нравственную основу. Пусть об этом напомнят тяжелые душевные терзания, невыносимое бремя конфликта между долгом и совестью, гнет которых наряду с жестокими физическими страданиями ощущали во время Сталинградской битвы тысячи немецких солдат.

Заключение

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ Сталинградской битвы минуло 20 лет{227*}. За прошедшее время четко определились всемирно-исторические масштабы этого события. «Для Германии битва под Сталинградом явилась самым тяжким поражением за всю ее историю, для России же – ее величайшей победой. В сражении под Полтавой (1709 год) Россия стала великой европейской державой; Сталинград положил начало ее превращению в одну из двух могущественнейших мировых держав»{228}.

В сознании немецкого народа – и отнюдь не только того поколения, которое пережило вторую мировую войну, – название города на Волге, где разыгралась трагедия, надолго сохранит свое зловещее звучание. Этот город на Волге пылающим заревом осветил военное, политическое и моральное крушение всего нацистского режима. Преисполненная глубокого символизма трагическая эпопея обнажила дьявольскую сущность антинравственной государственной и военной системы гитлеризма. За этой системой, поддавшись ее воздействию, вплоть до самого ужасного конца в самоубийственном ослеплении следовало большинство немцев.

Фельдмаршал Паулюс был одним из тех, кто помогал претворять в жизнь пагубные приказы. К сожалению, лишь после катастрофы он понял, во имя чего отдали свои жизни многие борцы Сопротивления и политически мыслящие представители офицерства. По возвращении из плена Паулюс в одном из своих публичных выступлений весьма верно отметил символическое значение трагедии на Волге. «В событиях Сталинградской битвы и сопутствовавших ей явлениях отразились как в капле воды все проблемы гитлеровских захватнических войн, все противоречия между требованиями стратегической обстановки, с одной стороны, и теми политическими и экономическими целями, которые ставило перед собой верховное руководство, – с другой стороны. Мы видим самоотверженность немецких солдат и офицеров. Но их самоотверженность была использована в преступных целях. Мы видим также предел человеческих и материальных возможностей, видим потрясающие личные трагедии, – короче говоря, мы стали свидетелями всех бедствий, которые претерпел немецкий народ. В результате развязанной Гитлером войны обрушились бедствия на подвергшийся нападению Германии советский народ»{229}.

Эти мысли заслуживают того, чтобы углубить и развить их, ибо они в самом деле наглядно раскрывают характерные черты

пережитой войны и того режима, неизбежным порождением которого она была. Уже одна только авантюристическая попытка одновременно прорваться и к Волге, и на Кавказ показала сумасбродность захватнических планов. Стремление овладеть военно-промышленными центрами показывает, как далек был от классических законов стратегии дилетантствующий диктатор. Наступление на многие сотни километров в глубь вражеской территории велось без учета элементарных географических и метеорологических условий, без достаточных резервов и нормального снабжения войск, которых принудили выполнять непосильные задачи. Как и вся война в целом, это была игра ва-банк, и высший генералитет не положил ей конец. Наконец, стремление, во что бы то ни стало овладеть Сталинградом, которое в значительной мере диктовалось нелепыми и безответственными соображениями престижа, полностью разоблачило кощунственное высокомерие и аморальность Гитлера и его мировоззрения. Все, что было передумано и перечувствовано, сделано и упущено во время битвы в окружении, совершенные при этом добрые и дурные поступки – все это представляло драматический сгусток той общей судьбы, которая выпала на долю немецкого народа. То было символическое воплощение пагубного пути, на который была совращена вся нация: захват чужих земель и высокомерное пренебрежение к другим народам, самонадеянность и фанатизм, роковое стремление приспособиться к происходящему и бесплодные протесты, беспрекословное повиновение и бесчисленные душевные конфликты, лживые обещания и наивная доверчивость, самоотверженное выполнение долга и злоупотребление высокими побуждениями и преданностью, демагогическая пропаганда и надругательство над человеческим достоинством, распространившееся повсюду солдафонство и верноподданничество вместо сознания гражданской ответственности, всеобщая вина и покорность злому року перед лицом событий, которые в конечном итоге должны были с фатальной неизбежностью привести к катастрофе. В сталинградской катастрофе как в фокусе отразились все наиболее характерные свойства нацистского государственного и военного руководства. Эта катастрофа является гигантским уроком военного провала, на котором история как бы решила продемонстрировать все наихудшие последствия сосредоточения безграничной власти в руках одного «фюрера», тоталитарных порядков и беспрекословного повиновения безумным приказам

Удалось ли немецкому народу{230*} за прошедшие 20 лет идейно и политически избавиться от чудовищного наследия во

имя и в интересах своего оздоровления? ˆ Можно ли действительно сказать, что дискуссия вокруг сталинградских событий и порожденных ими проблем дала плодотворные результаты? И есть ли уверенность в том, что полезные уроки прискорбного прошлого станут достоянием наших потомков? На эти вопросы никто не может, не греша против совести, ответить утвердительно. В восприятии истории нацизма и участия Германии во второй мировой войне, одним из наиболее характерных эпизодов которого, как только что было отмечено, явилась Сталинградская катастрофа, у немцев наблюдается своеобразное раздвоение сознания. Оно проявляется во многих сторонах мышления и в оценке различных событий и явлений, не в последнюю очередь как раз таких, как битва на Волге и движение Сопротивления против Гитлера. В первый послевоенный период не было недостатка в искреннем стремлении познать и осмыслить происшедшее, чтобы, руководствуясь благими намерениями, разделаться с недавним прошлым и преодолеть унаследованные заблуждения. Однако по мере того, как свиток лет все больше отдалял от нас катастрофу на Волге, а материальное благосостояние в результате высокой экономической конъюнктуры поднималось и наступило самоуспокаивающее благоденствие, стремление осмыслить прошлое умирало, и процесс великого обновления и очищения от прежних грехов так и не состоялся. Лихорадочная погоня за внешними успехами и повышением жизненного уровня постепенно заглушила в широких кругах немецкого населения пробужденное тотальной военной катастрофой чувство политического и нравственного самосознания. Жажде наживы мешали воспоминания о недобром прошлом. Так создавалась атмосфера обманчивой неуязвимости, на почве которой произрастало сытое равнодушие и тупое пренебрежение к моральным и духовным ценностям, обладание которыми при нынешних общественных и жизненных условиях стало восприниматься как нечто само собой разумеющееся, хотя на самом деле их нужно отстаивать в повседневной борьбе.

Как же в такой атмосфере могла сохраниться психологическая готовность избавиться от тяжкого груза прошлых лет! Сытое довольство не желало, чтобы его тревожили воспоминаниями о прошлом, оно стремилось отгородиться от них и вытеснить неприятные ощущения ушедших лет. Так в литературе о Сталинграде возникла неблаговидная тенденция под прикрытием кажущейся объективности реабилитировать, приукрасить, затушевать, обойти молчанием события прошлого или же представить их в искаженном виде. Достойно сожаления,

что эти приспосабливающиеся к духу времени тенденции в немалой степени способствуют тому, чтобы окончательно выбросить за борт бесспорно горькие, но целебные плоды нашей национальной катастрофы.

Попытки по-настоящему разобраться в прошлом, в частности вернуться к вопросу о сталинградской катастрофе, осложняются и в связи с изменившимся в Федеративной Республике Германии отношением к военным проблемам. В период, когда возрождение немецкого солдатского духа вначале безудержно поносилось державами-победительницами, а затем начали раскапывать достоинства, похороненные под обломками милитаризма, многие генералы, военные историки и публицисты всячески стремились внести свою лепту в восстановление чести немецкого солдата путем замалчивания всей правды, отказа обсуждать некоторые скользкие темы и даже неуместного оправдания и прославления прошлого. Это медвежья услуга. Ганс Ротфельс справедливо подчеркивал, что лишь «до конца откровенная полемика» может способствовать очищению атмосферы и созданию таких условий, которые помешали бы возникновению новых легенд. «Это далеко не самое приятное дело. Однако стремление забыть неприятные вещи и вытеснить их из своего сознания еще никогда не вело к духовному оздоровлению. Поэтому мы никак не можем уйти от деликатных проблем и избежать прикосновения к едва зарубцевавшимся ранам»{231}.

Этот вывод особенно справедлив в отношении битвы на Волге. Мы должны найти в себе силу и мужество тщательно исследовать мрачную и неприглядную главу истории, повествующую о принижении и самоотчуждении нашего солдатского духа, взглянуть в глаза всей правде и принять ее такой, как она есть. Мы должны выяснить, каким образом нацизму удалось постепенно переломить спинной хребет немецких вооруженных сил. Нужно обнажить и исторические корни роковых событий прошлого. Откровенное обсуждение всех этих проблем, затрагивающих основы солдатской этики, повысит способность распознавать истинное соотношение духовных и моральных ценностей, поможет чувствовать допустимые границы повиновения и постоянно помнить о высшем долге блюсти право, свободу, моральную чистоплотность и человеческое достоинство. От участия в обсуждении этих проблем не должен уклоняться ни один солдат или офицер. В этой связи можно было бы напомнить слова Теодора Литта о целебной силе правды: «Пытаться не замечать ее равносильно уничтожению источника духовного обновления. Насильно подавлять правду – это не что иное, как превращать благословение в проклятье. Ибо то, о чем человек

старается не думать, не перестает существовать и, будучи лишенным возможности проявляться открыто, становится укором, от которого нельзя избавиться, порождает неизменное ощущение, что совесть твоя нечиста»{232}.

Сталинградской трагедии невозможно придать какой-то высший смысл с помощью использованных в свое время фальшивых речей о героизме или нынешних попыток окружить ее романтическим ореолом. Завещание павших может быть выполнено лишь в том случае, если воспоминание об этой военной, моральной и политической катастрофе станет для нас неиссякающим кладезем исторических уроков. Предпосылкой этого является безоговорочная решимость до конца вскрыть всю взаимосвязь тогдашних событий, не ограничиваясь лишь их военно-стратегическими аспектами, и готовность пересмотреть унаследованный кодекс солдатской чести, имея в виду те его представления и понятия, которые несовместимы с человеческим достоинством и законом нравственности.

Замкнутый солдатский мирок со своими собственными представлениями о долге и чести, на который не распространяются общечеловеческие моральные устои, является чистейшим вздором. Постигшая немецкий народ трагедия под Сталинградом дает наглядный урок того, к каким извращениям солдатского духа может привести засилье аморальной и безответственной диктаторской власти и какое насилие над человеческим существом неизбежно несет с собой тотальная война вообще.

Именно битва на Волге продемонстрировала, в какой роковой степени германский вермахт был превращен в инструмент осуществления бредовых целей нацистского режима. Было бы весьма полезно, если бы ныне эту истину во весь голос неустанно провозглашали и те, кто, занимая в прошлом высокие военные посты, ответствен за все это.

К сожалению, это имеет место лишь в очень редких случаях. В подавляющем большинстве трудов и мемуаров бывших гитлеровских генералов преобладает тенденция оправдать прошлое. Типичным образчиком таких попыток могут служить воспоминания Манштейна, особенно глава о Сталинграде. Ознакомление с этой неприглядной литературой оставляет ужасающее впечатление непоколебленной самоуверенности, нежелания вникнуть в сущность происшедшего и признать свои заблуждения. Английский военный публицист Лиддл Гарт однажды нарисовал яркий образ немецкого офицера, который, наглухо замкнувшись в своей узкопрофессиональной военной сфере, готов беспрекословно повиноваться любому приказу, не

задаваясь мучительным вопросом о политической ответственности. «Мне он представляется, – пишет Лиддл Гарт, – современным Понтием Пилатом, смывающим со своих рук всю ответственность за приказы, которые он должен выполнять»{233}.

Почти нигде в подобных мемуарах не говорится о своих собственных промахах или о высшем велении совести. Почти никогда не делается попытка рассматривать ход военных действий с точки зрения общих принципов ведения войны и не ставится вопрос о политической подоплеке происходившего. На первом плане всегда стоят лишь чисто военные события и результаты, а также явно продиктованное соображениями личного престижа стремление оправдаться, смыть с себя позор военного поражения и переложить всю вину на одного только могильщика Германии, который вовремя улизнул от земного суда. Характерным в этой связи является вызывающее недоумение заявление генерала Дерра: «Мне кажется, всю вину за Сталинград несет лишь один человек, и этим человеком был безбожник Адольф Гитлер»{234}.

В подобных утверждениях сознательно игнорируется существование целой иерархической лестницы, по ступеням которой разграничивались масштабы ответственности, начиная с верховного главнокомандующего и далее через фронтовых командующих вплоть до командиров низовых подразделений.

Лейтмотивом данной книги является вопрос об ответственности, который в каждой главе рассматривается автором с принципиальной точки зрения. С этим вопросом самым тесным образом связаны разносторонние политические и морально-психологические проблемы, без рассмотрения которых было бы невозможно охватить во всей глубине и во всем его историческом значении феноменальное явление Сталинграда. Попытка свести трагедию на Волге лишь к ее военно-стратегическим сторонам никоим образом не может отобразить всю грандиозность событий. Именно в этом следует искать корни той неудачи, которая постигла Вальтера Герлица при попытке проанализировать происшедшее. Герлиц только чуть-чуть затронул связанную с этим проблематику. К тому же он оказался не в состоянии надлежащим образом учесть чрезвычайный характер сталинградских событий. Ничто не давало ему права мерить на обыкновенный аршин такие события, при которых в атмосфере царившего тогда произвола и бесчеловечности едва ли можно было считать, что долг повиновения еще имеет под собой какую-либо нравственную основу. В этом смысле перед историей грешен и фельдмаршал Паулюс, который, подобно многим другим высшим военачальникам, до самого конца не смог

освободиться от ослепления и трагических иллюзий. Он оказался не в состоянии осознать дьявольскую природу происходящего. Ему не хватило необходимой политической проницательности и способности прислушаться к голосу собственной совести в соответствии с грузом ответственности, который лежал на нем.

При исследовании сталинградской трагедии и роли ее главных действующих лиц ответственность ложится и на историков. Письменным свидетельствам и официальным документам, безусловно, принадлежит решающее значение. Но они не содержат в себе всей правды. Объективность ведь тоже не является самодовлеющей величиной, и история не представляет собой беспристрастного оппонента. Историк связан необходимостью учитывать также веления нравственности, он не может оставаться нейтральным созерцателем, когда происходит борьба между добром и злом.

Историческая проблематика Сталинграда – и здесь вновь проявляется символический характер этой битвы – выдвигает перед нами один из наиболее роковых для немецкого народа вопросов, который после ухода Бисмарка с политической арены не переставал волновать немецкую общественность и нерешенность которого была главной причиной пережитых Германией в обеих мировых войнах катастроф. Речь идет о разумном соотношении между политикой и общими принципами ведения войны. Сталинград отчетливо продемонстрировал, как далеко отошли ответственные военные руководители Германии от доктрин и военно-философских воззрений Клаузевица, провозгласившего приоритет этически обоснованного политического мышления над чисто военной стороной дела. По этой причине война на Востоке выродилась в беспощадную войну двух противоположных мировоззрений, которая к тому же низводила немецких войсковых командиров до роли прислужников «стратегии невозможного» и все больше отдаляла их от традиционных представлений военной этики. Рывок к Сталинграду, представлявшему собой «краеугольный камень», на котором должен был держаться весь гигантский комплекс дальнейших операций по завоеванию Ближнего Востока, был кульминационным пунктом захватнических устремлений нацизма. Произросшее на почве бредовых расовых теорий чудовищное высокомерие привело к игнорированию и недооценке боевой мощи Красной Армии, а также экономических и моральных источников могущества Советского Союза. Смертельная схватка под Сталинградом не только завершилась тотальной победой достойного противника, преподнесшего немецким захватчикам современные «Канны», но и нанесла

уничтожающий удар по бредовым замыслам и захватническим устремлениям нацизма. Битва под Сталинградом пробудила в советском народе небывалую энергию и мобилизовала его могучие силы. Во всяком случае, сокрушительный разгром немецкой армии на Волге был не только следствием численного перевеса и превосходства человеческих и материальных ресурсов противника, как это еще сегодня хотел бы представить кое-кто из тех, кто ничему не научился. Борьба советского народа, защищавшего и освобождавшего свою подвергшуюся иноземному нашествию Родину, окончательно привела в дни Сталинграда к динамическому слиянию большевистского государственного строя и советского патриотизма, превратившемуся в решающий фактор мировой политики.

В процессе духовного преодоления недавнего злополучного прошлого особенно важно осознать те уроки, которые вытекают из сталинградской трагедии. Конечно, необходимые исторические выводы должны сопровождаться изменением отношения к существующим политическим реальностям. «При этом, – подчеркивал Герхард Мебус, – нельзя, однако, упускать из виду, что преодоление иллюзий составляет лишь одну сторону процесса духовного обновления, подобно тому, как расчистка обломков всего лишь подготовляет сооружение нового здания»{235}. И ныне, и в будущем путеводной звездой для нас могут служить подчиненные велениям нравственности политические заветы упомянутого в этой книге выдающегося военного деятеля, который сумел преодолеть рамки чисто военного восприятия и подняться до проникнутого сознанием своей ответственности политического мышления и образа действий. Генерал Людвиг Бек подал пример, достойный подражания, не только самой своей жизнью и жертвенной гибелью. В оставленных им памятных записках и «Набросках» мы находим возрождение и творческое развитие идей Клаузевица{236}. Бек опроверг фальшивые утверждения, будто война является наивысшей формой деятельности нации. Он опроверг ту точку зрения, которая, к нашему несчастью, так выпячивалась в предшествующую историческую эпоху, – а именно, что главным является военное мышление. Он показал, что одностороннее военное мышление должно быть подчинено гораздо более обширной сфере военной политики, главная задача которой может состоять лишь в том, чтобы сохранить и защитить мир, постоянно памятуя при этом о непреложном долге блюсти чувство личной ответственности, человеческого достоинства и свободы нравственных решений.

Память о Сталинграде, а также те национальные проблемы и

задачи, которые вытекают для нас из завещания павших, должны постоянно напоминать нам о необходимости до конца осмыслить бесцельность жертв, принесенных с такой жестокостью. Мы должны бдительно следить за тем, чтобы не допустить повторения такого развития, которое грозило бы безжалостно уничтожить высшие духовные ценности и жизненные блага или хотя бы подвергнуть насилию личность, вынуждая ее делать то, что противоречит голосу совести или чего не могут одобрить сердце и разум.

Если мы извлечем надлежащие уроки из сталинградских событий и национальной катастрофы, которую отделяет от нас развертывающийся свиток лет, то жертвы и страдания отцов не пропадут даром для потомства.

Примечания

{1}См. «За рубежом», № 43, 1963, стр. 19.

{2}Блюментрит, Роковые решения, Воениздат, М., 1958, стр. 66.

{3}В это же время войска Юго-Западного и частично Воронежского фронта разгромили основные силы 8-й итальянской армии и так называемой оперативной группы «Холлидт», что также нашло отражение в книге Видера.

{4}Характерно, что в силу порочной позиции наших бывших западных союзников гитлеровский генеральный штаб не был объявлен преступной организацией.

{5}В этом отношении и Видер нет-нет, да и поддается официальной боннской пропаганде.

{6}H. Frissner, Verratene Schlachten, Hamburg, 1956, S 227.

{7}«За рубежом», № 45, 1962, стр. 6.

{8}До создания группы армий «Дон» 6-я армия Паулюса входила в состав группы армий «Б».

{9}«Allgemeine Schweizerische Militarzeltschnft», Heft 2, Februar, 1963, S. 65-70.

{10*}Видер допускает неточность. Удар южнее Кременской был осуществлен войсками Донского фронта 19 ноября одновременно с ударом Юго-Западного фронта, наступавшего с плацдармов юго-западнее г. Серафимовичи и станицы Клетская. К окружению группировки гитлеровцев привел, однако, не удар Донского, а удар Юго-Западного фронта, войска которого 23 ноября в районе г. Калач соединились с войсками Сталинградского фронта, начавшими контрнаступление на один день позже (20 ноября) с плацдарма в районе Сарпинских озер. (Прим ред. Здесь и далее примечания, отличенные звездочкой, даны русской редакцией. Примечания, касающиеся военных действий в Сталинграде, сделаны подполковником В. К. Печоркиным)

{11*}Мост был захвачен небольшим отрядом под командованием подполковника Г. Н. Филиппова. Танки Филиппова с включенными фарами подошли к переправе. Гитлеровцы, охранявшие мост, приняли их за своих. Советские танкисты, переправившись через реку, уничтожили охрану и захватили мост (См. «Битва за Волгу», Волгоград, 1958, стр. 133-134, и «История ВОВ», Воениздат, М., 1961, т. III, стр. 33-34.)

{12*}В действительности метеорологические условия не исключали действия авиации, а лишь ограничивали их.

{13*}В окружении оказались 22 дивизии 6-й и 4-й танковой

немецких армий. В составе окруженной группировки было 15 пехотных дивизий (44, 71, 76, 79, 94, ИЗ, 295, 297, 305, 371, 376, 384, 389-я пехотные, 100-я легкопехотная дивизия гитлеровцев и 20-я пехотная румынская дивизия), 3 танковые дивизии (14, 16 и 24-я), 3 моторизованные (3, 29 и 60-я), 1 кавалерийская (1-я румынская), а также 160 отдельных частей всех родов войск. Общая численность всех этих войск достигала 330 тысяч человек. Помимо окружения этих сил, советские войска в ходе контрнаступления разгромили 3-ю румынскую армию, пять дивизий, которой были взяты в плен к моменту окружения, и нанесли поражение VI и VII армейским корпусам румын. Был разгромлен XLVIII танковый корпус, составлявший оперативный резерв противника.

{14*}В истории мирового военного искусства немало примеров операций на окружение, начиная от знаменитых Канн. Однако контрнаступление на Волге было спланировано весьма оригинально советским командованием, что неоднократно подтверждает и сам Видер.

{15*}23 мая 6-я немецкая армия, наступавшая с севера, и соединения группы армий «Клейст», наступавшей с юга, соединились в районе Балаклеи. Войска советских 6-й, 57-й армий и группы генерала Л. В. Бобкина были окружены. До 29 мая они вели тяжелую борьбу с превосходящими силами противника. Лишь отдельным отрядам удалось вырваться из окружения. В этих неравных боях погибли смертью храбрых многие верные сыны нашей Родины. Среди них Ф. Я. Костенко – заместитель командующего Юго-Западным фронтом, командармы А. М. Городянский, Л. В. Бобкин, К. П. Подлас.

{16*}И все же в данном случае Видер отдает дань распространенной в советской историографии времен культа личности версии о том, что отступление советских войск в глубь страны в летние месяцы 1941 и 1942 годов представляло собой заранее разработанный план «активной обороны», рассчитанной на изматывание врага.

{17*}Высшие штабные должности в соединениях вермахта (от дивизии и выше) занимали офицеры генштаба, которым была присвоена форма с некоторыми отличиями, в частности, красными лампасами на брюках.

{18*}Эпизоду с захватом в плен майора службы генерального штаба Видер придает преувеличенное значение. Едва ли документы, имевшиеся у него, были столь важными. Во всяком случае, приказы гитлеровской ставки на летнюю кампанию 1942 года в их полном объеме стали нам известны лишь после войны. (Примечание Маршала Советского Союза А. И. Еременко.)

{19*}62-я армия не была вновь сформирована, а лишь получала время от времени пополнения.

{20*}Судя по донесению Паулюса в штаб группы армий «В» от 22.11.1942 года, он не был сразу столь встревожен, как об этом говорит Видер. К тому же основная мысль этого донесения сводится к утверждению возможности удерживать район Сталинграда. (См. Г. Дерр, Поход на Сталинград, Воениздат, М., 1957, стр. 74.) Лишь в донесении от 23 ноября Паулюс высказался более определенно за выход своих войск из окружения.

{21*}Это предположение Видера не соответствует действительности.

{22*}Видер следует здесь ставшему традиционным в западногерманской историографии утверждению, что одной из важнейших причин того, почему Гитлер не разрешил отход немецкой группировки на Волге, были соображения престижа. Это неверно. У немецкой ставки до начала января были объективные причины для удержания этого района. (См, об этом подробнее в предисловии А. И. Еременко.)

{23*}Видер вновь ошибочно приводит эту цифру, раньше он сам называл 300 тысяч, в действительности было окружено 330 тысяч человек.

{24*}По данным Дерра, эта операция намечалась на 25 ноября 1942 года. (Г. Дерр, Поход на Сталинград, М., Воениздат, 1957, стр. 77.)

{25*}Речь идет о Лодзинской операции, развернувшейся на русско-германском фронте в ноябре 1914 года, одной из наиболее сложных операций маневренного периода первой мировой войны («Лодзинский слоеный пирог»). В ее ходе германская ударная группировка, окружившая 2-ю русскую армию, сама оказалась в окружении русских войск. Но все же войска генерала Шеффера, в составе которых находился и Зейдлиц, прорвались в расположение 20-го германского корпуса. Это были, однако, лишь остатки ударной группы, в ходе операции она потеряла до 40 тысяч человек, то есть 80% своего состава. (См. Военно-исторический журнал, № 11, 1964, стр. 127-128.)

{26*}С 24 по 30 ноября площадь, занимаемая окруженной группировкой, уменьшилась более чем вдвое. Войска Донского и Сталинградского фронтов зажали окруженных на территории 1500 квадратных километров. (70 – 80 километров с запада на восток и от 30 до 40 километров с севера на юг.)

{27*}Эти данные Видера не далеки от истины. Против окруженных к тому времени действовало уже не три, а два фронта, так как Юго-Западный действовал на внешнем кольце окружения, здесь же действовала и 51-я армия Сталинградского

фронта. На внешнем фронте окружения на 27 ноября действовало до 10 стрелковых дивизий, один танковый и три кавалерийских корпуса. На внутреннем кольце действовали 62, 64, 57-я армии Сталинградского фронта и 65, 66, 21 и 24-я армии Донского фронта. Надо иметь в виду при этом, что все они понесли потери, особенно армии Сталинградского фронта, состав каждой из них, как указывает и сам Видер, не превышал состава немецкого армейского корпуса, а по большей части уступал ему. Поэтому заключительный вывод о трехкратном превосходстве русских является преувеличением. К 1 декабря на Сталинградском направлении в целом было следующее соотношение: советских дивизий – 68,5, немецких – 48 (соотношение 1,45: 1); людей с советской стороны – 854 776, с немецкой– 846 000 (1: 1); советских танков – 797, немецких – 770 (1: 1); по артиллерии и авиации соотношение было примерно таким же. Тройное превосходство советская сторона имела только по крупнокалиберным минометам. Противник, однако, имел качественное превосходство в полевой артиллерии. Непосредственно против окруженных действовало 43,5 советских дивизий в составе 479 672 человек (соотношение 1,45: 1), 465 танков против 340 (1,3: 1), орудий и минометов 8491 против 5230 (1,6: 1).

{28*}Здесь Видер явно идеализирует моральное состояние окруженных. Он не упоминает о страхе, который испытывали не только солдаты, но также генералы и офицеры перед СС и гестапо.

{29*}В этих рассуждениях Видера проскальзывает распространенная в западногерманской историографии тенденция поставить на одну доску разновеликие по своему значению событий второй мировой войны.

{30*}По данным, приводимым Дерром, 6-я армия получила следующее количество грузов.

{31*}Видер и здесь отдает дань буржуазным фальсификаторам истории. Бои в Северной Африке отнюдь не были решающими.

{32*}По данным Дерра, немецкая авиация потеряла 488 самолетов и около 1000 человек летного состава, то есть понесла самые большие потери со времени воздушного наступления на Англию. (Г. Дерр, Поход на Сталинград, Воениздат, М., 1957, стр. 118) По данным командования Сталинградского фронта, только на его участке было сбито до 400 самолетов. (См. А. И Еременко, Сталинград, Воениздат, М, 1961, стр. 434.)

{33*}Расстояние между внешним и внутренним фронтами окружения в районе действий группы армий «Гот» составляло

90-95 километров. Непосредственное участие в деблокирующем ударе приняли 6, 23, 17-я танковые дивизии; 15-я авиаполевая; 4-я пехотная; 5 и 8-я кавалерийские; остатки 1, 2 и 18-й пехотных дивизий; дивизионная группа «Панвиц». В составе ударной группировки имелся отдельный танковый батальон, оснащенный новыми тяжелыми танками «тигр», которые были вооружены 88-мм пушками и имели мощную лобовую броню. (Архив МО СССР, ф. 220, оп. 451, д. 56, л. 278.)

{34*}В действительности к 23 ноября войска Гота прошли около 60 километров, приблизившись к окруженной группировке на расстояние 35-40 километров.

{35*}Факт снятия частей и соединений с внутреннего фронта кольца окружения правильно отмечен Видером. Однако дело здесь не в том, что Советское командование не принимало во внимание окруженных, а вынуждено было маневрировать силами и средствами, так как резервы – 2-я гвардейская армия – подошли позднее (17-19 ноября).

{36*}Здесь и ниже речь идет о совместных наступательных действиях Юго-Западного и Воронежского фронтов.

{37*}Основные силы Гота подверглись разгрому. Они понесли значительные потери. Уже к 23 декабря было уничтожено до 250 танков и до 60 процентов моторизованной пехоты (Архив МО СССР, ф. 303, оп. 5404, д 13, лл. 266-267), а затем за время с 24 по 31 декабря советские войска продвинулись на этом участке на 100-150 километров; в итоге расстояние, отделявшее окруженную группировку от внешнего кольца окружения, достигло 200-250 километров. На этом этапе враг потерял убитыми и пленными 16 тысяч солдат и офицеров. Советские войска захватили трофеи, среди которых было до 70 танков, 347 орудий и минометов, 20 самолетов и другое вооружение и имущество.

{38*}Здесь Видер передает содержание версии событий, измышленной Манштейном. Дело в том, что фактически приказ на операцию «Удар грома», то есть на выход окруженных, не был отдан Манштейном Паулюсу. Во второй части книги Видер более подробно и глубоко рассматривает данный вопрос.

{39*}В данном случае Видер искажает факты. Пропагандистско-агитационная работа в Красной Армии действительно воспитывала ненависть к врагу, но никогда не призывала к уничтожению и мести по отношению к военнопленным.

{40*}Блюхер Гебгард (1742-1819) – прусский генерал эпохи наполеоновских войн; 7 ноября 1806 года сдался Наполеону во главе 14-тысячной армии.

{41*}В действительности мороз достигал 22° по Цельсию.

{42*}К 10 января протяженность линии фронта окружения составляла 170 километров, а занимаемая противником площадь-1400 квадратных километров. К 18 января глубина района окружения с запада на восток сократилась на 33 километра, а в наиболее узком месте составляла всего 20 километров. Протяженность с севера на юг равнялась 30 километрам, площадь сократилась на 800 квадратных километров и составляла всего 600 квадратных километров.

{43*}В этот вопрос вносится ясность в предисловии маршала Советского Союза А. И Еременко.

{44*}Эти свидетельства очевидца – лучшее опровержение злонамеренной пропаганды, ведущейся в ФРГ по поводу того, что якобы основная масса солдат и офицеров группировки немцев на Волге погибла в советском плену.

{45*}Видер отдает дань порочной версии западногерманских фальсификаторов истории, будто вермахт терпел поражения из-за сложных естественно-географических и климатических условий театра военных действий на востоке.

{46*}Это свидетельство Видера опровергает распространяемое в ФРГ утверждение о том, что пропавшие без вести немецкие солдаты якобы погибли в советском плену.

{47*}Так в немецком тексте.

{48*}Это утверждение не соответствует действительности.

{49*}Как «обходили» немецкие штабы эти приказы, хорошо известно всему миру. Сотни тысяч мирных советских граждан были уничтожены на временно оккупированных территориях СССР не только эсэсовцами и зондеркомандами, а и обычными подразделениями вермахта с ведома тех самых штабов, которые автор пытается реабилитировать.

{50*}Здесь Видер оказывается в плену идеализированных представлений о прусской военщине, которая всегда отличалась оголтелой жестокостью по отношению к мирному населению. (См. Ф. Энгельс, Избранные военные произведения, Воениздат, М, 1957.)

{51*}Абвер – гитлеровская контрразведка.

{52*}Автор во второй части книги правильно оценивает меры советского командования, предпринятые для оказания помощи военнопленным (см. стр. 209).

{53}Erich v. Manstein, Verlorene Siege, Bonn, 1955, S. 321.

{54*}Ретроспективные советы Гитлеру, которые дает Манштейн и повторяет Видер, показывают лишний раз, что план летней кампании 1942 года был авантюристичен. Однако не только Гитлер, но и большинство высших генералов вермахта

утверждали, что силы Красной Армии к зиме 1942 года будут окончательно исчерпаны. Поэтому никто из них не ставил вопрос об отводе войск с Кавказа и Волги осенью 1942 года.

{55}Erich v. Manstein, Verlorene Siege, Bonn, 1955, S. 369-377.

{56}Erich v. Manstein, Verlorene Siege, Bonn, 1955, S. 335 ff.

{57}Erich v. Manstein, Verlorene Siege, Bonn, 1955, S. 367.

{58}Erich v. Manstein, Verlorene Siege, Bonn, 1955, S. 372.

{59*}План Манштейна не менее фантастичен, чем приведенный им выше план Гитлера. Если Готту с помощью трех танковых дивизий и поддерживавших их сил пехоты не удалось деблокировать окруженную в середине декабря группировку, то шансов на это в конце декабря вовсе не было.

{60}Erich v. Manstein, Verlorene Siege, Bonn, 1955, s. 380.

{61}Там же, стр. 343.

{62*}В 480 году до нашей эры в период греко-персидских войн греческий отряд под командованием царя Леонида оборонял Фермопильское ущелье. Отряд Леонида был обойден персами и пал на поле боя.

{63}Paulus, Ich siehe hier auf Befehl! Lebensweg des Ceneral-feldm arschall s Friedrich Paulus. Mit den Aufzeichnungen aus dem Nachla?, Briefen und Dokumenten herausgegeben von Walter Gor-litz, Frankflirt a. M., 1960.

{64}Erich v. Manstein, Verlorene Siege, Bonn, 1955, s. 395.

{65*}Лишь на отдельных критических этапах битвы Паулюс обращался непосредственно к Гитлеру. Подавляющее большинство приказов, направленных командующему 6-й армией, и его собственных донесений проходило через штаб группы армий «Дон».

{66}Erich v. Mansiein, Verlorene Siege, Bonn, 1955, s. 651. См. также Paulus, Jch stehe hier auf Befehl! s. 218.

{67}H ans Doerr, Der Feldzugnach Stalingracl, Versuch eines operativen Uberblickes, Darmstadt, 1955, s. 96.

{68}Paulus, Ich stohe hier auf Befehl! S. 202.

{69}Там же, стр. 256.

{70}Erich v. Manstein, Stalingrad war esso? Статья в еженедельнике «Welt am Sonntag», 24 апреля 1960 года (стр. 17).

{71}Gunter Toepke, Stalingrad – wie es wirklich war, Stade 1049, S. 81 f.

{72}Советский маршал Еременко, в то время командующий Сталинградским фронтом, подчеркивает, что на Манштейне лежала огромная ответственность, и указывает в этой связи на серьезные упущения последнего. Так, по его мнению, Манштейн, оттянув на десять дней начало наступления, упустил драгоценное время, а вместе с ним и весьма реальные шансы на успех.

Наступающей группе Гота вначале противостояла одна лишь советская 51-я армия, которая, обороняя участок фронта, растянутый на 100 километров, навряд ли выдержала бы натиск полнокровной 6-й танковой дивизии, если бы удар был нанесен своевременно. К тому же Советское командование вынуждено было существенно ослабить внутренний фронт окружения, чтобы отразить наступление деблокирующей группировки. (См. Еременко, Против фальсификации истории второй мировой войны, М, 1959, см. также «Revue d'Histoire de la Deuxieme Guerre Mondiale», 11, № 44, 1861, P. 82.)

{73*}Принимая на веру сетования Манштейна на малочисленность войск, предназначенных для деблокирующей группировки, Видер преуменьшил силы Гота, об их составе смотрите примечание на стр. 70. Впрочем, Видер это и сам дальше признает.

{74*}По-иному оценивал Манштейн свои возможности в то время, когда ему предстояло действовать. В телеграмме Антонеску он просил помочь ему, чтобы «обратить кризис, который в настоящее время имеет место, в победу». Далее Манштейн высокомерно подчеркивал: «Я думаю, что моя личность послужит вам гарантией успеха и что славу этого успеха вместе с немецкими частями разделят и румынские войска». (История Великой Отечественной войны», Воениздат, М., 1961, т. III, стр. 44.)

{75}Frido v. Senger und Etterlin, Krieg in Europa, Koln und Berlin, I960, S. 74.

{76}Horst Scheibert, Nach Stalingrad – 48 Kilometer. Der Entsatzvorsto? der 6. Panzer-Division, Dezember 1942, Heidelberg 1956 (Die Wehrmacht im Kampf, Bd. 10).

{77} Frido v. Senger und Etterlin, Krieg in Europa, Koln und Berlin, 1960, S. 87,91. Генерал фон Меллентин в своей книге подтверждает, что начальник генштаба сухопутных сил Цейцлер с самого начала скептически относился к деблокирующей операции, которая, по его мнению, почти не имела шансов на успех (см. Mellenthin, Panzer Battles, London, 1955, S. 166). Позднее сам Цейцлер так писал о провале деблокирующей операции: «Сил оказалось явно недостаточно. Само по себе наступление выдохлось, а питать его из глубины оперативного пространства было больше нечем. Пришлось поставить на этом крест». (Kurt Zeitzier, Das Ringen um militarische Entscheidungen im zweiten Weltkrieg – статья в журнале «WehrwissenschafWiche Rundschau». № l, 1951, Heft 8, S. 27.)

{78}Erich v. Manstein, Verlorene Siege, S. 654.

{79*}Видер излишне доверчив к послевоенным писаниям

генерала Цейцлера. Фактически нет документальных или надежных свидетельских показаний о столь благородной позиции начальника штаба сухопутных сил вермахта.

{80*}Ошибка Видера. В действительности окружение завершилось 23 ноября.

{81}Kunrat v. Hammerstein, Manstein, статья в журнале «Frankfurter Hefte», 11,1956, S. 453.

{82}«Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 227.

{83}Heinz Sehroter, Stalingrad «… bis zur letzten Patrone», Lengerich o. J., S. 185 f.

{84}См. Stalingrad, Die ersten authentischen Berichte der russischen Generale… Zurich 1945. См. также известную советскую монографию А. М. Самсонова «Сталинградская битва», М., 1960 (стр. 546 и сл.), и работу Тельпуховского Великая победа Советской Армии под Сталинградом», М., 1953, стр. 109.

{85}Erich v. Manstein, Verlorene Siege, S. 650. Цитируя упомянутое письмо, Вальтер Герлиц попросту опустил эту фразу. (См. Paulus, Ich stehe hier auf Belehl! S. 222.)

{86*}О численности окруженной группировки смотрите примечания 29-30.

{87}Gunter Toepke, Stalingrad – wie es wirklich war, Stadc, 1949, S. 42,52.

{88}Hans – Do11efIIerhudt v. Rohden, Die Luftwaffe ringt um Stalingrad, Wiesbaden, 1950, S. 35.

{89*}В данном случае Видер дает себя обмануть Манштейну. Каких-либо блестящих побед фельдмаршал весной 1943 года не одержал. В действительности в связи с тем, что Воронежский и Юго-Западный фронты продвинулись слишком далеко, не имея достаточных резервов для закрепления успеха, гитлеровцам удалось потеснить их с помощью частных контрударов.

{90}Последствия поражения немцев под Сталинградом сказались повсеместно: нейтральные страны – Турция, Испания, Швеция и Португалия – отступились от Гитлера, боевой дух союзников Германии окончательно испарился, партизанское движение в оккупированных странах обрело новые силы, фронда в вермахте, как и все движение Сопротивления в самой Германии, усилились и окрепли. Мюнхенский профессор Хубер в своей последней листовке (она-то и привела на эшафот самого профессора и его учеников – Ганса Шолль, его сестру Софи и их друзей) призывал немецких студентов к освободительной борьбе, заклиная их памятью погибших под Сталинградом. Листовка эта начиналась следующими словами: «Весь народ потрясен гибелью наших солдат под Сталинградом. „Гениальная стратегия“ бывшего кайзеровского ефрейтора привела к бессмысленной,

ничем не оправданной гибели трехсот тридцати тысяч немецких солдат. Спасибо тебе, фюрер!» Этот манифест «Белой розы» – мюнхенской группы Сопротивления – обращался к студенческой молодежи с пламенным призывом «к искуплению и отмщению, которые явились бы нашим вкладом в духовное возрождение Европы» (цитируется по Якобсену, ibidem, стр. 619 и сл.).

{91}Историки в СССР и других странах Восточной Европы и советские генералы выступили против определенных попыток западной историографии отрицать или, во всяком случае, преуменьшать решающее значение Сталинградской битвы.

{92*}Имеется в виду генеральский заговор, который ставил своей целью устранить Гитлера, заключить сепаратный мир с западными союзниками и продолжить войну против СССР.

{93}Hans Bernd Gisevius, Bis zum bitleren Ende, Zurich, 1946, Bd. 2, S. 272,

{94}Hans Dibold, Arzt in Stalingrag, Passion einer Gefangenschaft. Salzburg, 1949, S 17 f.

{95}Erich v. Manstein, Verlorene Siege, S. 390 f.

{96}Gunter Toepke, Stalingrad – wie es wirklich war, Stade, 1949, S. 131 l

{97}Hans Doorr, War Slalingrad ein Opfergang? в: Die politische Meinung, Monatshefte fur Fragen der Zeit, 1958, S. 89. (Текст приветственной речи генерал-майора Дерра, произнесенной в Нюрнберге 4 октября 1958 года на первом федеральном слете участников Сталинградской битвы.)

{98}Эпизод, рассказанный маршалом Чуйковым, бывшим командующим легендарной советской 62-й армией, оборонявшей Сталинград и прилегающий к городу участок фронта вдоль берега Волги, свидетельствует о том, как низко оценивали русские в тот момент боеспособность обреченных немецких соединений в «котле». Перед началом завершающей операции по уничтожению окруженной группировки ответственный за ее проведение командующий Донским фронтом генерал Рокоссовский специально заехал в штаб Чуйкова, чтобы уточнить на месте, окажется ли 62-я армия в состоянии отразить натиск противника, если окруженные предпримут отчаянную попытку прорваться через скованную льдом Волгу. Чуйков успокоил командующего фронтом, сказав, что немцы теперь «затравленные зайцы», а армия Паулюса уже не армия, а «окруженный лагерь военнопленных». (См. В И. Чуйков, Начало пути, М., 1959, стр. 286)

{99}Erich v. Manstein, Verlorene Siege, S. 391

{100}Helmut Go11witzer: «… und fuhren wohin du nicht willst». Bericht einer Gefangenschaft, Munchen, 1951, S. 110 f.

{101}Herbert Solle, Die Tragodie von Stalingrad, Der Untergang der 6. Armee, 3 verb., Auflage, Hannover, 1948, S. 6.

{102}Erich v. Manstein, Verlorene Siege, S. 384 f.

{103*}В соответствии с буржуазной версией о движении Сопротивления в Германии И. Видер пытается выдать за «движение Сопротивления» робкие и непоследовательные действия отдельных буржуазных группок, и в частности генеральский заговор против Гитлера 20 июля 1944 года. Среди участников заговора лишь такие одиночки, как полковник граф фон Штауффенберг, который, хотя и весьма туманно представлял себе, какой должна быть будущая демократическая Германия, все же искренне стремились избавить Германию от гитлеризма и пытались сблизиться с коммунистами-подпольщиками. Что же касается буржуазных «сопротивленцев», в частности «идейного вождя» участников заговора 20 июля Герделера, то они своей целью ставили внести раскол в антигитлеровскую коалицию и ослабить тем самым ее наступательную силу.

{104*}Герхард Иоган Шарнгорст (1755-1813) – прусский генерал, один из инициаторов военных реформ в Пруссии посла разгрома ее армии Наполеоном под Иеной и Ауэрштедтом в 1806 году, основатель военной академии в Берлине, автор ряда трудов по военно-теоретическим вопросам.

{105}Friedrich Meinecke, Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen, Wiesbaden, 1946, S. 146.

{106}Hans Bernd Gisevius, Bis zum bitteren Ende, Zurich 1946, Bd. 2, S. 271. См. также Gerhard Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, Stuttgart, 1955, S. 343. f., 523.

{107} Kunrat v. Hammerstein, Manstein, в журнале «Frankfurter Hefte» 11, 1956, S. 453.

{108}Hans Bernd Gisevius, Bis zum bitteren Ende, Zurich 1946, Bd. 2, S. 267 f. См. также Ulrich v. Hasse11, Vom andern Deutschland. Aus den nachgelassenen Tagebuchern 1938-1944. Zurich und Freiburg, 1946, S. 291; Gerhard Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, Stuttgart, 1955, S. 343.

{109}Л11 a n W. Dalles, Verschworung in Deutschland, Kassel, 1949, S. 94.

{110}Hans Bernd Gisevius, Bis zum bitteren Ende, Zurich, 1946, Bd. 2, S. 271.

{111}R. T. Paget, Manstein. Seine Feldzuge und sein Proze?, Wiesbaden, 1952, S. 69.

{112}Wolfgang Forster, Ein General kampft gegen den Krieg. Aus nachgelassenen Papieren des Generalslabschefs Ludwig Beck, Munchen, 1949, S. 113 f.

{113}Erich v. Manstein, Verlorene Siege. S. G03.

{114}Имеется в виду приказ от 20 ноября 1941 года, который Манштейн подписал, будучи командующим 11-й армией в Крыму. В одном из пунктов этого приказа говорилось: «Еврейско-большевистский строй надо искоренить раз и навсегда, покончив таким образом с его попытками пустить корни в нашем европейском жизненном пространстве…» См. Verhandlungen des Internationalen Militargerichtshofe?, Nurnberg, 1948. Bd. XX, S. 697 f.

{115}Bodo Scheurig, Befehl und Gewissen. Die Memoiren des Feldmarschalls von Manstein (статья в журнале «Geist und Tat. Monatsschrift fur Recht, Freiheit und Kultur», № 15, 1960, S. 148).

{116}Hans Doerr, War Stalingrad ein Opfergang? S. 89. См. его же «Der Feldzug nach Stalingrad. Versuch eines operativen Uberblicks». Darmstadt, 1955, S. 119.

{117}Burghard Freudenfeld в газете «Suddeutsche Zeitung», № 179, 30/31 7.1955.

{118}Wolfgang Forster, Ein General kampft gegen den Krieg. Aus nachgelassenen Papieren des Ceneralstabscliefs Ludwig Beck, Munchen, 1949, S. 103.

{119}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! Lebensweg des Generalfeldmarschalls Friedrich Paulus. Mit den Aufzeichnungen aus dem Nachla?, Briefen und Dokumenten herausgegeben von Walter Gor-litz. Frankfurt a. M., 1960. Из откликов на эту книгу особенного внимания заслуживают следующие: рецензия в журнале «Allgemeine Schweizerische Militarzeitschrift», 1960. Heft 8; рецензия в журнале «Wehrkunde», № 9, 1960, Hefte 7 und 9; Paul Mahlmann, Gehorsam als Alibi, в газете «Stuttgarter Zeitung», № 120, 25.5. 1960; статья того же автора в журнале «Evangelischer Literaturbeobachter», 1960, Heft 6; Herbert G. Marzian, Der Schwarze Peter von Stalmgrad, статья в газете «Die Welt» от 22.10. 1960; статья Bodo Scheurig, Die Stalingrad – Legende в журнале «Der Monat» №12,1960, Heft 144; Christian Schutz, Stalingrad und das Nachspiel – статья в журнале «Zeitwende», 1961, Heft 3; Adelbert Weinstein – статья в журнале «Frankfurter Allgemeine Zeitung» от 18.11.1960; Albert Wucher – статья в газете «Deutsche Zeitung» в номере за 21/22. 5.1960.

{120}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 207.

{121}Статья Фридриха Вильгельма Хаука (Friedrich Wilhelm Hauck) в журнале «Wehrwissenschaftliche Rundschau», № 10, 1960, стр. 571-573, а также рецензия Дерра (Hans Doerr) в журнале «Wehrkunde», № 9, 1960, Heft 7. Дерр пишет о «многочисленных неясностях, заблуждениях, ошибках и недоказанных утверждениях» в работе Герлица, а также о его субъективных, предвзятых оценках, продиктованных личной неприязнью».

Ошибочное, на наш взгляд, мнение Дерра о том, что «человек, не имеющий академического военного образования и не занимавший высшие командные должности, во время войны не в состоянии судить о крупных боевых операциях», и что, следовательно, военная история является доменом одних лишь генералов, участвовавших в сражениях, вызвало целый ряд обоснованных возражений. См., в частности, статью Эрнста Германа и графа фон Брокдорфа-Алефельдта (Ernst Hermann und Graf von Brock dorff-Ahle-feldt) в журнале «Wehrkunde» № 9, 1960, Heft 9, а также стр. 489.

{122}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 212; примечание 2. См. также Walter Gorlitz, Die Schlacht um Stalingrad 1942– 1943, в сборнике Entscheidungsschlachten des zweiten Weltkrieges. Im Auftrag des Arbeitskreises fur Wehrforschung, Stuttgart, herausgegeben von Hans-Adolf Jacobsen und Jurgen Rohver. Frankfurt a. M., 1960, S. 299. Anmerkung 35.

{123}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 91, 205.

{124*}Имеется в виду генеральский заговор против Гитлера в июле 1944 года.

{125}Herbert Seile, Die Tragodie von Stalingrad. Der Untergang der 6, Armee, S. 11; Ulrich von Hassell, Vom andern Deutschland. Aus den nachgelassenen Tagebuchern, 1938-1944, S. 291.

{126*}Прусский генерал Йорк фон Вартенбург в 1812 году подписал в Таураггене (Таураге, Литовская ССР) с русским генералом Дибичем конвенцию, по которой прусский вспомогательный корпус, входивший в наполеоновскую армию, объявлялся нейтральным.

{127}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 80 f. В заключительной части своих «Принципиальных замечаний» покойный фельдмаршал писал: «Я никогда не решился бы способствовать поражению Германии с целью ускорить свержение Гитлера и крушение национал-социалистского режима и тем самым ликвидировать основное препятствие на пути к быстрейшему окончанию войны. Подобные радикальные идеи просто не приходили мне в голову. Как мне известно, об этом также не помышлял ни один из моих подчиненных. Я не допускал тогда такой мысли, да к тому же подобный образ действий был бы глубоко чужд моему характеру и взглядам. Напротив, будучи солдатом, я твердо верил тогда, что, повинуясь, служу своему народу» (стр. 263). Профессор Герхард Риттер (там же, стр. 523) считает недоказанным утверждение Уиллер-Беннета, по данным которого генерал Бек передал с одним из вылетавших в «котел» пилотов личное письмо Паулюсу. (См. Wheeler-Bennett, Die Nemesis der Macht, Dusseldorf, 1954, S. 556.)

{128}Paulus, Ich stehe hier auf Refehl! S. 34. Вначале Паулюс действительно весьма оптимистически расценивал немецкие перспективы в планируемой войне против России. Однако он так же, как и его непосредственный начальник Гальдер, изменил свое мнение на этот счет уже в ходе летней кампании 1941 года. Это видно хотя бы из его беседы с генералом Кирхеймом, состоявшейся 6 июля 1941 года. Обсуждая с ним вопросы снабжения немецких войск, Паулюс говорил и о боевой технике противника (там же, стр. 49).

{129}«Allgemeine Schweizerische Militarzeitschrift», 1960, Heft 8.

{130}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 64.

{131}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 53.

{132}Там же, стр. 150 и 218.

{133}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 48.

{134}Там же, стр. 55.

{135}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 59. Упомянутый выше генерал фон Хаммерштейн писал по этому поводу: «В генштабе Паулюс был на своем месте, но в командующие не годился. Все знали, что решительности ему не хватало. Нельзя было давать ему армию. Под Сталинградом Паулюсу следовало бы сразу идти на прорыв, не испрашивая разрешения, хотя вполне возможно, что Гитлер потом отдал бы его за это под суд». (Kunrat von Hammerstein. Ibidem, S. 425.)

{136}Haus Doerr, War Stalingrad ein Opfergang? S. 75.

{137}См. высказывания генерала фон Зейдлица в главе о его роли в битве на Волге.

{138}Текст радиограммы в адрес Гитлера взят из книги Г. А. Якобсена «1939/45, Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten», Darmstadt, 5 Aufl., 1961, S. 357. Странно, что в приводимом Якобсеном тексте не фигурирует генерал фон Зейдлиц. Здесь, по-видимому, при снятии копии с приложения к журналу боевых действий 6-й армии вкралась ошибка. Паулюс в своих записках (стр. 210) специально подчеркивает, что в его радиограмме были упомянуты все командиры корпусов. Поэтому автором настоящей книги была добавлена и фамилия Зейдлица.

{139}В этом донесении командование группы армий еще раз подытоживало свою оценку обстановки, чему предшествовал непрерывный обмен мнений с начальником генерального штаба сухопутных сил. Цейцлер и барон фон Вейхс полностью придерживались одного и того же мнения. Текст телеграммы от 23. И 1942 в книге Дерра, стр. 72.

{140*}Paul Mahlmann, Gehorsam als Alibi, в газете «Stuttgarter Zeitung», № 120 от 25.5.1960.

{141}Записки начальника штаба 6-й армии генерала Шмидта. Цитируется по Герлицу «Die Schlacht urn Stalingrad» в книге «Entscheidungsschlachten», S. 304

{142}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 161.

{143}v. Seydlitz, Die Beurteilung der Lage der 6. Armee im Kessel von Stalingrad am 25.11.1942.

{144}E. Rohricht, Probleme der Kesselschlacht, dargestellt an Einkreisungsoperationen im Zweiten Weltkrieg, Karlsruhe, 1958, S. 100.

{145}Глава о роли Зейдлица в битве на Волге.

{146}Газета «Welt am Sonntag», № 17 от 24.4.1960, стр. 17.

{147}По личному рассказу Эрнста-Александра Паулюса.

{148}Erich v. Manstein, Stalingrad – war es so? в газете «Welt am Sonntag», № 17, 2/i. 4.1960, S. 17.

{149}Erich v. Manstein, Verlorene Siege, S. 370,

{150}Там же, стр. 372.

{151}Тельпуховский пишет: «Как только стало известно о том, что противник из района Котельниково начал контрудар с целью оказания помощи окруженной группировке, Советское командование, сковывая активными действиями окруженные 22 дивизии, скрытно от противника направило часть своих сил против наступавшей с юга группировки гитлеровских войск. (В. С. Тельпуховский, Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 гг., М., Госполитиздат, 1959.)

{152*}Легенда об «ударе кинжалом в спину» («Дольхштосслегенде») была создана германским генералитетом и всей немецкой реакцией после первой мировой войны. Немецкая реакция утверждала, что Ноябрьская революция в Германии явилась «ударом в спину» германской армии и потому, дескать, Германия потерпела поражение.

{153}Helmuth Greiner, Die Oberste Wehrmachtfuhrung 1939–1943, Wiesbaden, 1951, S. 433.

{154}Helmuth Greiner, Die Oberste Wehrmachtfuhrung 1939–1943, Wiesbaden, 1951, S. 435.

{155}Описание капитуляции и пленения штаба армии взято из книг: А. М. Самсонов, Сталинградская битва, М., 1960, стр. 543 и далее, Маршал А. И. Еременко, Сталинград. Записки командующего фронтом, М., 1981, стр. 437 и далее. Личное сообщение М. С. Шумилова, бывшего командующего 64-й армией.

{156}Журнал «Die Well als Geschichte». № 10 за 1950 год, стр. 279 и ел. Далее: «Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militarischen Konferenzen 1942-1945». Herausgegeben v. Helmut Hieber. (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Bd. 10), Stuttgart, 1962. Гитлер тогда, в частности, заявил: «Они там

капитулировали абсолютно по всей форме. Ибо в противном случае люди сбиваются в тесную кучку, отстреливаясь во все стороны, и последнюю пулю пускают в себя… [у нас] развелось слишком много интеллекта и слишком мало твердости характера… В этой войне никто больше не станет фельдмаршалом. Все это никуда не уйдет до окончания войны. Цыплят по осени считают…» В своем длинном монологе он выразил также опасение, что пленные генералы будут доставлены в Москву. До этого он в разговоре с итальянским послом сравнивал 6-ю армию с 300 греками, оборонявшими Фермопильское ущелье. «Немецкие солдаты на Волге, – говорил он, – продемонстрируют перед миром подлинный дух национал-социалистской Германии и свою верность фюреру». (См Alan Bullock, Hitler. Eine Studie uber Tyrannei. Dusseldorf, 1953, S. 692.)

{157}См. упомянутую выше книгу Уилера Беннета, стр. 557, где говорится: «Даст ли Паулюс долгожданный сигнал? Он направил фюреру ряд верноподданнических телеграмм, которые старательно доводились до сведения заговорщиков начальником службы связи главной ставки фюрера генералом Фелльгибелем, также являвшимся участником заговора. Затем Паулюсом было издано несколько приказов, которые требовали от солдат и офицеров сражаться до последнего патрона. Мог ли, спрашивали себя заговорщики, поступать так человек, который собирается дать сигнал к восстанию, что, быть может, явится последним в его жизни действием?»

{158}Gorlitz, Die Schlacht um Slalingrad, в сборнике «Entscheidungsschlachten», S. 309.

{159}Karl Jaspers, Die Atombombe und die Zukunft des Menschen, Munchen, 1958, S. 84.

{160}См. Karlheinrich Rieker, Ein Mann verliert einen Weltkrieg. Die entscheidenden Monate des deutsch-russischen Krieges 1942/43, Frankfurt a. M., 1955, стр. 169 и далее. Кроме того, v. Senger und E11erlin, Krieg in Europa, S. 93. Waldemar Erfurth, Die Geschichte des deutschen Generalstabes von 1918 bis 1945, Gottingen, 1960, S. 302. Ульрих фон Хассель после сталинградской катастрофы записал в своем дневнике: «На переднем плане вырисовывается военная бездарность „гениальнейшего полководца всех времен“, то бишь одержимого манией величия ефрейтора, которая до сих пор пряталась за отдельными проблесками интуиции, удачей при игре „ва-банк“, неспособностью противников к настоящему сопротивлению, а также стечением случайностей. Отсюда особенно ясно, что драгоценная кровь была пролита во имя безумных или преступных соображений престижа».

{161}Kurt Zeitzier, Stalingrad, в сборнике «The fatal decisiens»,

New York, 1956, S. 175, 182, 188.

{162}«Allgemeine Schweizerische Militarzeitschrift», № 8 за I960 год.

{163}В заключительной части ретроспективных и обобщающих рассуждений Паулюса о Сталинградской битве говорится: «Перед частями и офицерами 6-й армии, а также перед немецким народом я несу ответственность за то, что я до самого наступления катастрофы выполнял приказы верховного главнокомандования – сопротивляться до последнего солдата».

{164}Из неопубликованных записок фельдмаршала Паулюса. Дается на основании личного сообщения Эрнста-Александра Паулюса.

{165}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 219.

{166}Kurt Zeitzier, Stalingrad, в: The fatal decisions, New York, 1956, S. 136; Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 76, 219; см, далее «Generalfeldmarschall Keitel. Verbrecher oder Offizier», Erinnerungen, Briefe, Dokumente des Chefs OKW, herausg v. Walter Gorlitz, Gottingen, 1961, S. 308. Из воспоминаний Кейтеля следует, что Гитлер был твердо намерен после завершения битвы за Сталинград заменить начальника главного штаба вермахта Йодля Паулюсом.

{167}Bodo Scheurig, Freies Deutschland. Das Nationalkomitee und der Bund Deutscher Offiziere in der Sowjetunion 1943-1915, Munchen, 1960.

{168*}Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ) был основан после поражения гитлеровской Германии на Волге 12-13 июля 1943 года в Красногорске под Москвой по инициативе Центрального комитета Коммунистической партии Германии. НКСГ объединял для совместной борьбы за спасение немецкой нации представителей самых различных классов и слоев, людей разных политических взглядов и разного мировоззрения. В нем для борьбы за лучшее будущее Германии объединились бывшие рабочие и инженеры, крестьяне и писатели, солдаты, унтер-офицеры и генералы, служащие и политические деятели, профсоюзные функционеры и служители церкви. По существу НКСГ был немецкой антигитлеровской коалицией и олицетворял другую, подлинную Германию. Его деятельность была убедительным доказательством того, что нельзя ставить знак равенства между фашизмом и немецким народом. Советский Союз, всегда руководствовавшийся идеей дружбы со всеми народами, в том числе и с немецким народом, и не ставивший на одну доску фашизм и немецкий народ, поддерживал деятельность НКСГ.

{169}Waltlier von Seydlitz, Die Befreiung des Kessels von

Demjansk. Неопубликованный манускрипт.

{170}Записки В. фон Зейдлица.

{171}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 216.

{172}Записки В. фон Зейдлица. Об этих кровопролитных боях красочно повествуют истории двух дивизий: Rolf Gram s, Die 14. Panzer-Division… Bad Nauheim, 1957. S. 54f.u. 61f., sowie Wolfgang Werthen, Geschichte der 16. Panzer-Division… Bad Nauheim, 1958, S. 113f.

{173}Gunter Toepke, Stalingrad – wie es wirklich war, Stade, 1949, S. 45f. В главе «Зейдлиц действует на свой страх и риск» Тепке дал драматизированное толкование событий и превратно изобразил роль генерала фон Зейдлица. Также и хронологические взаимосвязи в его изложении большей частью представлены неправильно.

{174}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 203. Зейдлиц не припоминает этого донесения, аргументация которого принадлежит не ему. Он, однако, не исключает, что Клаузиус, находившийся в натянутых отношениях с начальником штаба армии, мог действительно использовать эту мотивировку.

{175}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 219.

{176}Hans Doerr, War Stalingrad ein Opfergang? в: Die poli-tibhe Meinung. Monatshefte fur Fragen der Zeit, 1958, S. 74. Неправильное изображение событий Дерром основывается на ненадежной информации Гейнца Шретера (стр. 92 и ел.), повторяя выдуманную им версию об оперативном совещании командиров корпусов у Паулюса.

{177}Письма генерала Дерра Зейдлицу от 2.11 и 29.11. 1956 года.

{178}«Entscheidungsschlachten», стр. 301, см. также Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 219. Зейдлиц заявил, что он – вопреки утверждению В. Герлица – никогда лично не получал от Паулюса нравоучений «по поводу неправильности своих действий».

{179}Записки В. фон Зейдлица.

{180}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 219. См. в этой связи также работу Эриха Манштейна. Манштейн опротестовал это решение перед главным командованием вермахта, прося об отмене приказа, поскольку он выражал необоснованное недоверие по отношению к командующему армией. Практически он своей властью лишил его силы, издав нечто вроде встречной директивы, устанавливавшей, что по отношению к нему Паулюс несет всю полноту ответственности. (Paulus, S. 13.)

{181}Adolf Heusinger. Befehl im Widerstreit, Schicksalsstun-den der deutschen Armee 1943-1945, Tubingen u. Stuttgart, 1950, S. 220.

{182}Записки В. фон Зейдлица.

{183}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 212.

{184}Записки В. фон Зейдлица.

{185}Записки В. фон Зейдлица. W. v. Seydlitz, Die Beurteilung der Lage der 6. Armee im Kessel von Stalingrad am 25.11.1942. Документ содержится в копии в первом томе приложений к хранящемуся в Вашингтоне журналу боевых действий группы армий «Дон», – отдел 1а. Автор настоящей книги пользовался одной из копий, снятых д-ром Фридрихом-Христианом Шталь в 1954 году.

{186}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 211.

{187}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 211, 247.

{188}«Entscheidungsschlachten», стр. 297.

{189}Записки В. фон Зейдлица.

{190*}Генерал В. И. Чуйков, ныне Маршал Советского Союза, командовал героической 62-й армией, которая проявила безграничную отвагу в боях за волжскую твердыню и нанесла смертельные удары гитлеровским захватчикам.

{191}Записки В. фон Зейдлица.

{192}Записки В. фон Зейдлица. Дерр резко критиковал донесение командования 6-й армии с оценкой обстановки после за вершившегося окружения, направленное по радио в штаб группы армий 22.11.1942 года, поскольку в нем в этот столь критический момент не подчеркивалось со всей решительностью, что окруженная армия может освободиться только в результате прорыва в юго-западном направлении. «Эта мысль, выраженная в слабой гипотетической форме, затерялась посреди многочисленных деталей мало выразительного донесения и была оттеснена на задний план четко сформулированным намерением удерживать пространство между Сталинградом и Доном», (Hanz Doerr, War Stalingrad ein Opfergang? S. 70.)

{193}Там же.

{194}Heinz Schroter, Stalingrad… bis zur letzten Patrone, Lengerich o. J., S. 191.

{195}Herhudt v. Rohden, Die Luftwaffe ringt um Stalingrad, Wiesbaden, 1950, S. 2l.

{196}Erich v Manstein, Verlorene Siege, S. 346.

{197}Там же, стр. 364.

{198}Gunter Toepke, Stalingrad – wie es wirklich war, Stade, 1949, S. 77.

{199}Gunter Toepke, Stalingrad – wie es wirklich war, Stade, 1949, S. 59 f.

{200}Там же, стр. 59 и дальше.

{201}Записки В. фон Зейдлица.

{202}Gunter Toepke, Stalingrad – wie es wirklich war, Stade.,

1949, S. 78.

{203*}Речь идет о предательских бандах усташей, сформированных врагом югославских народов Анте Павеличем.

{204}Записки В. фон Зейдлица, см также Paulus, Ich sleho hier auf Befehl! S. 242.

{205}Курт Типпельскирх, «История второй мировой войны», ИЛ, М., 1956, стр. 262.

{206}Записки В. фон Зейдлица.

{207}Там же. Записки В. фон Зейдлица. На упоминаемые Манштейном 90 крупных соединений противника, которые якобы до самых последних дней битвы сковывались 6-й армией, любят ссылаться те, кто хотел бы показать, какой большой смысл имело упорное сопротивление 6-й армии Герлиц говорит о том, что временами было сковано 143, а в самые последние дни о г 50 до 60 таких советских «крупных соединений». (См. Entscheidungsschlachten», S. 309.) Однако эти войсковые соединения нельзя рассматривать как одинаково значащие на обеих сторонах факторы. Численность советских войсковых формирований составляла, как правило, лишь около одной трети соответствующих по названию немецких. Обстоятельные сведения о структуре и численности сражавшихся под Сталинградом соединений содержатся в книге А. М. Самсонова «Сталинградская битва», М., 1960. См. в этой связи также корреспонденцию Германа Перцгена о Сталинградских воспоминаниях советского маршала Еременко (газета «Франкфур-тер альгемейне цейтунг» от 15.10.1961 года).

{208}Записки В. фон Зейдлица.

{209}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 244 f. Содержание радиограммы воспроизводится Паулюсом по памяти.

{210}Herbert Seile, Die Tragodie von Stalingrad. Der Untergang dor 6. Armee, 3. verb. Aufl., Hannover, 1948, S. 11.

{211}Herhurdt v. Rohden, Die Luftwaffe ringt um Stalingrad, Wiesbaden, 1950, S. 88 f. См. также Paulus Ich stehe hier auf Befehl! S. 245 f.

{212}Записки В. фон Зейдлица.

{213}Herbert Seile, Die Tragodie von Stalingrad. Der Untergang der 6. Armee, 3. verb. Aufl, Hannover, 1918, S. 12.

{214}Записки В. фон Зейдлица.

{215}Там же.

{216}Hellmut Schlotner, Das Ende des XIV. Panzerkorps in Slalingrad, (До сих пор не публиковавшееся изложение по воспоминаниям генерала.)

{217}Записки В. фон Зейдлица.

{218}Записки В. фон Зейдлица.

{219}Записки В. фон Зейдлица. Бедствия последней недели в «котле» и всеобщую дезорганизацию командования красочно рисует в своих воспоминаниях генерал-лейтенант Ганс-Георг Лейзер, бывший командир 29-й моторизованной пехотной дивизии, в книге: Joachim Lemelsen, 29. Division… Bad Nauheim, I960, S. 204-206

{220}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 91, 244.

{221}Hellmut Schlomer, Das Ende des XIV. Panzerkorps in Stalingrad, S. 319.

{222}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 91. Кроме того, Gor-1 i t z, Stalingrad, в сборнике «Entscheidungsschlachten, S. 310.

{223}Paulus, Ich stehe hier auf Befehl! S. 247 f. Паулюс упоминает здесь еще трех генералов, выступавших за капитуляцию: генералов Пфеффера, командира IV армейского корпуса; Шлемера, командира XIV танкового корпуса, и фон Даниельса, командира 376-й пехотной дивизии.

{224}Свидетельское показание Паулюса 12.2.1946 года в Нюрнберге.

{225}Записки В. фон Зейдлица.

{226}Записки В. фон Зейдлица.

{227*}Написано в 1962 году.

{228}Дерр, Поход на Сталинград, М., Воениздат, 1957, стр. 13.

{229}Цитируется по статье Мартина Латтмана «Stdlingrad onne Luge». Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere,? l за 1960 год, стр. 10 и сл.

{230*}И. Видер говорит о Западной Германии.

{231}Hans Rothfels, Zeitgeschichtliche Betrachtungen, Gottingen, 1959, S. 16.

{232}Theodor Litt, Wege und Irrwege geschichtlicheu Denkens, Munchen, 1948, S. 140 f.

{233}Цитируется по статье Ганса Херцфельда «Das Problem des deutschen Heeres 1919-1945» в журнале «Geschichte und Politik». «Eine Wissenschaftliche Schriftenreihe» № б за 1952 год, стр 10.

{234}Hans Doerr, War Stalingrad ein Opfergang? в: Die politischemeinung. Monatshefte fur Fragen der Zeit, 1958, S. 88 l

{235}Gerhard Mobus, Realitat oder Illusion Zum Problem der unbewa'ltigten Vergangenheit Osnabruck, 1961, S. 7 f.

{236}Ludwig Beck, Studien, Stuttgart, 1955.